

Проверено 1961 г.

С. И. СОЛНЦЕВ

VIII

С 601

1986

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

КАК ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

С ТАБЛИЦАМИ И ДИАГРАММАМИ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

III
С 601

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА
КАК ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

СПбГУ

Гиз. № 7831.

Главлит. № 34911.

Напеч. 7.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание книги было выпущено в очень ограниченном количестве экземпляров (600), и поэтому книга не могла быть доступна широким кругам, интересующимся проблемой заработной платы. Между тем, в книге идет речь о вопросе, который может иметь широкий интерес, — о заработной плате, как доле рабочих в общественном доходе. Эта последняя проблема составляет распределительную сторону в общей проблеме заработной платы, имея дело не с высотой заработной платы на голову рабочего, а с отношением всей массы заработных плат ко всему общественному доходу. Уже тогда, когда писалась книга, для автора не было сомнения в том, что распределительная проблема заработной платы, или учение о доле рабочих в общественном доходе, не исчерпывает собою теоретического учения о заработной плате в целом, являясь лишь частью проблемы. Не было также сомнения и в том, что существенной и важнейшей частью проблемы заработной платы служит учение о ценности (стоимости) и цене рабочей силы, как товара, выносимого на рынок, т. е. производственная и производственно-меновая проблема заработной платы. Но как и раньше, так и в настоящий момент автор убежден, что без выяснения вопроса о движении, с развитием капитализма, заработной платы как доли рабочих, проблема заработной платы не раскрывается до конца, не достигает необходимой полноты. Как прежде, так и теперь автор убежден, что выяснение распределительной стороны в заработной плате дает важнейший материал для характеристики и понимания основных линий в социальной борьбе, происходящей между трудом и капиталом в капиталистическом обществе.

В целях большего сосредоточения внимания читателя исключительно на затрагиваемом вопросе, в настоящем издании выпущены некоторые главы (гл. IV и V), в которых идет речь о принципах раздела общественного дохода и даются детали учения австрийской (психологической) школы по вопросам распределения (так наз. теория вменения).

Данные, относящиеся к учету национального дохода и его трудовой и нетрудовой долей в различных странах, в настоящее время могли бы быть значительно пополнены. Но в книге они имеют значение не больше лишь, как иллюстраций. Важнее вопрос о методах учета этих долей и вообще определения кривой распределения. В отношении же этого вопроса в литературе последнего времени, насколько известно автору, не было дано ничего такого, что поколебало бы автора книги в его прежних взглядах. Вообще проблеме метода определения долей и установления кривой распределения автор придает большое значение, между тем, с момента выхода первого издания, как раз именно эта часть книги привлекла к себе меньше всего внимания. Об этом автору приходится только сожалеть.

Данные американских цензов в настоящем издании несколько пополнены новейшими итогами.

Май 1925 г.

АВТОР

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Первоначальной задачей настоящей работы была идея — свести в нечто целое (и по возможности стройное) учение о заработной плате, развитое теоретическими представителями социализма, и выяснить на учении о заработной плате ту роль и влияние, которые имела социалистическая школа в развитии экономической научной мысли. Автор был уверен, что с начала и до конца ему придется иметь дело с пресловутой теорией средств существования, хотя и не в такой наивно-грубой ее формулировке, как обыкновенно понимают в господствующей экономической науке знаменитый в свое время «закон Лассаля».

Два важных обстоятельства заставили, однако, автора радикальнейшим образом изменить его первоначальное намерение. Во-первых, по мере углубления в разработку проблемы, выяснилось, что в школе Маркса, в которой сосредоточилась преимущественно теория научного социализма, центром экономического учения о заработной плате является отнюдь не теория средств существования, что последние по существу своему даже чужда всей экономической системе Маркса. Наоборот, пришлось убедиться в том, что в проблеме заработной платы научную мысль социализма, начиная с наиболее ранних его представителей в Англии, занимала более всего идея заработной платы, как проблема *отношений*, как учение о доле рабочих в общественном доходе, являющейся в результате раздела его между классами. При этом обнаружилось, что концепция заработной платы, как доли рабочих, имеет весьма серьезное теоретическое значение в учении о распределении. А между тем до сих пор в политической экономии почти совершенно не было сделано попыток выделить из общего учения о заработной плате эту интересную проблему.

Во-вторых, обстоятельством, отразившимся на задуманном плане работы, было появление в недавнее время новой «социальной» теории распределения, которая явилась важным поворотным пунктом в развитии учения о распределении. Под влиянием идей этой новой теории, представителями которой являются в Германии Штольцман, а у нас проф. М. И. Туган-Барановский, автор пришел к ясному сознанию о неудовлетворительности традиционной постановки проблемы распределения вообще и необходимости разработки самостоятельного учения о заработной плате, как распределительной категории, в иной совершенно постановке, чем это делалось в политической экономии, начиная от Адама Смита и до наших дней. В данном случае не было необходимости создавать какие бы то ни было «новые» теории или искать новых путей и новых истин. В гениальных творениях Рикардо и первых английских социалистов до Рикардо (Ч. Холл), в теоретических трудах социалистической

ветви рикардianской школы, особенно в работах В. Томпсона, Джона Грея Ходжскина, Прудона и сен-симонистов, Тюнена, Робертуэля, Г. Джемса, а больше всего и полнее всего — в трех томах «Капитала» Маркса накопилось достаточно теоретического материала для того, чтобы хотя в самых общих чертах могла бы быть обрисована и представлена если и не законченная теория заработной платы, как доли рабочих в общественном доходе, то, по крайней мере, *первые зачатки* таковой теории.

Много трудностей для себя видел автор в том, чтобы установить теоретическую основу для разграничения распределительной проблемы заработной платы, как таковой, как проблемы *suu generis*, от меновой и производственной. Дело в том, что необходимо было разобраться в существующем смещении этих трех проблем, неизменно повторяющемся в экономической науке со времен А. Смита. Для решения этой нелегкой задачи представлялось неизбежным подвергнуть критическому пересмотру важнейшие из существующих постановок проблемы распределения, равно как и традиционное учение о принципах раздела, а вместе с этим представить и самый ход исторического развития идеи распределения в политической экономии вообще. В этом случае автору казалось целесообразным останавливаться лишь на наиболее типичном и общем, а всякие детали, по возможности, отбрасывать или сокращать.

Конечно, самому автору трудно судить, насколько удалось ему выделить распределительную проблему из того хаоса теоретических взаимно-переплетающихся конструкций, который нередко представляют собою традиционные учения о доходе, обыкновенно сливаемые и отождествляемые (совершенно неправильно) с теорией распределения.

Намеченная задача очень обширна, но автор и не ставил своей целью исчерпать вопрос. Ему хотелось наметить лишь самые общие пункты, т.-е. только поставить вопрос. В итоге задача свелась к общему очерку того учения, в котором следует, по крайнему убеждению автора, развивать распределительную проблему заработной платы.

Возможно, что теоретическое содержание этого учения свелось к слишком скудным данным. Возможно, что и самый круг теоретических вопросов о доле рабочих в общественном доходе, который можно было бы развить, в действительности много шире, ярче и богаче по своим идеям, чем то, что представлено автором. Возможно, что, например, статика заработной платы, как распределительной проблемы, — состоящая в установлении законов зависимости доли рабочих от основных элементов производственного процесса, — необходимо требует дальнейшего развития.

Сознание возможной широты задачи не могло, однако, остановить автора и удержать его от предлагаемой попытки, ибо из двух несовместимых в одной работе задач — или дать общую схему намечающейся проблемы в новой постановке и выяснить ее отношение к господствующим учениям, или дать полную разработку, но лишь некоторых деталей проблемы — автор предпочел первую. Это казалось ему более целесообразным: когда дело идет о неудовлетворительности традиционных учений и о вытеснении их новыми идеями, то лучше обострять вопрос и выставлять общие положения, не углубляясь в детали, чем давать одни детали, оторванные от целого.

Что же касается вопроса о динамике доли рабочих в общественном доходе и, в частности, закона падения доли рабочих с развитием капитализма, то в этом отношении автор старался собрать по возможности однородный ста-

статистический материал по движению доли рабочих в национальном доходе. К сожалению, современная статистика еще не успела стать на широкую социальную основу. Она не отрешилась еще до сих пор, как известно, от индивидуалистической постановки. И поэтому наличные статистические данные дают крайне скудный материал для разрешения поставленной проблемы. Сколько-нибудь годный материал можно найти только в странах с подоходным обложением, как Англия и некоторые государства Германской империи, но его почти нет во Франции и Соединенных Штатах. Вот почему автору пришлось, при полном сознании недостаточности, обратиться преимущественно к немецким и английским источникам и мало иметь дело с французской и американской статистикой доходов.

Самый же *метод учета* движения распределения доходов, по данным подоходной статистики, автору представлялся настолько важным для правильного решения вопроса о долях общественного дохода и их движении, а господствующие методы, особенно в немецкой литературе, оказались настолько ненаучными и непригодными для решения коренных вопросов распределения, что автор решил выделить вопрос о методах определения кривой распределения в особую главу. Установление правильного, с точки зрения автора, метода дало возможность проследить действительную тенденцию развития распределения в наиболее капиталистически развитых странах и в этом найти новое подтверждение правильности закона падения доли рабочих с общественным прогрессом, — закона наиболее важного и значительного в распределительной проблеме заработной платы.

План и в значительной степени разработка предлагаемой темы сложились, главным образом, во время заграничной командировки и занятий в библиотеках Берлина, Дрездена и Лондона.

АВТОР

С.-Петербург.
Июнь 1911.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

I

Наша задача — затронуть и развить такую сторону в учении о заработной плате, которая до сих пор меньше всего подвергалась научной разработке. До последнего времени заработная плата изучалась, главным образом, со стороны ее происхождения, образования форм в ее развитии и особенно со стороны установления высоты среднего ее уровня. Во всех этих случаях заработная плата изучалась, как плата за наемный труд индивидуального рабочего, как плата *per capita*, не только без отношения ее ко всему общественному производству, как к целому, но и без отношения ее к массе общественного дохода. Анализ экономических исследований в данном случае обыкновенно шел от частного к общему. Основой для наблюдения бралось частное отдельное предприятие; рассматривались обыкновенно условия найма индивидуальных рабочих, изучались различные формы выплаты заработных плат, устанавливались пределы колебаний последних и условия, влиявшие на изменение абсолютного уровня их, в зависимости от рынка, спроса и предложения, потребностей и привычек рабочего, рыночных цен на предметы потребления, общей экономической конъюнктуры, организованности и силы сторон и т. д. Индивидуальные наблюдения обобщались, под них подводились более общие положения; результаты наблюдения частного предприятия переносились на все общественное хозяйство в целом, и таким образом выводились «законы» индивидуальной заработной платы *per capita* среднего рабочего. Путем такого индивидуалистического метода экономисты приходили постепенно к установлению то закона фонда заработной платы, то закона минимума средств существования или железного закона заработной платы, то закона экономии высокой и низкой заработной платы, то закона предельного рабочего и т. д. Все эти законы и теории имели; однако, дело, во-первых, лишь с индивидуальной заработной платой *per capita*, и, во-вторых, проблемы *распределения*, как таковой, они совершенно не касались. В самом деле, ни вопрос об источниках заработной платы, ни вопрос о возникновении и образовании заработной платы, как цены рабочей силы, ни вопрос о высоте индивидуальной заработной платы и о причинах, устанавливающих ее средний уровень, — ни один из этих вопросов еще ничего не говорит о распределении, что бы ни разумелось под последним. Все подобные вопросы трактуют о заработной плате, главным образом, как о производственной или меновой категории. Далеко не случайно проф. М. И. Туган-Барановский группирует все существующие теории заработной

платы в две основных группы: 1) теорию заработной платы, как цены товара — рабочей силы, и 2) теорию заработной платы, как цены рабочей силы — средств производства ¹⁾. Теории заработной платы, как теории *распределения*, между этими теориями заработной платы нет. Если даже оставить в стороне распределительный момент в понятии заработной платы, то все-таки придется признать, что среди экономистов нет согласия и относительно того, изучать ли заработную плату, как меновую категорию, т.-е. как явление цены, или же на первом плане отводить место заработной плате, как производственной категории, т.-е. как явлению ценности вообще. Характеризуя современное состояние учений о заработной плате, проф. *Л. Бернгард* с правом замечает: «О правильном развитии учения о заработной плате в XIX столетии не может быть речи уже по одному тому, что среди политико-экономов нет согласия даже в том, какую проблему должна ставить себе теория заработной платы» ²⁾. Историческая школа, при этом, совершенно отказывалась от какого-либо конструирования теории заработной платы, надеясь предварительно собрать в достаточном объеме и в достаточных деталях материалы для такого теоретического конструирования, что, по мнению *Бернгарда*, являлось несомненной ошибкой ³⁾. Те же направления, по которым совершалась в Германии самая разработка этих деталей, показывают, как современная экономическая мысль далека от проблемы распределения в изучении заработной платы: эти детали сводились к изучению вопроса об отношении заработной платы к издержкам производства; о влиянии заработной платы на положение промышленности и развитие производства; о влиянии роста заработной платы на товарные цены и предпринимательскую прибыль; о связи высокой заработной платы с промышленными банкротствами и безработицей; о влиянии роста заработной платы на производительность и интенсивность труда и т. д., — словом, все сводилось, главным образом, к вопросу о роли и значении изменений заработной платы в производстве ⁴⁾; при этом, имелось в виду любое индивидуальное производство, или, по крайней мере, любое из большинства индивидуальных производств, как наиболее типичное, или среднее, но отнюдь не общественное производство, как целое.

И между тем, несмотря на то, что в своих исследованиях о заработной плате экономисты говорили о чем угодно, только не о распределении, это не мешало авторам экономических систем помещать результаты всех своих исследований по вопросу заработной платы в отдел распределения. Такова традиция господствующей экономической науки — говорить в отделе распределения обо всем, что только касается учения о доходе и видах его, нисколько не заботясь и не задумываясь о том, насколько относится к проблеме распределения то, о чем идет у них речь. «Современная политическая экономия, — говорит *М. И. Туган-Барановский*, — даже и не сознает того методологического вопроса, который заключается в проблеме распределения. Отдел распределения фигурирует во всех трактатах, но что такое распределение, над этим

¹⁾ М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. СПб. 1909, 537 стр. и след. (первое издание).

²⁾ L. Bernhard. Der Arbeitslohn. Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im neunzehnten Jahrhundert. Erster Theil. Gustav Schmoller zur siebzigsten Wiederkehr seines Geburtstages, 24 Juni 1908. Leipzig 1908, стр. 1, XI.

³⁾ Ibid., стр. 11, XI.

⁴⁾ Ibid., стр. 10—11.

экономисты обычно не задумываются. Поскольку же этот вопрос ставится, он получает совершенно неправильное решение»¹⁾.

Не подлежит сомнению, что будем ли мы изучать явление заработной платы, как явление обмена, или как явление производства, или как явление распределения, во всех этих случаях мы имеем дело с одним и тем же единым и нераздельным экономическим явлением, но в одном случае будем изучать одну сторону явления, в другом — другую; в одном случае будем иметь дело с одними моментами, в другом — с другими, подобно тому как ботаник одно и то же растение может изучать и в поперечном разрезе и в продольном и в том и другом случае получать совершенно различные картины. Но та или иная постановка вопроса меняет характер проблемы. Изучение заработной платы с точки зрения распределения обязывает логически к принятию определенной, соответствующей постановки.

В настоящее время уже достаточно ясно сознается многообразность сторон в проблеме дохода и заработной платы в частности, сложность этой проблемы и необходимость расчленения ее в смысле приурочения к тому или иному отделу политической экономии. «Все учение о доходе, — говорит, например, проф. Вагнер, — должно рассматриваться... с двойкой точки зрения: во-первых, с точки зрения *производства* благ в народном хозяйстве и, во-вторых, с точки зрения их *распределения* в последнем²⁾. Равным образом, по отношению к заработной плате, Эйленбург находит, что заработная плата — не единая проблема, а включает в себе множество проблем, каждая из которых требует особого вида исследования, и что одним методом и сразу всех их разрешить нельзя. «Зарботная плата, — говорит он, — представляет: а) для ее получателя доход от продукта труда и, вместе с тем, б) для общества, для массы народа — это часть национального дохода; с) для лица же, уплачивающего заработную плату, она представляет часть издержек производства, находящую свое выражение в цене товара. Уже этим дан ряд проблем»³⁾. Почти в одинаковом смысле высказывается и Цвидинек-фон-Зюденгорст. «Зарботная плата, — говорит он, — есть и фонд и в то же время издержки производства. И поэтому проблему заработной платы приходится рассматривать с двойкой точки зрения: с одной стороны, как проблему дохода, с другой — как проблему производства»⁴⁾. И тот и другой авторы, однако, далеки от того, чтобы провести в учении о заработной плате разграничение между проблемой производства и проблемой распределения. В результате — неопределенность постановки проблемы, которая отзывается весьма неблагоприятно на развитии всякой теоретической проблемы.

Что касается учения о других видах общественного дохода (прибыли, проценте, земельной ренте), то в традиционной экономике мы находим такую же недостаточно определенную постановку вопроса, как и в проблеме заработной платы. Так же как и в вопросе о заработной плате, здесь обычно идет речь

¹⁾ М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. Второе переработанное издание. Шестая—двенадцатая тысяча. С.-Петербург 1911, стр. 353.

²⁾ A. d. Wagner. Grundlegung der Politischen Oekonomie. Dritte Auflage. Erster Theil. Erster Halbband. Leipzig 1892, стр. 399.

³⁾ Fr. Eulenburg. Zur Frage der Lohnermittelung. Eine methodologisch-kritische Untersuchung. Jena 1899, стр. 2.

⁴⁾ Von Zwi edinek-Südenhorst. Lohnpolitik und Lohntheorie mit besonder. Berücksichtigung des Minimallohnes. Leipzig 1900. Einleitung, стр. 11.

о происхождении, развитии и образовании той или иной ветви дохода о высоте или среднем уровне этих ветвей, о факторах, устанавливающих их высоту, и т. д., но ни слова почти не говорится о распределении этих видов дохода, как социальных долей. Так же как и в учении о заработной плате традиционная экономика трактует исключительно об индивидуальной плате *per capita*, так и в учении о прибыли, проценте и земельной ренте она имеет дело с прибылью и процентом на 100, с земельной рентой на единицу земельной площади, но не с массой прибылей и рент и их долями в общей массе общественного дохода в его целом.

Такая постановка вопроса постепенно приводила к сглаживанию самостоятельного характера проблемы распределения, как проблемы *sui generis*, и незаметному, но неизбежному слиянию вопросов распределения с учением производства и обмена. В сущности, при изложенной выше постановке вопроса проблеме распределения не оставалось места в системе экономической науки. Какая необходимость была в выделении учения о распределении дохода в особую проблему для Лера, который, подобно Герману, Митгофу, Бела-Фельдесу и многим другим, сводит сущность явлений распределения к теории образования цен ¹⁾; или Шумпетеру, согласно которому теория дохода является лишь важнейшим случаем применения теории цены, т. е. закона движения цен ²⁾; равным образом и проф. Шмоллер в своем «Grundriss» рассматривает вопросы распределения вместе с явлениями товарного обмена ³⁾. Даже проф. Вагнер, который более других близок к правильному пониманию проблемы распределения, сводит определение высоты классовых долей к законам образования цен, находя, что «учение об обмене и особенно учение о цене стоят в теснейшей связи с учением о распределении, в особенности с учением об относительном распределении, так как сама цена и распределение произведенного продукта находятся в хозяйственной жизни в таком же тесном взаимодействии» ⁴⁾.

С другой стороны, представители австрийской школы предельной полезности сближают теорию распределения с учением ценности, хотя в сущности за объяснением последней они точно так же обращаются к явлениям рынка, к рыночному обмену, товарным ценам. В своих «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» Карл Менгер поступает наиболее последовательно, когда вопрос об образовании различных видов дохода разбирает в главе о ценности, считая этот вопрос лишь частью общей теории ценности и окончательно упраздняя проблему распределения, как самостоятельную экономическую проблему ⁵⁾. У Вем-Баверка точно так же закон определения цен, и лежащий в основе его закон ценности, стоит на первом плане, когда он разрешает проблему распре-

¹⁾ Dr. Julius Lehr. Die Grundbegriffe der Nationalökonomie. Zur Einführung in das Studium der Staatswissenschaften. Zweite Auflage, herausg. von Dr. Max von Heckel. Leipzig 1901, стр. 17. Cp. Mithoff: Die volkswirtschaftliche Vertheilung. Schönberg's Handbuch. B. I, Tübingen 1896, четвертое издание, стр. 659 и др.

²⁾ Dr. Joseph Schumpeter. Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig 1908, стр. 316.

³⁾ G. Schmoller. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre Drittes Buch. Zweiter Teil. Leipzig 1904.

⁴⁾ A. D. Wagner. Theoretische Sozialökonomie. Erste Abtheilung. Leipzig 1907, стр. 216, 287, 288.

⁵⁾ K. Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien 1871, глава 3, § 3.

деления ¹⁾. То же самое игнорирование проблемы распределения, как самостоятельной проблемы *suí generis*, мы находим и у большинства представителей англо-американской школы. Для виднейшего из современных американских экономистов, проф. Дж. В. Кларка, «теория ценности и теория распределения этой ценности между производительными группами — одна и та же теория» ²⁾. Равным образом и проф. Сиджвик в своих «Principles» рассматривает распределение в общем отделе вместе с учением об обмене ³⁾.

Нет самостоятельной проблемы распределения, существующей независимо от проблемы ценности и обмена, и для профессора Маршалла, который посвящает шестую книгу в «Principles» вопросу о «Ценности или распределении и обмене» ⁴⁾. И Маршалл и Сиджвик смотрят на различные виды дохода лишь как на важнейшие случаи ценности и цены. «Даже в том случае, — замечает по этому поводу проф. Никольсон, — если бы зависимость распределения от обмена была еще теснее, чем это есть на самом деле, еще нет никакого основания к тому, что следует избегать логического разграничения между проблемой обмена и распределения» ⁵⁾.

Какие же основания для логического разграничения проблемы распределения от других смежных проблем? Целесообразно ли в методологическом отношении выделять распределение в самостоятельную проблему? В чем специфическая сущность последней? Все эти вопросы не находят себе удовлетворительного разрешения в современной экономике. Мало того, необходимость и неотложность их разрешения даже не всеми сознаются. Большинство экономистов довольствуется формальным принятием классического разделения политической экономии, установленного еще со времени Сэ и Джамса Милля; но с тех пор это разделение так и не подвергалось методологическому углублению или пересмотру. Уже одно отождествление учения о доходе с теорией распределения, по наивной традиции сохранившееся в экономической науке до сих пор, с достаточной убедительностью свидетельствует о неудовлетворительности постановки проблемы распределения.

Неопределенность постановки вопроса и недостаточная разграниченность соприкасающихся и родственных проблем в учении о доходе не могли не отозваться неблагоприятно на развитии учения как о доходе вообще, так и об отдельных видах его, и в том числе на учении о заработной плате, особенно в смысле распределительной проблемы. И чтобы последняя получила возможность к правильному развитию, необходимо было бы прежде всего установить основу для разграничения категорий распределения от меновых и производственных.

II

Благодаря методологической неустановленности проблемы распределения, в политической экономии самый термин «распределение» употребляется в раз-

¹⁾ Böhm-Bawerk. Capital und Capitalzins, II. B. Innsbruck 1900 стр. 97. Cp. Schumpeter, J., Bemerkungen über das Zurechnungsproblem. Zeitschrift für Volksw., Sozialp. etc., X^{III} B. 1909, стр. 116.

²⁾ J. B. Clark. The Distribution of Wealth, New York. 1899, стр. 24.

³⁾ Sidgwick, Book II. Distribution and Exchange (The Principles of Political Economy. London 1901. Третье издание).

⁴⁾ Marshall. Principles of Economics, vol. I. London 1898. Четвертое издание, стр. 571 и далее (Book VI: Value, or Distribution and Exchange).

⁵⁾ Prof. Nicholson, J. S. Principles of Political Economy; vol. I—III, 1893—1901, стр. 229.

личных значениях. Экономисты, не останавливающиеся много на выяснении тех терминов и понятий, с которыми им приходится иметь дело в экономической науке, в проблеме распределения считаются лишь с тем, что в ней идет речь о распределении дохода. Отсюда — простой вывод, что, следовательно, распределение есть учение о доходе. Под понятие распределения, таким образом, традиционная экономика относит одинаково и учение о происхождении и образовании доходов в их различных видах, и учение об установлении среднего уровня доходов *per capita*. Производственный момент и меновой здесь соединяются вместе и образуют как бы неразрывные части учения о распределении. Мало того, самый распределительный (дистрибутивный) процесс нередко смешивается на языке экономистов с процессом меновым, или с таким, посредством которого блага переходят от одного лица к другому,¹ или точнее — от непосредственного производителя к их последнему потребителю. Такого рода понимание и употребление термина «дистрибутивный» свойственно особенно англичанам, которые нередко называют дистрибутивными явления транспорта, обращения и обмена. Так, напр., у *Джона Коммонса* мы находим в «*The Distribution of Wealth*» деление промышленности на различные виды и в том числе «дистрибутивную», или распределительную, и мануфактурную, при чем к первому виду *Коммонс* относит железные дороги, телеграф, телефон, водопроводы и проч.²). Равным образом у *Лойсона* самодеятельное население делится на земледельческое, мануфактурное, «распределительное» и проч., при чем под «распределительным» разумеется транспортная и торговая деятельность³). В данном случае мы видим непосредственное смешивание меновых моментов хозяйственной деятельности с распределительными и полное отождествление первых с последними.

С другой стороны, можно заметить среди экономистов стремление понимать под распределением самый факт, в силу которого хозяйствующий субъект присваивает хозяйственные блага в личное владение или собственность. В этом случае хозяйственный момент распределительного явления переходит больше в чисто правовой момент, и распределение здесь свободно заменяется понятием «присвоения». Вполне сознательным сторонником и представителем такого толкования понятия распределения является *Курсейль Сенейль*³). Долгое время, — говорит *Курсейль Сенейль*, — понимали, и теперь еще продолжают понимать, под словом «распределение» тот отдел науки, который исследует законы, по которым каждое лицо получает в собственность известную часть общественного богатства. Этому отделу *Курсейль Сенейль* находит более подходящим название «присвоения» (*appropriation*), так как, по его мнению, о распределении могла бы быть речь лишь тогда, когда налицо имеется распределитель, который делит общественное богатство между хозяйствующими субъектами или по своей собственной воле, или согласно определенным, заранее установленным планам. В термине «распределение» *Курсейль Сенейль* видит хозяйственный акт, обдуманный и подготовленный волей хозяйствующего субъекта, чего на самом деле, по его мнению, в процессе хозяйственного раздела нет.

¹) John R. Commons. *The Distribution of Wealth*. New York—London, Macmillan and Co. 1905, стр. 40—41 (таблица) и 254.

²) W. R. Lawson. *British Economics in 1904*. Edinburgh—London 1904, стр. 65 и 68.

³) Courcelle Seneuil. *Distribution*.—Nouveau dictionnaire d'économie Politique. Paris 1896, publié sous la Direction de M. Léon Say. Tome premier, стр. 712—713.

На этом основании *Курсейль Сенейль* решительно отвергает этот термин в экономической науке, оставшийся здесь неизменным со времен *Тюрго*, *Сэ* и *Д. С. Милля*, и находит более целесообразным и более соответствующим сущности распределительного явления понятие *присвоения* ¹⁾.

Такое низведение хозяйственной категории, каковой является распределение, к чисто правовому моменту присвоения, как нам кажется, совершенно затемняет общественно-хозяйственную природу и сущность распределительных явлений. Между тем, исходя из идеи присвоения, выдвинутой на место понятия распределения, в политической экономии нередко понимают под распределением и проблемой распределения вопросы о способах присвоения или поступления хозяйственных благ в собственность хозяйственных субъектов. Так поступает, например, *Франк Феттер*, различающий два вида распределения: персональное и функциональное; функциональное распределение, по его определению, есть вменение (attribution) или отнесение ценности по адресу агентов или классов в производстве, рассматриваемых безлично, в качестве производительных факторов (труда, земли и «машин»); персональное же распределение — это выяснение способов, или путей (ways), по которым доход распадается между членами общества ²⁾. Напротив, проф. *Генри Сиджвик*, соединяя распределение и обмен в одно неразрывное целое, под «распределением и обменом» понимает исследование не о материальных процессах, в силу которых блага переходят с места на место, равным образом и не о правовых актах, в силу которых блага переходят из собственности одного лица в собственность другого, а лишь о различных пропорциях, в каких промышленный продукт распадается на доли между различными экономическими классами, которые кооперируют в производстве этого продукта, или иначе говоря, отношениях, в которых различные виды богатства обмениваются друг на друга ³⁾. Казалось бы после этого, что для *Сиджвика* проблема распределения есть проблема отношений. Между тем *Сиджвик* всю проблему распределения ставит на основу обмена, распределительные категории (заработную плату, прибыль, земельную ренту) отождествляя с категориями обмена, — ценами, выплачиваемыми за определенные услуги того или иного вида. «Каждая доля, — говорит он, — представляет цену, выплаченную обществом за определенную услугу или пользу, оказанную реципиентом» ⁴⁾. Это показывает, что даже понятие «доли» *Сиджвик* не представляет себе за «отношение», если считает ее некоторой «ценой» за услуги или полезности. Если заработная плата или прибыль суть некоторые доли, или *отношения*, то они не могут быть ни ценой, ни ценностью, поскольку идет речь о распределении.

Методологическая невыясненность понятия распределения в значительной степени объясняется, как нам кажется, тем обстоятельством, что в распределительной проблеме смешиваются два важных момента: индивидуальный и социальный. Конструкция понятия распределения и постановка проблемы распределения решительным образом зависят от того, кладется ли в основу первый момент или второй.

¹⁾ Courcelle Seneuil, *ibid.*, стр. 712.

²⁾ Frank A. Fetter, professor of economics and distribution, Cornell university, *The Principles of Economics with applications to practical problems*. New York. The Century Co 1910. Second edition, стр. 402.

³⁾ Henry Sidgwick. *The Principles of Political Economy*, London 1901. Third Edition. Book II: Distribution and Exchange, стр. 12.

⁴⁾ *Ibid*, стр. 175.

Нельзя отрицать, что экономическая жизнь в общем есть совокупность отдельных индивидуальных поступков и действий известного сорта. На первый взгляд кажется поэтому, что центром и исходным пунктом хозяйственной жизни является лицо, индивидуум. Всякое же хозяйственное явление отсюда представляется прежде всего индивидуалистичным. Но по мере развития экономических знаний, по мере углубления экономического исследования научная мысль удалялась от индивидуума и от явлений, лежащих на поверхности жизни, строя экономические абстракции и устанавливая такие хозяйственные категории, которые лежат глубоко от поверхностного слоя реальной, будничной, открытой для обывательского глаза жизни. В таких абстракциях индивидуалистический момент хозяйственных явлений постепенно исчезал; наоборот, социальный момент выдвигался все резче и резче. Такова, например, хозяйственная категория общественного класса, классовых отношений, которая в сущности далека от конкретной действительности и уже совершенно чужда индивидуалистических элементов.

Как происходил процесс этого постепенного перехода к социальной основе хозяйственных явлений, можно видеть на развитии именно хозяйственной категории распределения. Экономическая мысль здесь начинает с понятия *индивидуального распределения*, переходя постепенно к более абстрактному понятию — *социальному распределению*. В первом доминирует индивидуальный момент, личность, конкретные формы. Во втором — все индивидуальное, личное, частно-хозяйственное отсутствует, преобладает абстракция и социальный момент, классовое отношение. И пока не было сделано этой необходимой в научном отношении абстракции с категорией распределения, конструкция этого понятия и самой проблемы распределения отличалась логической неопределенностью, неустойчивостью, внутренними противоречиями в самой постановке вопроса.

Пока распределение конструировалось индивидуалистически, вся проблема могла сводиться лишь к вопросу о внешних формах, в каких выражаются на поверхности хозяйственной жизни, в конкретной действительности, более глубокие хозяйственные процессы общественного раздела. Индивидуалистические теории распределения имели дело, главным образом, со способами перехода производимых ценностей к отдельным членам общественного хозяйства — к хозяйствующим индивидам, или с механизмом раздела продукта между отдельными хозяйствующими субъектами. Эти теории индивидуального распределения выдвигали не проблему раздела общественного дохода, а собственно проблему образования и передвижения дохода: с того момента, когда доход начинает только что проявляться в виде общественной ценности, и вплоть до того момента, когда он превращается в предметы индивидуального потребления. В капиталистическом меновом хозяйстве такая реализация дохода и образование его в предметы индивидуального потребления совершается в виде образования цен. «Распределительный» процесс в этом смысле, в глазах индивидуалистических распределительных теорий, и был процессом образования цен. Для *Дитцеля*, например, «jeder Tauschakt ist ein Verteilungsphänomen» ¹⁾. Но, с другой стороны, всякое образование дохода есть образование ценности, а образование ценности есть хозяйственный момент производства. Равным образом образование дохода — в смысле установления средних рыночных

¹⁾ Heinrich Dietzel. Theoretische Sozialökonomik. Erster Band. Leipzig 1895, стр. 158.

цен — процесс исключительно меновой. В чем состоял «распределительный» характер проблемы, оставалось, таким образом, загадкой.

При таком понимании «распределительного» процесса не могло возникнуть вопроса о долях дохода, так как в рыночных сделках, по характеру своему индивидуалистических, вопрос ставится всякий раз на самую конкретную почву: каждый из контрагентов меновой сделки заботится и интересуется только высотой цены, ее абсолютным уровнем. Когда рабочий предлагает на рынке труда, на рабочей бирже, свою рабочую силу, он не может иметь никакого представления об отношении полученной им заработной платы к общей производственной выручке. Проблема рынка, менового оборота — не проблема отношений, а проблема среднего уровня цен, абсолютного размера цен. Отсюда характерной чертой теории образования дохода и механизма «распределительного» процесса является вопрос об установлении или законах установления средних уровней отдельных видов дохода. Единственное теоретическое обобщение в данном случае, которое возможно здесь, это — сведение общего размера заработной платы к среднему уровню ее на голову среднего в стране рабочего, уровня прибыли — к размеру средней прибыли с 100 единиц капитала, и уровня земельной ренты — на единицу земельной площади.

При таком понимании самый объект распределительного процесса в смысле индивидуального распределения, если иметь дело с суммой даже всех индивидуальных доходов страны, сложенных вместе, отнюдь не совпадает с понятием общественного дохода в стране, как народно-производственной категории; распределение в данном случае имеет дело с производным видом общественного дохода, а не первоначальным доходом, а последний, как известно, всегда меньше первого.

Таким образом, характерные черты учения о доходе, в смысле индивидуального распределения, таковы: а) распределительный процесс рассматривается в смысле способов и видов образования индивидуальных доходов и переходов их в руки хозяйствующих индивидуальных субъектов; б) объектом этого учения является не первоначальный, а производный доход; в) явления этого подлежащего изучению распределительного процесса тесно связаны с явлениями цены и ценности; г) преобладающий метод изучения здесь — индуктивный, т.е. в основе его лежат наблюдения индивидуальных сделок рыночного обмена и индивидуальных отношений в производстве, а не производственный процесс в его целом, в его абстракции.

Почти все без исключения представители господствующей экономической школы, индивидуалистической по методу своему и по характеру трактования проблем, употребляют понятие распределения в изложенном только что значении индивидуального распределения. И историческая школа, и школа А. Смита, и австрийская школа предельной полезности, и англо-американская школа Кларка и Маршалла, несмотря на значительное различие между собою, все имеют дело исключительно с распределением в первом смысле. Не удивительно, что распределительная проблема у них теряет свой самостоятельный характер проблемы *sui generis* и сливается с учением производства или обмена, с теорией цены или ценности, смотря по складу и направлению той или иной школы. И хотя учение о доходе у наименее логически последовательных представителей экономической науки еще излагается в особом отделе, носящем название распределения, но это выделение носит характер чисто формальной самостоятельности. В учении о доходе в индивидуалистическом смысле по существу нет ничего, что говорило бы о разделе обще-

ственного дохода в его целом на составные доли. И нельзя не согласиться с проф. *Эдвин Каннаном*, когда такое традиционное трактование распределения, в смысле перехода и образования индивидуальных доходов, он называет *псевдо-распределением* ¹⁾. Вместо того, чтобы говорить о разделе всего общественного дохода между общественными классами, как результате общественного производственного процесса в его целом, и устанавливать законы этого раздела на доли, традиционная экономика имеет дело исключительно с заработной платой *per capita*, земельной рентой с единицы площади, с прибылью со 100. Формула общественного раздела — общественный доход равен всей сумме заработных плат в стране + всей массе прибыли и земельной ренты — в изложении индивидуалистических теорий принимает вид совершенно неправильной формулы: общественный доход равен средней заработной плате *per capita* + средней прибыли, полученной со 100, + средней земельной ренте с 1 акра. Такое трактование проблемы распределения иначе нельзя назвать как действительно теорией псевдо-распределения. «Относительное или пропорциональное количество всей массы заработных плат, прибыли и ренты, — что, — говорит проф. *Э. Каннан*, — составляет логический предмет распределения, еще дальше от заработной платы *per capita*, прибыли на 100 и земельной ренты с 1 акра, чем их абсолютные количества» ²⁾.

Проф. *Э. Каннан* впервые определенно заговорил о неправомерности и ненаучности постановки проблемы распределения, как общественно-хозяйственной категории. Но и задолго еще до него эта ненормальность постановки отмечалась многими экономистами различных направлений. Мы уже видели, что представители австрийской школы предпочли отказаться лучше от самостоятельного отдела о распределении, чем развивать под таким названием учение псевдо-распределения. Равным образом у *Маркса*, в его трех томах «Капитала», представляющих собою подробнейший анализ хозяйственных процессов капиталистического общества, нет самостоятельного отдела, который бы трактовал о распределении. Процесс образования дохода в глазах *Маркса* означал процесс образования ценности. Образование и происхождение прибыли и земельной ренты, по *Марксу*, — не что иное, как образование и происхождение прибавочной ценности, лишь видоизмененной, модифицированной явлениями рынка, конкуренции. Еще в самых ранних своих экономических работах, когда еще и терминология, и во многих случаях и постановка вопроса, носила у *Маркса* весьма заметный отпечаток влияния либерально-классической школы, господствовавшей в политической экономии того времени, *Маркс* ставил себе вопрос: «является ли распределение самостоятельной сферой, наряду и отдельно от производства?» ³⁾. Отвечая на этот вопрос, *Маркс* находил, что производство и распределение — лишь различные формы одного и того же явления; процент и прибыль, например, являются в одном случае определенными формами распределения, в другом — они являются формой капитала, как производственного агента; с одной стороны, это — способы распределения (*Distributionsweisen*). с другой — это в то же время способы воспроизводства капитала

¹⁾ Edwin Cannan A. History of the Theories of Production and Distribution in english political Economy from 1776 to 1848. Second edition, London 1903, стр. 183—266 (Chaptel VII).

²⁾ Ibid., стр. 230.

³⁾ Karl Marx. Zur Kritik der Politischen Oekonomie. Herausg. von Karl Kautsky. Zweite, vermehrte Neuausgabe. Stuttgart 1907, стр. XXVII. (Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie); первое изд. в 1857.

(Reproduktionsweisen des Kapitals). Отсюда Маркс приходит к выводу, что «условия и способы распределения являются лишь оборотной стороной агентов производства. Индивид, который в форме наемного труда участвует в производстве, в форме заработной платы участвует в результатах производства. Система распределения полностью определяется системой производства. Распределение само есть результат производства, не только по предмету, ибо распределяться могут только результаты производства, но также и по форме, ибо определенный вид участия в производстве определяет специальную форму распределения...» ¹⁾. «Результат, в котором мы приходим, — заключает Маркс главу об «общем отношении производства к распределению, обмену и потреблению», — не тот, что производство, распределение, обмен и потребление идентичны, но что все это представляет собою отдельные члены одной тотальности, различия внутри одного и того же единства» ²⁾. Но все эти «формы распределения, условия и способы распределения», о которых говорит здесь Маркс, в «Капитале» окончательно сливаются с условиями, формами и способами производства и обмена, с учением об образовании цены и ценности, и в анализе товарного хозяйства у Маркса не оказалось проблемы распределения, как проблемы *sui generis*. Мы еще будем иметь случай подробнее говорить о причинах такого отношения Маркса к вопросам распределения. Заметим лишь здесь, что Марксу, однако, не была чужда идея социального распределения, как увидим ниже; она проведена им в «Капитале» весьма определенным образом и развита независимо от приурочения этой идеи к определенному самостоятельному отделу исследования ее. Уже в цитированном «Einleitung zu einer Kritik der politischen Oeconomie» Маркс нередко говорит о распределении, как об «отношении», хотя это понятие и не имеет еще у него здесь роли социального отношения ³⁾. Но в дальнейших своих трудах, и в особенности в «Капитале», Маркс развил эту идею с такой полнотой, какой не дал по этому вопросу никто из экономистов. Свои идеи о социальном распределении, как проблеме отношений, Маркс развивал, однако, не в особом специально посвященном данному предмету отделе, а в связи с учением о разных видах общественного дохода и с изложением учения об общих тенденциях капиталистического развития, при чем центром внимания Маркса были вопросы производства *par excellence*. Благодаря социалистическим утопистам и романтикам, мечтавшим о пересоздании всего общественно-хозяйственного порядка путем справедливого распределения, вроде, наприм., Евгения Дюринга, идея распределения была настолько дискредитирована, в глазах Маркса и современных ему представителей научного социализма, что о попытках выделения этой проблемы в самостоятельную проблему *sui generis* с их стороны не могло быть и речи. Отсюда вытекала та осторожность позиции Маркса в вопросах распределения и та двойственность трактования их, которая заметно проглядывает у Маркса в отношении к распре-

¹⁾ Karl Marx, Zur Kritik, XXVIII—XXIX стр. (введение).

²⁾ Маркс здесь говорит: «Die Distribution bestimmt das Verhältnis, worin der einzelne teilnimmt an dieser Production» (Karl Marx, *ibid.*, стр. XX). — «Die Distribution bestimmt das Verhältnis (das Quantum), worin die Produkte an das Individuum fallen; der Austausch bestimmt Producte, worin das Individuum den ihm durch die Distribution zugewiesenen Antheil verlangt» (XXI стр.). — Но иначе уже звучит фраза: «Die Distribution als das von der Gesellschaft, der Austausch als das von den Individuen ausgehende Moment bestimmt ist» (XX стр.).

³⁾ *Ibid.* XXXIV стр. (введение)

лительной проблеме, поскольку иметь в виду вопрос о формулировке и постановке последней ¹⁾. Как бы то ни было, несомненно то, что *Маркс* не признавал самостоятельной проблемы распределения, как проблемы *sui generis* — а между тем, говоря о развитии основных тенденций капитализма, дал богатейшее по своему содержанию изложение этой проблемы. Вслед за *Марксом*, и *Фридрих Энгельс* проблему распределения понимал в смысле способов, механизма распределения ценностей, — способов, определяющихся непосредственно условиями и отношениями производства ²⁾.

Отмеченное отношение представителей научного социализма к вопросам распределения надолго удержало от развития понятие о распределении, как категории отношения. Под влиянием школы *Маркса* идея о том, что нет самостоятельной проблемы распределения, как проблемы *sui generis*, получала постепенно широкое распространение ³⁾.

III

Совершенно иначе ставится проблема, если в основу распределения кладется социальный момент и распределительная категория строится, как социальная категория. Здесь распределение является *социальным* распределением, и вопрос идет уже не о способах и механизме перехода созданного продукта к участникам в дележе, а о самом разделе его и о долях раздела. Объектом этого раздела в данном случае является не индивидуальный доход, вырученный в каждом отдельном предприятии, и не сумма этих индивидуаль-

¹⁾ В этом отношении характерны замечания П. Б. Струве о взглядах *Маркса* по вопросам распределения. В одной из интереснейших статей, посвященных пересмотру важнейших проблем и положений политической экономии, П. Б. Струве говорит о *Марксе*: «*Маркс* различал двойного рода «распределение». Одно совпадает или тождественно с производственными отношениями, другое же есть не что иное, как образование доходов на основе данных производственных отношений, т. е. в капиталистическом обществе — процесс экономической лимитации или распределение в процессе обмена. В этом процессе *Маркс* особенно выдвигает момент «индивидуального потребления», но, конечно, распределение на основе данных социальных отношений по существу шире рамок «индивидуального потребления», которое есть лишь отдел распределения, совершающегося на основе данных производственных отношений». (П. Б. Струве. К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии. «Жизнь» 1900. Книга III, стр. 370.) Переводя на простой язык эту мысль П. Б. Струве, это значит, что *Маркс* различал распределение в смысле отношений, как категорию социальную, от распределения в смысле происхождения и образования цен, как категории меновой и производственной.

²⁾ *Friedrich Engels. Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Dritte durchgesehene und vermehrte Auflage. Stuttgart 1894, стр. 153.*

³⁾ В России, почти одновременно с началом возникновения теоретического марксизма на Западе, шло движение экономической мысли в вопросе о распределении, почти тождественное с только что отмеченным. Выразителем этого движения можно считать проф. И. И. Кауфмана, который в своем первом (еще студенческом) труде «Теория колебания цен» (1866) находит в каждом частном хозяйстве только три силы: силу производственную, покупательную и потребительную, ничего не говоря о распределительной. В распределении же автор видит лишь иначе выраженные явления обмена: «Обмен только другим словом выражает распределение всего произведенного», «меновое начало есть то начало, которое выражает закон распреде-

ных доходов, а общественный доход в его первоначальном виде, т.е. доход первого порядка. Исходная точка зрения при данной постановке проблемы — социальная: общественный процесс народного производства берется в его целом, а общественный доход — как масса всех вновь созданных, за известный период хозяйственной деятельности, ценностей, которые разлагаются на части по числу социальных классов, на которые распадается капиталистическое общество. Центральным пунктом здесь является *проблема отношений*: речь идет не о средних размерах *per capita*, или на 100, или на единицу площади, а о долевых отношениях, о социальных долях всей массы общественного дохода. Эта проблема отношений исследует прежде всего вопрос о принципах раздела общественного дохода на доли между социальными классами; отыскивает законы, устанавливающие отношение долей как к общей массе дохода, так и между собою, и, наконец, устанавливает основные тенденции изменения отношений долей в их историческом развитии, в движении общественного хозяйства, в общественном прогрессе.

В частности, каждая в отдельности из этой общей проблемы социального распределения, напр., проблема заработной платы, как проблема социального распределения, проблема прибыли, земельной ренты, — является, в своей сущности, точно так же *проблемой отношений*. В данном случае принципы, на основе которых происходит социальный раздел на доли и их развитие, представляются общими для всех долей общественного дохода; каждая же из частичных проблем социального распределения (напр., проблема заработной платы) исследует лишь законы развития каждой из долей раздела и зависимость их в целой системе хозяйства. Проблема вся, однако, упрощается в своем наиболее абстрактном виде, когда весь общественный доход предста-

вления». Г. Кауфман. Теория колебания цен. Исследование, удостоенное Советом Императорского Харьковского университета, в декабре 1866 года, золотой медали. Харьков. В университетской типографии. 1867. (Оттиски из «Протоколов заседаний Совета Императ. Харьковского университета», 1867, стр. 150, 180, 182).

Автор идет еще дальше в том же направлении. Если в литературе науки, говорит он, мы иногда находим такое резкое различие между обменом и распределением, что им отводятся даже два различных отдела в системе, то трудно найти этому какое-либо другое объяснение, кроме того, что до сих пор в систему хозяйственной науки интегральной частью входило учение о торговле, в смысле отдельной отрасли промышленности, где излагались такие специально-технические сведения, касающиеся этой отрасли, что создавалось представление о различии между ценой и доходом. Последнего, по мнению И. И. Кауфмана, на самом деле нет; «если между ценой и доходом есть разница, то она заключается в том, что доход — это есть цена в е щ и. На этом основании возможно различие, которое имеет только научное объяснение, а не научную необходимость» (ibid., стр. 189). «Обмен представляется в непрерывном и безостановочном обращении благ, движение которых уподобляли тому течению, которым кровь разносится по всем частям тела... В формуле распределения нам представляется это обращение как бы в своем поперечном разрезе. Имея пред глазами эту формулу, нам не нужно уже наблюдать рынок. Сущность обращения, во все моменты одинаковая, отпечатлелась на фотографическом снимке, который представляет формулу распределения... Нам не нужно уже добиваться того, чтобы знать, каким образом люди определяют долю участия каждого из них в производстве, чтобы сообразно с этим получить эквивалент. Мы изучаем самый эквивалент и по нем уже судим о пропорциональности и равномерности в обмене» (ibid., стр. 189). Трудно ярче выразить мысль о том, что распределение, понимаемое в индивидуалистическом смысле, совершенно сливается по своему содержанию с явлениями производства и обмена.

вляется состоящим из двух основных частей: части, идущей классу наемных рабочих, и части, остающейся на долю капитала в широком смысле слова, т.е. заработанного и незаработанного дохода. Проблема сводится в этом случае к проблеме двух долей: доли рабочих и доли класса капиталистов. Но так как принципы раздела одинаковы для обеих долей и так как изменение и развитие одной доли вызывает определенное изменение и развитие другой доли, то проблема социального распределения сводится в сущности к одной общей проблеме¹⁾. Таковой является проблема заработной платы, как учение о доле рабочего класса в общественном доходе, и это на том основании, что при капиталистическом хозяйстве вся масса вновь созданной общественной ценности сосредоточивается в руках капиталистов-предпринимателей, как представителей класса организующего и руководящего всем общественным производством; та прибавочная ценность или прибыль, получение которой является руководящим и двигательным импульсом всего капиталистического хозяйства, составляет остаток от всей массы созданной обществом ценности, получаемый за вычетом всех издержек производства, в капиталистическом смысле этого слова, в том числе, следовательно, и за уплатой заработной платы. Из двух составных частей общественного дохода последняя, т.е. заработная плата, является, таким образом, наиболее важной и основной, в смысле определения относительного размера долей. Исторический *prius* заработной платы, как доли рабочих в массе общественного дохода, вытекает из исторической природы заработной платы и значения ее в системе общественного производства. Заработная плата в процессе общественного воспроизводства идет без остатка на средства рабочего потребления. Рабочий не накапливает, поскольку он именно рабочий. В этом смысле можно сказать, что заработная плата — это необходимый фонд рабочего существования, идущий на восстановление и необходимый рост физических, интеллектуальных и моральных сил рабочего. Откуда бы ни выплачивалась заработная плата, она является тем необходимым, без чего не мыслимо воспроизводство общества. Обеспечение и восстановление сил рабочего класса, хотя бы в масштабе последнего хозяйственного года, является *conditio sine qua non* правильности и прочности хозяйственного развития, хозяйственной жизни. Заработная плата поэтому — важнейшая часть общественного дохода; это — необходимая доля его. В этом смысле заработную плату можно назвать *определяющей* долей. В современном капиталистическом хозяйстве в долю капиталистического класса входит не только доля потребительного фонда, но в значительной степени и доля, идущая в накопление. Последняя играет даже доминирующую роль, так как к ней устремлена цель всего капиталистического производства. Поэтому колебания доли капитала не могут существенно отражаться на основной цели хозяйства — воспроизводстве общественной жизни. Доля же рабочего это — необходимый его потребительный фонд. В целях возможности воспроизводства, он должен быть воспроизведен прежде всего.

На такую определяющую роль заработной платы, как доли общественного дохода, указывали и *Рикардо*, и *Родбертус*, и *Маркс*. «Понизится ли прибыль.

¹⁾ «Теория распределения,—говорит проф. Кларк,—может иметь определенную полноту и без непосредственного вычисления всех долей, на которые распадается социальный доход. Если даны четыре участника и доли трех известны, то вовсе не требуется особой теории для определения четвертой доли» (J. B. Clark. Possibility of a scientific Law of Wages. Publications of the American Economic Association. Vol. IV 1889, стр. 41.)

вследствие возрастания производства и вызванного этим расширения спроса, или нет, — говорит *Рикардо* в главе «Влияние накопления на прибыль и процент», — зависит исключительно от роста заработной платы, а повышение последней, за исключением ограниченного периода, зависит в свою очередь от легкости производства предметов пищи и всего необходимого для рабочего»¹⁾. В понимании *Рикардо*, — говорит *Маркс*, — заработная плата и прибавочная ценность «стоят не только в обратном отношении друг к другу, но определяющий момент, das Prius, принадлежит движению заработной платы. Повышение или падение последней производит обратное движение на стороне прибыли (прибавочной ценности). Заработная плата растет или падает не потому, что падает или повышается прибыль (прибавочная ценность), а наоборот: потому растет или падает прибавочная ценность (прибыль), что падает или растет заработная плата. Прибавочный продукт, который собственно нужно было бы называть прибавочной ценностью, являющейся в остатке, после того как рабочий класс получил свою долю из своего собственного годового производства, образует субстанцию, которая составляет источник существования класса капиталистов»²⁾. «Увеличение или уменьшение прибавочной ценности, — говорит *Маркс* в «Капитале», — всегда есть следствие и никогда не является причиной соответственного уменьшения или увеличения ценности рабочей силы»³⁾.

В проблеме распределения в собственном смысле проблема заработной платы имеет, следовательно, особенно важное значение, при принятии предпосылки абстракции раздела общественного дохода на две основные доли и предпосылки определяющей роли заработной платы. При наличии этих предпосылок учение о доле рабочих дает решение всей проблемы социального распределения, указывая линию движения не только доли рабочих, но и доли капиталистов, и, таким образом, определяя всю линию социального распределения.

IV

Проблема социального распределения вообще, в силу своей постановки вопроса, требует наличия некоторых общих предпосылок, на почве которых возможно трактование подлежащих к разрешению данной проблемы вопросов. Прежде всего, так как основной вопрос касается здесь раздела общественного продукта не между отдельными хозяйствующими индивидуумами, а социальными классами, составляющими общественное единство и являющимися основными агентами общественного производства, проблема социального распределения приводит к предпосылке *идеи классов*, классового расчленения. Как известно, идея эта в экономической науке стала складываться и развиваться еще в самый начальный период появления буржуазно-капиталистического общества, связанного с появлением мануфактурного и особенно машинного производства, с образованием свободного класса наемных рабочих и более или менее полным распадом феодально-абсолютического общественного строя. В зачаточном, но уже определенном виде эта идея классов прогляды-

¹⁾ David Ricardo. On the Principles of Political Economy and Taxation. Second edition. London, John Murray. 1819, Ch. XIX. стр. 363.

²⁾ Karl Marx. Theorien über den Mehrwert. Zweiter Band. Erster Theil. Herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart 1905, стр. 140.

³⁾ Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Hamburg 1872. B. 1. Buch 1, стр. 451—542. (Zweite verbesserte Auflage.)

вает у физиократов и *Адама Смита*, более резко выражена у *Рикардо*, особенно плодотворно развивается у ранних английских социалистов, в экономическом своем мировоззрении исходивших из рикардианских основ, и, проходя через французских социалистов, складывается в более развитый вид у немецких социалистов школы *Маркса* (Лассаль, Маркс, Фр. Энгельс, Каутский). Идея классов, далее, которая в социалистической теории выливалась в идею *классовой борьбы*, неизбежно вела к установлению некоторых общих основ-принципов, на почве которых могла разыгрываться эта борьба классов и происходить раздел общественного продукта на социальные доли. Теория социального распределения превращалась здесь из чисто экономической в более широкую социальную проблему, имеющую дело с «движущими силами» общественного прогресса, с основными тенденциями развития общественных классов. Последнее не могло вести к тому, чтобы проблема социального раздела теряла характер самостоятельной экономической проблемы. Это означало лишь, что в основе этой проблемы лежат общие *социологические предпосылки*, выведенные дедуктивно, при помощи научной абстракции, которые могут лишь освещать нам путь к исследованию *экономических* законов установления и развития социальных долей или отношений.

При таком непосредственном соприкосновении проблемы социального распределения с более широкой социологической проблемой общественного развития вообще для экономистов создается некоторая опасность оторваться от экономической области, отказаться от экономического анализа при исследовании проблемы социального распределения, что грозило бы экономисту-исследователю остаться без основы, без почвы под ногами. Несомненно, всякая экономическая проблема всегда может быть освещена социологически, так как развитие хозяйственной структуры жизни служит основой общественного развития; но такой социальный характер вопросов распределения сам по себе еще не должен отводить экономистов от экономического анализа, ибо всякая экономическая проблема должна быть обоснована экономически, т.-е. на данных общественно-хозяйственной жизни.

Учение о доле рабочих в общественном доходе, как проблема отношений, как проблема социального распределения,—учение, развитое целым рядом исследователей, начиная от *Рикардо* и английских социалистов первой четверти XIX века и кончая *Родбертусом* и *Марксом*, раскрывает возможность дать чисто экономическую основу явлениям социального распределения, что в корне разрушает существующее в экономической науке мнение, согласно которому учение о социальном разделе подлежит ведению индуктивной социологии и категория распределения в нашем толковании, как категория социального распределения, не подлежит ведению экономической науки ¹⁾. «Трудность анализа современной хозяйственной жизни так называемого капитализма,—говорит *П. Б. Струве*,—заключается именно в том, что здесь, в силу особенностей хозяйственного строя, последний сливается с социальным строем в одну, по-

¹⁾ Такого взгляда держатся, напр., В. Дмитриев (см. его «Система г. Туган-Барановского», «Русская Мысль», 1909, ноябрь, стр. 109 и 110); Эдуард Бернштейн в «Очерках из истории и теории социализма» («проблема заработной платы есть социологическая проблема, которую никто не сумеет объяснить чисто экономически»), русский перевод, СПб. 1902, стр. 94; П. Б. Струве в своей уже выше цитированной статье «К критике некоторых основных проблем политической экономии» («Жизнь», III и VI, 1900), а также в статье «Экономич. система М. И. Туган-Барановского» («Русская Мысль», 1910/1).

видимому, неразъединимую для научного взора сеть взаимоотношений, в совершенно пестрое сплетение хозяйственных, междухозяйственных и социальных категорий»¹⁾; из этой трудности автор выходит путем полного отказа от возможности установления каких-либо абстрактных положений о социальном распределении, о каких-либо законах последнего²⁾; по мнению *П. Б. Струве*, «экономической теории распределения быть не может»³⁾.

Нельзя удивляться тому, что та или иная экономическая проблема носит ярко выраженный социальный характер. Это необходимо должно быть уже по одному тому, что экономические явления по своему характеру социальные. В индивидуальных поступках и отдельных хозяйственных столкновениях одного хозяйствующего субъекта с другим общая социальная связь хозяйственных проявлений и зависимость последних от всей совокупной хозяйственной системы может быть выражена в некоторых случаях слабо; в других случаях общественно-хозяйственный характер выражен более резко; но особенно ясно выплывает наружу социальный характер и социальная основа хозяйственных явлений там, где речь идет о процессах и отношениях хозяйственного производства в его целом, как, напр., в разбираемой проблеме социального распределения, где конкретно-индивидуальный (частно-хозяйственный) костюм общественно-хозяйственных явлений стирается и социальное тело проявляется особенно заметно. Но такой общественный характер хозяйственных категорий не может, однако, служить препятствием для конструирования экономической теории и установления экономических законов, хотя бы речь шла о таких категориях, социальный характер которых выражен очень резко. Конкретно нельзя, разумеется, наблюдать хозяйственное явление в его чистом виде хозяйственной категории. Нельзя представить себе конкретно хозяйственную сторону явления оторванной от других сторон социальной природы. Но в данном случае на помощь экономисту-исследователю приходит целый ряд выработанных социальной наукой методологических приемов: изучаемое явление гипотетически упрощается, лишаясь того сложного вида, в котором оно наблюдается; умышленно забывается или игнорируется (абстрагируется) наличие других сторон изучаемого объекта, кроме взятой хозяйственной; очищенное в методологическом смысле от посторонних, неэкономических элементов изучаемое явление подвергается дальнейшему анализу как в статическом отношении, так и динамическом, т.-е. исследуется зависимость данной хозяйственной категории от основных элементов всей системы хозяйственных категорий, составной частью которой оно является; устанавливается правильность (закономерность), некоторое постоянство этой зависимости, сохраняющееся при наличии ряда всевозможных комбинаций; отыскивается простейшая формула, которая бы выразила найденную зависимость проще всего и понятней всего (статический «закон»); подобному же анализу подвергается изучаемое явление, взятое в движении: для последнего тем же путем отыскивается простейшая формула движения (динамический «закон»). Все эти приемы вполне применимы к изучению явлений распределения, как категории отношений, как социальных долей. Весь вопрос лишь в том, в какую систему хозяйственных категорий нужно поставить явления распределения; с какими важнейшими из этих хозяйственных категорий, как элементов системы, уста-

¹⁾ П. Б. Струве. Основы политической экономии, стр. 265—266.

²⁾ П. Б. Струве, *ibid.*, стр. 269.

³⁾ П. Б. Струве, «Русская Мысль», 1910, январь, стр. 120.

навливать зависимость; что положить в основу изменения явления в его движении. Но так или иначе, все это можно сделать, не выходя из пределов хозяйственной области. Что же касается тех общих социальных основ, с которыми так непосредственно связана данная для изучения хозяйственная категория (распределительное явление),— таковыми могут быть, например, идея борьбы классов, взаимоотношение социальных сил и проч.—то все подобные «социальные» моменты могут лишь играть роль руководящую, освещая и направляя путь исследования. Самое же исследование должно остаться чисто «экономическим».

Мы можем теперь прийти к общему выводу о наиболее характерных чертах проблемы распределения в социальном смысле, в отличие от проблемы индивидуального распределения или псевдо-распределения: таковыми чертами являются: во-1-х, то, что в проблеме социального распределения может иметь место только социальная точка зрения, при которой общественное производство представляется как единый совокупный общественный процесс в его целом; во-2-х, что объектом раздела, подлежащего исследованию, является весь общественный доход как целое, в виде первоначального общественного дохода; в 3-х, что сама постановка проблемы социального распределения ведет к идее классов и классовых отношений, в связи с принятием определенных социологических предпосылок, на основе которых разыгрывается классовая борьба и устанавливаются доли общественного дохода; и, в 4-х, наконец, что социальный характер проблемы не препятствует ей оставаться экономической проблемой *qui genens* и приводить к установлению экономических законов.

Ввиду отмеченных черт, характеризующих проблему социального распределения, последняя приобретает для нас особенное значение и интерес. Учение о социальных долях, или отношениях, приводит нас не только к разрешению вопроса об общем характере и направлении движения долей общественного дохода, но и раскрывает характер отношений между классами. Развертывающаяся перед нами кривая социального распределения раскрывает нам в то же самое время общую картину развития отношений классового общества, рисует направление общего хода развития современного капитализма. Экономическая проблема распределения в данном случае превращается в проблему общесоциальную, давая ответ или, по крайней мере, бросая луч на освещение так наз. «социального вопроса». «Невольно,—говорит *Борегар*,—делаешь сравнение положения рабочего класса с положением других классов общества. Естественно поднимаются здесь вопросы о тенденциях будущего, и теория заработной платы логически получает всю широту своего развития, и те, кто ее изучает, естественным образом становятся перед лицом важнейших элементов социального вопроса»¹⁾.

Закон развития отношений между долями общественного дохода должен сказать свое решительное слово о характере развития и направления общественных классов: растет ли с развитием капитализма социальное неравенство; расширяется ли и углубляется социальная пропасть между классом наемных рабочих и классом капиталистов? или, наоборот, социальные противоречия, так резко выдвинувшиеся в бурный период роста крупных машин, постепенно сглаживаются, притупляясь по мере дальнейшего капиталистического развития?

¹⁾ Beauregard. Essai sur la theorie du Salaire. La main-d'oeuvre et son prix. Paris 1887, стр. 167—168.

Вместе с ответом на эти вопросы учение о социальных долях может раскрыть и действительную картину социального положения рабочих в общем ходе капиталистического хозяйства. В науке настоящего времени все более и более приходят к сознанию необходимости измерять положение рабочих классов не абсолютно, взятых оторванно от положения других классов, за один и тот же рассматриваемый период или момент времени, а лишь в смысле сравнительного сопоставления, в смысле отношений и изменения этих отношений. Общий масштаб жизни постоянно изменяется, и нельзя поэтому измерять положение рабочих теперь и 50 лет тому назад по одному и тому же масштабу. Эта простая истина обыкновенно всегда забывалась, несмотря на то, что ее определенно высказывали еще в очень давние времена, когда социальные отношения не так резко давали себя чувствовать своим антагонизмом. Так, напр., еще *Лотц* писал: «При всяком исследовании о сущности богатства никогда не следует выпускать из внимания высокой важности пункт, — а именно, что *богатство* и *бедность*, рассматриваемые по своей природе *an sich*, всегда суть только *относительные* понятия»...¹⁾ Рабочего, — говорит также *Шербюль*, — делает счастливым или несчастным не столько абсолютное потребление, сколько относительное. Что в том рабочему, если он в данный момент может приобрести продукты, раньше ему недоступные, но если расстояние, отделяющее его от капиталистов, еще более увеличилось, если социальное положение его стало еще более отсталым и низким, чем прежде. Ценность наших наслаждений вообще относительна²⁾. Еще определеннее настаивает на необходимости оперирования понятием «относительного» современник *Шербюль*, *Винкельблех-Марло*, который в своей «Системе мировой экономики» замечает: «...О самом понятии *бедности* господствует множество разнообразных мнений, что объясняется существованием двух различных понятий бедности: бедности в абсолютном смысле и относительном... Все люди, не имеющие необходимых средств для восстановления полной рабочей силы, т.е. *физических необходимых потребностей*, находятся в *абсолютной* бедности или нищете; последняя, однако, может иметь различные степени. Совершенно иное с *относительной бедностью*; она не остается неизменной, как абсолютная бедность, как естественно устанавливаемая величина; но, как понятия тепла и холода, представляет собою результат сравнения. Кто находится выше абсолютной бедности, в сравнении с стоящими ниже его, *богат*, а в сравнении с стоящим выше его — *беден*; и таким образом, от демаркационной линии, разграничивающей абсолютную и относительную бедность, идут две лестницы — одна лестница *богатства*, ведущая по бесчисленным ступеням вверх, в неопределенную высоту, и лестница *бедности*, которая спускается немногими ступенями к голодной смерти»³⁾. Развитие понятия относительной или социальной бедности и сведение проблемы труда к проблеме отношений заметно вообще у всех социалистических предшественников, — главным образом у *Родбертуса*,

¹⁾ Lotz, Johann Friedrich Eusebius. Handbuch der Staatswirtschaftslehre. Erster Band. Erlangen 1821. Стр. 73.

²⁾ Цитировано по Benard'y, «De l'influence des lois sur la repartition des richesses». Paris 1874, стр. 25—26. Ср. у Маркса: «Unsere Bedürfnisse und Genüsse entspringen aus der Gesellschaft... Weil sie gesellschaftlicher Natur sind, sind sie relativer Natur» (Lohnarbeit und Kapital. Neu herausg. von Karl Kautsky). Berlin 1907 стр. 29).

³⁾ Karl Marlo (Carl Georg Winkelblech). Untersuchungen über die Organisation der Arbeit oder System der Weltökonomie. Kassel 1850. Historischer Theil стр. 345.

Лассаль, Маркса, Каутского, — которые эту идею относительной или социальной бедности возвели в принцип, хотя и не всюду выдержанный, исходя из которого они подходили к освещению социального вопроса и выяснению исторических тенденций развития классовых отношений. «Понятия бедности и богатства, — говорит *Лассаль* в своем полемическом труде «Труд и Капитал», направленном против *Шульце-Делича*, — относительны и выражают лишь отношения к доходу производства за известный данный период времени»¹⁾. «Положение классов по отношению друг к другу, — говорит *Маркс*, — обуславливается больше пропорциональной заработной платой, чем абсолютной массой заработной платы»²⁾. Наиболее полно развивает *Маркс* значение метода отношений в данном вопросе об определении изменений в положении того или другого общественного класса в своей брошюре «Lohnarbeit und Kapital», составленной из статей, писанных еще в 1849 г. в «*Neue Rheinische Zeitung*»: «Как бы ни вырос маленький дом в высоту с развитием цивилизации, — говорит здесь, между прочим, *Маркс*, — если соседний дворец растет в высоту в одинаковой или даже еще в большей степени, обитатель относительно маленького дома будет чувствовать себя в своей клетке еще более неудовлетворенным, более недовольным, более придавленным»³⁾.

Метод отношений в приложении к изучению положения общественных классов признается в настоящее время за единственно научный в данном случае не одними лишь представителями социалистических учений. Раньше других среди современных экономистов этот метод выставили и стали им пользоваться, как мы увидим ниже, в Америке. «Прогресс нашей науки, — говорит *Генри Мур*, — состоял в окончательном закреплении положения, что изучение предельных отношений гораздо важнее изучения абсолютных количеств»⁴⁾.

«Неравенство распределения, по своей истинной природе, есть вопрос отношений...», — говорит один из видных американских статистиков-методологов, *Уоткинс*, в своей блестящей статье «О методах измерения концентрации богатства»⁵⁾. Наилучший способ измерения богатства, — говорит тот же автор в другой статье, посвященной тому же вопросу, — есть способ представления *относительных* количеств; «человеческие понятия о «среднем» или «вышем» экономическом классе — понятия, конечно, относительные»; «происходит ли рост крупных имуществ, можно исследовать различным путем и подходить к этому вопросу различным способом; мы можем сказать, что человек богат, если он обладает собственностью в 100 раз выше, чем средняя собственность на голову его соотечественников, и что он очень богат, если его собственность больше средней в 1.000 раз. Согласно такому определению, если на голову богатство

¹⁾ F. Lassalle's. Reden und Schriften. Neue Gesamt-Ausgabe. Herausg. von Ed. Bernstein. Dritter Band. Berlin 1893, стр. 205.

²⁾ Karl Marx. Theorien über den Mehrwert. Zweiter Band. Erster Theil. Herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart 1905, стр. 141. (В этом же месте *Маркс* рассматривает заработную плату, как социальное отношение.) Ср. также стр. 357 и 358, где *Маркс* особенно резко подчеркивает важность относительных сопоставлений между классами.

³⁾ Karl Marx. Lohnarbeit und Kapital. Neuherausgegeben von Karl Kautsky. Berlin 1907, стр. 29. См. также стр. 31 и 32.

⁴⁾ Henry L. Moore. The variability of Wages («Political Science Quarterly», volume XXII, March 1907, № 1, стр. 62).

⁵⁾ G. P. Watkins. Comment on the Method of measuring concentration of Wealth (American Statistical Association. New Series № 72, December 1905, стр. 353).

составляет 500 долларов, то богатым будет тот, кто, напр., имеет 50.000 долл. Но если богатство на голову всего 1.000 долл., то, чтобы назваться богатым, надо иметь не 50.000 долларов, а 100.000»¹⁾. Такой метод автор и называет методом отношений. Пользуясь последним, американские статистики-экономисты разработали вопрос о тенденциях распределения с ростом капитализма с гораздо большей научностью, чем это сделано, напр., в Германии. Приведем, наконец, мнение по затронутому предмету Карвера, который в своей статье «Machinery and the Laborers» говорит: «Недовольство рабочих классов может расти, несмотря на рост уровня в физическом комфорте, если рабочие видят, что они все дальше и дальше остаются позади других классов, или — иначе говоря — что другие классы более быстро идут вперед, чем они»²⁾. В данном случае характерны также замечания, высказываемые проф. Эдвином Кэннаном в статье «The division of Income». «Богатство или бедность всего общества в его целом, — говорит проф. Кэннан, — зависит, как объяснял А. Смит в своем «Inquiry», от годового продукта per head населения. Сравнительное же богатство отдельных индивидуумов и семей внутри данного общества зависит от пропорций, в каких весь общественный продукт или доход (для самосодержащего общества эти понятия — синонимы (!)) распределяется среди членов общества»³⁾.

Отмечаемый здесь метод отношений является единственно научным в вопросе о положении того или иного класса. Последний вопрос не разрешается абсолютными количествами. Как бы высоко ни передвинулся вверх абсолютный уровень рабочих бюджетов или — иначе лишь выражаясь — рабочих доходов, т.е. заработной платы, о действительном изменении положения рабочих в обществе, т.е. изменении социального положения, такое абсолютное изменение заработной платы нам ничего не скажет. Нельзя изучать положения одного общественного класса оторванно от положения других классов и оторванно от изменений, происходящих в общей картине общественного развития. Вот почему учение о социальных долях или теория социального распределения, как проблема отношений, в состоянии дать действительное, более близкое к истинному положению вещей разрешение социального вопроса, в смысле установления действительных тенденций в развитии общественных классов с ростом прогресса в капиталистическом обществе. В этом заключается

¹⁾ G. P. Watkins. An interpretation of certain Statistical Evidence of concentration of Wealth (American statist. Association. New Series № 81, March 1908. Volume XI, Boston 1910, стр. 28). С методом этого автора мы еще будем иметь случай встретиться в дальнейшем.

²⁾ Carver, T. N. Quarterly Journal of Economics, v. XXII, 1908, стр. 211. «This discontent,—продолжает здесь автор,—is not likely to be allayed by demonstrating to them that they are several stages farther removed from physical want than their fathers and grandfathers were, so long as they belong into the benefits of advancing civilization than they themselves are» (ibid., стр. 211).—В данном случае характерную басню о муле рассказывает Михаил Флерштейн (Michael Flürscheim) в выдержавшем несколько изданий памфлете «Rent, Interest and Wages; or the real Reanings of the Land Question. Private rent the mother of Interest, the cause of commercial depressions and social misery» (Third edition, London 1890, стр. 13): мул был недоволен пищей, получаемой от хозяина, когда же хозяин стал утешать его тем, что его предок ел гораздо худшую пищу и был доволен, мул ответил: о да, это правда, но вы ведь хорошо знаете, что мой предок был осел...

³⁾ Edwin Cannan. The division of Income (The Quarterly Journal of Economics. 1905, May, стр. 341).

высокое социальное значение проблемы распределения, как экономической проблемы, взятой в отмеченной постановке и при изложенном освещении.

Таким образом, наша проблема заработной платы, как проблема социального распределения, может быть формулирована в следующем виде: это есть *учение о доле рабочих в общественном доходе*; задача такого учения сводится к установлению принципов и законов, определяющих как относительный размер доли рабочего класса, так и относительное движение ее с ростом капиталистического хозяйства. Мы видели, что в такой формулировке проблема заработной платы является центральной и основной проблемой социального распределения, особенно при абстракции, допускающей сведение всей массы общественного дохода к двум основным составляющим его видам: доли капиталистов (прибавочная ценность) и доли рабочих (заработная плата). Таким образом, не только постановка вопроса, но и самое содержание проблемы заработной платы, как учения о доле рабочих, приводит нас в непосредственное соприкосновение с проблемой распределения вообще. Как развивалась последняя в политической экономии, каковы принципы и объект социального распределения, с этим мы познакомимся в дальнейшем. Начнем с вопроса об объекте раздела.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИВИДЕНД КАК ОБЪЕКТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

I

Спорный пункт в учении о распределении начинается уже с вопроса о том, что подлежит в общественном хозяйстве разделу. Очевидно, неправильное или неопределенное представление о предмете раздела должно вызывать неопределенную или неверную теорию распределения. А ответ на вопрос о том, *quod distribuendum est*, будет различен в зависимости уже от того, подходит ли к вопросу с точки зрения индивидуалистической постановки, или социальной.

В целях нашей задачи, мы оставляем индивидуалистическую постановку вопроса в стороне. Нам важно выяснить вопрос о предмете, подлежащем разделу, исходя из точки зрения проблемы отношений, т.е. имея в виду следующие предпосылки: 1) общественное хозяйство рассматривается в его целом, как единый общественно-хозяйственный процесс; 2) раздел совершается только между основными классами общества, являющимися первыми и непосредственными претендентами на долю в произведенных общественных ценностях; 3) в расчет принимается только капиталистическое общественное хозяйство в его наиболее типичных формах и 4) общественно-хозяйственный процесс берется не только в его целом, но и в законченном виде, т.е. в такой момент, когда полностью завершился весь хозяйственный цикл, начиная с момента производства и кончая тем моментом, когда все произведенное реализовано без остатка; такой момент — по *Марксу* — момент простого воспроизводства, по *Кларку* — момент статического состояния. Последняя предпосылка важна потому, что процесс расширенного воспроизводства осложняет и несколько затемняет понимание происходящих в общественном хозяйстве важнейших и основных его процессов.

«Производство и распределение, — говорит проф. Э. Каннан, — в политической экономии всегда означает производство и распределение богатства»¹⁾. Воспользоваться, однако, понятием «богатство» для определения объекта, подлежащего разделу между классами, нет никакой возможности, так как само понятие богатства слишком неопределенно: под ним можно разуметь и капитал, и доход, и ценность от прошлого труда, и вновь созданные ценности. Для установления понятия объекта распределения необходим более детальный анализ.

¹⁾ E. Cannan. A History of the Theories of Production and Distribution in english political Economy from 1776 to 1848. London 1903. Second edition, стр. 1.

Прежде всего необходимо выяснить, все ли подлежит общественному разделу, что производится обществом в течение данного производственного цикла; в частности, подлежит ли общественному распределению между классами весь созданный в результате производственного периода *общественный продукт*, или же распределяется только *общественный доход*?

В экономической науке до сих пор мало интересовались точным выяснением данного вопроса. Большинство экономистов склонны были, как мы увидим, соединять объект раздела с понятием всего продукта: и А. Смит, и Рикардо, и позднейшие писатели-экономисты самых различных школ и направлений (например, *Джеймс К. Смит*)¹⁾ все время говорят о продукте, когда исследуют проблему распределения. У классиков, однако, понятие общественного продукта, как известно, совпадало с понятием общественного дохода, так как продукт, или цену его, они раскладывали только на заработную плату, прибыль и земельную ренту. Случайным образом, говоря о разделе продукта на доли, классики в действительности имели дело, следовательно, с общественным доходом, представленным в его трех основных видах.

Когда выяснилось недоразумение и когда стали точнее различать понятия общественного дохода и общественного продукта, экономистам приходилось делать уже определенный выбор между тем и другим пониманием, когда они хотели установить объект раздела. В этом отношении, насколько мы можем судить, преобладающее мнение склоняется в сторону всего общественного продукта, как предмета, якобы подлежащего разделу между общественными классами. «Слабой стороной экономической теории о распределении национального дивиденда, или общего дохода страны, является, — говорит *Сидней Уэбб*, — то обстоятельство, что эти теории игнорируют обыкновенно вопрос о распределении средств производства. Невозможно дать полной теории ренты, процента, прибыли и заработной платы без предварительного постулирования экономически нормального распределения труда, капитала и знаний в стране»²⁾. Уэбб прав, поскольку дело касается лишь игнорирования важного элемента в общественном производстве — средств производства; но не прав, когда напрасно осложняет проблему распределения вопросом о «распределении средств производства». Последние не являются предметом общественного раздела между классом. Это явствует из анализа общественного производственного процесса. Как известно, капиталистическое общество приступает к производству с некоторой определенной массой средств производства, явившихся в результате прошлого труда. Представляя собою общественный капитал, эти средства производства остаются от прошлого производственного периода и являются необходимым общественным фондом дальнейшего производства. Восстановление этого фонда к концу производственного периода, в виде тех же средств производства, является необходимым условием для правильного и спокойного функционирования хозяйственной жизни общества. Чтобы иметь уверенность в прочности существования, без которой немислим никакой общественный прогресс, общество должно себя обеспечить возможностью производить в новом периоде по крайней мере в прежнем масштабе.

Итак, в каждом данном периоде производства общество обладает наличностью готовых средств производства, которые хотя и издерживаются пол-

¹⁾ J. C. Smith. The Distribution of the Produce. London 1892.

²⁾ Sidney and Beatrice Webb. Problems of modern Industry. New Edition—London 1902. Глава V: «The National Dividend and its Distribution» by S. W. (209—228 стр.).

ностью в процессе производства, но в конце хозяйственного периода восстанавливаются в своей прежней ценности. В валовом общественном продукте эти средства производства не являются вновь созданной ценностью. Но в таком случае, как ценности, созданные в прошлом и пережившие весь хозяйственный цикл, они пережили уже и свой основной распределительный акт. Бывши в руках определенного класса (капиталистов, владельцев средств производства) в начале хозяйственного периода, средства производства, восстановленные к концу периода, остаются в руках того же общественного класса, как и раньше. Класс, который владел ими, получает их себе обратно на основании старого титула прежних владельцев или собственников, к которым возвращается лишь то, что они затратили, что они вложили, чем они и ранее владели. Конечно, созданные в известном хозяйственном периоде средства производства поступают на рынок, где они реализуются, т.е. получают печать общественных отношений. Верно также и то, что на рынке, в данном случае, в ценности средств производства реализуются одновременно и вновь созданные при производстве средств производства (машин) ценности. Получается, таким образом, такое непосредственное впечатление, что и средства производства, о которых идет речь, подвергаются какому-то процессу распределения ценностей. Но на самом деле это не совсем так. Во-первых, процесс рыночной реализации еще не есть общественно-распределительный процесс. Это—два различных экономических момента. Если, напр., на бирже лицо А покупает у В известное количество промышленных акций, то перед нами не распределение вновь созданных ценностей, а простое перемещение одних и тех же хозяйственных благ из кармана одного в карман другого. Во-вторых, покупателями средств производства, в процессе рыночной реализации, являются лишь представители одного класса (капиталистов). Главная же масса покупателей средств потребления идет от класса рабочих. Следовательно, когда реализуются на рынке созданные средства производства (машины), то они лишь размещаются в пределах класса капиталистов, между капиталистами.

Мы приходим к выводу, что средства производства в современном хозяйстве, при наших предпосылках, хотя и выносятся на рынок для реализации, но остаются в руках того же общественного класса, кому они принадлежали в начальный момент производства; они не являются предметом дележа между классами; они не являются предметом борьбы за долю между общественными классами; некогда вновь созданные и распределенные, в новом общественном производстве они переходят к своему непосредственному владельцу — капиталистическому классу — без притязаний на них со стороны других классов. «В общественном хозяйстве, — говорит Маркс, — в любой данный момент, мы находим одновременное существование определенного постоянного капитала во всех областях производства, хотя и неравномерно распределенного; существование его предполагается необходимым, как необходимое условие производства; он принадлежит производству раз навсегда и непременно подлежит возврату, подобно тому как семя возвращается почве»¹⁾.

Таким образом, в вопросе о распределении приходится точно разграничивать предмет раздела от продукта производства. Предметом последнего являются не только предметы непосредственного потребления, но и средства производства, поскольку они расходуются в производственном процессе, в то время как разделу эти средства производства не подлежат и остаются вне

¹⁾ K. Marx. Theorien über den Mehrwert. Erster Band. Stuttgart 1905, стр. 182. Herausgegeben von Karl Kautsky.

общественного распределения. Тот же проф. Кэннан, который, как мы видели считает производство и распределение одинаково производством и распределением «богатства», при ближайшем установлении объекта раздела приходит к следующему выводу: «Распределение богатства,— говорит он,— есть распределение дохода, а не капитала нации; не капитал, а доход распределяется на заработную плату, прибыль и ренту» ¹⁾. В таком же смысле высказывается и проф. Кларк. «К распределению,— говорит он в «The Distribution of Wealth»— поступает the whole annual gains of society, т.е. вся сумма заработных плат, общая масса прибыли и процента» ²⁾. «Распределение всегда текущего потока предметов непосредственного потребления,— говорит проф. Кларк в другом месте, в статье, вызванной полемикой с Бем-Баверком,— вот что занимает мир и что вызвало на свет экономистов и что является не только вполне правильным, но и крайне необходимым предметом самостоятельного исследования» ³⁾. Правда, капитал, как средства производства, точно так же подлежит дальнейшему разделу и неравномерному размещению между различными отделами и ветвями общественного производства. Но это размещение носит характер уже частичного раздела, индивидуального распределения между индивидуальными собственниками средств производства. Этот последний раздел есть индивидуальное распределение второго порядка, в отличие от социального первоначального распределения в собственном смысле. и совершается по иным законам, чем последнее.

Итак, средства производства. или «постоянный капитал», остаются за пределами социального хозяйственного распределения. Все же, что остается за вычетом из валового произведенного продукта средств производства, представит вновь созданный обществом продукт, который является чистым общественным доходом. «Чистый» он потому, что общество начало свой производственный цикл лишь с одними средствами производства, к концу же его, хотя и израсходовало эти средства производства в процессе трудовой деятельности, но полностью восстановило их в новом продукте, в который вошли, кроме того, и вновь созданные элементы, составляющие общественный доход. Последний, как вновь созданный продукт, и является предметом непосредственного раздела. Следуя за Марксом, весь общественный валовой продукт можно представить в виде формулы:

$$C + V + M = \text{валовой продукт,}$$

где C — средства производства и сырой материал, вместе со всякого рода вспомогательными материалами, V — заработная плата и M — прибавочная ценность, поступающая капиталистам-предпринимателям вообще. Чистый общественный доход, подлежащий общественному разделу, представится здесь в виде суммы $V + M$, где одно слагаемое идет рабочему классу, а другое — капиталистам. Эта сумма и составляет социальный или, — в приложении к данной определенной стране, — национальный дивиденд, распределительный фонд общества вообще или каждой данной страны в частности.

¹⁾ E. Cannan. A History of the Theories of Production etc. 1903, 2-е изд., стр. 18.

²⁾ J. B. Clark. The Distribution of Wealth. New York 1899, стр. 2.

³⁾ J. B. Clark. Ueber das Wesen des Kapitals. Zeitschrift für Volksw. Sozialpol. und Verwaltung. XVI. Band. 1907, стр. 435. (Перев. Schumpeter.)

Итак, мы находим, что *социальный дивиденд*, или то, что подлежит в общественном хозяйстве разделу, есть чистый общественный доход, являющийся в результате общественного производства в виде вновь созданных и предназначенных к потреблению общественных ценностей. Этим, однако, еще не разрешается окончательно понятие социального дивиденда. Является еще вопрос, имеющий для распределительной проблемы существенное значение: относить ли к социальному дивиденду блага только конкретные, блага, подлежащие точному учету и измерению, или же сюда относятся, кроме того, и отвлеченные абстрактные ценности и всякого рода полезности, которые не могут быть сведены к определенному числовому выражению, к конкретным величинам.

В общественном хозяйстве, бесспорно, существует много таких «услуг» и «полезностей», которые являются достоянием хозяйствующих субъектов и которые входят в обиход жизненной деятельности и потребностей индивидов, но не могут быть даже с приближением выражены конкретным образом. Таковы, напр., полезности, которые получают жители благоустроенных городов от различных санитарных и гигиенических мероприятий. Можно без труда учесть стоимость расходов, затраченных на проведение их в хозяйственную жизнь; но нет возможности учесть, в каком размере пользуются жители данного города результатами этих затрат, как велики доставляемые этими мероприятиями «полезности». Таковы «полезности», получаемые населением от проведения дорог, театров, бульваров, культурных учреждений, учебных заведений и проч. Учесть эти полезности, выразить их в определенных конкретных величинах нет никакой возможности. Положительные же «выгоды» от этих учреждений, сооружений и всяких подобных мероприятий — вне всяких сомнений как для общества в целом, так и в частности для отдельных индивидов. Спрашивается: понимать ли под национальным дивидендом только материальные блага, или относить к нему не только материальный доход, но и всякого рода нематериальные услуги и полезности, которыми пользовалось общество за известный хозяйственный период?

В решении данного вопроса мы видим в политической экономии два течения: одно — индивидуалистическое по преимуществу, другое — строго социальное. Первое относит к социальному дивиденду вместе и материальные, и нематериальные блага, конкретные услуги и всяческие полезности, которые являются достоянием общества, хотя бы последние и не имели для себя числового выражения и были вообще неизмеримы. Экономисты, придерживающиеся первого, индивидуалистического, направления в данном вопросе, исходят главным образом из того, что национальный (или социальный) доход они считают просто суммой, составленной из отдельных индивидуальных доходов, и поэтому все признаки и особенности индивидуального дохода они переносят на понятие социального дохода. Типичным выразителем такого понимания является проф. *Вагнер*. Под имуществом, богатством, доходом, — говорит проф. *Вагнер*, — нужно понимать не только «материальное», но и «нематериальное»; далее, под «хозяйственными благами» следует понимать не только вещественные блага (*Sachgüter*), но и вместе с тем «личные услуги», а также и «отношения лиц и вещей» и в особенности также «полезности» (*Nutzgewährungen*), доставляемые общественными учреждениями¹⁾. Понятно, — продол-

¹⁾ *Wagner A. Zur Methodik der Statistik des Volkseinkommens und Volekvermögens. Mit besonderer Berücksichtigung der Steuerstatistik. Ausbeursätites erweitertes Referat in der Sitzung der Internationalen Statisti-*

жает проф. *Вагнер*,—что при учете многих личных «услуг» и «отношений», как публичного характера, так и иного вида, исключена всякая возможность переведения этих услуг в форму меновых или денежных ценностей. Возьмем, напр., систему путей сообщения. Какую громадную выгоду приносят последние как для всей страны, так и для отдельных лиц! Но учесть эту выгоду на деньги невозможно, измерить ее нельзя. Если представить себе две страны, в одной из которых ведется казенное железнодорожное хозяйство по принципу издержек производства, а в другой — оно находится в руках частного предпринимательства и ведется по принципу наиболее выгодной эксплуатации и обогащения, то, *ceteris paribus*, вторая сторона обладала бы, по реальному учету, большим доходом, чем первая, хотя она была бы отнюдь не богаче первой, а скорее наоборот: народные потребности оставались бы в ней менее удовлетворенными, чем в первом случае; для всего народа, во втором случае, изменяется лишь картина перемещения доходов из одних карманов в другие ¹⁾.

Весьма близок к проф. *Вагнеру Маршалл*. Подобно *Фишеру*, доходом он считает употребление или использование богатства, в каких бы видах и формах оно ни выражалось, и независимо от тех дальнейших целей, ради осуществления которых происходит это использование, утилизация. Сюда включаются таким образом, по мнению *Маршалла*, блага, которые лицо получает от собственного пианино и т. п. «Социальный доход может быть учтен путем складывания доходов отдельных индивидов в обществе. ...Каждая вещь, которая производится в ходе года, каждая услуга, оказанная одним лицом другому, каждая новая полезность—является частью национального дохода» ²⁾. Такими определениями социального дохода проф. *Маршалл* почти повторяет *Вагнера*. При дальнейшем, однако, и более детальном анализе национального дивиденда, в целях учета его, проф. *Маршалл* допускает значительные ограничения и расходится уже с *Вагнером*. При учете национального дохода, подлежащего распределению, лучше всего,—говорит он,—следовать общей практике и не причислять в виде части национального дохода или дивиденда то, что вообще не считается частью дохода индивида: услуги, оказываемые самому себе, а также такие услуги, которые индивид оказывает даром, наприм., членам своей семьи или друзьям; выгоды, которые данное лицо получает от пользования собственными личными благами или публичной собственностью, вроде, напр., свободных от пошлин мостов,—все это не причисляется к части национального дивиденда ³⁾.

Второе направление, противоположное первому индивидуалистическому, совершенно отбрасывает понятие услуг и нематериальных полезностей и имеет дело лишь непосредственно с производством материальных благ и их распределением. Это направление исходит в своем теоретическом построении понятия социального дивиденда не от хозяйствующего субъекта, не от индивидуума, а от общества; оно принимает во внимание не индивидуальное хозяйство, а общественное производство в его целом; оно не собирает индивидуальных признаков отдельных хозяйств, чтобы по ним составить представление о целом, а делает наоборот: из анализа всего общественно-хозяй-

schen Instituts, 1903 (*Zeitschrift des königlich preussischen Statist. Bureaus*, 24 Jahrgang, 1904. II Abtheil, Berlin, стр. 44).

¹⁾ A. Wagner, *ibid.*, стр. 46.

²⁾ Alfred Marshall. *Principles of Economics*. Vol. I. London 1898. Fourth edition, стр. 149, 150.

³⁾ *Ibid.*, стр. 599.

ственного организма, как целого, приходит к уяснению характерных признаков отдельных элементов—частных хозяйств,—входящих в состав целого. Современное общество,—говорит проф. *Кларк*,—создает свое богатство кооперативно, соединенными усилиями своих различных членов; такое коллективное производство представляет собою гигантскую синтетическую операцию, где каждое лицо может вкладывать частицу в одно общее целое, что является доходом всего общества. Распределение же этой огромной массы, коллективно созданной,—продолжает проф. *Кларк*,—является лишь результатом социальной организации производства, представляя элемент второго порядка ¹⁾. Имея в виду лишь *материальное производство* ²⁾, представители социального направления разумеют как под общественным богатством, так и под валовым продуктом и социальным дивидендом лишь *материальные ценности*, непосредственно созданные в производственном процессе, находящие свое выражение в определенных, измеряемых величинах, безразлично, будут ли последними деньги, рабочее время или что-нибудь другое. Услуги и неподлежащие измерению полезности и возможности их в данном случае не потому не принимаются в расчет и отбрасываются, что их невозможно учесть, но делается это потому, что все эти различные услуги и полезности являются образованием второго порядка, являясь и возникая на основе уже произведенного и распределенного первичного продукта, как результат обмена, перемещения и утилизации реальных ценностей, уже существующих и уже учтенных. Те выгоды, которые собственник пианино получает от своей собственности в виде постоянных, может быть, все нарастающих музыкальных наслаждений (не поддающихся измерению «полезностей»), не имеют никакого непосредственного отношения к сумме социального дохода, как к сумме непосредственно произведенных обществом ценностей. Социальное направление является отсюда строго объективным при учете и определении социального дивиденда и придерживается объективно-реального метода учета, состоящего в регистрировании всех чистых реальных доходов основных ветвей общественного производства, состоящих из общей суммы всей национальной заработной платы, плюс всей национальной прибавочной ценности, во всех ее различных видах. К представителям данного направления принадлежат *Робертс*, *Рёсслер*, *Маркс*, *Р. Мейер*; равно как близки к нему классики в лице *А. Смита* и *Рикардо*, а также *Рюмелин*, *Шаль*, *Каморзинский*, *Фельнер* и многие другие.

В том или ином определении понятия социального дивиденда решающим моментом является различие основных точек зрения, из которых исходят исследователи. Индивидуалистическое направление строго стоит на индивидуалистической точке зрения, при которой центральным пунктом является индивидуальное частное хозяйство, каждая отдельная хозяйствующая личность. Напротив, социальное направление придерживается при исследовании экономических явлений социального метода и исходит из анализа всего общественного производства в его целом. Различие этих двух точек зрения или методов исследования приводит к весьма различным результатам. С обще-

¹⁾ John Bates Clark. Essentials of Economic theory as applied to modern Problems of Industry and public Policy. New-York 1907, стр. 60.

²⁾ Во «Введении к критике политической экономии» Маркс, начиная главу о «производстве вообще», говорит: «Der vorliegende Gegenstand ist zunächst die materielle Production». Marx Karl, Zur Kritik der polit. Oeconom. Herausg. von K. Kautsky, стр. XIII. Zweite Ausg. Stuttgart 1907.

ственно-хозяйственной точки зрения *общественный доход есть сумма общественной ценности, вновь созданной в общественно-трудовом процессе, за данный хозяйственный период*. С этой точки зрения индивидуальные доходы врача, чиновника, держателя ценных бумаг, приносящих проценты, не будут составлять частей национального дохода, так как эти доходы отдельных индивидуумов представляют собою лишь перемещенные доходы, перенесенные от одного лица к другому; они отнюдь не являются вновь созданными в общественном хозяйстве *новыми* ценностями. С точки же зрения индивидуалистического метода, по которому национальный доход равен сумме индивидуальных доходов, все эти доходы врача, рантье и т. п. будут частью национального дивиденда, так как они являются действительно новыми ценностями, притекающими извне, с известной периодичностью, в их частное хозяйство. Итак, одно и то же экономическое явление с одной точки зрения является частью национального дивиденда, с другой — нет. При этом при индивидуалистическом толковании национального (социального) дохода, в последнем необходимо должны повторяться несколько раз одни и те же количества. Представим себе, например, крупного домовладельца, имеющего управляющего на определенном жалованьи; представим себе далее, что последний держит лакея, кучера и повара и, наконец, домашнего врача. В этом случае мы имеем такую цепь доходов всех этих частных хозяйств: доходы врача, лакея, повара и кучера источником своим имеют доходы управляющего, являясь расходами последнего и составляя лишь часть его доходов; в свою очередь, доходы управляющего являются частью доходов домовладельца; наконец, доходы домовладельца точно также являются частью доходов частных лиц квартиронанимателей; если последние точно также живут на доходы, не имеющие своим непосредственным источником непосредственное участие в общественно-производственном процессе, то вся изложенная группа доходов, начиная с повара и кончая квартиронанимателями, относится к производным доходам, не является новой ценностью, создаваемой в общественном хозяйстве, и представляет собою лишь перемещенные, на том или другом основании, доходы от одних лиц к другим. И если к сумме национального дохода относить каждый доход всех этих групп в отдельности (доход повара, врача, лакея, кучера, домовладельца и квартирантов), то неизбежно придется одни и те же суммы учитывать по несколько раз.

В вышеприведенном случае мы сталкиваемся с вопросом о делении доходов на первоначальные и производные, или доходы «первого порядка», как доходы групп или лиц, непосредственно участвующих в общественном «материальном» производстве, и представляющие собою вновь созданную в общественном хозяйстве сумму ценности, и доходы «второго порядка», т.-е. доходы уже созданные и лишь перемещенные от одних к другим. Это деление доходов на первоначальный и производный необходимо иметь в виду при учете национального дивиденда во избежание повторений. Сообразно этому делению, необходимо различать два вида раздела социального дивиденда: один раздел — первоначальный, основной, представляющий собою раздел вновь созданной в производстве ценности, раздел, совершающийся между основными классами общества, и другой — производный, происходящий между отдельными лицами. После того, как общественный доход первоначально распределится между классами, начинается процесс распределения второго порядка. В любой данный момент, в современном капиталистическом обществе существует множество таких групп и лиц, которые имеют источником

своего существования уже первоначально размещенный доход: таково государство и разные общинные организации, живущие преимущественно на счет обложения первоначального дохода: чиновники, духовенство, войско, адвокаты, врачи и т. д. Все эти лица, группы, союзы, учреждения живут на счет уже получивших доход непосредственно из производственного фонда (вновь созданных ценностей), при посредстве целой сети всевозможных перемещений между индивидуальными доходами. Этот последний доход «второго порядка» и распределение его происходят главным образом на почве обмена услуг «нематериального» свойства на материальные ценности. Такой «производный» доход не прибавляет, разумеется, ничего нового в общую массу произведенного «первоначального» общественного дохода и в социальный дивиденд не входит.

Деление общественного или национального дохода на первоначальный и производный очень старого происхождения. *Митхоф* находит, что в более старой экономике различие между тем и другим видом имело во много раз более важное значение, чем в новейшее время. Он ставит это различие в связь с отношением к понятию хозяйственного блага и производительности. Так, физиократы считали за первоначальный доход лишь доход, получаемый земледельцем и землевладельцем¹⁾.

Равным образом, *А. Смит* делил «весь годовой доход» общества на первоначальный и производный, находя, что лишь первый равен в своей сумме всему общественному «продукту»; первоначальный доход он сводил к заработной плате производительного труда, рент с земли и прибыли с капитала; производный же — ко всякого рода иному доходу, состоящему из жалований, пенсий, вообще доходу от непроизводительного труда, который имеет источником своим первоначальный доход²⁾. Это деление *А. Смита* было заимствовано немецкими учеными и последователями *А. Смита*. Его развивают *Шторх*, *Вебер* и *Краус*³⁾, хотя у первых двух оно приобретает несколько своеобразный смысл: под первоначальным доходом они разумеют тот доход, который получает каждый из трех классов в виде эквивалента за долю содействия в производстве⁴⁾; производный же — это, по их мнению, та часть первоначального, которую каждый класс пускает в обращение, в обмен с другими классами; доход, являющийся в результате этого обмена, и будет производным. Если, — говорит *Шторх*, — первоначальный доход является в силу соглашений между предпринимателем и собственниками производительных сил, то производный доход есть результат соглашений между предпринимателями и потребителями⁵⁾. То же почти говорит и *Weber*: первоначальное распределение — это такое, которое происходит между всеми производителями и рабочими, между реальными участниками производства; производное же распределение совершается благодаря циркуляции обмена⁶⁾. Равным образом,

¹⁾ Mithoff Th. Die volkswirtschaftliche Vertheilung. Schönberg's Handbuch der Politischen Oekonomie. Vierte Auflage. Erster Band. Tübingen 1896, стр. 648.

²⁾ A. Smith. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London. Routledge's edition, chap. VI, стр. 40.

³⁾ Christian Jacob Kraus. Staatswirtschaft, посмертное издание Hans'a von Auerswald'a. 1—5 Th. 1808—1811, стр. 26, ч. I.

⁴⁾ Heinrich Storch. Handbuch der National-Wirtschaftslehre. 1819—1820. Hamburg. 1—3 Bb., стр. 176, 177 и 178.

⁵⁾ Ibid, стр. 267.

⁶⁾ Dr Friedrich Benedict Weber, проф. в Бреславле. I—II BB. Breslau 1813, стр. 231.

Рай в своих «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» говорит: «Доход производительных классов называется первоначальным. Те же классы, которые создают себе доход только услугами или ссудой средств потребления, извлекают *производный доход*»¹⁾.

Более точное понятие первоначального и производного дохода могло быть дано лишь после того, как было разъяснено заблуждение классиков, отождествлявших общественный продукт с общественным доходом. Последнее полнее всего было сделано Марксом²⁾. Маркс выяснил, что вновь созданная в результате производственного периода общественная ценность и составит общественный доход; последний будет в то же время и первоначальным общественным доходом. Если же из общей суммы всех индивидуальных доходов вычесть этот первоначальный доход, то мы получим то, что можно назвать производным доходом.

II

Рассматривая процесс производства в его целом, мы находили для выражения социального дивиденда и валового общественного продукта формулу $C + (V + M)$, эквивалентную всему общественному продукту, где $(V + M)$ будет социальным дивидендом, а C — средствами производства. V и M здесь являются частями национального дивиденда, идущими соответственно рабочим и капиталистам. Индивидуалистическая экономика, считающая характерной чертой национального дивиденда его цель быть потребительным фондом для населения, с недоумением останавливается на том случае (типичном для капиталистического хозяйства), когда не вся сумма $V + M$ идет на нужды потребления, но некоторая часть ее (из элемента M , или части капиталистов) вкладывается в машины и идет вообще на увеличение производственного капитала. Обозначим эту часть, идущую на увеличение капитала, через x . Спрашивается: будет ли национальным дивидендом величина $V + M$, или же только $V + M - x$?

Этот вопрос получил значение особенно после того, когда Германом, Шмоллером, Гуттом, Робертом Мейером, Л. И. Петражицким и др. был окончательно установлен признак потребительного назначения, характеризующий понятие общественного дохода или, в нашем смысле, социального дивиденда. Если в содержание понятия социального дивиденда входит лишь вновь созданная сумма ценности, служащая фондом национального потребления (которое совершается без уменьшения основного национального (социального) имущества), то, с общепринятой точки зрения, ценностная величина, идущая не на цели потребления, а на накопление или на увеличение средств производства, не может входить составной частью в национальный (социальный) дивиденд. Но, с другой стороны, эта ценностная величина — часть вновь созданной ценности и, как таковая, казалось бы, она непременно входит в состав социального дивиденда. Если же эту часть не считать принадлежащей к социальному дивиденду, то каковы ее роль и место в общественном воспроизводстве? Господствующее мнение склонно, повидимому, часть вновь созданной ценности, идущей в фонд накопления, а не на потре-

¹⁾ Рау. Шестое издание 1860 (первое — в 1826), § 251.

²⁾ К. Маркс. Das Kapital. II Band. Hamburg 1885, стр. 435 и след.

бительный фонд, не относить к национальному дивиденду. Но является непонятным тогда, каким же образом могут оставаться вне общественного раздела значительные части вновь создаваемых ценностей. Представлялось необходимым разрешить все эти сомнения.

В последнее время наиболее интересовались этим вопросом в американской экономической литературе. Так, Дэвенпорт в книге, посвященной проблеме «Ценности и распределения» (1908), приводит такой пример: предположим, фермер истратил в течение хозяйственного года 500 фунтов стерлингов на собственное содержание и столько же, т.-е. другие 500 фунтов ст., вложил в постройки, сельскохозяйственные орудия и т. п., увеличив этим свой земельный капитал. Итак, что же в данном случае будет доходом фермера: 500 ф. ст. или 1.000 ф. ст.¹⁾ По мнению проф. Кэннана, доход вообще распадается на две части: 1) предметы потребления и 2) увеличение капитала²⁾; доход фермера в случае, приведенном Дэвенпортом, представлялся бы, по его взгляду, в размере 1.000 ф. ст., а не 500 ф. ст. Всякое годовое увеличение ценности, по мнению проф. Кэннана, в любом хозяйственном предприятии, при остающемся неизменным основным капитале, составит часть годового дохода, и дело не меняется от того, пойдет ли эта часть на потребительный фонд, в капитал, или в тот или иной вид сбережения³⁾.

Иначе смотрит на затронутый вопрос Дэвенпорт. Вообще, проблему фонда, поступающего к распределению, Дэвенпорт считает основной проблемой распределения. При решении этой проблемы автор выдвигает на первый план идею потребительного фонда. По его взгляду, потребление является конечной целью производства, а получение, в виде дохода, благ, готовых к потреблению, представляет конечный смысл производственно-распределительного процесса⁴⁾. Не всякий, однако, продукт производства выпадает в распределительный процесс. Существует много видов такой производительной деятельности (productivity), результаты которой не могут вызывать или, по крайней мере, не вызывают никаких претензий, соревнования и борьбы среди кооперирующих производительных факторов⁵⁾. Такова, напри-
мер, та масса труда, которая затрачивается в каждом почти частном хозяйстве со стороны хозяйки дома, а также масса домашних услуг и т. п. Результаты этого труда остаются за пределами распределительного фонда. Характерным признаком в данном случае для социального дивиденда автор считает печать рынка. Прежде чем данный предмет может войти в виде составной части в распределительный социальный фонд, в социальный «distribuendum», он должен пройти через горнило рынка; одной потенциальной возможности сделаться предметом рыночного оборота еще не достаточно для данной цели. Отсюда, Дэвенпорт считает социальным дивидендом дивиденд, состоящий только из продуктов, готовых для потребления, при чем включающий в себе не все из того, что производится для потребления, но лишь такие предметы, которые входят в распределительный процесс и

¹⁾ H. J. Davenport. Value and Distribution. A critical and constructive Study. Chicago—London 1908, стр. 554.

²⁾ E. Cannan. What is Capital?, Economic Journal, 1897, стр. 284. VI.

³⁾ E. Cannan, Elementary Political Economy, стр. 59 (Oxford University Press, 2-nd. Edition, 1897).

⁴⁾ Davenport, ibidem, стр. 554.

⁵⁾ Ibid., стр. 558.

обладают рыночным характером ¹⁾. С этой точки зрения, социальный дивиденд представляется *Дэвенпорту* много меньшим, чем сумма индивидуальных доходов.

Исходя из всех этих рассуждений, в приведенном примере с фермером, *Дэвенпорт* считает доход последнего не в 1.000 ф. ст., но лишь в 500 ф. ст. В этом случае *Дэвенпорт* совершенно солидарен с проф. *Ирвингом Фишером* ²⁾, который держится такого же мнения. В своей книге «Природа капитала и дохода» *Фишер* довольно близок к учению *Маршалла*. Автор старается здесь резко отграничить понятия капитала и дохода. Ради этих целей он устанавливает важное, по его представлению, разграничение понятий *фонда* (stock) богатства и *притока* его (flow или stream). Первое понятие означает известную наличность богатства в любой данный момент, наприм., наличность хлебных запасов в полдень 1 января. Второе понятие, напротив, показывает известное поступление, приток богатств в течение данного периода времени ³⁾. Помимо необходимости различать эти два понятия богатства, проф. *Фишер* считает важным для точного установления понятий дохода и капитала различать еще другие признаки. Большое значение он придает именно тому, что капитал есть *богатство*, а доход—услуги, получаемые от богатства (service of wealth). «Фонд богатства,—говорит он,—существующий в данный момент времени, называется *капиталом*, а приток услуг в течение известного периода времени—*доходом*» ⁴⁾. Обитаемый дом, существующий в данный, взятый нами момент, представляет собою капитал; но тот уют, который доставляет этот дом, или та денежная рента, которую он приносит, будет доходом. Железные дороги в стране — капитал; их услуги по перевозке, или дивиденды, получаемые от эксплуатации транспорта,—доход, который дают эти дороги. «Различие между капиталом и доходом аналогично с различием между desirability и satisfactions (желанием и удовлетворением)» ⁵⁾. При всем этом, проф. *Фишер* считает доход состоящим из *абстрактных услуг*, в отличие от *конкретного богатства* капитала. «Доход общества есть сумма всего притока услуг от всех средств производства, которым обладает общество, в то время как индивидуальный доход есть сумма услуг, доставляемых индивидууму его собственностью» ⁶⁾. Заработанный доход (earned income), и еще не реализованный, проф. *Фишер* отличает от уже реализованного дохода или дохода в собственном смысле. Смешивание этих двух понятий он считает наиболее всего распространенным в экономической науке ⁷⁾. Характерную и основную черту дохода в собственном смысле проф. *Фишер* видит в том, что он — желанный результат, получаемый от того или иного вида богатства, и ради которого богатство только и представляет ценность. Та часть дохода, которая идет на увеличение капитала, по мысли *Фишера*, еще не является желательным результатом ⁸⁾; она представляет собою «заработанный доход», но еще не реализованный; она лишь потенциальный, но не действительный реальный, доход. Увеличе-

¹⁾ Davenport. Value and Distribution, стр. 559.

²⁾ Irving Fisher, prof. The Nature of Capital and Income. New-York 1906.

³⁾ Ibid., стр. 52.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid., стр. 101.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Ibid., стр. 247.

⁸⁾ Ibid., стр. 249.

ние капитала таким образом, как полагает проф. *Фишер*, происходит лишь на счет дохода вообще; чистый же доход общества или индивидуума состоит всецело из потребляемых благ.

Чтобы иллюстрировать свои положения о различии между обычным пониманием явлений дохода и тем, которые развивает автор, *Фишер* прибегает к следующему примеру ¹⁾. Положим, — говорит он, — три брата получили наследство, и каждому досталось по 10.000 ф. ст., при чем каждый из братьев различно использует свое богатство, или капитал. Старший брат вкладывает свой капитал в пожизненную ренту, дающую ему по 500 ф. ст. ежегодно; средний отдал свои деньги в рост, в целях удвоения их через 14 с небольшим лет (по 5%), чтобы получить с этого времени пожизненную ренту в 1.000 ф. ст. в год. Третий брат оказался в высшей степени расточительным: на свой капитал он приобрел аннуитет, дающий ему по 2.000 ф. ст. ежегодно, но в течение лишь 6 последовательных лет. Если анализировать каждый из доходов, получаемых братьями от одинакового капитала, то получается, по *Фишеру*, следующая картина доходов. Первый брат из 10.000 ф. ст. ежегодно получает по 500 ф. ст.; капитал его остается из года в год без изменения; обычное определение дохода в данном случае совпадает с тем, какого придерживается и автор. Но сложнее обстоит дело с доходом второго брата. Последний, в течение первых 14 лет, совершенно не пользуется своим капиталом и, с точки зрения проф. *Фишера*, совершенно никакого дохода за это время не получает. Между тем как с обычно принятой точки зрения среди экономистов, капитал ежегодно приносит его владельцу доход, хотя бы последний и не потреблялся, а поступал в сбережение, увеличивая общую сумму капитала (10.000); в течение первого года доход этот, с обычной точки зрения, будет равен 500, в течение второго — 525, третьего — 551 и т. д.; и лишь после 14 лет, когда капитал удвоится и вкладчик станет получать на руки по 1.000 ф. ст. ежегодной ренты, этот доход сделается таковым и с точки зрения *Фишера*. По мнению *Фишера*, ложное понимание явлений дохода отзывается и на практике, напр., налогового обложения. Если предположить, что доходы облагаются по 10 ф. ст. со 100, то с обычной точки зрения, применяемой и на практике, с первого же года будет взиматься налог в 50 ф. ст., который будет ежегодно увеличиваться, по мере увеличения вложенного капитала, путем приращения процентов. С точки же зрения *Фишера*, подоходное обложение в разбираемом случае должно начаться лишь по истечении 14 лет, когда вкладчик будет получать действительный доход. *Фишер* свой анализ выражает в следующей таблице ²⁾ (см. таблицу № 1 на след. стр.).

Еще сложнее представляется анализ доходов третьего брата, решившего использовать свой капитал полностью в течение 6 лет. С точки зрения *Фишера*, доходом его будут те 2.000 ф. ст., которые приносит ему его капитал, хотя бы последний и направлялся по пути быстрого исчезновения; с точки же зрения обычного понимания, доходом его будет лишь сумма обычных процентов с капитала. Все это *Фишер* показывает в следующей таблице ³⁾ (см там же таблицу № 2).

Правилен ли, однако, анализ понятия дохода, согласно учению проф. *Фишера*?

¹⁾ I. Fisher. The Nature of Capital and Income, стр. 249—252.

²⁾ Ibid., стр. 251.

³⁾ Ibid., стр. 252.

Таблица 1.
Доход второго брата.

	Капитал.	Так на- зывает- мый доход.	Обычно практик. подходит. обложение (со 100=10).	Действи- тельный доход.	Обложение действи- тельного дохода (со 100=10).
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
Вначале	10.000	—	—	—	—
Первый год	10.500	500	50,00	nil	nil
Второй »	11.025	525	52,50	»	»
Третий »	11.576	551	55,10	»	»
Четверт. »	12.155	579	57,90	»	»
Пятый »	12.763	608	60,80	»	»
Шестой »	13.401	638	63,80	»	»
Седьмой »	14.071	670	67,00	»	»
Восьмой »	14.775	704	70,40	»	»
Девятый »	15.513	738	73,80	»	»
Десятый »	16.289	776	77,60	»	»
Одиннадцатый год . . .	17.103	816	81,60	»	»
Двенадцатый »	17.959	856	85,60	»	»
Тринадцатый »	18.856	897	89,70	»	»
Четырнадцатый »	19.799	943	94,30	»	»
14 ¹ / ₅ года	20.000	1.000	100,00	»	»
После 14 ¹ / ₅ года.	20.000	1.000	100,00	1.000	100

Таблица 2.
Доход третьего брата.

	Капитал.	Так наз. доход.	Обычно практик. подходит. обложение (со 100=10).	Действи- тельный доход.	Обложение по действи- тельному доходу (со 100=10).
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
Вначале	10.000	—	—	—	—
Первый год	8.500	500	50,00	2.000	200
Второй »	6.930	425	42,50	2.000	200
Третий »	5.270	340	34,00	2.000	200
Четверт. »	3.530	260	26,00	2.000	200
Пятый »	1.710	180	18,00	2.000	200
Шестой »	nil.	90	9,00	1.800	180
После этого	»	nil.	nil.	nil.	nil.

Мы указывали уже на непригодность индивидуалистического метода при выяснении понятия социального дивиденда. С точки зрения общественно-хозяйственной, ни доход первого брата в примере *Фишера*, ни доходы двух других братьев не являются частями национального (социального) дивиденда, так как переход наследственного имущества есть лишь простое перемещение ценности, отнюдь не создание новой ценности для общества, как целого. На этом основании анализ понятия дохода, даваемый проф. *Фишером* в применении к социальному дивиденду, мы должны разбирать не на частных примерах, приводимых *Фишером* из области частно хозяйственных отношений, но применить этот анализ ко всему общественному хозяйству в его целом. Лишь последний анализ может нам облегчить понимание общественно-хозяйственных процессов и способствовать выяснению поставленного вопроса.

Для изображения производственно-распределительного процесса народного хозяйства удобнее всего воспользоваться схемой *К. Маркса*, по которой общественно-хозяйственный процесс представляется в трехчленном составе, в виде трех основных отделов: I отдел—производство средств производства, II отдел—производство средств потребления рабочего класса и III отдел—производство средств потребления капиталистов. Возьмем предварительно случай простого воспроизводства (схема № 1):

Схема № 1.

Простое воспроизводство.

$$\begin{array}{l} \text{I. } 200 \text{ с} + 100 \text{ v} + 100 \text{ m} = 400 \\ \text{II. } 100 \text{ с} + 50 \text{ v} + 50 \text{ m} = 200 \\ \text{III. } 100 \text{ с} + 50 \text{ v} + 50 \text{ m} = 200 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } 200 \text{ с} + 100 \text{ v} + 100 \text{ m} = 400 \\ \text{II. } 100 \text{ с} + 50 \text{ v} + 50 \text{ m} = 200 \\ \text{III. } 100 \text{ с} + 50 \text{ v} + 50 \text{ m} = 200 \end{array}} \right\} \begin{array}{l} \text{реальный потреб.} \\ \text{фонд (в продуктах).} \end{array}$$

$$\text{I — III. } 400 \text{ с} + 200 \text{ v} + 200 \text{ m} = 800$$

Нереализованный доход (потенциально-потребительный фонд). Социальный дивиденд (в деньгах).

В самом нижнем ряду данной схемы (I—III) представлены результаты распределительного процесса общественного производства. Этот ряд выражает общий суммарный итог, во-первых, того, сколько израсходовало общество в производственном процессе на «средства производства» (машины, инструменты, здания, сырой и вспомогательный материал и т. п.); во-вторых, того, сколько за вычетом этих «издержек производства» оставалось в виде чистого общественного дохода, который распределялся между двумя общественными классами рабочих и капиталистов; эта последняя сумма ($200 \text{ v} + 200 \text{ m}$) и есть *социальный дивиденд*, объект, подлежащий разделу. Данный социальный дивиденд, как конечный результат производственно-распределительного процесса, не является еще, однако, *потребленным фондом* для общества, взятого в целом. Он выражает собственно лишь известную сумму общественной ценности, которая может быть употреблена на предметы потребления и предназначена для последней цели, но не непременно полностью: в руках общества она может в значительной своей части быть употреблена и на другие цели, напр., на цели накопления, увеличения капитала и т. п., что обыкновенно мы и видим в капиталистическом хозяйстве. Мы можем сказать поэтому, что в нашем смысле *социальный дивиденд* есть лишь *потенциально-потребительный фонд*, или общественный доход,

не реализованный еще на цели потребления. Не реализован он лишь в том смысле, что не превращен в готовые, конечные продукты, годные для непосредственного потребления, но реализован в том смысле, что переведен на деньги.

Продолжая дальше свой анализ социального дивиденда, мы найдем, что одна часть социального дивиденда, идущая в виде заработной платы рабочему классу, — в нашей схеме $200v$ — расходуется на предметы потребления во время самого процесса производства и реализуется в этом потреблении без остатка, так как известно, что рабочий класс не делает накоплений, а живет всецело на то, что получает на свою долю из созданного им дивиденда. Следовательно, по отношению к рабочему классу часть дивиденда, идущая в виде заработной платы, будет представлять собою *реализованный доход*, в каком бы смысле этого слова мы ни понимали его. Это означает, что сумма рабочего дохода, или заработной платы, полученной рабочими в течение всего производственного периода, должна быть полностью реализована и покрыта ценностью предметов потребления рабочих. Общественное хозяйство не может выбрасывать на рынок количество продуктов рабочего потребления с большей ценностью, чем сумма общей заработной платы, так как иначе часть продуктов рабочего потребления останется нереализованной и не будет иметь никакой ценности. Для сохранения же в своем потребительном виде, в виде запаса, эти продукты не годятся, как большинство предметов потребления вообще. Таким образом доход рабочих, в виде известной ценности, воплощенной в заработной плате, в общественном производстве необходимо соответствует ценности произведенных во II подразделе предметов рабочего потребления. Это значит, что ценность средств существования рабочих должна соответствовать ценности заработной платы и наоборот. Только в этом последнем смысле и имеет здесь место известная формула средств существования, которую *Маркс* всячески ограждал от неправильного понимания его в рикардовско-родбертусовском смысле. Этот закон соответствия заработной платы ценности средств существования ничего большего не означает, как только то, что рабочие не имеют накоплений и что их доход в общественном производстве идет полностью на предметы потребления рабочих, создаваемых в нашей схеме в подразделе II. «Деньги, уплачиваемые капиталистами рабочему за употребление рабочей силы, в действительности, представляют, — говорит *К. Маркс*, — всеобщую эквивалентную форму необходимых средств существования рабочего. Постольку и переменный капитал материально заключается в средствах существования» ¹⁾.

Итак, нижний ряд схемы № 1 означает общий итог элементов общественного производства, полученный в конечном результате производственно-распределительного процесса: в этом итоге мы находим $400c$, полностью израсходованных, истраченных к концу производственного периода, и $(200v + 200m)$ — сумму, оставшуюся в виде социального дивиденда и предназначенную на цели потребления и выраженную в деньгах.

Наоборот, последний направо — вертикальный ряд в нашей схеме показывает общий итог произведенных в каждом подразделе ценностей, как результат исключительного производственно-менового процесса $(400 + 200 + 200 = 800)$. Здесь мы находим, во-первых, вновь произведенными $400c$ цен-

¹⁾ Karl Marx. Das Kapital. Zur Kritik der politischen Oekonomie. Zweiter Band. Buch II. Hamburg 1885, стр. 143.

ностных единиц средств производства, которые являются собственно не «вновь» произведенными, но лишь восстановленными без изменения на месте истраченных во время производства, к концу производственного периода; во-вторых, сумму $(200 + 200)$, которая является реальным *потребительным общественным фондом*, выраженным в продуктах. Первые 200 в этой сумме представляют собою потребительный фонд рабочих и вторые 200—потребительный фонд капиталистов. В нашем случае, так как мы брали случай простого воспроизводства, потребительный фонд вполне совпадает с суммой социального дивиденда. Если бы, впрочем, мы имели перед собой случай производства в расширенном размере, то потребительный фонд рабочих и в этом последнем случае необходимо совпадал бы с общей суммой всей заработной платы; но часть дивиденда, идущая капиталистам, уже не будет соответствовать потребителю фонду этого класса: она может быть много больше последнего фонда и может быть вложена не в предметы потребления, а в капитал или средства производства. Чтобы видеть, как происходит в таком случае размещение производственных элементов, возьмем схему № 2, представляющую случай производства в расширенных размерах.

Схема № 2.

Производство в расширенных размерах.

$$\begin{array}{rcl}
 \text{I. } 250 \text{ с} + 125 \text{ в} + 125 \text{ м} & = & 500 \\
 \text{II. } 100 \text{ с} + 50 \text{ в} + 50 \text{ м} & = & 200 \\
 \text{III. } 50 \text{ с} + 25 \text{ в} + 25 \text{ м} & = & 100 \\
 \hline
 \text{I — III. } 400 \text{ с} + 200 \text{ в} + 200 \text{ м} & = & 800
 \end{array}
 \quad \left. \begin{array}{l} \\ \\ \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{потребит. фонд} \\ \text{(в продуктах).} \end{array}$$

Социальный дивиденд, нереализованный доход, потенциально-потребительный фонд (в деньгах).

В этой схеме мы имеем социальный дивиденд такой же величины, как и в первом случае, в схеме № 1. Но здесь социальный дивиденд уже не совпадает с реальным потребителю фондом: первый равен $(200 \text{ в} + 200 \text{ м})$, второй $= (200 + 100)$. Часть социального фонда, идущая рабочим, согласно вышеизложенному, должна, однако, строго соответствовать потребителю фонду рабочему; мы в данном случае находим поэтому, что 200 в полностью покрываются ценностью предметов потребления рабочих, созданных во II подразделе (200). Но часть дивиденда, достоящая капиталистам, на 100 ценностных единиц превышает размер потребителю фонда капиталистов. Очевидно, эти 100 единиц капиталисты реализовывают не в предметах потребления (реализация же, разумеется, необходима во всяком случае, ибо всюду предполагается, что спрос во всех частях производства равен предложению). Реализацию этих 100 единиц мы находим в продуктах средств производства I подраздела. Это означает, что капиталисты пожелали вложить часть своего дохода, полученного в результате раздела, в производство средств производства, т.-е. на увеличение производственного капитала, которого теперь вместо 400 единиц произведено на 500. Пока общественный продукт в своей ценности не увеличился. Но несомненно, что увеличение капитала предназначено для получения большей ценности и вообще для более выгодной реализации в будущем. Следующий хозяйственный период

должен начаться уже с повышенным составом капитала. Во всяком случае, капиталист-предприниматель может рассчитывать на то, что вложенная в машины ценность будет полностью восстановлена в том или ином виде. Но одними этими расчетами он не удовлетворяется: вместе с этим он рассчитывает также на то, что при капитале большей ценности можно извлечь, во-первых, большее количество продуктов при одной и той же рабочей силе, вследствие увеличения производительности труда; во-вторых, он рассчитывает и на изменение в благоприятную для себя сторону массы прибавочной ценности. Если оправдывается последний расчет капиталистов, то доля рабочих в социальном дивиденде падает, доля же капиталистов соответственно увеличивается; при чем падение доли рабочих будет иметь место и тогда даже, когда заработная плата (и индивидуально, и в общей сумме) абсолютно возрастет. Схематически, этот ход общественного производства, в случае простого воспроизводства, выразится в наших схемах в следующем виде:

Схема № 3.

$$\begin{array}{lcl}
 \text{I. } 260^{3/12} \text{ с} + 1147^{1/12} \text{ в} + 125 \text{ м} = 500 \\
 \text{II. } 1147^{1/12} \text{ с} + 50^{3/12} \text{ в} + 55 \text{ м} = 220 \\
 \text{III. } 125 \text{ с} + 55 \text{ в} + 60 \text{ м} = 240
 \end{array}
 \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I.} \\ \text{II.} \\ \text{III.} \end{array}} \right\} \begin{array}{l} \text{потребит. фонд} \\ \text{(в продуктах).} \end{array}$$

$$\text{I — III. } 500 \text{ с} + 220 \text{ в} + 240 \text{ м} = 960$$

Социальный дивиденд (нереализованный доход), потенциально-потребительный фонд (в деньгах).

В приведенной схеме повысился органический состав капитала с $\frac{22}{11}$ до $\frac{25}{11}$. Зарплата возросла на 10%. Норма прибавочной ценности, или отношение $\frac{m}{v}$, со 100% увеличилась до 109%. Доля рабочих в общественном доходе, которая прежде составляла 50% последнего, теперь понизилась до 47,8%, в то время как доля капиталистов соответственно возросла (с 50% до 52,2%). Норма прибыли осталась без изменения ($33\frac{1}{3}\%$)¹⁾.

¹⁾ Примечание ко 2-му изданию. Правильное понимание схем простого и расширенного воспроизводства, составленных на основе положений II тома «Капитала», имеет большое значение для правильного анализа явлений кризисов и разрешения проблемы рынков. В данном случае нам представляется необходимым подчеркнуть следующее: 1) Самый нижний горизонтальный ряд схемы № 2 (наприм.), т.-е. равенство $400c + 200v + 200m$ показывает, сколько во время производственного процесса израсходовано было средств производства и какова была сумма социального дивиденда (общественного дохода), полученного классами в форме денег за весь производственный период, при чем эта сумма к концу производственного года или вернее к началу нового уже не существует в форме денег; схема показывает лишь, какова была эта сумма, но к концу года ее уже в действительности нет; 2) последний вертикальный ряд схемы ($500 + 200 + 100$) показывает, сколько было создано продуктов, в которых мог быть реализован общественный доход, и во что этот доход был в действительности вложен, при чем $200 + 100$ — это продукты, уже к концу года потребленные, а 500 — это фонд из средств производства, оставшийся к новому производственному периоду.

Приведенное схематическое изображение общественного процесса производства в его двух основных стадиях (без накопления и при накоплении) дает нам возможность ответить на сомнения, выставленные в англо-американской литературе относительно того, составляет ли часть дохода, идущая на увеличение капитала, реальный элемент социального дивиденда.

Двойное деление дохода, которое мы видели у проф. *Ирвинга Фишера*, не случайно. Это деление (на доход earned—заработанный¹⁾, но еще не потребленный—и доход в собственном смысле) соответствует, в приложении ко всему общественному производству в его целом, нашим понятиям о потенциально-потребительном и реально-потребительном фонде. Но *Дэвенпорт* и *Фишер* полагают, что «заработанный», но нереализованный доход не является еще социальным дивидендом, так как он может еще и не пойти на цели потребления. Мы находим из своих схем, что во всех случаях общественного производства социальным дивидендом является именно только потенциально-потребительный общественный доход. Мы находим далее, что понятие реализованного дохода или дохода в собственном смысле в теории *Дэвенпорта* и *Фишера* приложимо и совпадает с социальным дивидендом в нашем смысле лишь в случае простого воспроизводства. Наконец, нельзя не отметить и того, что как ни далеки американские экономисты от мысли о простом и расширенном воспроизводстве, как двух различных сторонах одного и того же общественного производственного процесса, но их требование о необходимости сведения понятия социального дивиденда к такому моменту, когда производство достигает своей конечной цели—законченного потребления, носит в себе глубокий смысл.

Сведение производственного процесса к его конечному моменту означает не что иное, как выражение его в форме простого воспроизводства. В понимании внутренней связи между различными элементами общественного производства, изображение последнего в форме простого воспроизводства играет весьма важную роль. Различные стороны и отношения между производственными элементами могут быть яснее поняты только тогда, когда общественный процесс закончен, когда он представлен в виде осуществленной цели общественного производства, когда эта конечная цель уже достигнута. Нельзя оспаривать того несомненного факта, что в капиталистическом хозяйстве основным, главным двигающим мотивом и ближайшей целью является капиталистическое накопление, которое отодвигает общественные цели потребления на последний план. «Накопляйте, накапливайте. В этом закон и пророки!». Но, с другой стороны, капиталистическое производство является лишь исторической формой общественного хозяйства, в котором общественные цели всегда остаются и сохраняются в силе. И если в общественном хозяйстве чисто капиталистические цели и мотивы приводят к таким результатам, которые сильно расходятся с общественными интересами и целями, то хозяйство начинает переживать момент серьезного и глубокого потрясения, которое отражается и на самом ходе капиталистического производства; последнее приходит в расстройство и автоматически должно прекращать свой ход к безграничному накоплению, в котором оно не соотносилось с возможностью реализации создаваемых и накапливаемых богатств,

¹⁾ Понятие «earned income» в приводимом случае взято *Фишером* весьма неудачно. Оно имеет свой известный смысл лишь там, где оно противопоставляется «незаработанному» (unearned) доходу. Последнего же в данном случае нет.

с реальной силой народного потребления. В последнем факте, ни одним из экономистов не оспариваемом, обнаруживается, как нам кажется, несомненная тенденция, существующая в капиталистическом хозяйстве, к сохранению равновесия между развитием производительных сил населения и ростом народного потребления, равновесия, нарушение которого не может долго продолжаться и выражается в ряде потрясений, переживаемых от времени до времени. В абстракции, это равновесие есть то состояние, в котором находится хозяйство в случае простого воспроизводства. «...Если даже совершается накопление, простое воспроизводство всегда,—говорит Маркс,—представляет часть последнего; следовательно, его можно рассматривать обособленно, оно—реальный факт накопления» ¹⁾. И «поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную часть, и всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе, этот мотив—личное потребление—остается, выступая в сопровождении мотива и в противоположность мотиву обогащения, как такового. В действительности дело представляется запутаннее, потому что дольщики (partners) в добыче—в прибавочной ценности капиталиста—выступают как независимые от последнего потребители» ²⁾.

Мы допускаем, что простое воспроизводство и для капиталистического хозяйства составляет тот центральный пункт, к которому тяготеет капиталистическое производство, как к состоянию равновесия. Это состояние равновесия является, конечно, лишь in abstracto, как необходимая методологическая предпосылка в целях понимания сложных явлений хозяйства, находящегося в постоянном движении,—предпосылка, опирающаяся, однако, на реальные факты, на действительную основу хозяйственной организации. Эту идею состояния равновесия, как важный момент во всяком движении, проводят экономисты самых различных направлений. Эту идею мы находим, между прочим, не только у Маркса, но и у Кларка ³⁾, Лексиса ⁴⁾, Шумпетера ⁵⁾.

В состоянии равновесия хозяйственной системы современного производства социальный дивиденд, как лишь потенциально-потребительный общественный фонд, сливается с понятием реально-потребительного фонда, как потребленного без остатка дохода. Народное «богатство» и народное потребление в этом случае развиваются в полном соответствии, не допускающем или делающем невозможным на долгое время развитие первого в ущерб последнему.

Представляя предмет, подлежащий разделу между классами, в виде $v+m$, мы следуем в данном случае Марксу, сводившему трехчленную формулу классиков (прибыль+земельная рента+заработная плата) к более абстрактной двухчленной формуле: заработная плата+прибавочная ценность. Такую абстракцию можно видеть у Родбертуса, разлагавшего общественный

¹⁾ К. Маркс. Das Kapital. B. II. Herausg. von Fr. Engels. Buch II, Hamburg 1885, стр. 389.

²⁾ Ibid., стр. 407.

³⁾ J. B. Clark. Essentials of Economic Theory. New-York 1907, стр. 132, 133. (Идея статического или естественного состояния.)

⁴⁾ W. Lexis. Allgemeine Volkswirtschaftslehre. Berlin. 1910, стр. 140. Лексис говорит здесь о «стационарном» хозяйстве.

⁵⁾ I. Schumpeter. Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig 1908. II Teil. (Das Problem des statischen Gleichgewichtes), стр. 117 и далее.

доход («общественный продукт», по его выражению) на два основных элемента: заработную плату и ренту вообще, а также и у *Рикардо*, исключавшего при исследовании отношений труда и капитала элемент земельной ренты. Еще до *Рикардо* ту же идею двухчленной формулы, в виде идеи заработанного и незаработанного дохода, развивали, как мы увидим ниже, ранние английские социалисты, напр., *Чарльз Холл* и др.

В новейшее время такую же двухчленную формулу дохода вместо прежней триады выдвигает, ради методологических целей, проф. *Кларк*. Для «естественного» или «статического» состояния общества, в каком, по мнению *Кларка*, только и можно понять законы распределения, существует лишь доход в двух видах: как процент и как заработная плата. Если бы общество,—говорит *Кларк*,—не переживало никаких изменений и пертурбаций, если бы конкуренция была абсолютно свободна и если бы труд и капитал были настолько подвижны, что малейшее побуждение давало бы им полную возможность свободного перехода из одной ветви в другую, то в предприятиях не было бы никакой прибыли, а труд и капитал создавали бы и получали полный социальный доход ¹⁾. Прибыль же может быть и не быть ²⁾. В статике *Кларк* видит только два закона распределения: закон процента и закон заработной платы ³⁾. Земельной ренты, как особой категории, для *Кларка* не существует, так как землю, как фактор производства, он не различает от капитала, идентифицируя эти понятия.

Идея сведения общественного дохода к двум основным элементам его является одним из важных завоеваний в экономической науке. Что начали в этом отношении ранние английские социалисты, а за ними классики-рикардианцы, то довершил *Маркс*. Эта абстракция ведет к более ясному исследованию сложнейшей экономической проблемы взаимоотношений труда и капитала и открывает путь для установления экономических законов распределения. Но прежде чем этот путь был намечен, идея распределения прошла целый ряд ступеней в своем развитии, пока не вылилась, в конце концов, в идею отношений. Как развивалась идея распределения в политической экономии, мы увидим в нижеследующем.

¹⁾ John Bates Clark. Essentials of Economic Theory as applied to modern Problems of Industry and public Policy. New-York 1907 стр. 76, 77.

²⁾ B. Clark, Ibid., стр. 85, 87.

³⁾ B. Clark, Ibid., стр. 90.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УЧЕНИЕ О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ, КАК ДОЛЕ РАБОЧИХ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДОХОДЕ. РАННИЕ АНГЛИЙСКИЕ СО- ЦИАЛИСТЫ

I

В экономическом понятии заработной платы мы отметили три различных стороны: производственную, меновую и распределительную. Соответственно с этим общественно-хозяйственное явление заработной платы можно изучать с трех различных в методологическом смысле точек зрения: с точки зрения производства, обмена или распределения.

Сама по себе заработная плата есть некоторая ценность, поступающая в общественном хозяйстве классу наемных рабочих. В данном случае, как и во всех других, где речь идет об экономических категориях, в понятии заработной платы разумеется определенная *историческая* категория, соответствующая определенной хозяйственной системе, именно—капиталистическому производству, современному хозяйственному строю. Как общественно-хозяйственная категория, заработная плата возникает лишь с появлением системы вольно-наемного труда, т.-е. с появлением разобщенного от средств производства и от земли рабочего, вынужденного жить только продажей рабочей силы на трудовом рынке. Отсюда, теоретическое конструирование понятия заработной платы и возникновение учений о заработной плате может быть мыслимо лишь с момента возникновения и роста капитализма. Собственно и сама наука политической экономии начинает складываться лишь в революционный период великого промышленного переворота (XVII—XVIII в.в.), к каковому периоду относятся и первые зачатки учения о заработной плате. Что в древние века, — говорит *Фридрих Нейман*, — несмотря на довольно развитое учение о государстве, несмотря на знаменитые аристотелевские исследования, не было ни социальной, ни экономической «политики», можно приписать тому обстоятельству, что тогда отсутствовали два ряда противоположных интересов, играющих такую выдающуюся роль в хозяйственной истории нового времени, а именно: противоположности, во-первых, между различными профессиями и, во-вторых, между двумя большими классами свободных рабочих, с одной стороны, и предпринимателей—с другой, ибо на почве отношений ойкосного хозяйства не могло образоваться противоположности между аграрными, торговыми и промышленными интересами. Лишь с появлением свободного труда создана была почва для развития противоположных интересов между отдающими в наем свою рабочую силу и нани-

мателями последней. Между тем, лишь вместе с этой противоположностью могли появиться различные направления в учении о заработной плате ¹⁾.

Еще определеннее высказывается о характере момента и исторической почве возникновения учений о заработной плате *Артур Зальц*, который в своей книге, посвященной теории фонда, говорит: «В силу отношений, возникших на почве заработной платы, создалось явное для всех распадение общества на две различных группы: высшего и низшего порядка. Это повело к неравенству, столкновениям, борьбе; массы начали стараться формулировать и обосновывать свои требования, и таким образом выростала необходимость исследовать проблему заработной платы непосредственно в практических целях: и с точки зрения социальной политики, и с точки зрения финансовой техники, и проч. Наличие такого рода практических, социально-политических и финансово-технических вопросов, в связи с необходимостью выработки различных мер, направленных к осуществлению и проведению данной политики, способствовала развитию теоретического исследования. Занялись вопросом об источниках заработной платы, о формах ее, о возможности или невозможности ее роста и т. д. И таким образом различные теории заработной платы образовались постепенно из борьбы мнений и столкновений различных идеалов; а затем уже позднее, когда последним была придана форма естественных, непреложных законов, стали использовать эти теории с другой уже стороны: в целях оправдания и объяснения совершенно иных желаний, иных интересов» ²⁾.

Вообще говоря, исторической предпосылкой, на почве которой могли возникнуть и развиваться учения о заработной плате, служит система наемного труда, с вытекающими из нее необходимыми следствиями: противоположностью интересов, неизбежными конфликтами, классовой борьбой и проч.

История развития учений о заработной плате представляет собою сплетение трех проблем: производственной, меновой и распределительной. Так как наше внимание направлено лишь исключительно на последнюю проблему, а характер и содержание этой проблемы в современных теориях обыкновенно не разграничивается с двумя первыми, то нам необходимо остановиться на этом пункте еще раз (см. главу первую), чтобы точнее установить нашу точку зрения.

Изучение всякого хозяйственного явления проходит обыкновенно две стадии развития. В первой стадии изучаемое явление разбирается в его конкретных формах; оно здесь носит все наиболее характерные черты, с какими данное явление проявляется и дано нашему непосредственному наблюдению; оно здесь еще индивидуализировано. Во второй стадии, напротив, перед исследователем исчезают всякие индивидуальные черты изучаемого явления; последнее освобождается от своих конкретных, непосредственно наблюдаемых форм; оно здесь изучается в общем своем виде, в абстракции, будучи связано со всей системой явлений данной области, будучи введено в общую совокупную цепь однородных явлений, т.-е. в цепь общественно-хозяйственного процесса в его целом и законченном. В первой стадии наше хозяйственное явление как будто и ближе к житейской правде, к индивидуальной действительности, но общественно-хозяйственная сущность

¹⁾ Neuman Fr. Zur Lehre von den Lohngesetz. Konrad's Jahrbücher, 59, 3, F., 4 Bd., стр. 225 и след.

²⁾ Arthur Salz. Beiträge zur Geschichte und Kritik der Lohnfondstheorie. Stuttgart und Berlin 1905, стр. 5.

его перед нами обыкновенно далеко скрыта. Наоборот, во второй стадии объект нашего изучения кажется далеким от наблюдаемых форм хозяйственной действительности, и тем не менее перед нами может быть ясно вскрыта общественная природа изучаемого нами хозяйственного явления, его общественные функции, его связь с целым. Как известно, первые научные шаги политической экономии начались с меркантилизма, с изучения явлений рынка, торговли, денег. Физиократы и классики уже много глубже подошли к изучению хозяйственной жизни, но и у них «индивидуализация» выражена еще ярко; явления, напр., заработной платы, земельной ренты, прибыли они не могли себе представить иначе, как лишь в форме вопроса о высоте заработной платы на голову среднего рабочего, о высоте земельной ренты с десятины или акра средней по качеству земли, о средней высоте прибыли со 100. В теориях представителей научного социализма мы, наконец, находим уже более высшую по степени абстракцию: так, напр., у *Маркса* и *Робертса* заработная плата рассматривается уже как *отношение*, как масса всех заработных плат в обществе, в своем отношении к массе общественного дохода.

В учениях заработной платы можно проследить указанные стадии. Пока заработная плата рассматривается индивидуалистично, не в своей социальной массе, а на голову среднего рабочего, до тех пор она сводится к понятию издержек производства. И как в проблеме издержек производства на первом месте стоит вопрос об абсолютных размерах издержек производства, так и в проблеме заработной платы, как издержек производства, экономисты выдвигали в качестве вопроса проблему средней высоты заработной платы per capita. В отношении к конкретной действительности такая постановка казалась наиболее понятной: частный предприниматель в вопросе заработной платы интересовался более всего тем, как высока заработная плата, отчего зависит «вздорожание» заработной платы, как влияет эта высота заработной платы на цены товаров, как сократились издержки на живой труд и т. д.; с другой стороны, и рабочий, взятый сам по себе в отдельности, интересовался и мог интересоваться прежде всего тем, как высока его заработная плата, как увеличить ее размеры, что влияет на ее размеры и т. п. В такой постановке заработная плата и являлась производственно-меновой проблемой по преимуществу. Здесь речь шла о заработной плате-цене, которая, как и всякая цена, индивидуальна, т. е. может устанавливаться только на единицу товара. Но в такой постановке заработная плата, как важное звено в общей цепи общественного воспроизводства, оставалась невыясненной. Между общественно-хозяйственным процессом в его целом и между высотой заработной платы среднего рабочего не было никакой связи, никакого соприкосновения, чтобы в индивидуалистической постановке проблемы можно было затронуть общественный характер заработной платы.

Эту последнюю задачу и ставит себе распределительная проблема заработной платы, которая сводится к вопросу о доле рабочих в общественном доходе. Распределительная проблема заработной платы имеет дело с массой заработных плат в ее отношении к массе всего общественного дохода. Это — проблема отношений, как и всякая распределительная проблема. В своей статической постановке эта проблема исследует отношения зависимости заработной платы, как доли рабочих, от всех остальных основных элементов общественно-хозяйственного целого в каждый данный момент и в особенности отношения зависимости между долей рабочих и долей капиталистов. В дина-

мической постановке эта проблема исследует движение доли рабочих в общественном доходе, в пространстве и во времени и устанавливает законы этого движения.

Но самый характер указываемой постановки в проблеме заработной платы предполагает наличие известного рода предпосылок, на основе которых могла возникнуть и вырасти распределительная проблема заработной платы, как учение о доле рабочих в общественном доходе. Таковыми прежде всего являются: идея общественно-хозяйственного процесса производства и воспроизводства в его целом; идея классов и, в частности, представление о рабочих, как об определенном общественном классе; идея отношений, как важный принцип в исследовании распределительных категорий хозяйства. Вне этих предпосылок и непосредственно вытекающей из них социальной точки зрения при изучении хозяйственных явлений не могло появиться учения о доле рабочих, как распределительной проблеме заработной платы. Прежде чем стала более или менее определенно вырисовываться и намечаться последняя проблема, экономической мысли пришлось сделать длинный путь в своем развитии, испещренный самыми различными теориями заработной платы, как хозяйственной категории вообще. Характерной чертой последних была индивидуалистическая постановка проблемы.

Можно отметить три крупных момента в развитии учений о заработной плате: один момент, относящийся отчасти ко времени, предшествующему промышленной революции, а отчасти совпавшему с переходной эпохой промышленного перелома от мануфактурного производства к крупному машинному; два других момента, напротив, выросли на почве крупного капиталистического хозяйства, но, выросши из одного и того же корня, пошли по двум резко противоположным направлениям.

Первый момент—до появления машин и крупного производства—характеризуется отсутствием рабочего класса в собственном смысле слова, крайне низким состоянием культурного уровня рабочего и, поэтому, общим игнорированием рабочих, как важного фактора в общественной жизни. Сознанию экономистов рабочий представляется здесь не больше, как необходимыми издержками производства, вроде подобных же издержек на рабочий скот. Говоря о целом ряде актов об оседлости для сельских рабочих и ремесленников в Англии, относящихся к концу XVII столетия и укрепивших рабство рабочих, *Роджерс* отмечает, что с этого времени «рабочие перестали быть факторами в политической жизни и более столетия просто были игнорируемы»¹⁾. Мало того, в этот первый период интересы рабочих нередко представлялись вредными для развития национального благосостояния. Вплоть до *Адама Смита*, среди экономистов и государственных политиков царило убеждение, что улучшение рабочих может неблагоприятно отразиться на интересах нации, и что заработная плата рабочих отнюдь не должна подниматься за пределы необходимого. Если *Адам Смит* в своем «Wealth of Nations» еще находит нужным диспутировать по вопросу о том, несчастье или благополучие для страны улучшение в положении рабочих²⁾, то это могло указывать лишь на прочно укоренившийся ко времени *Адама Смита* взгляд, что факт низкого состояния заработной платы благодетелен для страны.

¹⁾ James E. Th. Rogers. Six Centuries of work and wages; the history of English Labour. London 1894, стр. 433 (Ch. XV), cheap edition.

²⁾ A. Smith. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. 1. London 1904, изд. Кэннана, стр. 80.

Легко себе представить, в чем коренился подобный взгляд: чем меньше издержек в любом частном хозяйстве на корм для рабочего скота, тем, *ceteris paribus*, прибыльнее предприятие, тем больше остается чистого дохода. От частного хозяйства эта аналогия переносилась ко всему хозяйству страны, а рабочий просто-напросто приравнивался рабочему скоту, так же как издержки на заработную плату—издержкам на корм. Подобный взгляд всецело вытекал из частно-хозяйственной точки зрения и логически неизбежно вел за собой все остальные выводы: как уровень издержек на корм рабочего скота, так одинаково и уровень заработной платы определялись лишь хозяйственной заботой о необходимом поддержании рабочей силы, расходуемой в процессе труда, и о своевременном воспроизведении этой силы, в целях замены отживающих и дряхлеющих экземпляров молодым и сильным поколением. Так, *Петти* находит, что рабочему должны быть обеспечены только самые необходимые средства к жизни, так как в противном случае рабочий не захочет вкладывать всю свою рабочую силу в дело и поэтому общество будет в проигрыше, лишившись некоторого количества труда ¹⁾. *Петти*, как видно, серьезно озабочен тем, как бы рабочий, достаточно насытившись, не залежился! Такой же взгляд защищают *W. Temple, A. Young, John Houghton*, анонимные авторы «*Essay of Trade and Commerce*» (1770) и «*Considerations on Taxes*» (1765) ²⁾. В связи с подобными взглядами, писатели дореволюционной эпохи защищают политику высоких хлебных цен и принцип экономии низкой заработной платы. Вообще, параллель между издержками на корм и заработной платой была настолько распространена среди экономистов того времени, что в экономической литературе дореволюционной эпохи было не редкостью сопоставление рабочих с рабочим скотом: так, напр., *Кенэ* говорит о том, что обложение рабочих налогами так же невозможно, как невозможно последнее для лошадей, так как оно все равно ляжет на владельцев лошадей ³⁾. Даже и у *Адама Смита* мы находим на этот счет любопытные взгляды: «В цене хлеба, например,—говорит *А. Смит*,—одна часть оплачивает ренту землевладельца, другая—заработную плату или содержание (*maintenance*) рабочих и рабочего скота (*labouring cattle*), занятого в производстве хлеба, и, наконец, третья часть идет в виде прибыли фермеру» ⁴⁾. Как мы видим, *А. Смит* заработную плату рабочего и издержки на прокорм скота не различает.

Общий взгляд на заработную плату накануне промышленной революции сводился к тому, что заработная плата не превышает и не должна превышать необходимые издержки рабочего существования. По мнению экономистов рассматриваемой эпохи, заработная плата ограничена и должна быть ограничена самым минимальным ее размером, соответствующим физиологическому минимуму. Благодаря такому низкому уровню—а в действительности он был таковым и стоял действительно на границе возможного—рабочему не оставалось на развитие его потребностей вообще и на удовлетворение духов-

¹⁾ *W. Petty. Treatise on Taxes and Contributions, London 1679, стр. 64.*

²⁾ Об этом говорит *Schulze-Gävernitz* в введении своего «*Der Grossbetrieb*», Leipzig 1892. Einleitung.

Quesnay, F. Oeuvres économiques et philosophiques. Publ. p. Oncken. Frankf. 1888, стр. 338.

⁴⁾ *Adam Smith. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Book 1, Ch. VI, стр. 38, London, Routledge & Sons—edition.*

ных запросов в частности. Неудивительно, поэтому, что экономисты того времени, выставляя принцип экономии низкой заработной платы, повидимому, сомневались в самой возможности существования подобных высших запросов у рабочего. Защитникам интересов рабочих недаром приходилось много энергии затрачивать для опровержения последнего мнения; таковы, напр., попытки сборщика пошлин *Messance*, на которого указывает *А. Смит*¹⁾.

На почве изложенных взглядов на рабочих и их заработную плату, взглядов, коренящихся в условиях производственной жизни той эпохи и в хозяйственных отношениях последней, и сложилось учение о минимуме заработной платы, или так называемая *теория средств существования*, в формулировке современного французского экономиста *Хр. Корнелиссена*, гласящая: заработная плата ограничена тем, что только необходимо рабочему, чтобы не умереть с голоду²⁾. Представителями этой теории средств существования являются не только виднейшие из французских физиократов, каковы: *Кенэ*, *Тюрго*, *Мерсье де ля Ривьер*, но и более ранние писатели-экономисты: *Локк*, *Кантильон*, *Нэккер* и др.³⁾.

Сюда же принадлежал в значительной степени, уже позднее, и *А. Смит*, хотя у него слышатся уже нотки протеста против господствовавших до него взглядов и первые попытки новых учений. С именем *А. Смита* не связано, однако, ни одного сколько-нибудь определенно выраженного учения о заработной плате. Как известно, *А. Смит*у удалось уловить и отметить большинство важнейших моментов капиталистического хозяйства и его отношений, но сферой наблюдений и материалов для обобщений и анализа у него служила мануфактурная система хозяйства, которая не могла еще резко выдвинуть для исследователя яркие стороны крупно-капиталистического производства.

II

Промышленная революция конца XVIII века сопровождалась важными и существенными изменениями в общественном хозяйстве. Она перевернула весь общественный строй. С введением паровой машины и механического ткацкого станка гигантски выросла производительность труда и быстро развернулись все положительные и отрицательные стороны капитализма. Потрясение, которое понесли рабочие, особенно тяжелое для них в первый период введения машин, привело в движение весь промышленный пролетариат: разбудило в нем сознание, толкнуло рабочих к союзам и организации, раскрыло противоположность интересов рабочих и предпринимателей, научило рабочих понимать собственные интересы, как интересы класса, обособленного от интересов капиталистов, и, кроме того, вызвало к жизни идеи демократизма, провозглашавшего рабочего таким же самостоятельным, самостоятельным социальным агентом в жизни страны, какими до тех пор признавались лишь пра-

¹⁾ *Messance*. *Récherches sur la population des Généralités d'Auvergne, de Lyon, de Rouen*. Paris 1766, стр. 287—292.

²⁾ *Christian Cornélissen*. *Théorie du salaire et du travail Salarié*. Paris 1908 г. (том IX).

³⁾ *Fr. J. Neumann*. *Zur Geschichte der Lehre von der Gravitation der Löhne nach gewissen Kostenbeträgen*. *Conrad's Jahrb.* 1899. III Folge, 17 Band, 2 Heft; *Zur Lehre von den Lohngesetzen*, *ibid.*, 1892, III Folge, IV; стр. 226—232.

вающие классы. В общественном сознании, развивавшемся под влиянием демократических идей, рабочий переставал быть простым орудием в производственной машине, каким был рабочий скот. Напротив, его важная, приводящая весь производственный механизм в движение, хозяйственная роль более и более раскрывалась. Соответственно этому, наступал существенный перелом и в экономической науке во взглядах на рабочих и заработную плату. Основы, на которых зиждилась и строилась теория средств существования, исчезали. Идея средств существования должна была уступить место новым принципам. Сама она, однако, не умирала. Она переходила из десятилетия в десятилетие и, изменяясь под влиянием новых веяний, теряла в значительной степени свое старое содержание, цепляясь за старые корни и более и более утрачивая под собой почву. Так, с появлением и развитием учения *Мальтуса*, теория средств существования слилась с идеями мальтузианства и черпала из последних новую пищу для своего обоснования. В учениях *Рикардо*, у *Родбертуса*, в железном законе *Лассаля*, даже в некотором роде у *Маркса*—эта теория продолжала еще до некоторой, более или менее значительной степени проглядывать, хотя здесь она приобретала совершенно иную окраску, а у *Маркса* сохранила лишь название, нося здесь совершенно особый характер и значение. Кроме того, у *Рикардо* и у всех писателей социалистического направления, так же как и у многих других экономистов, признававших теорию средств существования в смысле «учения о гравитации» (напр., *Фр. Нейман*, *Митгоф*, *Христиан Корнелиссен*, *Лексис* и др.), уже не было речи о физиологическом минимуме, а имелся в виду социальный *standard of life*, обычное *Lebenshaltung*, обычный уровень жизни, соответствующий социальным условиям данного исторического момента, данного народа, данной страны. Этот «социальный минимум» в данном случае представлялся не застывшим, а развивающимся, растущим: переменной, а не постоянной величиной. Это последнее уже окончательно изменяло содержание и сущность старой теории. К тому же, в теории, развиваемой представителями научного социализма, стали все более и более заметно вырастать новые идеи заработной платы, которые приводили к новой постановке проблемы и окончательно отстраняли идею средств существования с поля научного исследования.

Изменившиеся после промышленной революции условия производства, новая техника, новое строение производственного капитала и, наконец, новое социальное положение рабочего класса открывали и новую почву для конструирования теории заработной платы. Из новых отмеченных условий в хозяйственных отношениях пореформенного общества для экономического учения о заработной плате имели большое значение в особенности следующие обстоятельства: формирование рабочих в резко очерченный общественный класс, рост его экономической силы и роли политической жизни; далее, резко выраженный в крупном капиталистическом хозяйстве общественный характер народного производства, где все элементы общественного хозяйства и их функции находятся в самой тесной связи и где отдельные действия индивида или группы хозяйственных индивидуумов и результаты этих действий всецело определяются взаимодействием всего целого, общества. Последнее обстоятельство способствовало развитию и выступлению новой точки зрения при изучении хозяйственных явлений—общественно-хозяйственной—и постепенному отпадению старого частно-хозяйственного, индивидуалистического метода исследования. Наконец, важное значение для развития [новых] учений имело обострение социального антагонизма между общественными классами, высту-

пившего с развитием крупного капитализма и вызванного ростом социального неравенства, и связанное с этим появление «социального вопроса»; под влиянием последнего для экономических исследований открывалась новая постановка вопроса, такая именно, при которой экономические проблемы являлись частным проявлением общей социальной проблемы, а разрешение их освещало путь к решению последней.

Все эти обстоятельства, наступившие с развитием новых хозяйственных отношений, отразились различно на учениях о заработной плате новой пореволюционной эпохи. Последние пошли по двум основным и существенно различным направлениям: *индивидуалистическому* и *социалистическому*, или вернее сказать: *частно-хозяйственному* и *общественно-хозяйственному*. Эти два различных направления составляют весьма важные моменты в пореволюционном развитии учений о заработной плате. К ним, можно сказать, сводится почти все содержание современных теорий заработной платы.

Индивидуалистические теории характеризуются тем, что в центре внимания их лежит вопрос о заработной плате *per capita*. Содержание их сводится к решению вопроса о причинах, определяющих абсолютный размер средней заработной платы на голову рабочего. В большинстве случаев преобладает здесь точка зрения предпринимателя, который видит в заработной плате элемент издержек производства. С этой точки зрения обыкновенно предполагается, что источником заработной платы является капитал предпринимателя, как уже существующий в наличности фонд. Такое представление вполне понятно, так как в конкретной жизни, действительно, предприниматель обыкновенно авансирует рабочих из своего капитала, не дожидаясь окончательного изготовления продуктов данного производства и их рыночной реализации. Отсюда с логической необходимостью вытекало и положение о том, что величина наличного фонда, идущего на заработную плату, и количество рабочих достаточно определено устанавливают средний размер заработной платы одного рабочего. На этой почве неверных заключений, хотя и вполне логически последовательно вытекавших из частного-хозяйственной точки зрения исследования, развилась, например, известная теория фонда, следы которой далеко еще не исчезли и из современных индивидуалистических теорий заработной платы. Экономическое исследование,—говорит относительно теории фонда *Мак-Доннель*,—велось здесь главным образом с точки зрения капиталистов; индивидуальный предприниматель знал и видел, что он авансирует определенную сумму рабочим в виде заработной платы, в течение того периода, которое требовалось для реализации продукта на рынке; сам он между тем получал полностью цену готового и реализованного продукта. Отсюда,—продолжает *Мак-Доннель*,—акцептировалась в виде универсальной истины доктрина, казавшаяся гармонирующей с фактами, имевшимися в узких пределах предпринимательского опыта,—доктрина, которая принимала в дальнейшем положение, что заработная плата не только авансировалась, но и выплачивалась из капитала, определяясь последним ¹⁾. За теорией фонда, оказавшейся несостоятельной перед ударами критики, последовал ряд новых теорий, которые выдвинула индивидуалистическая экономика (теория производительности, теория предельной производительности и комплементарных благ, теория рыночных сделок,

¹⁾ Mc. Donnel. A History and Criticism of the various Theories of Wages; being the Whately memorial Prize Essay for 1887. Dublin 1888, стр. 3.

теория соотношения сил). Все эти теории не доходят до идеи массы заработной платы, как общей доли рабочих в общественном (или национальном) доходе. Они имеют дело опять-таки с индивидуальной заработной платой на голову среднего рабочего. Центр внимания их—абсолютный размер и его колебания, но не отношения, не движение и зависимость социальных долей. Ни одна из этих теорий не затрагивает той стороны заработной платы, что связывает ее с системой общественного воспроизводства в его целом, что делает заработную плату общественно-хозяйственной категорией *par excellence*. Еще менее эти теории связывают проблему заработной платы с великой проблемой социального вопроса. Каждая из этих теорий развивается, не касаясь всей совокупности хозяйственной системы в ее целом, не ставя вопросов заработной платы в непосредственную связь с основными элементами народного хозяйства и не затрагивая вопроса о заработной плате, как доле рабочих в общественном доходе в связи с другими долями социального дивиденда. Даже теория вменения, которая, казалось бы, ближе всех других теорий к идее раздела в общественном хозяйстве, в конце концов, сводит идею раздела к вопросу об образовании цен, а проблему заработной платы—к вопросу о высоте абсолютной заработной платы на голову среднего рабочего. Идея долей, идея отношений, распределительная проблема в собственном смысле отсутствует и в этой теории.

Таковы особенности и основные черты индивидуалистических учений о заработной плате, до сих пор господствующих в экономической науке. По отношению к проблеме распределения, проф. *Кэннан* относит все эти учения к теории псевдо-распределения, не находя в них, как мы видели, идеи распределения в собственном смысле.

Последняя идея находит себе место в *социальных* теориях, исследующих заработную плату, как долю рабочих в общественном доходе. Заработная плата представляется здесь как распределительная категория в собственном смысле, как общественное отношение. Точка зрения этих теорий—общественно-хозяйственная: процесс общественного воспроизводства берется здесь в своем целом; заработная плата рассматривается в виде массы, выпадающей из общественного дохода на долю рабочего класса, в ее отношении к остальным долям и к целому—социальному дивиденду; проблема сводится к исследованию доли рабочих в ее статике и динамике; заработная плата здесь является предметом исследования в виде самостоятельной распределительной проблемы.

Идеи социальных теорий заработной платы складывались и развивались медленно, сосредоточиваясь преимущественно в учении социалистов. Отцами этих идей были, как мы увидим, ранние английские социалисты и *Давид Рикардо*, который не мог, однако, выдержать до конца идеи заработной платы, как доли рабочего класса в общественном доходе, и дал лишь несколько общих штрихов этого учения. В руках социалистов последнее крепло и постепенно складывалось в более определенную и более стройную форму. Своего законченного вида учение о доле рабочих не получило, однако, и до сих пор. Последнее может иметь место лишь тогда, когда новые идеи распределения, выдвигаемые главным образом социалистическими мыслителями, войдут в тесную органическую связь со всеми завоеваниями экономической науки в области теории и займут в последней прочное место.

Впервые идеи о доле рабочих в общественном доходе появляются среди английских социалистов. Отсюда они переносятся во Францию, чтобы в конце концов наибольшее развитие свое встретить у немцев. Охватить полностью

весь исторический ход развития этих идей—задача, невыполнимая в пределах настоящей работы. Мы ограничимся, поэтому, наиболее ярким и наиболее общим в развитии этого учения, отмечая лишь важнейшие пункты.

III

Мы уже говорили, что идея доли рабочих в общественном доходе возникает с появлением некоторых предпосылок более общего характера, на почве которых она могла вырасти. Такими предпосылками, как мы видели, является, во-первых, *идея классового расчленения общества*; во-вторых, *идея антагонизма между общественными классами*, вызываемого противоположностью интересов этих классов и контрастом экономических условий существования для разных классов; в-третьих, *идея заработанного и не-заработанного дохода*, вытекающая из двух первых и принимающая на языке этических писателей обыкновенно форму справедливого и несправедливого дохода; в-четвертых, наконец, идея *борьбы классов*, как логический результат антагонизма между классами. По мере роста этих предпосылок развивается и учение о доле рабочих в общественном доходе. Зачатки этого учения мы находим уже на первых ступенях развивающегося капиталистического хозяйства, когда раздаются уже глухие протесты против суровых условий существования для рабочей массы населения; но вместо теоретического анализа и спокойного исследования причин здесь еще слышится главным образом призыв к чувству, рассуждения о справедливости, о должном. Лишь позднее эти этические учения о справедливом, несправедливом и должном сменяются объективными теориями о реально существующем.

Толчком и поводом к протесту и обращению к чувству справедливости явилась имущественная неравномерность.

Впервые наиболее резкие и яркие протесты против «несправедливого» распределения раздаются на родине капитализма, в Англии. *Вильям Годвин* в 1793 году и, еще раньше, его предшественник *Уоллес (Wallace)* (в 1761) уже задумываются над причинами бедности широких масс населения и ищут средств исцеления последней в равномерном распределении богатств ¹⁾. Задачей *Годвина* в его «Political Justice» является исследование общих принципов, лежащих в основе социальной несправедливости, злоупотреблений ²⁾. «Если,—говорит *Годвин*,—справедливость имеет какое-нибудь значение, то нет ничего более несправедливого, как факт, что одно лицо владеет хозяйственными благами в избытке, в то время как существуют люди, лишенные самого необходимого» ³⁾. Между тем,—так думает автор,—каждый имеет право не только на средства к жизни, поскольку имеется в наличии достаточный для всех общий запас, но и на благосостояние. «Несправедливо, если один работает до потери здоровья и жизни ради того, чтобы другой мог утопать в роскоши... Справедливость требует, чтобы каждый принимал участие в добычании общественного продукта, из которого каждый получает свою долю» ⁴⁾. Неудивительно, если *Годвин* еще не проводит достаточно определенного различия

¹⁾ William Godwin. An Enquiry concerning Political Justice and its influence on general virtue and Happiness; vol. II. London MDCCXCIII (1793).

²⁾ Ibid., стр. 789.

³⁾ Ibid., стр. 791.

⁴⁾ Ibid.

между общественным богатством и общественным доходом. «Богатство любого государства, — говорит он, — с достаточной ясностью может быть понимаемо, как сумма всех доходов государства, которая ежегодно потребляется в пределах этого государства и при этом так, что не уничтожаются средства для добычания стольких же предметов потребления в следующем году» ¹⁾. Доход этот есть продукт промышленной деятельности населения, но распределяется он так, что в цивилизованных странах крестьянин не потребляет и $\frac{1}{20}$ продукта своего труда; в то время как его богатый сосед потребляет продукт труда, может быть, 20 крестьян. Таковы «несправедливые эффекты неравномерного распределения богатства».

Годвин всюду отмечает противоположность между богатством и бедностью, указывает на факт постоянной взаимной борьбы между членами современного общества и старается доказать справедливость равномерного распределения, которого нет в Англии, где «громадная, непропорционально высокая часть общественного богатства достается в руки немногих, которые должны постоянно придумывать пути и способы, чтобы быть в силах израсходовать это» ²⁾. *Годвин* находит допустимым, что не больше $\frac{1}{20}$ населения работает на остальных $\frac{19}{20}$ и что, следовательно, при 10-часовом сплошном рабочем дне, было бы достаточно $\frac{1}{2}$ часа труда ежедневно, чтобы каждый имел все необходимое в жизни, при равномерном распределении труда ³⁾.

Мы видим, таким образом, что в своей знаменитой книге *Годвин* высказывает важнейшие из основных идей, которые легли в основу социалистических теорий и на почве которых развилось впоследствии учение о доле рабочих в общественном доходе. Правда, у него эти идеи остаются без теоретического развития; он не идет дальше простого констатирования факта бедности низших классов; отмечает противоположность между богатством и бедностью и приходящую в обществе борьбу за долю, *Годвин* не строит на этом никакого экономического учения; причину социального неустойства и бедности он видит в неравномерности распределения, но вместо теоретического анализа явлений распределения обращается непосредственно к чувству справедливости и несправедливости. Благодаря этому, идея права рабочего на продукт труда, впервые выдвигаемая *Годвином*, является лишь этическим постулатом, дающим ему возможность осуждать существующий общественный строй, но не приводящим автора ни к каким положительным выводам, которые бы могли раскрыть причины, характер и законы явлений распределения и объяснить факт высокой непропорциональности между долями дохода у разных общественных классов.

Большой шаг вперед, в смысле развития учения о доле рабочих, делает *Чарльз Холл* в своей книге «The Effects of civilisation on the people in European States», 1805 ⁴⁾. *Холл* уже не ограничивается указаниями на общие тенденции в развитии доли рабочих по мере роста богатств; но делает попытку и непосредственного учета этой доли (для Англии) и сопоставления ее с долей богатых классов. По мнению *Холла*, такова уже природа богатства, что оно

¹⁾ W. G o d w i n, An Enquiry. etc. стр. 791, 792.

²⁾ Ibid., стр. 799, 809, 822.

³⁾ Ibid., стр. 823.

⁴⁾ Charles Hall. The Effects of civilisation on the people in European States. London, изд. 1850, число страниц 2520, «Phoenix library»; под ред. Morgan'a (первое издание 1805 г.). Мы пользовались изданием 1850, из которого берем и все дальнейшие цитаты.

постоянно нарастает в руках его обладателей, согласно старой поговорке: золото рождает золото ¹⁾. Для большинства цивилизованных стран факт нарастания богатств несомненен. На это указывает и громадный прирост земельной ренты, и прирост промышленных капиталов, и рост ссудных капиталов, и расширение отечественного производства, ввоза и вывоза, и рост роскоши и общих средств к жизни ²⁾. Самый факт нарастания богатств для *Холла*, таким образом, не является вопросом. Но его интересует вопрос о том, откуда происходит это нарастание богатства, как возникает последнее и каковы его результаты для населения страны. Отвечая на эти последние вопросы, *Холл* приходит к выводам, которые, по его представлению, должны вызвать чувство сострадания у каждого друга человечества ³⁾. Прежде всего он находит, что нарастание богатства происходит на счет роста бедности широких масс народа. Всякий рост богатства сопровождается новыми и увеличивающимися требованиями на результаты народного труда. Чтобы удовлетворять этим расширяющимся запросам немногих имущих, народ вынужден применять больше своего рабочего времени на производство требуемых предметов и поэтому меньше времени и меньше труда на производство тех предметов, в которых он сам нуждается. Отсюда количество потребления рабочих с каждым днем все уменьшается и, следовательно, в большинстве государств бедные с каждым днем делаются все беднее и беднее. Таким образом,—заключает *Холл*,—прирост богатства и силы одних является причиной прироста бедности и зависимости других ⁴⁾. В обществе совершается непрерывный процесс социального расслоения: люди, стоящие немного выше линии, отделяющей богатых от бедных, перебрасываются на другую сторону этой линии или падают еще ниже ее, и те, кто был уже беден, делается еще беднее; наоборот, богатые еще более богатеют, и число непроизводительных потребителей все более и более увеличивается. Факт постоянной тенденции, направленной к уменьшению заработной платы и к ухудшению положения бедных классов, *Холл* считает фактом, достойным глубокого сожаления ⁵⁾. Выводы *Холла* относительно результатов цивилизации для большинства европейских государств полны вообще глубокого пессимизма. *Холл* находит, что лишь немногие, при современном общественном строе, в состоянии получать всевозможные наслаждения. Лишь немногие могут брать от жизни все, к чему только склонна человеческая природа как в физическом, так и в духовном отношении. Но эта полнота жизни, которую пользуются немногие, происходит на счет основного и главного общественного слоя—широких масс населения. Эти же последние подвержены всякого рода лишениям не только в жизненных удобствах и комфорте, но даже и в самом необходимом. Большая часть этих масс народа осуждена на гибель, а большинство остающихся в живых как в физическом, так и в духовном отношении находится под гнетом такого существования, которое во много раз ниже дикого и варварского состояния ⁶⁾.

Положение современного рабочего *Холл* сравнивает то с положением рабов, то с условием существования рабочего скота, и как в первом, так и во втором случаях сравнение оказывается не в пользу рабочих. «В интересах бога-

¹⁾ C. h. Hall, The Effects of civilisation on the people in European States, стр. 74.

²⁾ Ibid., стр. 74, 75.

³⁾ Ibid., стр. 96, 97.

⁴⁾ Ibid., стр. 76, 77.

⁵⁾ Ibid., стр. 93.

⁶⁾ Ibid., стр. 171.

тых—получить как можно больше труда, а заплатить как можно меньше рабочему из продукта его труда. В этом отношении рабочий находится в таком же положении, как вол или лошадь сельского хозяина. Весь продукт земли получается благодаря труду сельскохозяйственного рабочего и лошади или вола. Чем меньше вол или лошадь получают зерна или сена из созданного продукта, тем больше останется фермеру или собственнику. То же самое имеет силу, хотя и не так непосредственно, и для сельскохозяйственного рабочего. Чем меньше денег он получит, тем меньше он может купить и съесть хлеба, и тем больше, следовательно, получит фермер или собственник. Если же есть какая разница, то в сторону благоприятную скорее для вола, так как хорошо содержать вола—в интересах самого же хозяина, но заботиться о здоровье бедного рабочего хозяину нет никакого интереса» ¹⁾. *Холл* не видит никаких границ, никакого предела для постоянно происходящего нарастания массы труда, которого требуют богатые от народа, и никаких границ в ухудшении положения низших классов, в уменьшении массы предметов необходимого потребления последних. Между тем, все, что создается в обществе, что составляет предмет богатства страны, все это создается исключительно, или почти исключительно, трудом народа. «Бедный,—говорит *Холл*,—производит своим трудом почти все, что пьет, ест и во что одевается богатый, как дом, в котором живет последний, так и вообще все, чем наслаждается или чем обладает богатый, ибо земля сама по себе, без человеческого труда, производила бы немного предметов... Если же говорят, что богатые дают бедным деньги, на которые последние покупают предметы необходимости, то нужно иметь в виду, что деньги ничего не создают; они лишь переносят одно от другого и ничего не прибавляют к существующему; если мы на деньги покупаем хлеба и отдаем его нищему, то мы одним отдаем лишь то, что отнимаем у других» ²⁾. *Холл* сравнивает в данном случае страну с кораблем, нагруженным известным запасом, но в таком количестве, что является опасение, что этого запаса может нехватить, прежде чем корабль пристанет к берегу; и если представить пассажира, который берет себе в качестве слуги кого-нибудь из едущих на этом корабле других пассажиров и дает ему за его услуги ежедневно по шиллингу, за который тот покупает себе часть имеющегося на корабле общего запаса, то деньги господина столько же дают одному, сколько отнимают у другого.

Холл весьма определенно отмечает идею трудового происхождения всякого дохода и незаработанный характер доходов богатого класса. «Хотя богатый,—говорит он,—ничего не производит, но он потребляет не только столько, сколько бедный, но нередко в 10, 100, 1.000 и 10.000 раз больше, чем бедный, в зависимости от степени своего богатства» ³⁾. Весьма понятно, поэтому, если *Холл* отсюда приходит к мысли о противоположности интересов богатых и бедных классов. «Могло бы казаться,—говорит *Холл*,—что интересы обоих классов одни и те же, и что каждый класс, заботясь о своих собственных интересах, одновременно заботится и об интересах других, но на самом деле это не так» ⁴⁾. *Холл* сравнивает бедный класс с положением продавцов, а богатый класс—с покупателями. В интересах первых продать как можно дороже свой труд, а в интересах последних—заплатить за покупаемый ими труд рабочего как можно меньше или, другими словами, получить как можно больше труда,

¹⁾ C h. Hall, The Effects of civilisation on the people in European States, стр. 93.

²⁾ Ibid., стр. 81, 82.

³⁾ Ibid., стр. 84.

⁴⁾ Ibid., стр. 90.

а заплатить за него не больше того, что требуется лишь для восстановления затраченного труда. «Чем меньше достается рабочему из продукта труда его на цели собственного потребления, тем больше получает работодатель» ¹⁾. Противоположные интересы естественно ведут к столкновениям, борьбе, к противодействию. «Так как положение бедных становится все более и более невыносимым, а их страдания и напряженность усилий все тяжелее и тяжелее, то можно опасаться, что в стремлении бедных освободиться от невыносимого гнета проявится наконец дух противодействия» ²⁾. Силы сторон, однако, Холл находит далеко неравными; рабочие нередко принуждены бывают сдаться, как гарнизон с истощившимся запасом, даже при самых благоприятных условиях; при том же это противодействие рабочих—единственное, что у них имеется, чтобы облегчить свою нищету—часто прекращается военной силой ³⁾. Последнее обстоятельство, однако, далеко не смягчает борьбы между классами. «Так как предметом обоих различных интересов в большинстве цивилизованных стран является, с одной стороны, то, что служит предметом наслаждения для богатых, а с другой—то, что составляет необходимое содержание и поддержание жизни для бедных, то нельзя удивляться, если враждующие стороны выступают одна против другой самым решительным и самым серьезным образом, идя на защиту своих различных требований» ⁴⁾.

В таких красках рисует Холл те социальные условия, при которых складывается и развивается доля рабочих в общественном доходе с ростом цивилизации обществ. От этих общих условий Холл переходит к учету и самой этой доли. Задачу учета этой доли Холл понимает в смысле определения взаимоотношения между двумя основными долями дохода ⁵⁾. Доходом рабочего Холл совершенно правильно считает его заработную плату, которая всецело идет на предметы рабочего потребления и содержания. Но в данном случае—что для нас имеет особенную важность—Холл имеет дело не с индивидуальной заработной платой, а со всей массой рабочих доходов, взятых в их совокупности, равно как и доходы остального населения (незаработанный доход) он берет как одно целое, как одну совокупную массу ⁶⁾; проблема отношения долей является у него проблемой отношения именно этих общих социальных масс, из которых состоит весь общественный доход в его целом. Исходя из такой постановки вопроса, составляющей полную противоположность индивидуалистическому смитовскому направлению, Холл приступает к учету долей рабочего и нерабочего классов в Англии. Долю рабочих он определяет путем приблизительного учета среднего бюджета рабочей семьи в стране, который Холл принимает в 25 ф. ст. в год, и общего числа рабочих; последнее он принимает равным $\frac{8}{10}$ всего населения, что составит, по его вычислению (для самого начала XIX века [1805?]) 1.600.000 семей; при умножении последнего числа на 25 получаем 40.000.000 ф. стерлингов, образующих ценность рабочего потребления, или рабочий доход. Труднее задача для Холла определить весь национальный доход (который Холл, надо заметить, не разли-

¹⁾ C. h. Hall, The Effects of civilisation on the people in European States, стр. 90.

²⁾ Ibid., стр. 80.

³⁾ Ibid., стр. 91—92.

⁴⁾ Ibid., стр. 93.

⁵⁾ Ibid., стр. 94 («We have therefore only to see what proportion this income of labourers, collected, bears to that of the rest of the people, also collected»).

⁶⁾ Ibid., стр. 94 («income of labourers, collected»).

чает от национального продукта). Для этой цели он следует реальному методу учета: учитывает сначала сумму земледельческого дохода (продукта), затем мануфактурного. В основу первого учета *Холл* кладет вычисление *А. Смита* для суммы земельной ренты в Англии, сделанное им 20 лет назад и определяющее ее в 20 милл. ф. стерлингов. К своему времени (1805) *Холл* увеличивает эту сумму до 30.000.000 ф. ст. Далее, *Холл*, следуя опять-таки за *А. Смитом*, принимает его положение, что земельная рента в общем составляет приблизительно $\frac{1}{3}$ всего земледельческого продукта; ценность последнего таким образом будет равна 90.000.000 ф. ст. По вычислению, однако, д-ра *Греу'я*, эта ценность определяется несколько выше, именно в 112.000.000 ф. ст., что автор находит более близким к действительности. Ценность мануфактурных продуктов *Холл* вычисляет по ценности внутреннего потребления и вывоза; по данным *Питта*, сумма ценности вывезенных мануфактурных продуктов за последний год равняется 50 милл. ф. ст.; домашнее же потребление, согласно оценке разных авторов, оценивается одними вдвое больше, другими втрое больше суммы вывоза. *Холл* считает за более действительную последнюю оценку, определяя, таким образом, весь мануфактурный продукт английского производства и потребления в 200.000.000 ф. ст., а весь национальный годовой продукт Англии — в 312.000.000 ф. ст.¹⁾

На основании подобного рода весьма шатких подсчетов *Холл* приходит к выводу, что рабочее население или $\frac{8}{10}$ всего населения Англии потребляет лишь $\frac{1}{3}$ продукта своего труда, в то время как богатый класс, составляющий $\frac{1}{5}$ населения, потребляет остальных $\frac{7}{5}$ всего национального богатства. Это значит, — говорит *Холл*, — что из своего рабочего дня рабочий лишь 1 час употребляет на свое и семьи своей содержание, все же остальное время работает на других.

Sic vos non vobis mellificatis, apes.

Sic vos non vobis fertis aratra, boves—

так заключает свой вывод *Холл* ²⁾.

Холл не сомневается в точности и правильности своих выводов и находит положение рабочих, при такой доле их в благах культуры и цивилизации общества, хуже положения негров в Вест-Индии: в интересах рабовладельца лежит, по крайней мере, забота о поддержании жизни рабов... В здоровье же и жизни рабочих в большей части Европы работодатели мало заинтересованы ³⁾.

Таковы выводы *Холла*. Конечно, статистический учет долей рабочих и богатых классов, который дает *Холл*, не представляет никакой научной ценности и далек от какой бы то ни было точности; понятие общественного дохода к тому же у него не достаточно ясно и часто сливается с понятием общественного продукта. Но тем не менее попытка *Холла* заслуживает глубокого интереса и имеет большое научное значение. *Холл*, как мы видели, много ярче, чем *Годвин*, развил идею борьбы классов, социального антагонизма между ними и обратной зависимости между долями общественного дохода. Учение о доле рабочих он впервые поставил на правильный путь проблемы взаимоотношения между долями и вполне определенно выдвинул

¹⁾ Ch. Hall, The Effects of civilisation on the people in European States, стр. 95—96.

²⁾ Ibid., стр. 96.

³⁾ Ibid., стр. 97.

социальную точку зрения при исследовании данного вопроса, заменив ею индивидуалистический метод смитовской школы. Правда, в теоретическом построении учения о доле рабочих в общественном доходе *Холл* не пошел дальше правильной постановки вопроса; анализ элементов и зависимостей между ними, при которых возникает и развивается рабочий доход, как целое, для *Холла* остается все время скрытым от глаз. Закономерность развития рабочего дохода, как доли общественного доходного фонда, и зависимость его от других элементов общественного производства *Холл* не вскрывает в своем интересном труде, ограничиваясь лишь туманным указанием на то, что выводимые им результаты распределения общественных долей между классами «наступают сами собой по неизбежным причинам современной хозяйственной системы»¹⁾. Во всяком случае, мы можем с полным правом здесь отметить, что все, что *Рикардо* развивал по вопросам распределения в смысле проблемы отношений (идея пропорций, закон обратной зависимости между долей рабочих и капиталистов и проч.), было задолго до него высказано *Чарльзом Холлом* — социалистом.

Следующим после *Холла* видным и важным этапом в развитии учения о доле рабочих является книга ирландца *Вильяма Томпсона* «Исследование о принципе распределения богатства»²⁾. В истории развития социалистической экономики *Томпсон* занимает бесспорно крупное место. Являясь учеником *Оуэна*, с одной стороны, и *Рикардо* — с другой, *Томпсон* удачно комбинирует и развивает здоровые идеи овэнизма и той части учения *Рикардо*, которая так расходилась с индивидуалистической школой *Смита* и которая легла в основу развитого впоследствии *Марксом* и *Энгельсом* научного социализма. Под непосредственным влиянием учения *Томпсона* находится, по мнению *А. Менгера*, сен-симонизм, *Прудон* и позднее *Маркс* и *Родбертус*³⁾. Но в смысле развития учения о доле рабочих в общественном доходе *Томпсон*, тем не менее, значительно уступает *Холлу*.

Следуя отчасти за *Рикардо*, *Томпсон* в своей книге подчеркивает особую важность проблемы распределения. По его представлению, для общества важно не количество предметов богатства, но их применение и распределение⁴⁾, так как от системы распределения зависит степень благосостояния и человеческого счастья. Но, обращая все свое внимание на вопросы распределения, *Томпсон* не остается, однако, на почве анализа реальных отношений распределения. Центральным пунктом исследования его является проблема наиболее желательного распределения, такого именно, при котором наибольшему количеству лиц в обществе обеспечивалось бы получение наибольшего счастья. Эта чисто этическая постановка проблемы распределения составляет характерную черту книги *Томпсона*.

Так же как и для *Холла*, для *Томпсона* является очевидной тенденция масс населения к обеднению, растущему со дня на день, параллельно и одновременно с ростом накопления богатств и чрезмерного сосредоточивания их

¹⁾ Ch. Hall. The Effects of civilisation on the people in European States, стр. 171.

²⁾ William Thompson. An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, most conducive to human Happiness; applied to the newly proposed System of Voluntary Equality of Wealth. London 1824.

³⁾ A. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung. Stuttgart u. Berlin 1904, стр. 82—83.

⁴⁾ W. Thompson. An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. London 1824, стр. IX.

в руках немногих. «Существующий порядок вещей в области отношений богатства ведет к тому, что немногие обогащаются на счет громадной массы производителей, что бедность бедных делается еще более безнадежной и что средние классы постоянно вовлекаются в ряды бедности» ¹⁾.

Развивая и проводя рикардовский принцип трудовой ценности и считая труд единственным источником всякого богатства и основным характерным признаком последнего, Томпсон еще ярче, чем его предшественники, отмечает истинный характер незаработанного дохода, считая доходы богатых классов результатом эксплуатации рабочих-производителей со стороны непроемительного класса. Этот незаработанный доход Томпсон называет прибавочной ценностью (additional, surplus value), как бы открывая этим путь для дальнейшего развития теории прибавочной ценности, сделанного позднее Марксом. Но между «прибавочной ценностью» Томпсона и понятием прибавочной ценности Маркса — большая разница: у Маркса прибавочная ценность — это сумма всей вновь созданной ценности, остающаяся за вычетом из последней ценности заработной платы (величина М). У Томпсона прибавочная ценность является, с одной стороны, результатом только труда ²⁾; но, с другой стороны, в понятие прибавочной ценности, по мнению Томпсона, не входит некоторая часть вновь созданной трудом ценности, именно та часть, которая поступает капиталисту за предоставление последним машин и капитала работнику и за руководство производством; эту часть Томпсон определяет в размере, не превышающем необходимое содержание производительного работника ³⁾. Понятие прибавочной ценности не могло быть ясно установлено Томпсоном уже по одному тому, что он не различает понятие ценности продукта от понятия дохода. Во всяком случае, идея прибавочной ценности, в каком бы значении ни выразилась она у Томпсона, не играла никакой сколько-нибудь значительной теоретической роли в конструкции его учения. Но нам важно отметить лишь, что Томпсон, хотя и в общей форме, уже развивает идею незаработанного дохода. Находя весьма неблагоприятным для производительности труда тот факт, что у рабочего отнимается часть продукта его труда, Томпсон считает, однако, вполне правомерным, чтобы рабочий платил за использование средств производства, увеличивающих производительность труда. Вопрос лишь в том, находит Томпсон, сколько (how much) нужно уделять из продукта труда за использование машин ⁴⁾. Вместе с этим вопросом Томпсон ближе подходит к интересующей нас проблеме. Отвечая на этот вопрос, Томпсон находит два различных масштаба, по которым происходит раздел дохода между капиталистом и рабочим: масштаб рабочего и масштаб капиталиста. По масштабу рабочего плата за использование машин необходима в таком размере, чтобы покрыть, заместить ценность потребленного в производстве капитала и, кроме того, дать владельцу или собственнику капитала достаточное вознаграждение, т.е. такое, чтобы оно позволяло ему удовлетворять жизненные потребности в таком же размере, как это делает наиболее высоко

¹⁾ W. Thompson, «An Enquiry... etc.», стр. XIV («preliminary Observations»).

²⁾ Ibid., стр. 166 («The additional value proceeds from labour alone»).

³⁾ Ibid., стр. 167. Ср. статью М. Веера «Thompson und Marx» в «Die Neue Zeit», № 10, 1910, Bd. 1, стр. 319, 320. Иного толкования придерживается Н. С. Русанов в статье «Томпсон и Маркс» в «Русском Богатстве» (1910, № 8, стр. 95—112).

⁴⁾ Ibid.

оплачиваемый из производительных рабочих ¹⁾. Наоборот, масштаб капиталиста сводится к тому, чтобы последний мог захватить в свои руки всю ту прибавочную ценность, которую создает одно и то же количество труда вследствие применения машин и других капиталов. С точки зрения капиталистического масштаба, полная сумма прибавочной ценности должна поступать капиталисту за ту ловкость и искусство, благодаря которым он сумел накопить себе капитал и приставить к нему, в целях использования последнего, рабочих ²⁾.

Применение в жизни того или иного масштаба раздела приводит, по мнению *Томпсона*, к двум диаметрально противоположным результатам. Применение рабочего масштаба привело бы к равному распределению, так как в этом случае, по мере роста производительности труда, благодаря применению машин, оплата труда вырастала бы из года в год. Наоборот, при применении капиталистического масштаба не было бы границ росту неравномерности распределения; накопление здесь сделалось бы главной, господствующей страстью, самодовлеющей целью, накоплением не ради удовлетворения потребностей, но самим по себе как таковым; здесь все приносилось бы в жертву ради накопления: все средства, всякие привязанности и добродетели; а вместе с тем, с ростом накопления массы населения низвергались бы в беспросветное, глубокое рабство; заработная плата здесь достигла бы, в конце концов, минимального возможного предела, который только допустим для содержания наиболее прилежного рабочего; нарастающей в колоссальном размере бедности противостояла бы тогда масса великоления и роскоши, сосредоточенная в руках немногих; неравенство достигало бы своего апогея ³⁾.

Таковы две противоположные тенденции в развитии размеров долей богатых и рабочих классов, которые отмечает *Томпсон*, и наступление которых стоит в зависимости от применения того или иного масштаба раздела. Это, однако, по его мнению, не более как лишь возможные тенденции. В действительности, как находит *Томпсон*, ни тот, ни другой принцип в полном объеме не находит места; ни тот, ни другой принцип в реальной жизни не является господствующим. В действительности фактически устанавливается такой масштаб, который лежит между двумя этими масштабами. Он образуется из конфликта двух противоположных интересов, возникает в результате борьбы между двумя враждебными классами общества и зависит от тысячи различных условий в развитии каждого общества ⁴⁾.

В установлении фактического масштаба *Томпсон* подходит к самому центральному пункту проблемы долей общественного дохода. Но сведя вопрос к моменту взаимоотношения сил общественных классов, *Томпсон* ставит точку как раз там, где, казалось бы, теоретический анализ проблемы только начинался. Идея взаимоотношения сил, выставленная *Томпсоном*, сыграла видную роль в истории развития проблемы распределения вообще и учения о доле рабочих в частности, сделавшись центральным пунктом так называемой «социальной теории»; но эта идея, высказываемая в столь неразвитой форме, остается малосодержательной.

Сопоставляя учение *Томпсона* с развитым ранее его учением *Хола*, приходится признать тот несомненный факт, что ясная, правильная постановка

¹⁾ Thompson, An Enquiry... etc., стр. 167.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., стр. 171.

⁴⁾ Ibid.

разбираемой проблемы у Холла, сводящаяся к вопросу о взаимоотношении долей, к вопросу об относительных величинах, вместо вопроса об абсолютных размерах, у Томпсона отошла в значительной степени на второй план. Томпсона интересует больше вопрос *сколько?*, чем вопрос: *какая доля или в каком отношении?* Благодаря последнему обстоятельству книга Холла представляет во многих отношениях большее научное значение для разбираемой проблемы, чем «Исследование» Томпсона. Идея отношений, во всяком случае не чужда Томпсону. Он говорит определенно об относительной нищете, растущей с ростом богатства. Наша система, — говорит Томпсон, — далека от защиты необходимости существования чрезмерного богатства или чрезмерной бедности. Она лишь указывает на губительные эффекты роста того и другого состояния. «Одно зло рождает и предполагает другое: там, где существовало чрезмерное богатство, крайняя бедность почти всегда возвышалась для него дворцы и услаждала его капризы. И в то время как чрезмерное богатство всегда и неизбежно вело к уменьшению числа лиц средних классов, владеющих умеренными капиталами, оно почти всегда приводило к *относительной* (comparative) нищете, если не к абсолютной, громадное большинство общества» ¹⁾.

Отмечая классовый антагонизм в капиталистическом обществе, Томпсон высказывает идею обратной зависимости между доходами труда и капитала. Из различия между образованием заработной платы и прибыли он выводит противоположность притязаний капиталиста и рабочего. «При прочих равных условиях, — говорит Томпсон, — чем выше прибыль капитала, тем ниже заработная плата труда» ²⁾.

К Томпсону близко примыкают Джон Грэй и Томас Ходжскин, вышустившие в один и тот же год (1825) первый «О человеческом счастье» и второй «Защита труда против притязаний капитала» ³⁾. Особенно высоко ставится книга Д. Грэя, которую проф. Георг Адлер считает «блестящим социалистическим манифестом своего времени» и «фундаментальнейшим произведением английского социализма» ⁴⁾. Посмотрим, что собственно внесли Грэй и Ходжскин в разбираемую проблему.

Уже по Томпсону и Холлу мы могли видеть, какой путь проходит и как начинает складываться при самом своем возникновении учение о доле рабочих в общественном доходе и вообще учение о распределении, как проблема взаимоотношения долей. Вначале намечаются, устанавливаются и развиваются общие предпосылки, на основе которых только и возможно развитие данного учения и при наличности которых только и может сложиться последнее; таковы в разбираемом случае идея классов, классовой борьбы и противоположности классовых интересов, идея трудовой ценности, идея незаработанного дохода и проч. В дальнейшем развитии вырабатывается более определенная и более

¹⁾ W. Thompson. An Enquiry... etc., стр. 184.

²⁾ Ibid., стр. 241.

³⁾ John Gray. A lecture on human happiness, being the first of a series of lectures on that subject in which will be comprehended a general review of the causes of the existing evils of society and a development of means by which they may be permanently and effectually removed. London 1825.—(Thomas Hodgskin). Labour defended against the claims of capital or the reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer—London 1825.

⁴⁾ Georg Adler. Der englische Socialismus im ersten Viertel des XIX Jahrhunderts. Hauptwerke des Socialismus und der Socialpolitik. Heft 8. Leipzig 1907, стр. 35.

или менее правильная постановка вопроса или же углубляются и развиваются уже найденные предпосылки более общего характера. Наконец, когда проблема точно и ясно установлена, начинает складываться и вырабатываться уже и теоретический анализ проблемы, отыскиваться и намечаться «законы» установления и развития долей; устанавливается основной фактор определения долей дохода, получаемых тем или иным общественным классом; определяется зависимость между этими долями, устанавливается зависимость той или иной доли от других основных элементов общественного производства; отыскивается закономерность изменения их в общем движении производственного процесса, взятого в целом; производится фактический учет этих изменений для разных стран и проч.

Имея пред собою этот общий ход постепенного складывания и развития разбираемой проблемы, мы находим, что идеи *Грэя* и *Ходжскина* не выходят из области первой стадии и представляют собою идеи, которые мы видели у *Холла* и *Томпсона*.

Все, что необходимо для жизни, говорит *Грэй*, все, что только делает жизнь приятной, создается человеческим трудом. В каждом обществе труд—исключительный источник собственности, а следовательно, и единственное основание ее, и поэтому так называемые «независимые» классы живут на счет собственности *других*. Труд—единственная основа собственности, и вся сумма собственности не что иное, как лишь накопленный труд; земля, напр., сама по себе не имеет никакой ценности, пока к ней не применяется труд. Только продукты труда имеют ценность ¹⁾. И если собственники земли, — заключает *Грэй*, — никакого участия в добычании продуктов от земли не принимают, если они сами не обрабатывают землю, а являются лишь потребителями произведенного чужим трудом, то факт, что они являются собственниками земли и притязателями на долю продуктов, извлекаемых трудом других из этой земли, является кричащей несправедливостью. Результатом такой несправедливости *Грэй* считает существующее в современных обществах зло, где человечество осуждено на вечный труд, заработная плата—на степень рабского существования, низшие классы—на нищету и вырождение, которые не исчезнут, пока не исчезнет вся существующая система хозяйства ²⁾. Все общество *Грэй* делит на производительный и непроизводительный классы и факт существования нищеты в современных обществах он объясняет именно тем, что непроизводительный класс экспроприирует у производителей большую долю их трудового продукта. *Грэй* не стоит, однако, за идею права рабочего на полный продукт труда, находя, что некоторая очень небольшая, правда, часть продукта должна идти на покрытие расходов по общественной организации, на надзор, на распределение трудового продукта между отдельными членами общества (транспорт и т. п.) и на управление ³⁾. Среди общих причин нищеты рабочих классов и широких масс населения вообще, *Грэй* обращает особое внимание, между прочим, на конкуренцию и на антагонизм интересов у различных общественных классов. Что произведенный продукт

¹⁾ J. Gray. A lecture on human Happiness... etc. В немецком переводе: «Vom menschlichen Glück», übers. von Adolf M. Freund, mit einer Einleitung von Georg Adler. Verlag von C. L. Hirschfeld (Hauptwerke des Sozialismus und der Sozialpolitik, herausg. von Dr. Georg Adler, 8 Heft. Leipzig 1907), стр. 47, 69, 71.

²⁾ Ibid., стр. 82, 102.

³⁾ Ibid., стр. 95.

распределяется неравномерно, что заработная плата сводится к минимуму существования, что сумма общественного дохода ограничена узкими пределами и что каждый из производителей получает минимальную долю, которая едва только может его прокормить за свой труд,—ко всему этому ведут, по мнению Грэй, конкуренция и противоположность интересов ¹⁾.

Большого внимания заслуживает попытка Грэй представить фактический учет долей общественного дохода в Англии. Для этого учета Грэй обращается к данным Колякуна, разработанным в 1812 году и опубликованным в 1814 ²⁾. Грэй делает попытку представить по таблице Колякуна фактический доход, полученный в 1812 г. производительным населением Англии. Из всех различных рубрик таблицы Колякуна Грэй выбирает те, которые относятся к производительным группам, находя таких три группы: 1) рабочих, занятых в земледелии и горном деле, 2) рабочих в водном транспорте, рыболовстве, доках и т. п. и 3) ремесленников и рабочих в мануфактурном производстве, в строительном деле, на фабриках и заводах всякого вида. Из этих трех групп Грэй составляет следующую таблицу ³⁾:

Таблица 3.
Англия (1812 год.)

Г р у п п ы.	Число лиц.	Сумма дохода (ф. ст.).	Средний доход на человека (ф. ст.).
1. Рабочий первой группы	3.154.142	33.396.795	—
2. Рабочий второй группы	400.000	8.100.000	—
3. Рабочий третьей группы	4.343.389	49.054.752	—
В с е г о	7.897.531	90.551.547	11

Между тем, по учету Колякуна, весь общественный доход Англии в 1812 г. составлял 430.521.732 ф. ст., при населении в 17.096.803 лиц обоего пола. Если вычесть из всей суммы национального дохода, производимого производительным населением, то, что произведено призреваемыми и пенсионерами (эту сумму Грэй определяет в 4.291.000 ф. ст.), получится сумма в 426.230.372 ф. ст., которая создана исключительно производительным населением и которая составила бы на голову 54 ф. ст. На самом деле, замечает Грэй, из этой суммы производительному населению достается лишь немного более $\frac{1}{5}$ продукта его собственного труда, т.е. лишь 11 ф. ст. Если даже, думает Грэй, сохранить за бесполезным классом (класс производительный и непроизводительный автор разделяет в свою очередь каждый на две категории: полезных и бесполезных, при чем в производительном классе категорией бесполезных он считает рабочих в производстве предметов роскоши) те 219.951.788 ф. ст.,

¹⁾ J. Gray. A lecture on human Happiness... etc., стр. 95, 100, 102, 103.

²⁾ Dr. Colquhoun. Wealth, Power and Resources of the British Empire, 1815 (первое изд. 1814).

³⁾ J. Gray. Ibid., стр. 54.

которые он потребляет, то и в этом случае на каждого пришлось бы 40 ф. ст. годового дохода, что, по мнению *Грея*, давало бы возможность с избытком покрыть не только все необходимое в жизни, но и всякие жизненные удобства ¹⁾.

Подобно *Грею*, *Ходжскин* также находится всецело под влиянием тяжелых условий положения английских рабочих в его время, т.е. в 20-х годах XIX столетия. Дебаты в парламенте по поводу введения закона о праве рабочих союзов, имевшие место в 1824 году, когда представители богатых классов приводили всевозможные аргументы против организации рабочих, дали *Ходжскину* повод остановиться на основаниях притязаний капитала на долю в национальном продукте, которая достается ему в тот или иной исторический момент. *Ходжскин* находит, что никакого сколько-нибудь справедливого права притязания на значительную часть в национальном продукте капиталисты не имеют. А между тем, по мнению *Ходжскина*, именно в этом несправедливом притязании капитала лежит причина бедности рабочего, не имеющего никакого основания рассчитывать на поднятие и улучшение своего положения при существующей системе ²⁾. *Ходжскин* видит серьезную борьбу, происходящую в настоящее время по всей стране, между капиталом и трудом. Рабочие в этой борьбе соединяются вместе, чтобы общими усилиями добиться более высокой заработной платы, имея, однако, господствующее законодательство на стороне своих противников-работодателей. Но, несмотря на рост производительности труда, увеличившейся, по крайней мере, в 10 раз за последние 200 лет, заработная плата осталась, по мнению *Ходжскина*, такой же, как была она и у рабов: «все выгоды нашего прогресса жизни достаются лишь капиталистам и земельным собственникам; нам же (рабочим) отказывают в каждой части увеличившегося продукта нашего (рабочего) труда» ³⁾.

Анализируя доли рабочих и капиталистов, *Ходжскин* приходит к важному выводу, который мы уже видели отчасти у *Томпсона*: заработная плата в своих колебаниях изменяется в обратном отношении к колебаниям прибыли; заработная плата растет, если падает прибыль на капитал, и наоборот; таким образом «прибыль на капитал или доля капиталистов в национальном продукте стоит в обратном отношении к заработной плате или доле рабочих» ⁴⁾. Установив это положение с такой определенностью и ясностью, какой в большой степени недоставало его предшественникам, *Ходжскин* старается не оставить никаких сомнений в трудовом происхождении всякого дохода и капитала, чтобы этим окончательно отнять основание у капитала притязать на долю в продукте. У *Томпсона*, как мы видим, на этот счет оставались, по видимому, некоторые колебания; прибавочной ценностью он называл не всю ценность, вновь создаваемую рабочими, за вычетом доли рабочих, а сокращал ее еще на некоторую часть, идущую капиталистам, за право пользования машинами и за их организаторство. *Ходжскин* подвергает подробному анализу капитал, существующий в виде машин, рассматривая его отдельно от капитала, существующего в виде средств непосредственного потребления, и находит, что и в том и другом случае капитал не имеет никакого справедливого притязания на долю в трудовом продукте рабочего. Следовательно, заклю-

¹⁾ J. Gray. A lecture on human Happiness... etc., стр. 54.

²⁾ Thomas Hodgskin. Labour defended against the claims of capital... etc., London 1825, стр. 2 («Notices»).

³⁾ Ibid., стр. 4.

⁴⁾ Ibid., стр. 5. (Курсив наш.)

чает он, тот факт, что капиталист получает прибыль с капитала, в обоих случаях покоится не на трудовой основе, а на силе капиталистов над рабочими, позволяющей им присваивать продукт чужого труда; и поэтому если коалиции рабочих в конце концов приводят к достижению ими более высокой заработной платы, то это не имеет никакого другого «вредного» действия, кроме того, что они укорачивают размеры доходов тех, кто живет на прибыль с капитала и процент, не имея никакого справедливого притязания на ту или иную долю в национальном продукте ¹⁾. *Ходжскин*, однако, далек еще от правильного понимания идеи прибавочной ценности. В сущности, он по своим идеям близок к взглядам *В. Томпсона*. Из понятия «капиталист» *Ходжскин* исключает категорию предпринимателей, как руководителей и организаторов производства. Последние, по его мнению, направляя труд рабочего, вносят существенную долю участия в производстве. Поэтому, предприниматели обязаны получать, как думает *Ходжскин*, из общего трудового продукта заработную плату, как и квалифицированные рабочие. Притязания их на долю в продукте (доходе) он считает, поэтому, справедливыми.

У *Ходжскина* вслед за *Томпсоном* мы встречаем впервые серьезную попытку проследить и установить зависимость между долями социальных классов (долей рабочих и капиталистов). Это уже важный шаг по пути теоретического анализа социальных долей: *Ходжскин* выдвигает центральный пункт учения о доле рабочих, который впоследствии прочно укрепились в разбираемой теории и который у *Рикардо* был достаточно определенно отмечен.

Идеи английских социалистов первой четверти XIX столетия, изложенные нами, образуют собою основной и главный фундамент, на котором могло впоследствии развиться учение о доле рабочих в общественном доходе, как проблема отношений, или в нашем смысле—как проблема распределения. Первую основу этого учения, как мы видели, кладет *Чарльз Холл*, еще задолго до *Рикардо* развивая и устанавливая идею долей, отношений. *Томпсон*, *Джон Грей*, *Томас Ходжскин* продолжают работу *Холла*, имея под собой уже более научную почву, разработанную *Рикардо*. В итоге, уже в работах названных писателей, складывается почти полностью схема идей, которые составили основное содержание экономической теории позднейшего научного социализма. Все главные элементы учения о доле рабочих в общественном доходе, как в статике своей, так и в динамике, мы находим в виде вполне обозначившемся, хотя и недостаточно развитом, в трудах ранних английских социалистов. И когда немного позднее крупный капитализм с машинным производством совершал свое победоносное шествие на континенте, с неизбежными социальными последствиями для мирного земледельца-крестьянина, для ремесленника, для мануфактурного рабочего и кустаря, идеи английских социалистов неизбежно должны были найти себе добрую почву для распространения и дальнейшего развития. Мы увидим, что и французский, и немецкий теоретический социализм в значительной степени питался теоретическими идеями отмеченных английских писателей, при чем немецкий социализм делает это

¹⁾ T. H. Hodgskin. Labour defended against the claims of capital... etc., стр. 27, 28. Необходимо иметь в виду, что к понятию «капиталистов» *Ходжскин* не относит собственно «предпринимателей», как руководителей и организаторов производства; последние направляют труд рабочего и вносят существенную долю участия в производство, поэтому, как думает *Ходжскин*, они должны получать из продукта заработную плату, как квалифицированные рабочие, и притязания их на долю справедливы.

в первое время даже не непосредственно, а отраженным образом, через французский социализм главным образом.

Круг социалистических писателей в Англии, имевших влияние на позднейшее развитие учения о доле рабочих в общественном доходе, не исчерпывается, однако, только что отмеченными. Антон Менгер, которому принадлежит до некоторой степени заслуга привлечения внимания современных экономистов к изучению идей раннего английского социализма, упоминает, как о заслуживающих внимания, об Эдмондсе, Джоне Ф. Брэе и Чарльзе Брэе, затрагивающих интересующие нас вопросы. Но эти последние авторы уже не являются типичными выразителями складывавшейся теории о доле рабочих, как проблемы раздела ¹⁾, не внося чего-нибудь нового в идеи уже отмеченных авторов.

¹⁾ T. R. Edmonds. Practical Moral and Political Economy. 1828 (о противоположности между заработной платой и незаработанным доходом, стр. 114—122).—J. F. Bray. Labour's wrongs and labour's remedy; or the age of might and the age of right, 1839.—Charles Bray. The Philosophy of necessity or the law of consequences; as applicable to mental, moral and social science, 2 Bde, 1841. (См. Dr. Anton Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung. Zweite verbesserte Auflage, Stuttgart 1891, стр. 60.)

Глава четвертая

УЧЕНИЕ О ДОЛЕ РАБОЧИХ У ФРАНЦУЗСКИХ И НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛИСТОВ

Изложенные выше идеи английских утопистов не могли не повлиять на развитие социалистической мысли во Франции. Французский социализм развивался, правда, при условиях, значительно отличавшихся от английских. Во Франции капиталистическая система хозяйства встретила серьезные препятствия на пути развития. Старый порядок здесь держался с большим упорством. Столкновения носили поэтому бурный характер и разрешались в революциях, что вносило в социалистические теории боевой, революционный характер и придавало им много темперамента, хотя в то же самое время вносило гораздо больше утопического элемента, чем это было в Англии. Особенно характерным для Франции было отсутствие крупного капитализма, хотя, тем не менее, проникновение и развитие капитализма, благодаря своему революционному, бурному характеру и резким столкновениям с старым порядком, раскрывали здесь еще ярче, чем в Англии, противоречия социальных отношений, противоположность интересов, борьбу социальных групп и классов. В общем, однако, ход развития мысли здесь и там был одинаковый. Всякая теория начиналась с критики господствующей хозяйственной системы; подмечались и устанавливались противоречия этой системы; все отрицательные стороны нового порядка (низкая заработная плата, нищета и бедность рабочего класса и широких масс населения, концентрация богатства и растущая неравномерность распределения его, безработица и непостоянство занятий) выводились, как непосредственный результат социального строя, и относились к последнему, как необходимое следствие к причине; устранение всего этого представлялось немислимым помимо устранения основной причины, т.е. существующего общественного порядка. Главнейшей же задачей социалистических мыслителей являлось придумывание средств к изменению господствующей системы и изображение во всевозможных красках преимуществ и возможной организации выдуманного нового фантастического строя. Апеллирование к справедливости и разуму, вера в человека, вера в силу нравственного и умственного воздействия и в возможность перевоспитания людей даже при господствующем порядке — составляли при этом характерные черты французских социалистических теорий.

При таких условиях ни сисмондизм, ни сен-симонизм, ни прудонизм, ни фурьеризм, ни другие системы социалистического характера, развивавшиеся

во Франции в первой половине XIX века, не могли внести много в экономическую теорию и особенно обогатить экономическую мысль. Сравнительно с английскими социалистами, французские сделали значительно меньше для развития учения о доле рабочих и об отношении ее к другим долям общественного дохода.

Так же как и в Англии, и во Франции первой половины XIX столетия не могла не бросаться в глаза нищета рабочих, низкая заработная плата, близкая к минимуму лишь необходимого существования, «освобождение» от земли крестьянских масс, от своих орудий труда и средств производства—ремесленников и кустарей и, вместе с этим, сосредоточение богатства и рост капиталов в руках немногих. Так же как и в Англии, и здесь эти явления приводили к мысли о росте неравномерности распределения с введением машин и развитии капитализма, вызывая у писателей социалистического направления представление о том, что доля рабочих отстает в своем развитии от роста доли капитала, чем они и объясняли себе факт концентрации богатства, с одной стороны, и нищеты—с другой. Но и этот важный и основной тезис в учении о доле рабочих выдвигался ими скорее лишь как умозрительный результат непосредственного общего впечатления; он не вытекал у авторов его ни из сколько-нибудь глубокого и серьезного теоретического анализа элементов, с которыми тесно и неразрывно связано развитие рабочей доли, ни из сколько-нибудь тщательного, точного статистического учета развития тех и других долей национального дохода в стране. Последнее, к тому же, было немислимо уже по одному отсутствию всяких сколько-нибудь пригодных для такого учета данных. Теоретический же анализ основных элементов капиталистического производства и их взаимоотношений, так блестяще начатый французскими писателями, не мог рассчитывать найти себе здесь благоприятную почву, вследствие отсталости и неразвитости, сравнительно с Англией, самых отношений производства. Неудивительно, если мы даже у наиболее гениальных представителей французского социализма, наприм., у *Сен-Симона*, *Фурье*, *Прудона*, не находим непосредственно ничего нового в смысле теоретического углубления вопроса о доле рабочих, как и вообще вопроса о взаимоотношении долей. Несомненно, идея классов, классовой борьбы, социального антагонизма, противоречия экономических интересов, идея эксплуатации и незаработанного дохода—в трудах этих великих утопистов нашли себе блестящее изложение и приобрели большую силу и убедительность, но новизны они уже не представляли, не говоря уже о том, что во многих случаях содержание и развитие этих идей носило следы отношений старого порядка; такова, наприм., идея классов у *Сен-Симона*, который проводил резкое разделение между классами «праздных», или «тунеядцами» и классом «рабочих», но под понятием последнего класса разумел весь индустриальный класс, т.-е. вместе и рабочих и предпринимателей, считая лишь интересы индустриального класса совпадающими с общественными ¹⁾. При таком понимании классового строения капиталистического общества невозможен был правильный анализ элементов общественного производства в капиталистическом хозяйстве, даже если бы и были налицо попытки такого анализа. В этом отношении несколько больше дают ближайшие ученики *С. Симона*, особенно *Анфантен*, а также школа *Прудона*.

¹⁾ G. Hubbard. S. Simon, sa vie et ses travaux. Paris 1897, стр. 206.

Для характеристики учений по интересующей нас проблеме, исходивших из-под пера французских социалистов, мы можем взять, как оказавшие наибольшее влияние на дальнейшее развитие этой проблемы, экономические взгляды и учение швейцарца *Сисмонди*, наиболее даровитого из сен-симонистов—*Анфантена*, далее—*Прудона*, фурьериста *Консидерана*, а также *Пекэра* и *Видаля*.

Сисмонди, о взглядах которого мы уже имели случай говорить, для нас интересен тем, что влияние его на последующих экономистов было очень велико; своей идеей непропорционального участия общественных классов в увеличении богатства он несомненно повлиял на *Родбертуса*, а развитая им теория кризисов, стоявшая в противоречии с распространенной в то время теорией *А. Смита* и *Рикардо*, оказала бесспорно глубокое влияние на экономическую систему *Маркса*; своими же социально-реформаторскими планами он явился отцом крупного экономического течения, особенно среди немецких ученых, именно катедер-социализма. По мнению *Видаля*, «из всех экономистов XIX века нет никого, кого можно было бы сравнить с *Сисмонди*. Многие пользовались при жизни большой известностью, но никто не имел более значительного влияния на науку, как он» ¹⁾. Силу и значение *Сисмонди* *Видаля* видит главным образом в его критике капиталистического хозяйства, служившего ему предметом изучения преимущественно по отношению английской жизни.

Основные взгляды по интересующему нас вопросу *Сисмонди* развивает главным образом в «*Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans les rapports avec la population*», появившихся в первом издании в 1819 г., два года спустя после «Основ политической экономии» *Рикардо*, и в совершенно переработанном виде—в 1827 г. Идея *Сисмонди* по интересующему нас вопросу можно свести вкратце к следующему.

Под влиянием *Рикардо* и ранних английских социалистов, главным образом *Томпсона*, *Сисмонди* выдвигает вопросы распределения, как центральный и важнейший пункт политической экономии, так как, по его мнению, в правильной системе распределения заключается ключ к достижению общественного благополучия, социального счастья. Изобретение машин, увеличивающих могущество человека, есть благодеяние для человечества, но несправедливое распределение выгод, ими доставляемых, превращает их в бич для бедных. Не усовершенствование машин составляет несчастье, а несправедливое распределение продуктов, являющихся результатом этого усовершенствования. *Сисмонди*, подобно английским социалистам, считает труд единственным источником богатства. Он весьма определенно развивает идею прибыли, как незаработанного дохода, идею прибавочного продукта, поступающего собственнику, как результат труда рабочего, без всякого содействия в том со стороны собственника. Прибыль предпринимателя—не что иное, как «ограбление» рабочих, занятых в производстве. Весь избыток, получающийся благодаря усовершенствованию техники производства, идет только собственнику-капиталисту, рабочий же не участвует в росте богатств, в накоплении, в завоеваниях и благах цивилизации. Бесконечное увеличение производительной силы труда ведет лишь к увеличению роскоши и наслаждений праздных богачей. Хозяин мастерской один лишь пользуется ростом производительной

¹⁾ F. Vidal. De la répartition de la richesses ou de la justice distributive en économie sociale. Paris 1846, стр. 237.

силы труда, вызванным разделением труда. В результате прогресса производства и «накопления несметных богатств» мы видим, с одной стороны, собственника, который один извлекает выгоды, получающиеся от изобретений; с другой стороны—рабочих, не имеющих никакой иной собственности, кроме своей заработной платы. Последняя же доведена до самого низкого уровня, при каком рабочий в состоянии едва просуществовать. Отделение рабочего от средств производства повело к неравному разделу производимых продуктов между капиталом и рабочим. И хотя в основе раздела лежит борьба сторон за возможно большую долю, но в силу неравных условий борьбы и преимущества капиталистов, доля рабочих не выходит за пределы того, что необходимо для рабочего существования.

Сисмонди таким образом в вопросе об основном факторе установления долей весьма близко подходит к тезису, который впоследствии сделался фундаментом для «социальной теории» распределения (принцип взаимоотношения сил), но идея средств существования, сжимая в своих тисках мысль исследователя, не дала ему возможности развить этот тезис.

Насколько интересен *Сисмонди* в своих общих предпосылках, которые могли лечь в основу развития учения о доле рабочих, настолько он бледен и слаб, когда касается самого анализа явлений заработной платы, как проблемы распределения. Здесь он сразу покидает рикардовскую точку зрения взаимоотношения долей и идею относительной заработной платы (не выдерживаемую до конца, как мы видим, и у самого Рикардо) и переходит всецело на смитовскую почву: заработная плата для него—один из составных элементов цены; хотя она и выставляется у *Сисмонди* «регулятором» других элементов цены, но индивидуалистическая постановка вопроса не дает возможности ему характеризовать заработную плату, как долю в общественном доходе. Понятие последнего у *Сисмонди* страдает такой же раздвоенностью и неясностью, как и у Рикардо: *Сисмонди* не проводит достаточного разграничения между общественным доходом и общественным продуктом, хотя и уделяет, как мы видим, много внимания на установление понятия национального дохода и национального богатства. Вообще говоря, анализ производственных элементов и отношений у *Сисмонди* весьма слаб. *Сисмонди* правильно устанавливает факты, но анализ их и причинное объяснение их взаимоотношений ему не удается. *Сисмонди* совершенно правильно, например., полагает, что должна быть некоторая пропорциональность в распределении продуктов производства и воспроизводства, что нарушение этой пропорциональности грозит социальным расстройством и бедствием, что рост богатства должен совершаться одинаково во всех частях системы, чтобы необходимая пропорциональность не нарушалась, что раз одно из колес начнет двигаться быстрее других, то в результате явится расстройство и несчастье. Но анализа условий этой «пропорциональности», по отношению к вопросу о доле рабочих и ее применении, *Сисмонди* дать не удалось. Мы увидим ниже, что идей его о необходимости сохранения раз установленной пропорции при росте богатства воспользовались *Робертус* и *Видаль*, развившие много глубже затрагиваемый вопрос о взаимоотношениях долей и, в частности, о доле рабочих. Точно также в лице *Робертуса* нашли себе верного последователя и продолжателя и идеи *Сисмонди* о возможности государственного воздействия в смысле регулирования равномерности распределения общественного богатства.

Попытки *Сисмонди*, так же как и *Томпсона*, поучительны особенно в том отношении, что они лишней раз обнаруживают невозможность объяснения

явлений распределения, понимаемых в смысле взаимоотношения классовых долей в общественном доходе, помимо подробного и всестороннего анализа явлений производства, производственных элементов и производственных отношений. Французские, также как и английские, утописты-социалисты старались истолковывать сложные процессы явлений капиталистической системы, обращая все свое внимание на систему распределения, между тем как сами явления распределения не могли быть истолкованы и поняты без ясного представления и понимания системы производства и производственных отношений.

Не без влияния *Сисмонди* складывались и развивались идеи *Сен-Симона* в трудах его учеников ¹⁾. Неопределенное и противоречивое противопоставление класса «праздных» классу «индустриальному», которое делал *Сен-Симон*, у *Анфантена* принимает уже более близкое к реальным отношениям жизни противопоставление между «тунеядцами» и «рабочими» ²⁾. Излагая религию сен-симонизма, *Анфантен* находит, что два противоположных интереса радикально разделяют все общество на два противоположных класса, между которыми происходит благодаря этому вражда, вечные противоречия, постоянная война, вторгающаяся даже в пределы семейного очага; эти два класса: один, живущий чужим трудом или классе тунеядцев, другой—живущий своим собственным трудом—класс рабочих, а два противоположных интереса—это выгоды рабочих, с одной стороны, и выгоды тунеядцев (*oisifs*),—с другой. Под влиянием этих двух противоположных интересов развиваются отношения как в области морали, изящных искусств, так и в области науки и промышленности. Под влиянием этих интересов складываются отношения процента, заработной платы, найма, аренды: рабочие должны желать повышения заработной платы, тогда как «тунеядцы», которые платят заработную плату и живут частью плодов, созданных трудами рабочих, желают противоположного ³⁾. Богатство,—говорит автор,—всегда или орудие труда, или пища праздности. Буржуа, который ничего не делает и живет чужим трудом, вследствие этого всегда дрожит за то, чтобы тот, кто его кормит, не уменьшил его порции ⁴⁾.

Развивая таким образом уже знакомые нам идеи эксплуатации, классового антагонизма и борьбы, сен-симонизм в трудах *Анфантена* развивает лишь общие положения социалистического учения, нигде не касаясь ближе вопроса о взаимоотношении долей и доли рабочих.

II

Общей особенностью французского социализма является вообще резкая и сильная критика существующей хозяйственной системы. В данном случае особенно отличаются *Пекэр*, *Прудон*, *Видаль*. У всех у них мы находим большое внимание к вопросам распределения, а у *Видаля* и отчасти *Пекэра* встречается и идея относительности распределения, идея пропорций. В этом отношении указанные французские социалисты представляют для нас значительный интерес.

¹⁾ См. A. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung. Zweite verb. Auflage. Stuttgart 1891, стр. 67.

²⁾ Religion Saint-Simonienne. Enfantin. Economie politique et politique. Articles et traits du Globe. Paris 1832, стр. 65.

³⁾ Ibid., стр. 62.

⁴⁾ Ibid., стр. 73.

Как теоретическая проблема, учение о доле рабочих в общественном доходе у *Прудона* отсутствует. В вопросах об отношениях труда и капитала, которые развивали английские социалисты первой четверти XIX века и *Рикардо*, мы не находим у *Прудона* никаких сколько-нибудь оригинальных новых идей. *Прудон* выступает главным образом как суровый и беспощадный критик капиталистической системы хозяйства. Но и в этом последнем отношении он повторяет лишь то, что уже было отмечено английскими социалистами.

Наиболее подробно и полно *Прудон* высказывается по вопросам труда и капитала в «*Système de contradictions économiques*» (1846) ¹⁾. Здесь мы встречаем у него определенно сложившийся трудовой принцип, взятый *Прудоном* в своем готовом виде, у английских социалистов и *Рикардо*. «Богатство,—говорит *Прудон*,—это ценности», а «все элементы богатства создает труд, только один труд» ²⁾. Труд—это основа жизни, это—сила, приводящая в движение материю, это—*mens agitans* ³⁾. Труд—основа ценности и источник богатства. Всякий продукт—непосредственный отпечаток труда ⁴⁾. Казалось бы, что трудовой принцип представляет собою и гарантирует закон равенства распределения. Но последнего нет в капиталистическом обществе, так как труд является гарантией счастья и равенства лишь постольку, поскольку продукты обмениваются в строгой пропорции к содержащейся в них ценности. Там же, где труд не социализирован, т.е. где ценность синтетически не определена, господствуют расстройство, кризисы, обманы в отношениях обмена, война лукавства и хитрости, затруднения в производстве, обращении и потреблении... И в то же самое время—стремление социального гения к справедливости, к порядку» ⁵⁾. В обществе происходит борьба с развивающимся беспорядком, неустойчивым, нарушением справедливости, равновесия, и «политическая экономия есть не что иное, как история этой великой борьбы» ⁶⁾. В труде *Прудон* видит не только принцип ценности, но и основной принцип распределения. «Труд, как мы говорили,—замечает он,—есть принцип богатства, сила, которая производит ценности, измеряет их и сравнивает (*proportionne*); а измерять и сравнивать—это значит также распределять» ⁷⁾. Как и по каким законам происходит распределение, *Прудон*, однако, об этом ничего не говорит, хотя и находит, что «проблема распределения до самого последнего времени не была выдвинута в центр внимания (*aborde de front*) ни одним из социалистических писателей» ⁸⁾. Одно лишь отмечает *Прудон*—это факт неравенства распределения, присущий современному общественному строю, вызывавший столько шума еще сотню лет тому назад ⁹⁾. Общественное неравенство *Прудон* считает неизбежным спутником капитализма, с его бесконечным разделением труда, машинами, конкуренцией, системой монополий, кредита, вольнонаемным трудом и проч. Это неравенство сопровождается, по *Прудону*, нараста-

¹⁾ P. J. Proudhon. Oeuvres complètes. Système des contradictions économiques ou philosophie de la Misère. Nouvelle édition. I—II t., Paris (первое издание в 1846).

²⁾ Ibid., стр. 76 и 77.

³⁾ Ibid., I, стр. 77.

⁴⁾ Ibid., I, стр. 87.

⁵⁾ Ibid., I, стр. 102.

⁶⁾ Ibid., I, стр. 103.

⁷⁾ Ibid., II, стр. 329.

⁸⁾ Ibid., II, стр. 284.

⁹⁾ Ibid., I, стр. 26 («Prologue»).

нием богатств, с одной стороны, и ужасающей бедностью и нищетой,—с другой, ростом господства и силы немногих привилегированных и рабством, подавленностью, отупением, угнетением широких масс рабочего населения. «Разделение труда,—говорит *Прудон*,—без которого производство не имело бы почти никакой цены, сопряжено с тысячью отрицательных сторон (inconvenients), самое худшее из которых—деморализация рабочего. Вместе с дешевизной производства машины несут с собой и вытеснение рабочих. Конкуренция ведет к угнетению. Налоги—эта материальная связь общества—большею частью являются только бичом, которого так же боятся, как пожара и градобития. Кредит необходимо сопровождается банкротствами. Собственность—это муравейник злоупотреблений. Торговля низведена до игры случайности, где разрешается все, вплоть до обмана. Короче говоря—всюду беспорядок стоит в равном отношении к порядку, и не дано знать, как первый должен быть устранен последним. Между тем экономисты успокаивают себя положением, что все идет к лучшему и всякую попытку к улучшению объявляют враждебной политической экономии»¹⁾. В глазах *Прудона*, разделение труда—это гидра, машины—неукротимый дракон. «Что может ожидать человечество,—воскликает он,—среди стоголовой гидры разделения труда и неукротимого дракона машин? Более двух тысяч лет тому назад сказал пророк: сатана караулит свою жертву, и война загорается...»²⁾.

Прудон не чужд идеи классового антагонизма, равно как и идеи незаработанного дохода,—идей, которые, как мы видели, выдвинули английские социалисты и которые определенно развивались и представителями сен-симонизма. Мы находим у *Прудона* прежде всего идею двух классов, в противоположность трехчленной формуле *А. Смита*. «Всякое общество,—говорит *Прудон*,—рассматриваемое в своем экономическом отношении, естественно разделяется на капиталистов и рабочих, предпринимателей и наемных рабочих; те и другие распределяются по лестнице, ступени которой образуют доход каждого, а последний распадается на заработную плату, прибыль, процент, ренту»³⁾.

Выдвигая эту идею двух классов в современном общественном хозяйстве, *Прудон* характерной чертой в отношениях этих общественных классов считает присущий им антагонизм. «Вместе с машинами,—говорит он,—выступает различие между господами и наемными работниками, капиталистами и рабочими: рабочий, которого машины должны были вывести из состояния одичания, куда толкал его одиночный труд, опускался все глубже и глубже, теряя вместе с свойствами человека и свободу и превращаясь в простое орудие производства. Для господ увеличивалось благосостояние, для подчиненных росла нищета. Начиналось различие каст»⁴⁾. «Пауперизм,—говорит *Прудон* далее,—явление хроническое и вытекает из общественной организации, поскольку существует антагонизм между трудом и капиталом»⁵⁾. Этот антагонизм *Прудон* подчеркивает при каждом удобном случае. Этот антагонизм он ставит в связи с идеей заработанного и незаработанного дохода: «Какое зрелище,—говорит он,—представляет эта бесконечная борьба между трудом и привилегированностью,—первым, создающим все из ничего, и последним, что является

¹⁾ P. J. Proudhon, Oeuvres complètes... etc., I, стр. 57.

²⁾ Ibid., I, стр. 174.

³⁾ Ibid., I, стр. 236.

⁴⁾ Ibid., II, стр. 330, 331.

⁵⁾ Ibid., I, стр. 129.

всегда с целью уничтожения того, что не производилось им» ¹⁾. Этот антагонизм между трудом и капиталом *Прудон* считает настолько глубоким, что он не признает никакой возможности примирения между ними на почве существующей системы хозяйства. Невозможно,—говорит *Прудон*,—ассоциировать труд и капитал, как равным же образом невозможно и производить без труда или без капитала ²⁾. Неудивительно, если у *Прудона* мы находим безнадежный пессимизм на характер развития отношений труда: он не жалеет красок на изображение роста нищеты, идущего параллельно с ростом бедности, представляя развитие нищеты в самых мрачных тонах. «В этот торжественный час появления разделения труда бурный ветер начинает шуметь над человечеством,—читаем мы у *Прудона*.—Прогресс оказывается равным и благотворительным далеко не для всех... Вначале он захватывает небольшое число привилегированных, образующих лучшую часть нации, в то время как массы остаются в состоянии варварства или опускаются даже еще глубже» ³⁾. В Париже и Лондоне, в этих центрах социального богатства, по мнению *Прудона*, нищета так же ужасна, как и во времена Цезаря и Агриколы ⁴⁾. Таким образом, по *Прудону*, машины, так же как и разделение труда, в современной системе социальной экономики являются одновременно и источником богатства и перманентной, фатальной причиной нищеты ⁵⁾, как бы в оправдание слов евангелия: «кто имеет малое, у того отнимется и то немногое, что он имеет» ⁶⁾. «Чем больше,—говорит *Прудон*,—совершенствуется наша промышленность, тем больше растет число наших братьев с печатью проклятия...» ⁷⁾.

Как мы видим, *Прудон* отмечает для капиталистического общества тенденцию к нищете рабочих классов, понимая последнюю в абсолютном смысле. При такой постановке вопроса *Прудон* был далек от идеи отношений. Последняя идея, о которой уже определенным образом высказывались английские социалисты и *Рикардо*, в учении *Прудона* не нашла никакого отголоска. А вместе с этим, у *Прудона* не могло получить серьезного развития и учение о доле рабочих, как теоретическая проблема отношений. Но тем не менее учением *Прудона* закреплялись и утверждались те основные предпосылки, на почве которых развивалась идея о доле рабочих в общественном доходе; таковы: идея заработанного и незаработанного дохода, идея двух классов, идея классового антагонизма и классовой борьбы.

Все эти идеи находим мы и у *Пекэра*. Особенно резкую критику современного строя дает *Пекэр* в «Des améliorations matérielles dans leurs rapports avec la liberté» (1839) ⁸⁾. «То, что я преследую в этом исследовании,—говорит *Пекэр*,—это благо всех, богатых и бедных; это—гармония, это—равенство, это—дистрибутивная справедливость» ⁹⁾. Вопрос о материальных улучшениях в глазах *Пекэра*—это вопрос о росте и распределении богатства ¹⁰⁾. Неравенство и «несправедливость» распределения—вообще излюбленная тема фран-

¹⁾ P. J. Proudhon. Oeuvres complètes... etc., II, стр. 405.

²⁾ Ibid., I, стр. 322.

³⁾ Ibid., II, стр. 405.

⁴⁾ Ibid., I, стр. 322.

⁵⁾ Ibid., I, стр. 429, 430.

⁶⁾ Ibid., I, стр. 110.

⁷⁾ Ibid., I, стр. 109.

⁸⁾ C. Pécqueur. Des améliorations matérielles dans leurs rapports avec la liberté. Second édition. Bibliothèque d'Elite. Paris 1841.

⁹⁾ Ibid., стр. XXIV («Préface»).

¹⁰⁾ Ibid., стр. 45.

цузских социалистов, это—основной мотив, заставляющий их критиковать современный строй и искать нового социального устройства. Так же как и *Прудон*, *Пекэр* не жалеет красок для изображения роста нищеты и тяжелых условий существования наемных рабочих и рабочих масс населения вообще. Нищета и пауперизм среди рабочего населения, по словам *Пекэра*, представляют общее явление, к которому неизбежно придут все нации, особенно те, которые развили уже в себе мануфактурную промышленность и внешнюю торговлю. К этому неудержимо влечет все страны современный хозяйственный строй, с его системой конкуренции. Нужны чрезвычайные силы, чтобы воспрепятствовать и предотвратить ужасное влияние этой конкуренции ¹⁾. Все ужасы материальных улучшений *Пекэр* представляет особенно наглядно на примере Соединенного Королевства, где каждая из трех составляющих Королевство стран, по мере роста материальных улучшений, абсолютно богатеет, но относительно рабочих масс беднеет ²⁾. На статистике распределения имуществ в Англии *Пекэр* находит полное оправдание положения, что «одно дело—производить в огромной массе человеческие полезности, и другое дело—распределить их равномерно и пропорционально; одно дело—содействовать пользе меньшинства, и другое—способствовать пользе народа» ³⁾. Современный прогресс, рост производительных сил страны, материальные улучшения вызывают растущее неравенство распределения, делают напряженными отношения между трудом и капиталом, благодаря конкуренции ведут к войне между предпринимателями, между рабочими, к войне и между производителями и предпринимателями, и между производителями и потребителями, т.-е., иначе говоря, к общей войне всех между собою ⁴⁾. Непосредственным результатом конкуренции *Пекэр* считает и общее понижение заработной платы, которому способствует, по его мнению, вытеснение рабочих машинами, и врожденное невежество рабочих, и их непредусмотрительность, а также и страшная нужда, заставляющая рабочих продавать свою рабочую силу за бесценок, «так как там, где дело идет о жизни, приходится отдавать себя за всякую цену» ⁵⁾. Богатым же достаются все выгоды. Характерным для *Пекэра* является, однако, то, что он рисует картину роста не столько абсолютного обеднения рабочих масс с общественным прогрессом, сколько относительного. Он представляет вполне возможным, что абсолютно богатство подымается во всех классах, но по социальной лестнице общественных доходов богатые классы уходят непропорционально выше сравнительно с массой рабочего населения. Низший конец социальной лестницы остается, по *Пекэру*, погруженным в слой нищеты и крайней необходимости, в то время как верхний конец ее обнаруживает несомненную тенденцию подниматься прогрессивно все выше и выше, до золотистых, блестящих горизонтов богатства, роскоши, избытка, где открыта вся обаятельность искусств, где доступны все чудеса промышленности и науки, где людям предоставлено все, что предназначено лишь богочеловекам, дождавшимся золотого века и достигшим почти преддверия нового Эдема ⁶⁾. Но,—говорит *Пекэр*,—вполне возможно, что, и при наличии тенденции к нерав-

¹⁾ C. Pecqueur. Des améliorations matérielles dans leurs rapports avec la liberté, стр. 68.

²⁾ Ibid., стр. 62.

³⁾ Ibid., стр. 68.

⁴⁾ Ibid., стр. 67.

⁵⁾ Ibid., стр. 68.

⁶⁾ Ibid., стр. 132.

номерности в распределении, низшие классы будут получать в растущем богатстве больше того, что составляет их необходимый уровень существования, но излишек среди высших классов будет уже безусловно увеличиваться еще в большей степени ¹⁾. «Возможно, что общество идет скорее к *иерархизации*, чем к большему равенству имуществ, именно низшие ступени будут подниматься к большему и большему довольству, но излишек в верхних ступенях будет расти еще быстрее. На социальной лестнице имуществ крайние точки будут все дальше и дальше удаляться одна от другой, одна от нищеты, другая от среднего излишка» ²⁾. «Вот это,—прибавляет *Пекэр*,—новый взгляд, который нам представляется важным и утешительным. Он вытекает из всех тех фактов действительности, которые в последнее время раскрыл опыт и статистика распределения богатств в Америке, Франции и Англии» ³⁾. Несмотря на самые мрачные картины и темные краски, которыми он рисует современный хозяйственный строй, *Пекэр* утешает себя надеждой на то, что может быть прогресс пойдет в таком направлении, что нищета будет становиться менее и менее суровой и, вместо того, чтобы быть абсолютной и синонимом лишений, она будет более *относительной*» ⁴⁾.

Идею относительности в распределении более определенно, чем *Пекэр*, высказывает *Видаль* в своем исследовании «О распределении богатств» ⁵⁾. *Видаль* здесь подробно останавливается на проблеме распределения. Из всех вопросов социальной экономики *Видаль* считает наиболее других важными два главных вопроса: организацию труда и распределение богатств. «Счастье страны,—говорит он,—меньше зависит от количества ежегодно производимых богатств, чем от способа, по которому общий доход распределяется между всеми гражданами: распределение—это основная проблема экономики» ⁶⁾. *Видаль* указывает, что «при настоящем состоянии экономических отношений увеличение богатства будет иметь своим результатом лишь то, что рабочие с каждым днем будут становиться беднее и беднее» ⁷⁾. Это дает основание *Видалью* называть современную систему распределения преступной и считать настоящий момент наиболее подходящим для того, чтобы старательно исследовать, каковы права и обязанности каждого члена общества, как потребителя и как производителя; «сейчас,—говорит *Видаль*,—всюду поднят вопрос о заработной плате и распределении, всюду он привлекает рабочие классы». *Видаль* находит, что статистика всюду констатирует прогрессирующий рост пауперизма среди промышленных наций, развивающийся параллельно росту богатства и цивилизации; всюду налицо «странная аномалия»: бедность рабочих классов, увеличивающаяся по мере развития богатства ⁸⁾. Ставя задачей своей—найти причины этой аномалии, *Видаль* предпринимает обширное догматическое и историческое исследование о развитии проблемы распределения, при чем старается объяснить понятие национального дохода и заработной платы с точки зрения общества. «Для собственника,—говорит он,—для

¹⁾ C. P e s q u e u r. Des améliorations matérielle des leurs rapports avec la liberté, стр. 74.

²⁾ Ibid., стр. 75.

³⁾ Ibid., стр. 74, 75.

⁴⁾ Ibid., стр. 132.

⁵⁾ F. V i d a l. De la répartition de la richesses, ou de la justice, distributive en économie sociale. Paris 1846.

⁶⁾ Ibid., стр. 4.

⁷⁾ Ibid., стр. 6.

⁸⁾ Ibid., стр. 10.

фермера, для промышленного предпринимателя заработная плата представляет часть издержек производства; для нации же заработная плата является единственным доходом наемного класса» ¹⁾. Но, следуя общему направлению социалистов-утопистов, *Видаль* центр своего внимания сосредоточивает не на анализе отношений действительности, а на построении картины наиболее справедливого распределения, не существующих, а долженствующих быть отношений, согласно его представлениям о справедливости. Это—характернейшая черта утопистов, делающая работы их лишенными большого теоретического значения. В данном отношении *Видаль* особенно типичен. Характеризуя различные школы экономистов и социалистов по вопросу о системах распределения, он замечает, что «напрасно было бы искать у экономистов различных школ какую-нибудь теорию распределения: все они довольствуются описанием фактов» ²⁾. *Видаль* с грустью отмечает то явление, что «в руках учеников *А. Смита* экономика делалась наукой цифр и фактов, что она шла к тому, чтобы смешаться с статистикой» ³⁾, и находит, что лишь «славные традиции французской школы» возвращают экономику к ее истинному месту—к морали и политике ⁴⁾. Исходя из таких оснований, *Видаль* довольствуется общими впечатлениями от данных статистики, рисуя факты действительности, и, принимая их на веру, или лишь слегка касаясь их, непосредственно обращается к анализу желательной системы распределения и отношений, видя в этом основную цель науки. Данные же статистики Франции, Англии и Бельгии открывали для *Видалья* факт падения заработной платы (абсолютной) и роста пауперизма, по мере роста производства и увеличения богатства. Отсюда *Видаль* непосредственно переходил к положению о преступности существующей системы распределения и заработной платы: «Этот факт падения заработной платы по мере увеличения богатства доказывает,—по мнению его,—что для того, чтобы улучшить участь рабочих, недостаточно одного подъема и оживления промышленности, что нужно в то же время призвать рабочего к такому разделу создаваемого богатства, чтобы он мог потреблять и присваивать долю в продукте, а не заработную плату, долю пропорциональную, а не какую-нибудь раз установленную, долю прогрессирующую, а не уменьшающуюся заработную плату» ⁵⁾. В этом желательном для *Видалья* разделе нельзя не видеть идеи *Сисмонди*, впоследствии развитой *Родбертусом*.

От факта падения абсолютной заработной платы, которое действительно имело место в первой половине XIX века, в первый период развития машинного производства, *Видаль*, как мы видели, заключает о преступности господствующей системы распределения и строит систему наиболее желательного распределения в смысле пропорционального роста долей. Нет никакого сомнения в том, что факт абсолютного падения заработной платы был фактом, слишком кричащим, при определении отношений рабочих к завоеваниям культуры и росту богатства. Но, как мы увидим ниже, когда со второй половины XIX века во всех европейских странах с капиталистическим хозяйством стал замечаться подъем абсолютной заработной платы, экономисты поспешили совершенно оставить в стороне вопрос о доле рабочих, и всякие попытки социалистов современных направлений вскрывать неблагоприятные стороны современ-

¹⁾ Vidal. Da la répartition de la richesses... etc., стр. 218.

²⁾ Ibid., стр. 261.

³⁾ Ibid., стр. 237.

⁴⁾ Ibid., стр. 237.

⁵⁾ Ibid., стр. 206.

ного распределения общественного дохода и переносить вопрос о заработной плате на почву проблемы взаимоотношения долей объявили за пережитки отношений старого времени, за отголоски пессимистических течений начала прошлого столетия, не находя в них никакой сколько-нибудь соответствующей запросам действительности почвы. Вопрос о *долях* и доле рабочих, под влиянием оптимизма конца XIX века, поэтому далеко отодвинулся на задний план в новейшей экономике и даже в лагере социалистической мысли вызвал течение, отвернувшееся от рикардианской постановки вопроса и, под знаком так наз. социальной теории, примкнувшей к господствующему индивидуалистическому направлению. Можно думать отсюда, что экономическое учение социалистов-утопистов о заработной плате, как доле рабочих, было весьма неглубоко и поэтому не могло оказать сильного влияния на развитие общей экономической науки в затронутом вопросе: стоило статистике показать факт подъема и роста абсолютной заработной платы, как вопрос о доле и взаимоотношении долей сразу отпал, как будто за ним и не было того глубокого значения, которое придавали ему *Чарльз Холл*, *Рикардо* и наиболее даровитые английские социалисты первой четверти XIX столетия. Между тем нет никакой надобности в особых доказательствах, чтобы признать, что факт падения или роста абсолютной (индивидуальной) заработной платы не имеет ровно еще никакого непосредственного отношения к проблеме взаимоотношения долей, как таковой.

III

Французский социализм не внес, как мы видели, много теоретических данных в разработку поставленной английскими социалистами и *Рикардо* проблемы о взаимоотношении долей и учения о доле рабочих в общественном доходе. Единственно, что сделали ценного в этом направлении представители французского социализма,—это то, что в их руках общие предпосылки проблемы отношений, выставленные английскими социалистами, приобрели более разработанный характер и приобрели значение социальных положений, всюду применимых там, где есть капитализм; они приобрели характер всеобщности. И когда Германия вступила на путь капиталистического развития, все элементы учения о доле рабочих могли здесь найти себе быстрое распространение. И в Германии, как и всюду, эта проблема трактуется главным образом в школе социалистов. Впрочем, в данном случае рикардовская идея долей, как проблема распределения, находит себе отголосок в немецкой науке не только у представителей научного социализма, но и у некоторых писателей-экономистов, которые не примыкали непосредственно к социализму и занимали среднее место между социализмом и либерально-классической школой.

К экономистам последнего типа относится *фон-Тюнен*, глубиной и оригинальностью мысли которого вправе гордиться немецкая экономика. По своей продуманности и новизне идей «*Der isolirte Staat*» *Тюнена* является бесспорно одним из наиболее ярких произведений немецкой экономической мысли. Приходится лишь удивляться, что идеи *Тюнена* долгое время оставались не усвоенными и что лишь в последнее время они нашли себе более благоприятную почву и то не на родине *Тюнена*, а в Америке, в трудах *Кларка* и представителей его школы.

Сам *Тюнен* считает себя скорее учеником *А. Смита*, чем *Рикардо*. *Тюнену* кажется, что его исследование все корни свои находит в *смитовском* учении,

которое *Тюнен* считает основой политической экономии ¹⁾. Как мы увидим, однако, ниже, в вопросах о распределении, *Тюнен* по постановке вопроса много ближе к идеям *Рикардо*, чем *А. Смит*. *Тюнен*, впрочем, не скрывает, что *Смит* его не удовлетворяет, так как он довольствуется установлением фактов и явлений и сводкой их, но не дает исследования основ этих явлений ²⁾. Сведение законов заработной платы, прибыли и земельной ренты к фактору конкуренции, как последнему регулятору, что делает *А. Смит*, *Тюнен* находит недостаточным для понимания явлений распределения. Его не удовлетворяет и принцип *Existenzminimum*'а, к которому сводит *Рикардо* свое учение о заработной плате ³⁾. *Тюнен* ставит вопрос много шире. Проблема распределения результатов труда между общественными классами (рабочими, капиталистами и землевладельцами) для него имеет значение не только национально-экономического интереса, но и высоко-моральное значение, как не узко-экономической проблемы, а социальной в широком смысле. Решение проблемы раздела общественного дохода для *Тюнена* тесно связано с решением социального, рабочего вопроса, — вопроса отношений труда и капитала. «*Тюнен*, — говорит один из новейших исследователей его учения, *Макс Бюхлер*, — был первым из немецких политико-экономов, который серьезно и научно занялся социальным вопросом» ⁴⁾.

Смитовская идея трехчленного раздела у *Тюнена* не находит себе приложения. Подобно *Рикардо*, *Тюнен* приходит к идее двух долей, на которые распадается чистый общественный доход, по числу двух основных общественных классов, непосредственно имеющих дело с производством: доли капиталистов, получающих проценты, и доли рабочих, получающих заработную плату. Земельную ренту *Тюнен* абстрагирует при исследовании, сводя общественное производство к таким условиям, при которых земельной ренты не образуется (безграничное поле доступной для обработки земли и одинаковая удаленность последней от центра). Согласно этой абстракции, раздел общественного дохода происходит лишь между двумя претендентами: трудом и капиталом, при чем главное внимание *Тюнена* направлено к определению доли рабочих. В последнем отношении *Тюнен* в общем верен Смитовской постановке вопроса: он намерен исследовать вопрос о высоте заработной платы, но — и в этом уже существенная разница от Смитовской точки зрения — при состоянии равновесия в буржуазном обществе, когда спрос и предложение уже не могут быть источниками, устанавливающими высоту заработной платы, когда последние взаимно уничтожаются, уступая место другим, более глубоким, коренящимся в «самой природе общества», причинам ⁵⁾. В таком состоянии общественного равновесия, приближающего общество к его естественному состоянию, *Тюнен* думает найти закон, который бы устанавливал высоту «естественной» заработной платы, т.-е. такой, которая бы и вытекала из самой природы общественного хозяйства, и являлась бы наивыгодной как для рабочих, так и для капиталистов, и уничтожала бы то тяжелое положение рабочих, в котором они находятся при современных условиях образования заработной

¹⁾ Johann Heinrich von Thünen. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalökonomie. Dritte Auflage, herausg. von H. Schumacher-Zarchlin. Zw. Theil. 1 Abtheilung. Berlin 1875, стр. 65.

²⁾ Ibid., стр. 64.

³⁾ Ibid., стр. 63.

⁴⁾ Max Büchler, Dr. jur. Johann Heinrich von Thünen und seine nationalökonomischen Hauptlehren. Bern 1907. Verlag von A. Francke, стр. 83.

⁵⁾ J. H. von Thünen. Sbidem, II, стр. 53.

платы, защищая их против нищеты и лишений. Этот закон, нормирующий высоту заработной платы, в представлении Тюнена, является не столько законом, существующим «in der Wirklichkeit», сколько законом желательным или законом долженствования; но поскольку такой закон вытекает из общественной природы, постольку Тюнени не может считать его далеким, или невозможным для осуществления, для проведения его в жизнь: Тюнени прекрасно сознает, что «осуществлению, однако, подлежит только то, что развивается с необходимостью из организации человечества» ¹⁾.

Для нахождения своего закона «естественной заработной платы» Тюнени обращается к анализу отношений между трудом и капиталом, поскольку тот и другой участвуют в разделе общественного дохода ²⁾. В целях определения этих отношений Тюнени и приходит к интересующей нас идее раздела, сводя проблему распределения к проблеме дележа вновь созданного продукта между двумя основными классами общества: капиталистами и рабочими.

Внимание Тюнени обращено главным образом, как мы уже говорили, не на исследование реальных законов распределения в действительности, а на установление закона, соответствующего естественной организации общества. Тюнени убежден в том, что в действительности заработная плата регулируется конкуренцией и тяготеет к Existenzminimum'у; что «как учит опыт, рост рабочих находит свою предельную границу лишь в недостаточности средств существования»; что «издержки на воспитание рабочего приходится брать в расчет, как посредствующий фактор, при определении отношений между процентом и заработной платой» ³⁾; что «благодаря развитию и росту техники в фабричной системе, проведению шоссейных и железных дорог, благодаря развитию торговли и проч., национальный доход может сильно расти изо дня в день; но при нашей современной общественной организации рабочему не легче от этого, его положение остается, как и было, и весь прирост доходов падает лишь на предпринимателей, капиталистов и землевладельцев» ⁴⁾. На все это Тюнени не закрывает глаз. Но для него тем более импульсом отыскать закон «раздела продукта между капиталистами и рабочими» и найти, «какова естественная доля рабочего в создаваемом им п-продукте» ⁵⁾. И несмотря на то, что Тюнени стоит на точке зрения больше этического исследователя и социал-реформатора, чем объективного исследователя; несмотря на то, что найденная им формула-закон и бессодержательна, и неправильна, и неопределенна, и не соответствует действительности, и даже не оправдывает всех возлагавшихся на нее автором надежд ⁶⁾, — несмотря на все это, в учении Тюнени о распределении заложена масса глубоких мыслей, освещающих некоторые стороны проблемы общественного раздела и распределения.

Все учение Тюнени о распределении, отличающееся разнообразием мыслей и отсутствием строго выдержанного единства, можно свести к следующим

¹⁾ J. H. von Thünen. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, II, стр. 50.

²⁾ Ibid., II Th., I Abth., стр. 70.

³⁾ Ibid., II Th., II Abth., стр. 2.

⁴⁾ Ibid., II Th., I Abth., стр. 208.

⁵⁾ Ibid., II Th., II Abth., стр. 1.

⁶⁾ См. Max Büchler (J. H. von Thünen und seine nationalökonomischen Hauptlehren, Bern 1907, стр. 63), Carl Grünberg (v. Thünen, в Handw. d. Staatsw., Iena 1901, т. 7, стр. 119—122). — О том же самом говорит и Zwiédinek von Südenhorst в «Lohnpolitik und Lohntheorie» (Leipzig 1900), стр. 172.

основным положениям, игравшим руководящую роль в исследовании *Тюнена*: а) принципу производительности, б) закону падения доходности при последовательном применении труда или капитала, с) принципу предельного измерения (идея последнего, приставленного в дело, рабочего и последнего, вложенного в дело, капитала), d) принципу дележа, определяющего отношение между долей труда и долей капитала. За исключением последнего, все эти положения у *Тюнена* имели значение при выяснении вопроса о происхождении прибавочного продукта или дохода и установлении причин, регулирующих абсолютный уровень процента и заработной платы; все они вошли почти целиком в настоящее время в содержание учения о распределении, развиваемого американской школой *Кларка*, будучи дополнены лишь идеями австрийской школы предельной полезности, с ее *Zurechnungstheorie*.

Мы знаем, что задача установления общих причин, регулирующих абсолютный уровень различных ветвей дохода, в их средне-типическом, индивидуальном виде, и проблема раздела и распределения в смысле установления отношений между долями—две различные проблемы. *Тюнен*, как верный ученик школы *А. Смита*, не разграничивал этих проблем, предполагая между ними тесную, нераздельную связь; но, находясь отчасти под малосознаваемым влиянием идей *Рикардо*, отчасти толкаемый «социальным вопросом», назревшим с момента революции 1848 г., *Тюнен* все свое внимание отдавал не первой проблеме, а второй. Центральной задачей его было найти отношения между долями труда и капитала. Этой проблеме отношений *Тюнен* приписывал решающую роль в вопросе об отыскании своего закона естественной заработной платы, равной \sqrt{ar} . Связать, однако, в одно целое две различные по существу проблемы (проблему отношений и проблему абсолютного уровня) *Тюнен*, разумеется, не мог. Напрасны поэтому усилия критиков *Тюнена* «выяснить соотношения между двумя принципами распределения *Тюнена*, между принципом предельной производительности, с одной стороны, и принципом, выраженным формулой \sqrt{ar} , с другой стороны»¹⁾.

В проблеме дележа созданного трудом продукта *Тюнен* старается выяснить прежде всего вопрос об объекте, подлежащем разделу. Этот вопрос сразу же вводит *Тюнена* в круг противоречий и неясностей. «Если,—говорит *Тюнен*,—из валового дохода какого-нибудь обрабатываемого участка (*eines Guts*) вычесть все, что идет на поддержание построек и инвентаря, далее—все, что требуется на семена и корм скота, равно как и то, что идет на издержки по управлению и надзору, а также и на промышленную прибыль предпринимателя, и, наконец, все вообще, что необходимо для поддержания хозяйства и что не поступает ни по адресу рабочего, ни по адресу собственника, то весь остаток (*Ueberschuss*) должен распределиться между собственником земли и рабочими; этот остаток я называю трудовым продуктом (*Arbeitsproduct*)»²⁾. Совершенно правильно сводя объект раздела к понятию вновь созданных в хозяйстве ценностей, или того, что можно назвать чистым доходом, *Тюнен* тем не менее выключает из него часть, составляющую промышленную прибыль, и часть, составляющую плату за надзор и управление. Такое исключение для промышленной прибыли и расходов на администрацию вызы-

¹⁾ См. Н. Н. Шапошников, прив.-доцент Моск. Ун. Учение *Тюнена* об естественной заработной плате. Ярославль 1909, стр. 4.

²⁾ J. H. von Thünen. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, II, стр. 80.

вает вполне понятное недоумение у критиков *Тюнена* ¹⁾. Почему не входят в раздел эти величины и почему не привлечь их к распределению? Это остается у *Тюнена* невыясненным. Если *Кларк* не включает в объект распределения предпринимательской прибыли, то он определенно это мотивирует тем, что в статическом состоянии, при котором он рассматривает общественно-хозяйственную жизнь, предпринимательской прибыли нет, она исчезает, являясь лишь образованием второго порядка, рождаясь в динамике хозяйственной жизни. У *Тюнена* нигде не видно, чтобы он промышленную прибыль считал образованием производного характера. Еще менее объяснимо исключение из «*distribuendum*» расходов на администрацию: если последние, подобно промышленной прибыли, уплачиваются из вновь созданного ценностного фонда, а не из прошлого накопленного труда (капитала), то нет ровно никаких оснований исключать эту часть ценностей из распределительного фонда. По мнению *Гельфериха* ²⁾, *Тюнен* исключает прибыль предпринимателя из раздела в целях уравнивания условий хозяйственной деятельности для рабочего, живущего наемным трудом, и для капитал-создающего рабочего, обрабатывающего участок земли самостоятельно, с помощью собственных сбереженных капиталов и наемных рабочих. Но какую бы роль ни играло для *Тюнена* это уравнивание условий для двух разного типа рабочих, объект распределения для общества должен оставаться неизменным.

За исключением двух отмеченных неправильностей, *Тюнен*, однако, близок к истине в своем определении объекта, подлежащего разделу между классами общества: этим объектом является чистый общественный доход, т. е. сумма вновь созданных обществом ценностей, остающихся по замещении всех затрат на вложенные в дело капиталы.

Как же происходит, по *Тюнену*, самый раздел общественного дохода и распределение его долей между классами? Коренная задача *Тюнена* — найти «отношение, в каком должен быть разделен *Arbeitsproduct* между рабочими и владельцем капитала» ³⁾. В определении этого «отношения» *Тюнен* выставляет два постулата: 1) «труд, которым произведен капитал, отнюдь не должен быть оплачен рентой высшей, чем годовой труд наемного рабочего, если последний отдает под проценты излишек своей заработной платы, остающийся за вычетом *необходимых* средств содержания. Иначе говоря: оба вида труда, именно как труд, содержащийся в капитале, так и труд, исполненный за плату, должны иметь, при предпосылке равного размера их, также и равную ренту»; 2) заработанная плата должна иметь такой размер, при котором образование ренты с капитала сопровождалось бы наименьшей затратой труда ⁴⁾. Исходя из этих требований, *Тюнен* приходит для заработной платы к своей знаменитой формуле \sqrt{ar} , где *p* есть то, что подлежит разделу, или *Arbeitsproduct*, а *a* есть размер необходимых средств существования. Эти постулаты являются весьма характерными для социально-экономических взглядов *Тюнена*. Основной пункт, из которого он исходит, — представление о возможности, при нормальных условиях хозяйственных отношений, согласования

¹⁾ См., наприм., *Helferich. Johann Heinrich von Thünen und sein Gesetz über die Theilung des Produktes unter die Arbeiter und Kapitalisten Zeitschr. für die gesammte Staatsw.* 1852. 8 B. Tübingen, стр. 416).

²⁾ *Helferich. Johann Heinrich von Thünen .. etc.*, стр. 423.

³⁾ *J. H. von Thünen. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*, II, § 21, «Das Gesetz für die Theilung zwischen Kapitalisten und Atrbeitern», стр. 204.

⁴⁾ *Ibid.*

интересов рабочих и капиталистов. Напуганный событиями 1848 года и стремясь разрешить социальный вопрос, сделавшийся с момента революции предметом общего внимания, Тюнен ищет такой формулы раздела, который совершался бы настолько же в интересах одного класса, насколько это было бы в интересах и другого. Тюнен знает, что, при современных условиях жизни, «в интересах предпринимателей и капиталистов лежит всегда цель глубже и глубже понижать заработную плату»¹⁾, что «интересы капиталистов и рабочих не только различны, но и диаметрально противоположны»; что «в этой противоположности интересов лежит основание, почему пролетарии и имущие находятся всегда во враждебных отношениях друг к другу, и пока не исчезнет противоречие их интересов, до тех пор они останутся непримиримыми»; что «мало того, на счет интересов рабочего совершается не только рост благосостояния его господина-нанимателя, но и национальное благосостояние идет в ущерб рабочему»²⁾. Разрешение «социального вопроса» при таких условиях Тюнену представляется немислимым. Он ищет таких отношений между трудом и капиталом, при которых были бы удовлетворены интересы и того и другого. Для решения последней задачи Тюнен прибегает к гипотезе сведения труда и капитала к одному источнику: труду, хотя и в двух разных его функциях. Он представляет в своем «изолированном государстве» двух рабочих: одного, работающего при помощи собственного капитала, или капитал-создающего рабочего, и другого, работающего по найму, не самостоятельно. Этого последнего рабочего Тюнен не представляет, однако, лишенным совершенно капитала или возможности накопления последнего; рабочая плата у него состоит из двух частей: части, в виде необходимых средств существования (а), и части, являющейся в виде некоторого избытка (у), с которого рабочий может иметь также доход, отдавая его на проценты. Рабочий, по Тюнену, в одно и то же время и наемный рабочий, и капиталист, в смысле обладания некоторым количеством капитала. При наличности свободных участков, рабочему «изолированного государства» предоставлен выбор, смотря по выгоде: отдаваться ли в наймы к капитал-создающему рабочему и жить на заработную плату плюс проценты с излишка, остающегося от заработной платы; или же капитал свой, имеющийся в виде этого излишка, вложить в собственное дело и жить уже на одну ренту с вложенного в дело капитала. При подобном представлении понятно, что рабочий, живущий на заработную плату плюс проценты с излишка, заинтересован в том, чтобы норма процента не опускалась очень низко и, таким образом, не сокращалась часть его доходов с излишка над заработной платой. На этих основаниях Тюнен и строит свой закон. «Das Streben des Lohnarbeiters muss darauf gerichtet sein, für seinen Ueberschuss *u* wenn er denselben auf Zinsen legt, die höchste Rente zu beziehen»³⁾. Такое отношение, при котором противоположные интересы труда и капитала согласованы, Тюнен видит достигнутым, если заработная плата рабочего будет равна $\sqrt{ар}$.

Нельзя не видеть, что почва, на которой базируется свой закон раздела Тюнен, чрезвычайно шатка, и что все построение его формулы распределения страдает значительной долей утопии. Тюнен хочет примирить непримиримое и ради этого создает гипотезу двух рабочих (капитал-создающего и наемного).

¹⁾ J. H. von Thünen. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, стр. 208.

²⁾ Ibid., стр. 209.

³⁾ Ibid., II, стр. 150.

совершенно не соответствующую характеру капиталистической системы хозяйства. В гипотезе *Тюнена* проглядывают скорее черты старого ремесленного производства, где для цехового рабочего не была исключена возможность сделаться мастером и из рабочего превратиться в господина. Эта особенность старого порядка превратилась в простую иллюзию при развитии капитализма, и если последняя могла еще держаться в первой половине XIX века, то рост крупных машин и крупного капиталистического производства второй половины века окончательно разрушил ее. Современный наемный рабочий является владельцем лишь собственной рабочей силы. Никаких излишков и накоплений, с которых он мог бы получать рентный доход, у современного рабочего не имеется. Крупный капитализм характеризуется полным отделением рабочего от орудий производства и всякой имущественной собственности и в высокой степени непрочностью рабочего существования; безработица становится здесь обычным явлением и страх за «черные дни» еще более, чем когда-нибудь, ощутительным. Если современный рабочий откладывает «про черный день», то вовсе не в целях создания себе добавочного дохода от собственных «излишков», а с единственным стремлением спасти себя и семью на случай безработицы или потери работоспособности.

Интерес исследования *Тюнена* о распределении и законе раздела общественного дохода между классами лежит, однако, не в правильности найденной *Тюненом* формулы раздела. Интерес учения *Тюнена* в постановке вопроса. *Тюнен* оказался близким к высказанному, но не достаточно развитым идеям *Рикардо* и социалистов по вопросу о распределении: его занимала главным образом проблема отношений между долей труда и капитала. Проблема распределения в представлении *Тюнена* сводилась к проблеме дележа чистого дохода между двумя классами, но разрешение этой проблемы сделано у него неудовлетворительно. Неудовлетворительность решения, однако, еще не отнимает у исследователя права на серьезные научные заслуги. В этом отношении можно применить к *Тюнену* его собственные слова: «Die Wissenschaft ist nie eine vollendete, und oft dient ein Fortschritt in derselben dazu, uns neue fruher nicht geahnte Probleme zu zeigen» ¹⁾.

Гораздо ближе, чем *Тюнен*, подходит к вопросу о доле рабочих в общественном доходе, как проблеме отношений, *Родбертус*.

IV

В руках *Родбертуса* идея доли рабочих в общественном доходе находит впервые глубокую теоретическую разработку и получает широкое социальное освещение. Для *Родбертуса* эта идея является одним из наиболее важных научных путей к изучению социального вопроса. Идеи *Родбертуса* долгое время оставались без влияния на развитие экономической мысли, пребывая в забвении. И лишь появление катедер-социализма пробудило интерес к учению *Родбертуса* и сохранило его имя от полного забвения ²⁾.

К идее взаимоотношения долей *Родбертус* приходит, с одной стороны, благодаря классикам А. *Смиту*, *Мальтусу* и *Рикардо*, давшим ему основной теоретический материал, с другой стороны, благодаря французским социали-

¹⁾ J. H. von Thünen. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, II, стр. 3.

²⁾ См. Н. Dietzel. Karl Rodbertus. Zweite Abteilung. Darstellung seiner Sozialphilosophie. Jena 1888, стр. 234.

стам и особенно идеям *Прудона*, выдвинувшего так резко вопрос о социальном антагонизме в капиталистическом обществе и неравномерном распределении общественных богатств, создаваемых наемными работниками ¹⁾. *Родбертус* считает мало пригодной, в целях освещения социального вопроса, *смитовскую* идею абсолютного богатства. «Если бы мы стали,—говорит *Родбертус* в своем еще юношеском произведении,—сравнивать богатство современное с богатством в более отдаленные времена в *смитовском* смысле, то пришли бы к результату, что взятый в среднем житель современной Германии из средне-обеспеченного круга живет богаче, чем жили короли в средние века. Более того, мы пришли бы к тому результату, что раньше не было, при таком сравнении, вовсе богатых. Между тем, однако, богатые и бедные были в самые плохие времена. Поэтому,—продолжает *Родбертус*,—под богатством в данном случае надо понимать только относительную долю в массе благ, обусловленную данным состоянием культурного развития народа,—долю, которая сама по себе может содержать и очень незначительную степень возможности обеспечивать удовлетворение потребностей, комфорта и удобств жизни» ²⁾. Отсюда идея об относительных долях для *Родбертуса* делается центральным пунктом в изучении народного хозяйства и социального вопроса. В своем 1-ом «социальном письме» *Родбертус* прямо начинает с вопроса о распределении общественного «продукта». Он приводит положение *Маколея*, что «положение простого народа вернее всего можно определить отношением, в каком этот класс народа стоит ко всему обществу» ³⁾. Бедность для *Родбертуса*—понятие общественное, т. е. относительное. «Ясно,—говорит он,—что при разладе между притязанием и удовлетворением, между приманкой и вынужденным отречением экономическое положение рабочих классов необходимо должно быть распатанным» ⁴⁾.

Наиболее полно свою постановку вопроса теоретической проблемы распределения *Родбертус* развивает во 2-м и 3-м «социальных письмах». Все предшествующие ему теории распределения *Родбертус* считает далеко неудовлетворительными. «Я нахожу вообще,—говорит он,—что все предшествующие теории не выяснили социального значения ни поземельной ренты, ни прибыли на капитал, ни заработной платы. Я нахожу, что эти три отрасли национального дохода еще едва освещены в науке в их взаимоотношении, как доли в продукте, и что специфическое влияние земельной капиталистической собственности на «производство и распределение» до сих пор почти совсем игнорировалось» ⁵⁾. В этом отношении *Родбертус* считает величайшей заслугой *Рикардо*, что последний впервые установил это понятие относительной заработной платы, хотя, к сожалению, ни его друзья, ни его противники не сумели воспользоваться этой идеей, да и сам *Рикардо* извратил ее, когда, подчиняясь взгляду о падающей производительности земле-

¹⁾ О влиянии *Прудона* на *Родбертуса* см. *A. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag... etc.*, Stuttgart 1891, стр. 83, а также *H. Dietzel. Karl Rodbertus. Zweite Abteilung, Jena 1888*, стр. 234.

²⁾ *Rodbertus-Jagetzow. Zur Erkenntnis unserer Staatswirtschaftlichen Zustände. Erster Heft. Fünf Theoreme. Neubrandenburg und Friedland 1842*, стр. 39.

³⁾ *Rodbertus. Erster sozialer Brief. Schriften, Band III. Издание A. Wagner'a и Dr. Th. Kozak'a, Berlin 1899*, стр. 167 (в примечании).

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 172.

⁵⁾ *Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der sozialen Frage. Theil 1. Unveränderter Abdruck meines zweiten und dritten sozialen Briefes an von Kirchmann. Zweite Auflage, herausg. von Moritz Wirth, Berlin 1890*, стр. 36—37.

делия, в своей теории земельной ренты утверждал, что заработная плата, как доля в продукте, непрерывно *возрастает* ¹⁾. Единственно научной точкой зрения в политической экономии *Родбертус* считает только такую, которая имеет дело с общественными *отношениями*. Экономическая наука, по его мнению, подчинилась преувеличенному индивидуалистическому направлению времени; она разорвала на клочки то, что в силу разделения труда составляет неразрывное целое и социальное единство, то, что может получить существование только при предположении этого целого, и хотела перейти от этих клочков, от индивидуального участия единичных лиц к понятию целого ²⁾. Свою *социальную* точку зрения, в противоположность индивидуалистической, *Родбертус* развивает особенно подробно в письме к *Вагнеру* от 31 мая 1875 г., где он говорит: «Все политико-экономические понятия пропитаны идеей общения, ибо все они исходят от единства социального организма, а не от атомов его, не от индивидуального организма... Национальные потребности имели бы совершенно иное содержание, если бы эти индивидуумы не были связаны в социальный организм... Даже ценность есть такое же общественное понятие, в котором душа—социального характера... Если социальная экономия этого долго не замечала, то единственно потому лишь, что она до понятия общества доходит от понятия индивидуума лишь шаг за шагом от частного к общему... Мы до настоящего времени не могли избавиться от индивидуалистических воззрений, и в этом именно и заключается причина нашей сдержанности и робости, нашего отвращения к правильному общественному пониманию социальной жизни человечества. Не подлежит сомнению, что этот индивидуалистический фокус-покус, в конце концов, превратится в ничто и что только тогда общественная наука сделает самые стремительные успехи» (см. *Ad. Wagner* «Einiges von und über Rodbertus». Tübinger Zeitschrift. 1878. Heft 1). Раз понятия земельной ренты, прибыли и заработной платы суть *социальные* понятия, то, по мнению *Родбертуса*, с самого же начала стоят на ошибочном пути те, кто думает выяснить основные *принципы* этих явлений индивидуально, т.-е. исходя от *единичных* участников, с точки зрения одного из многих рабочих. Наоборот, если мы желаем дать принципиальное разрешение теоретической проблемы распределения, мы должны, согласно *Родбертусу*, понимать под заработной платой, рентой и т. д. всю массу получаемой в обществе заработной платы, всю массу ренты и пр.; или, иначе говоря, мысленно представить себе все общество в виде одного рабочего, одного землевладельца и одного капиталиста. «Ибо законы, которые регулируют дальнейшее распределение заработной платы, поземельной ренты и прибыли на капитал между *отдельными* рабочими, *отдельными* землевладельцами и *отдельными* капиталистами, совсем иные, чем те, которые управляют разделением продукта на заработную плату, поземельную ренту и прибыль на капитал вообще; если же принимают первые законы за последние, как это делала школа *Сэ* и другие, то продолжают принимать случайности, проявляющиеся на поверхности оборота, за основные принципы, действующие с спокойной, неумолимой силой» ³⁾.

С точки зрения выставленных принципов и общих методологических положений, *Родбертус* приступает к дальнейшему развитию своего учения о рас-

¹⁾ Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der sozialen Frage... etc., стр. 38.

²⁾ Ibid., стр. 40—41.

³⁾ Ibid., стр. 50.

пределении, давая тщательный анализ взаимоотношению долей в общественном «продукте». Явления обмена для него представляются не больше, как лишь формой, в которой совершается распределение национального продукта, лишь «связью, в которой каждый производит потребительные ценности для другого» ¹⁾.

Но поставив ясно и определено вопрос и указав метод для правильного, с его точки зрения, разрешения проблемы распределения, *Родбертус*, так же как и предшествующие писатели, не дает теории распределения в смысле проблемы отношений, логически и стройно построенной на основе указанных принципов. Прежде всего *Родбертус*, подобно *Рикардо*, смешивает понятие общественного продукта с общественным доходом. Он ясно не представляет себе, что собственно в общественном производстве подлежит разделу между классами: весь ли общественный продукт, или лишь чистый доход общества. «Национальный доход,—говорит *Родбертус*,—любого периода будет всегда совпадать с ценностью национального продукта (Nationalproduktwerth), произведенного на всех ступенях того же самого периода» ²⁾. В другом же месте, однако, *Родбертус* говорит иное: «сущность национального дохода в том, что он—часть национального продукта...» ³⁾.

С другой стороны, крайней неопределенностью страдает учение *Родбертуса* о причинах, устанавливающих размер долей в общественном разделе. Правильно находя, что этот раздел вынужденный, и считая грубейшим *petitio principii* учение об услугах, взаимно происходящих в производстве между трудом, землей и капиталом ⁴⁾, *Родбертус* ищет причину установления долей в меновом обороте, в законах рынка. «Размер доли каждого класса в национальном продукте зависит,—говорит он,—от шансов рынка» ⁵⁾. Доля рабочего, наприм., по мнению *Родбертуса*, определяется меновым оборотом, т.е. по закону спроса и предложения, так как «рабочий отдает предпринимателю свой труд и за это получает меновой эквивалент по общим правилам спроса и предложения» ⁶⁾. Но, как мы видели выше, сам же автор меновой оборот считает лишь *формой*, лишь внешней связью между распределением продукта и общественным производством его. Можно ли допустить, что в форме, в которой проявляются известного рода явления, скрываются уже причины, вызвавшие эти явления в данном образовании. Если меновой оборот, с своим законом спроса и предложения, является причиной известного отношения между явлениями, то он не может быть только простой формой, которую принимают данные отношения. Если же меновой оборот только форма, которую принимают данные отношения, то законы его и, следовательно, закон спроса и предложения могут диктовать, изменять и устанавливать только формы отношений, а не самые отношения, не размер долей. Для воздушных полетов разных физических тел форма их имеет большое значение. но напрасным трудом для физика было бы отыскивание причин, почему тела держатся и двигаются в воздухе над землей. в одной лишь форме этих тел. Между

¹⁾ Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung des socialen Frage... etc., стр. 64.

²⁾ Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow. Schriften. Band I. «Das Kapital», Herausg. von Ad. Wagner und Th. Kozak. Neue wohlfeile Ausgabe, Berlin 1899, стр. 306.

³⁾ Ibid., стр. 264.

⁴⁾ Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der Socialen Frage, стр. 70.

⁵⁾ Ibid., стр. 71.

⁶⁾ Ibid.

тем *Родбертус* неоднократно повторяет свое положение, что «обмен есть лишь форма распределения продукта»¹⁾).

Неудивительно, если на этой почве возникают у *Родбертуса* логические противоречия. То он говорит, что доли раздела устанавливаются под давлением закона спроса и предложения, как мы видели выше. То неожиданно для себя он приходит к противоположному: влияние, которое оказывает тот или иной класс на меновый рынок,—говорит *Родбертус* в 4-м «социальном письме»,—определяется не количеством произведенных продуктов или степенью производительности, а исключительно величиной *той доли*, какую получает класс из ценности продукта; «классы влияют на рынок только сообразно величине своих долей в национальном продукте; сообразно последним действует и их спрос на рынке»²⁾. Оказывается, уже не закон спроса и предложения определяет размер долей, а, наоборот, размер долей определяет закон спроса!

Как мы увидим ниже, логическая непрочность теории распределения *Родбертуса* особенно ярко сказывается при развитии им учения о заработной плате. Рабочая плата, по его представлению, есть предмет так наз. «свободного» соглашения сторон, т.-е. *конкуренции*. Последняя и устанавливает долю «продукта», которую получают рабочие в виде платы. Эта доля подвержена, однако, колебаниям, в зависимости от колебания ценности и цены «труда»; последняя же, подобно цене и ценности всякого товара, *тяготеет* к «ценности издержек»; в данном случае, по отношению к рабочим, такой точкой тяготения является ценность так наз. «необходимого содержания»³⁾. *Родбертус* таким образом приходит к идее «железного закона заработной платы», не замечая логического *petitio principii*, в котором он только что упрекал школу *Сэ*: доля рабочих в общественном доходе (по *Родбертусу*—«продукте») определяется конкуренцией; конкуренция для рабочих находит себе основу в ценности «необходимого содержания»; ценность необходимого содержания определяет размер спроса на рынке; размер же рыночного спроса на продукт определит величину меновой ценности продукта, а меновая ценность определит величину доли рабочих и т. д. без конца. *Родбертус* упускает из виду, что если бы ценность продукта, идущего рабочим в качестве необходимого содержания, была дана, то и доля рабочих была бы этим уже дана, так как при отыскании доли предполагается, что ценность общественного дохода или продукта величина определена данная, в чем бы эта ценность ни была выражена⁴⁾.

Значение учения *Родбертуса* о распределении лежит, однако, не столько в стройной и логически развитой теории, сколько в ясной постановке вопроса

¹⁾ Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow. Das Kapital. Berlin 1899, стр. 73 («...des Tausches, der eine Form der Vertheilung des Produkts ist»).

²⁾ Ibid., стр. 52.

³⁾ Ibid., стр. 183, 184.

⁴⁾ На стр. 206 «Четвертого Письма» *Родбертус* дает прекрасный пример собственного «*circulus vitiosus*», в который впадает его мысль: «Меновая ценность известного количества продукта, доставленного на рынок, поднимается до определенного пункта, только благодаря достаточно действительному спросу. Достаточно действительный спрос предполагает соответствующую покупательную силу. Соответствующая покупательная сила дается только обладанием достаточной ценностью. Количество ценности, от которого зависит покупательная сила, определяется величиною доли в продукте». Таким образом: доля рабочих в продукте—конкуренция—спрос—меновая ценность—доля рабочих в продукте,—бесконечный круг.

о распределении и трактовании последней с общественной точки зрения. Рикардовская идея о взаимоотношении долей нашла в лице *Родбертуса* своего достойного продолжателя. Поставленная *Родбертусом* на широкую социальную основу, эта идея ждала теперь лишь дальнейшего развития и очистки от всех ненаучных своих элементов. (В руках *Маркса* эта очистка совершается.) Особенно ценным в разработке *Родбертусом* проблемы распределения является, во-первых, идея резкого противопоставления трудового и нетрудового доходов и сведение национального дохода к двум основным видам его (заработной плате и ренте вообще), однородным по своему существу и происхождению; во-вторых, попытка окончательно дискредитировать в глазах науки индивидуалистический метод исследования общественно-хозяйственных явлений, противопоставляя ему более научный и более плодотворный метод—социальный, как единственно приложимый к общественным наукам; в-третьих, попытка поставить теоретическую проблему распределения в теснейшую и живую связь с социальным вопросом, в целях научного освещения последнего; и, наконец, в-четвертых, идея отношений, как основа учения о распределении и заработной плате. Все это дает возможность видеть в учении *Родбертуса* о распределении и заработной плате решительный поворот в сторону постановки в изучении проблемы взаимоотношения долей общественного дохода, как проблемы глубокого теоретического и практического значения.

Вблизи к идеям *Родбертуса* постановку вопроса в изучении проблемы распределения и заработной платы мы находим у одного американского экономиста-социалиста, имевшего большой успех в Европе,—*Генри Джорджа*.

V

Среди американских экономистов попытка развить вопросы распределения общественного дохода, с точки зрения учения о взаимоотношении долей, была сделана со стороны *Генри Джорджа* в 1881 г., в его знаменитой книге «*Progress and Poverty*»¹⁾.

Так же как и *Родбертус*, *Генри Джордж* приходит к изучению проблемы распределения в целях выяснения причин прогресса и бедности, роста нищеты, идущего с ростом богатства. Так же как и *Родбертус*, *Г. Джордж* ставит своей задачей раскрытие причин, которые низводят долю рабочих в общественном доходе к минимуму необходимого существования, несмотря на огромный рост производительных сил. Не найдя этих причин в условиях производства, *Г. Джордж* обращается к условиям распределения, рассчитывая здесь найти закон, устанавливающий долю рабочих. «Я думаю,—говорит он,—открыть закон, связующий бедность с прогрессом и увеличивающий нужду одновременно с ростом богатств»²⁾. После тщательного штудирования господствующей в экономической науке теории распределения автор приходит к печальному выводу, что «господствующая политическая экономия не дает сколько-нибудь удовлетворительного и точного отчета в распределении богатств», что, за некоторым исключением изолированно стоящего закона ренты, «все остальное представляет из себя туманную и бессвязную массу»³⁾. Ни один

¹⁾ Henry George. *Progress and Poverty: an Inquiry into the Cause of industrial Depressions, and of Increase of Want with Increase of Wealth*, New-York 1881.

²⁾ Ibid., стр. 11.

³⁾ Ibid., стр. 143.

из экономических трактатов по распределению не дает, по мнению Г. Джорджа, ясного представления о взаимоотношениях законов распределения. Между тем эти законы распределения богатства для него суть «законы пропорционального раздела» и должны находиться между собою в тесном взаимоотношении. Современная же экономика представляет эти законы так, что никакого взаимоотношения между ними не получается. Истинные же законы распределения должны, полагает Г. Джордж, «стоять между собой во взаимной связи и в ответствии и взаимно ограничиваться один другим»¹⁾. «Задача автора, отсюда, найти, чем определяется раздел всего общественного продукта между землей, трудом и капиталом»²⁾. Самые законы распределения богатства в представлении Джорджа являются не чем иным, как законами отношения (laws of proportion), при чем если дано одно отношение, то не нужно особых законов, чтобы отыскивать другое³⁾.

Такова постановка проблемы распределения у Г. Джорджа. Но разрешение этой проблемы крайне слабое. Сильный и глубокий критик, давший тонкий анализ теории фонда и раскрывший ее полную научную несостоятельность, Генри Джордж оказался, однако, плохим теоретиком. Его законы распределения сводятся к признанию рикардовского закона земельной ренты и противопоставлению доле ренты долей заработной платы и процента (прибыли): закон, по которому падает или поднимается доля ренты, оказывает обратное действие на доли заработной платы и прибыли. По мнению Джорджа, по мере уменьшения производительности почвы и роста производительности труда, вместе с техническим прогрессом, доля общественного дохода, приходящаяся землевладельцам в виде земельной ренты, растет, а, соответственно с этим, доля рабочих и доля капиталистов одновременно падают. Отсюда и низведение заработной платы к минимуму существования по мере роста богатства. Отсюда и дружное единение прогресса и бедности.

Г. Джордж, как мы видим, идет даже против того, что, казалось, уже прочно установилось если не в господствующей политической экономии, то, по крайней мере, в новом, развивающемся со времени Рикардо, учении о взаимоотношении долей. Он идет против идеи обратной зависимости между прибылью и заработной платой, устанавливая принцип гармонии между трудом и капиталом и окончательно порывая этим с учением о делении дохода на трудовой и нетрудовой его элементы. Этот гармонический закон между трудом и капиталом вытекал у Г. Джорджа из ошибочного анализа тех элементов, из которых складывается доля капиталистов, и в совершенно неправильном представлении о «функциях» капитала: предпринимательскую прибыль он сводит к одному общему источнику, из которого вытекает и заработная плата (затрата рабочей силы), а характерной для капитала частью оставляет лишь «процент», происхождение которого он видит уже не в труде и не в «не-заработанном» доходе, а в меновом обороте и в приращенных свойствах некоторых видов капитала. В его теории распределения поэтому было бы напрасно искать стройности построения и единства принципов. С скромная роль, которую отводит Джордж капиталу в его гармонии с трудом, идет у автора так далеко, что, по его мнению, «не капитал дает занятие труду, но труд дает занятие капиталу»⁴⁾. Согласно Г. Джорджу, между трудом и капиталом,

¹⁾ Henry George. Progress and Poverty... etc., стр. 144.]

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., стр. 143.

⁴⁾ Ibid., стр. 176.

В каждый данный момент. существует равновесие, выражающееся в том, что доля капитала всегда равна доле труда. Это отношение и состояние равновесия ни в каком случае, по мнению автора, не может быть нарушено. Для доказательства этого положения *Г. Джордж* приводит, однако, чрезвычайно туманные и совершенно не соответствующие реальной жизни соображения, вытекающие из его метафизической теории происхождения процента: правильно находя, что, в сущности, источник образования капитала—труд и что в этом отношении труд и капитал суть различные формы одного и того же, *Г. Джордж* совершенно неправильно представляет себе, что как труд, так и капитал могут, по мере надобности, в любой данный момент свободно переходить из одной формы в другую, т.-е. труд может при желании свободно выливаться в капитал, а капитал—в труд. На этом метафизическом положении о свободном взаимном переливании труда и капитала автор и строит свои аргументации о неизменном отношении между трудом и капиталом в общественном хозяйстве: если доля труда понизится, а доля капитала останется на прежней высоте или вырастет, труд тотчас же поспешит вылиться в форму капитала, чем повысит предложение капитала и таким образом понизит его долю в доходе, или процент; наоборот, понижение доли капитала, не сопровождающееся пропорциональным понижением доли труда или заработной платы, поведет к тому, что капитал поспешит вылиться в форму труда и понизит ростом своего предложения долю его в продукте; этим и будет поддерживаться постоянное равновесие между долей труда и капитала и неизменность отношения этих долей ¹⁾. Эта теория превращения висит у автора совершенно в воздухе. Если мы представим себе реальный процесс производства, где постоянный капитал приносит известную долю капиталистам, а переменный является известной долей рабочих, и предположим, что доля капиталистов выросла, а рабочих осталась на той же высоте, как и была, то, согласно *Джорджу*, должно произойти следующее перемещение: капиталистическое общество (или, как полагает *Джордж*, сам рабочий класс!) поспешит перевести часть переменного капитала в постоянный, чтобы понизить долю капиталистов! Комбинация, разумеется, совершенно невозможная при капиталистической современной системе и возможная лишь в жизни недавнего прошлого Америки, когда там имелась масса свободных земель, годных для обработки.

Благодаря слабости общего построения и аргументирования своих тезисов, *Г. Джордж* не имел успеха, как теоретик; его имя известно более, как имя социального политика и блестящего публициста, выступившего с идеей национализации земли, но на развитие идеи взаимоотношения долей он не оказал сколько-нибудь заметного влияния.

Наиболее полное развитие идеи отношений, в приложении к учению о доле рабочих в общественном доходе, связано главным образом с именем *Карла Маркса*, главы немецкой школы научного социализма.

Среди социалистических теоретиков, развивавших учение о заработной плате, как доле рабочих в общественном доходе, *Марксу* принадлежит бесспорно самое видное место. Правда, проблемы заработной платы *Маркс* ка-

¹⁾ Henry George. Progress and Poverty... etc., стр. 178—180.

сается главным образом лишь в связи с анализом капитала и товара. оговариваясь при этом, что в его задачу не входит полное и всестороннее изложение всех разнообразных форм и сторон заработной платы¹⁾. Тем не менее, в тех разбросанных по разным местам штрихах, которыми *Маркс* характеризует явления заработной платы, можно найти глубокое по мыслям и богатое по развитию их содержание. К сожалению, это содержание вскрывалось критиками *Маркса* большей частью совершенно в неверном, не соответствующем учению *Маркса* освещении. Таков, напр., довольно распространенный взгляд, что *Маркс* в учении о заработной плате придерживается идеи «железного закона». Много способствовало последнему то обстоятельство, что взгляды *Маркса* в первые годы его занятий политической экономией — в частности, вопросами заработной платы — не совпадали с тем, что высказывал *Маркс* в период своей научной зрелости. Так, в своих первых работах конца 40-х годов *Маркс* не проводит различия между понятиями «труд» и «рабочая сила», — различия, весьма важного и существенного для позднейшей конструкции марксовой теории заработной платы. Более того, в своих первых трудах *Маркс* дает много материала для того, чтобы думать, что он был в то время по существу близок не только к идее «железного закона», но и к идеям «фонда» заработной платы²⁾. Но тем не менее уже в этих же первых трудах *Маркса* мы встречаем положения и взгляды, определенно характеризующие всю теоретическую систему марксизма.

«Нищета философии» и «Наемный труд и капитал» были первыми экономическими выступлениями *Маркса*. Для нас интересен особенно последний эскиз, читанный автором впервые в виде лекции для рабочих. Он остался недоконченным и относится к 1847 году. Уже здесь *Маркс*, под несомненным влиянием *Рикардо*, развивает идею относительной заработной платы, придавая ей, повидимому, существенное значение. «Ни номинальная заработная плата, т.-е. сумма денег, за которые рабочий продает себя капиталистам, ни реальная, т.-е. сумма товаров, которые может рабочий купить на эти деньги, еще не исчерпывают, — говорит здесь *Маркс*, — содержащихся в заработной плате отношений. Зарботная плата прежде всего есть определенная своим отношением к прибыли, к барышу капиталиста, относительная, пропорциональная заработной плате»³⁾. Под последней *Маркс* разумеет «долю непосредственного труда во вновь произведенной ценности, взятую в отношении к той доле, которая достается наемному труду, капиталу»⁴⁾. Анализ относительной заработной платы приводит *Маркса*, далее, к идее «закона обратной пропорциональности» между прибылью, как долей, достаемой капиталу, и заработной платой, как долей рабочих. Тут же мы встречаем и слабые попытки установления закона падения доли рабочих в общественном доходе с ростом произво-

¹⁾ Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Zweite verb. Auflage. Hamburg 1872, стр. 564.

²⁾ Так, напр., в «Lohnarbeit und Kapital» (первоначально статьи в «Neue Rheinische Zeitung» за 1849 г.) *Маркс* пишет: «Der Arbeitslohn ist also nicht ein Antheil des Arbeiters an der von ihm produzierten Ware. Der Arbeitslohn ist der Theil schon vorhandener Ware, womit der Kapitalist eine bestimmte Summe productiver Arbeit [skraft—вставка Фр. Энгельса] an sich kauft» (Karl Marx. Lohnarbeit und Kapital. Neu herausgegeben von Karl Kautsky. Berlin 1907, стр. 18).

³⁾ Karl Marx. Lohnarbeit und Kapital. Neu herausgegeben von Karl Kautsky. Berlin 1907, стр. 30.

⁴⁾ Ibid.

дительности, введением машин и т. д.¹⁾ Слабость этих попыток *Маркса*—в их односторонности; здесь *Маркс* всецело находится еще под влиянием условий положения рабочих, создающихся непосредственно вслед за введением крупного машинного производства, когда рабочие еще не успели организовать и стать достаточно сильными; он говорит о падении заработной платы в абсолютном ее значении, о замене сложного труда простым, мужского—детским и женским и т. д., говорит об абсолютном вытеснении рабочего машиной и пр. Словом, то, что приписывают обыкновенно *Марксу* критики, относится именно к первым шагам *Маркса* в области теоретической экономики и носит несомненные следы гениально задуманного, но еще не развитого и не доведенного до конца анализа. Весьма характерно для *Маркса*, что, следуя повидимому за *Рикардо* в признании важности идеи относительной заработной платы, он, однако, идет только за социалистами (английскими и французскими) в формулировании закона падения заработной платы, с общественным прогрессом,—идеи, собственно чуждой *Рикардо*.

Уже в «*Arbeitslohn und Kapital*» *Маркс* отмечает, что искать взаимоотношения между заработной платой, как долей рабочих и долей капиталистов, нужно путем анализа производства и ставить в связь с накоплением, как характерной чертой капиталистического развития. Но это положение *Маркса*, важное для теории заработной платы, получает свое развитие у *Маркса* лишь много позднее, к 60-м лишь годам. До этого же времени *Маркс* большее внимание в учении о заработной плате отдает вопросу об определении среднего уровня заработной платы per capita, решая этот вопрос путем сведения его к общему закону образования товарных цен.

Окончательно складываются взгляды *Маркса* на заработную плату в «*Капитале*». Судя по предисловию к «*Zur Kritik der politischen Oekonomie*» (январь 1859), можно думать, что вопросам, связанным с проблемой заработной платы, *Маркс* намеревался посвятить специальное исследование, которое под названием «*Наемный труд*» должно было следовать за проблемой «*Капитал*» и, затем, «*Земельная собственность*». Как известно, однако, и первую проблему «*Капитала*» *Маркс* не успел довести до конца.

Прежде чем вышел в свет первый том «*Капитала*», *Маркс* развивает взгляды на заработную плату в докладе, прочитанном на тему о «заработной плате, цене и прибыли» на генеральном совете «*Интернационала*» 26 июня 1865 года. Здесь *Маркс* окончательно порывает с идеей фонда и дает блестящую критику последней. Здесь мы также встречаем и принцип средств существования и закон обратной пропорциональности, но общая социологическая почва и экономическая основа, на которую ставит теперь *Маркс* учение о заработной плате много шире, глубже и определеннее, чем в первой работе о заработной плате. Анализ заработной платы здесь превращается у *Маркса* в анализ образования прибавочной ценности. Учение о заработной плате есть, согласно *Марксу*, учение о прибавочной ценности и об отношениях, возникающих на почве последней. «На взаимоотношениях между капиталистом-предпринимателем и наемным рабочим основывается,—говорит *Маркс*,—вся система заработной платы и вся современная система производства»²⁾. Система наемного

¹⁾ Karl Marx. *Zoharbeit und Kapital... etc.*, стр. 31.

²⁾ K. Marx. *Lohn, Preis und Profit*, Vortrag, gehalten im Generalrat der «*Internationale*» am 26 Juni 1865. Uebersetzt von E. R. Bernstein. Dritte Auflage. Frankfurt-M. 1910, стр. 33.

труда, идея оплаченного и неоплаченного труда, своеобразные отношения между рабочим и капиталистом в этой системе,— вот на что главным образом обращает теперь свое исследование *Маркс*. Превращая анализ заработной платы в анализ ценности и прибавочной ценности, Маркс находит, что ценность «труда» — не постоянная, а изменяющаяся величина. Если ценность рабочей силы определяется у *Маркса* ценностью необходимых средств существования, то здесь еще не кончается анализ: средства существования соответствуют уровню рабочих потребностей, но последние содержат в себе исторический, социальный элемент, они также являются изменяющейся величиной, «вытекающей из общественных условий». Всякие изменения заработной платы надо искать, следовательно, в изменениях общественных условий; но совокупность общественных условий есть система общественных отношений, которая определяется экономической системой производства.

Раньше *Маркс* в производственной системе капиталистического хозяйства отмечал тенденцию к понижению заработной платы. Теперь он уже определеннее говорит, о каком понижении идет речь: «хотя бы абсолютный жизненный уровень рабочего и оставался на одном и том же пункте, его относительная заработная плата,— говорит *Маркс*,— и вместе с тем его относительное социальное положение, сравнительно с положением капиталиста, будут падать». Указанием на факт относительного понижения заработной платы *Маркс*, однако, не ограничивается: рабочий должен стремиться добиваться повышения заработной платы; если рабочий будет противодействовать этому понижению относительной заработной платы, то он будет добиваться своей доли участия в результатах увеличения производительности своего собственного труда и сохранения своего прежнего положения на социальной лестнице; капитал, если его не обуздывать, будет беспощадно и бессердечно стремиться к тому, чтобы довести рабочий класс до состояния крайней приниженности; и выступая против этой тенденции капитала и борясь за повышение заработной платы, рабочий лишь противодействует обесцениванию своего труда и ухудшению своей расы». Словом, *Маркс* приходит к излюбленной идее борьбы классов, как фактору установления долей. «Определение действительной высоты нормы прибыли,— говорит он,— достигается постоянной борьбой между капиталом и трудом... Вопрос превращается в вопрос об относительных силах борющихся». Итак *взаимотношение сил*— вот что устанавливает долю капитала и труда. Но— что характерно для *Маркса*— он и здесь не ставит последнюю точку в своем анализе заработной платы. Самому факту социальной борьбы и историческому ходу ее *Маркс* ищет экономические основы. «Борьба за повышение заработной платы,— говорит он,— является только следствием предшествовавших перемен; она есть неизбежный плод предшествовавших изменений в массе производимых продуктов, в производительной силе труда, в ценности труда и денег, в увеличении массы труда, извлеченного из рабочего, соответствующих колебаниях рыночных цен, обусловленных колебаниями спроса и предложения и различными фазами промышленного круговорота...»¹⁾ Как можно видеть, *Маркс* еще не дает ясного указания, в чем же искать экономического базиса, направляющего классовую борьбу за доли, какие экономические изменения предвещают исход борьбы. Но в конце своего доклада *Маркс* делает указание и на этот базис, развитый им позднее более основательным образом в «Капитале»: этот базис *Маркс* видит в «изменениях в составе капитала». Надо помнить,—

¹⁾ К. М а r x. Lohn, Preis und Profit... etc., стр. 38, 40, 41, 43, 44.

говорит он, — что одновременно с прогрессирующим накоплением происходит соответственное же изменение в составе капитала: часть капитала, заключенная в машине и сырье, увеличивается быстрее другой части его, расходуемой на заработную плату. Если первоначально отношение этих частей равнялось отношению 1:1, то при дальнейшем ходе развития промышленности оно делается равным отношению 5:1; «труд продолжает возрастать, но отношение его к росту капитала постоянно уменьшается» ¹⁾. «Этих немногих указаний будет достаточно,—заканчивает *Маркс*,—для того, чтобы показать, что именно развитие современной промышленности должно опускать чашу весов в пользу капиталистов и в ущерб рабочим» ²⁾.

Можно сказать, что в разбираемом докладе *Маркса* заключены в существенных чертах все важнейшие элементы его позднейших взглядов на заработную плату. Мы видим прежде всего, что центр внимания *Маркса*—производственная проблема заработной платы; он анализирует главным образом момент и характер образования заработной платы, как одно из проявлений наемной системы, дающее основу для выяснения происхождения капитала и накопления. Теория заработной платы поэтому превращается у *Маркса* собственно в теорию прибавочной ценности. Даже идея средств существования играет у *Маркса* роль скорее добавочной идеи к теории прибавочной ценности, как идеи необходимого труда или необходимого продукта, в отличие от добавочной, незаработанной части ценности. Далее, капиталистическая тенденция к абсолютному понижению заработной платы, которую выдвигал *Маркс* для раннего периода развития крупного капитализма, как преобладающую тенденцию, находит теперь у *Маркса* противодействие в борьбе классов, согласно которой рабочий всячески противодействует стремлениям капитала. На почве этой идеи борьбы классов за долю *Маркс* выдвигает, как мы видим, принцип взаимоотношения сил. Но последний у *Маркса* является лишь общим социальным фоном изменения заработной платы, зависящим от экономических причин, экономический же анализ последнего *Маркс* ищет в строении капитала, в производственном процессе. При чем во всех этих случаях *Маркс* разумеет здесь под заработной платой—отношение, долю. Заработная плата для него—проблема отношений, а не только вопрос об абсолютном уровне.

Все эти положения *Маркс* развивает и углубляет в «Капитале», особенно в первом и третьем томах. Учение «Капитала», поскольку оно касается заработной платы, можно свести к следующим *основным моментам*, в которых *Маркс* развивает свои взгляды относительно заработной платы вообще и в частности—как доли рабочих.

1. Прежде всего, согласно *Марксу*, когда идет речь о заработной плате, предполагается существование *системы наемного труда*, где рабочие и капиталисты противопоставляются, как свободные и равноправные товаровладельцы: рабочие, как обладатели рабочей силой, капиталисты, как собственники или владельцы капиталом, орудиями производства. На почве развития этой системы наемного труда создается общественный доход, состоящий из необходимого и добавочного продукта, или ценности. Первая часть выплачивается рабочим и поступает последним в виде фонда необходимого содержания рабочих; это—оплаченный труд или заработная плата, в отличие от второй части, которая является неоплаченным трудом или прибавочным продуктом, прибавочной

¹⁾ К. Marx. Lohn, Preis und Profit... etc., стр. 45.

²⁾ Ibid.

ценностью, «незаработанным доходом»; эта последняя часть поступает капиталистам. Анализ образования этих двух частей дохода составляет содержание *теории прибавочной ценности*, проливающей свет на источник заработной платы, на образование рабочего класса и на процесс накопления капитала. Распределительной проблемы, как таковой, здесь еще мы не видим.

2. Высота двух составных частей общественного дохода имеет прежде всего своей общей основой *момент борьбы*. Она устанавливается на почве постоянной борьбы, совершающейся между общественными классами за доли в продукте, или вернее—в общественном доходе, и разрешается в принципе *взаимоотношения социальных сил*. В этой борьбе,—говорит *Маркс*.—«мы находим антиномию, право против права, и притом каждое из этих прав одинаково освящено законом товарного обмена. Но в борьбе двух одинаковых прав решает сила»¹⁾. Пока рабочий класс был не сплочен, не организован, пока он не был в состоянии противопоставить силу против капиталистических тенденций к понижению заработной платы, до тех пор заработная плата падала и абсолютно и относительно, а рабочий опускался все ниже и ниже по социальной лестнице. Так было в первый период введения машинного производства, в первую фазу пореволюционной промышленной эпохи. Но «как только рабочий класс, оглушенный шумом и гамом производства, пришел некоторым образом снова в себя, немедленно началось его сопротивление, и прежде всего оно началось на родине крупной промышленности, т.-е. в Англии»²⁾. Но борьба классов, являясь важной социологической предпосылкой при изучении экономических явлений, сама по себе есть лишь, по *Марксу*, отражение развивающихся в капиталистическом производстве противоположностей, отражение противоречий, коренящихся в капиталистическом хозяйстве. Принципы взаимоотношения сил еще не вскрывает поэтому экономического содержания. Говоря об установлении высоты заработной платы и прибыли (прибавочной ценности), *Маркс* поэтому и не останавливается на принципе взаимоотношений сил, а ищет экономический анализ изменения заработной платы в отношениях производства, в хозяйственной организации общества. На последний момент *Маркс* обращает все свое внимание главным образом.

3. Экономический анализ частей общественного дохода раскрывает отношение обратной зависимости между ними и ведет к установлению *закона обратной пропорциональности* между тем, что поступает к капиталистам, и тем, что достается рабочим. Трехчленную формулу дохода классиков *Маркс* в данном случае упрощает, превращая ее в двухчленную. По его мнению, раздел общественного дохода, в своем первичном и основном моменте, происходит собственно между двумя классами: рабочими, с одной стороны, получающими свою часть в виде заработной платы (величина v , переменный капитал), и предпринимателями, с другой стороны, получающими остальную часть общественного дохода в виде прибавочной ценности вообще (величина m). Раздел прибавочной ценности на прибыль, процент и земельную ренту является уже разделом вторичным, не влияющим на основной раздел первого порядка и на установление заработной платы; этот раздел совершается по своим особым законам, независимо от первого; рабочие в нем уже не участвуют. Такую абстракцию *Маркс* считает вполне допустимой, потому что, согласно его пред-

¹⁾ К. М а r x. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals. Zweite verbesserte Auflage. Hamburg 1872, стр. 227.

²⁾ Ibid., стр. 279.

ставлению, капиталисты-предприниматели и рабочие суть единственные фактические, активные двигатели общественного производства, как непосредственные участники в нем: одни—в качестве владельцев средств производства и организаторов (посредственных или непосредственных), другие — в качестве той силы, которая приводит в движение весь производственный механизм и производит общественные ценности. Это двухчленное деление связано с системой наемного труда и обусловливается последней, являясь в то же самое время научной абстракцией, упрощающей анализ частей дохода. Итак, доход общественный $= v + m$. И если та часть дохода, которую получают капиталисты вообще, увеличивается, то, при остающейся неизменной массе дохода, другая часть, которую получали рабочие, eo ipso падает, и наоборот. Если же под частями дохода разумеать не абсолютные количества, а доли, т.е. отношения каждой части к сумме частей, то отношение обратной зависимости между долями, или закон обратной пропорциональности долей остается в силе при любом изменении общей массы дохода, т.е. отношения $\frac{m}{v+m}$ (доля капитала) и $\frac{v}{v+m}$ (доля труда) обратно пропор-

циональны. Маркс нигде не дает анализа отношений между $\frac{m}{v+m}$ и $\frac{v}{v+m}$.

Его интересовало лишь отношение $\frac{m}{v}$ или то, что он называл «нормой прибавочной ценности», и отношение $\frac{m}{c+v}$, которое он называл «нормой прибыли».

Но что он обыкновенно понимал под понятием доли рабочих и доли капитала именно отношения, пропорции, в этом не может быть никакого сомнения... «Und der Arbeitslohn und Mehrwert (Profit),—говорит он,—nur Theile sind, Proportionen, worin zwei Klassen von Produzenten den Wert der Ware unter sich vertheilen» ¹⁾. «Нельзя представлять себе,—говорит Маркс в другом месте,—будто бы существуют два от природы различных и фиксированных фонда (заработная плата и прибавочная ценность). Важно то, какую относительную долю извлекает каждая сторона из этого общего фонда... Отсюда не следует, что фонд, откуда рабочие извлекают свой доход, абсолютно уменьшается, но что он уменьшается относительно, т.е. по отношению к общему результату их производства. И это единственно только и важно для определения относительной части, которую они (рабочие) присваивают из созданного ими самими богатства» ²⁾. При понятии же заработной платы и прибавочной ценности, как относительных долей, как отношений $\left(\frac{m}{v+m} \text{ и } \frac{v}{v+m} \right)$, закон Маркса об обратной пропорциональности долей не нуждается в особых комментариях.

Устанавливаемой противоположности, обратной зависимости между долями рабочих и капиталистов Маркс придает особое значение: эта противоположность означает противоположность интересов сторон, на ней зиждется социальная классовая противоположность, социальная непримиримость классов. В законе обратной пропорциональности долей общественного дохода содержится один из существенных пунктов учения о взаимоотношении долей и, в частности,

¹⁾ К. Marx. Theorien über den Mehrwert. Zweiter Band. Erster Theil. Herausg. von Karl Kautsky. Stuttgart 1905, стр. 140.

²⁾ Ibid., стр. 358.

доли рабочих. В этом пункте *Маркс* подходит уже непосредственно к распределительной проблеме заработной платы. Правда, и этот пункт интересует *Маркса* лишь постольку, поскольку он помогает ему уяснению производственной проблемы, и анализ отношений $\frac{m}{v+m}$ и $\frac{v}{v+m}$ остается у него неразработанным специально.

4. Заработная плата, как цена рабочей силы, подлежит общему закону цен. В основе последнего лежит не закон спроса и предложения, а закон ценности. В пределах некоторых колебаний, заработная плата определяется ценностью необходимых средств рабочего существования. Но уровень рабочего существования—величина постоянно изменяющаяся и определяемая общественными условиями; помимо физиологического в нем исторический, социальный элемент. Последний изменяется с изменением способа производства ¹⁾. *Маркс* устанавливает таким образом момент *изменяемости социального уровня жизни рабочих*, отвергая и идеи *Мальтуса* и железный закон *Лассалля*. Идея средств существования служит у *Маркса* лишь главным образом более конкретной формой выражения понятия заработной платы, подчеркивая, что заработная плата, по своей экономической сущности, всецело исчерпывается содержанием и восстановлением сил рабочего, что она идет на рабочего без остатка, не допуская ни сбережений, ни накоплений, ни превращений в капитал. Это—лишь голые средства существования, держащие рабочего всегда на границе удовлетворенности. Но если заработная плата—величина переменная, то основа для ее понимания—отношения производства. На производственный анализ заработной платы, как цены товара—рабочей силы, *Маркс* и обращает все свое внимание (в I томе «Капитала»). Распределительный момент в явлении заработной платы *Маркса* меньше интересует; в III томе, где он рассматривает земельную ренту и прибыль, о заработной плате у него нет речи. Это, однако, не значит, чтобы *Маркс* совершенно игнорировал распределительную сторону в заработной плате.

5. Идея *относительной заработной платы*, выражающей отношение части общественного дохода ко всему доходу, или вопросу о доле рабочих, *Маркс* придает большое значение. Он видит особую заслугу *Рикардо* в установлении понятия заработной платы, как отношения, как общественного (социального) понятия. Социальные понятия для *Маркса*—понятия зависимости, связанности. Сведение понятия заработной платы к понятию отношения открывало дальнейший путь к разработке распределительной проблемы взаимоотношения долей, в то же время вело к выяснению истинного значения изменений заработной платы, как доли рабочих. «Положение классов по отношению одного к другому больше обуславливается,—полагает *Маркс*,—пропорциональной (относительной) заработной платой, чем абсолютной массой заработной платы» ²⁾. «И небольшой домик, пока окружающие его соседние дома сравнительно не велики, достаточно удовлетворяет общественной потребности в жилище. Но если рядом с этим домиком будет воздвигнут дворец, то сравнительно с последним первый будет казаться клеткой. Маленький дом будет теперь указывать, что его обитатель должен быть весьма не взыскателен; и как бы маленький дом ни вырос в вышину с развитием цивилизации, если соседний дворец растет в вышину в одинаковой или даже в еще большей степени, обитатель относи-

¹⁾ К. Маркс. Das Kapital, I, Hamburg 1872, стр. 539.

²⁾ К. Маркс. Theorien über den Mehrwert. II B. Erste Th. Stuttgart 1905, стр. 141.

тельно маленького дома будет чувствовать себя в своей клетке все более недовольным, неудовлетворенным и приниженным»¹⁾. В изменениях *относительной* заработной платы Маркс видит, таким образом, отражение общего характера социального прогресса. Он ставит в связь изменение общественных долей дохода с органическим строением капитала, как выражением роста производительности общественного труда. Изменение строения капитала—результат растущего накопления. С ростом накопления часть неоплаченного труда превращается в капитал, при чем постоянная часть последнего растет быстрее переменной, и хотя, вследствие роста производительности, машины, т.е. постоянный капитал обесценивается, но масса его возрастает во много крат быстрее этого обесценивания, и таким образом ценность постоянного капитала возрастает относительно быстрее переменного. Это, согласно анализу Маркса, может быть только тогда, когда прибавочная ценность растет быстрее относительно заработной платы. Отсюда Маркс приходит к идее закона падения *относительной заработной платы* с ростом капитализма и производительности труда. Этот закон Маркс считает основной тенденцией капиталистического накопления. Сущность этого закона в следующем: рост капитала подразумевает рост переменной его части, затраченной на рабочую силу, т.е. рост заработной платы; «накопление капитала равносильно увеличению пролетариата»²⁾; с развитием техники рост производительности труда выражается в ценностном увеличении постоянного капитала сравнительно с переменным, т.е. в изменении органического строения капитала в сторону возрастания отношения между постоянной частью и переменной; такое изменение органического строения капитала сопровождается повышением нормы прибавочной ценности или степени эксплуатации труда, при чем возрастает прибавочный продукт или сумма прибавочной ценности (или также прибыли вообще); это возрастание происходит быстрее, чем возможное увеличение переменного капитала, т.е. заработной платы; последняя хотя и увеличивается абсолютно, но относительно уменьшается сравнительно с суммой прибыли, т.е., как доля рабочих, заработная плата падает, в то время как доля капиталиста растет; если же сумму прибыли вообще брать относительно всего вложенного в дело капитала ($c+v$), т.е. брать как норму прибыли $\left(\frac{m}{c+v}\right)$, то последняя па-

дает ввиду быстрого возрастания всего капитала ($c+v$), но как сумма прибыли она абсолютно растет, а точно так же растет и относительно, как доля в общественном доходе. Словом, в представлении Маркса, строение капитала является самым важным фактором, когда речь идет о судьбе рабочих классов, и в то время как норма накопления есть переменная независимая, норма рабочей платы — переменная зависимая.

В этих положениях Маркса даны основа и важнейшие элементы всего учения о распределении, как проблеме отношений, а вместе с тем, и о заработной плате, как распределительной категории, т.е. как учении о доле рабочих в общественном доходе. Опираясь на эти положения Маркса, развитые им в «Капитале» в связи главным образом с вопросом об общем законе капиталистического накопления, в нижеследующем мы делаем попытку теоретического построения последней проблемы, т.е. учения о доле рабочих в общественном доходе.

¹⁾ К. Марх. Arbeitslohn und Kapital, стр. 29 (Berlin 1907, Neu herausg. von Karl Kautsky).

²⁾ Karl Marx. Das Kapital, I, стр. 638 (Hamburg 1872).

Глава пятая

ЗАКОН ОБРАТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ ДОЛЯМИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОХОДА

I

Всякое теоретическое учение, в целях методологического удобства, может быть представлено с двух сторон: со стороны статического состояния изучаемого явления и со стороны движения или изменения его в пространстве и времени. В первом случае изучаемое явление (или комплекс явлений) берется в таких коренных и характерных свойствах своих, которые присущи ему в любой данный момент и в любом данном месте. Несомненно, что характерные черты явлений познаются лишь в движении последних; лишь наблюдая ряд изменений, переживаемых явлением, мы в состоянии уловить некоторые постоянные свойства, которые остаются при всевозможных обстоятельствах и положениях. Но, с другой стороны, наблюдая явление в движении по его изменениям, которые в сущности непрерывны, исследователь рискует потерять точку опоры в своих наблюдениях. Чтобы понять любой процесс развития того или иного явления, необходимо это явление наблюдать в его законченном, развитом виде, иначе отдельные процессы, наблюдаемые вне представления о целом и законченном, окажутся лишенными значения и неправильно освещенными. В этом случае статическое изучение предполагает изучение явлений или комплекса (системы) явлений в их развитии, законченном, завершившемся виде, когда можно устанавливать определенные отношения и зависимости между элементами, входящими в состав изучаемого явления и обуславливающими последнее. Так, наприм., изучая процесс общественного воспроизводства в расширяющихся размерах, когда не происходит еще окончательной реализации общественного продукта, создаваемого всегда в своем последнем виде в целях народного потребления, можно рисковать получением неверной картины и неверных выводов по вопросу о взаимоотношении между основными элементами общественно-хозяйственного процесса воспроизводства.

Равным образом, и в проблеме доли рабочих первой задачей исследования является вопрос об отношениях зависимостей между заработной платой, как долей общественного дохода, и другими долями—с одной стороны, и зависимости заработной платы, как доли рабочих, от всей совокупности общественно-производственной системы—с другой стороны. В последнем случае может идти речь главным образом об отношениях и условиях зависимости доли рабочих от органического строения капитала. В такой постановке за-

дача исследования будет статической, т.-е. заработная плата рассматривается здесь в такой момент, когда процесс общественного воспроизводства представлен в законченном, завершившемся виде, когда произведенные ценности реализованы без остатка и без накопления в целях еще будущей реализации, когда, следовательно, никаких изменений не происходит в элементах общественного хозяйства. Характер этой задачи не меняется, если для разрешения ее приходится обращаться к фактам динамики как наблюдаемого явления, так и всей хозяйственной системы. Делать же последнее необходимо, так как только в движении раскрываются отношения.

Второй задачей исследования доли рабочих в общественном доходе будет вопрос об изменении этой доли в общем движении хозяйственной жизни, т.-е. с ростом общественно-хозяйственного прогресса. Речь идет здесь об установлении некоторой закономерности в движении заработной платы, как доли; о «законах» изменения доли рабочих под влиянием тех метаморфоз и наиболее типичных передвижений в цепи воспроизводственных элементов, которые переживает капиталистическое хозяйство в своем развитии. Эти изменения могут выражаться в самых различных сторонах общественной жизни, как в области чисто хозяйственной, так и вне-хозяйственной. С точки зрения, наприм., «социальной теории распределения», главным моментом, влияющим на изменение хозяйственных элементов и заработной платы в частности, был бы рост социально-политической силы тех или иных общественных классов и передвижения, происходящие в соотношении этих сил. С точки же зрения *Маркса*, наприм., само изменение в соотношении социально-политической силы общественных классов является уже отраженным явлением, вторичным моментом, следствием, а не причиной. С точки зрения *Маркса*, важнейшим моментом, который наиболее всего определенно и непосредственно отражает в себе типические и главнейшие изменения в хозяйственном прогрессе, является, как мы видели, рост техники, выражающийся в передвижении, в изменении органического состава капитала, т.-е. в непропорционально высоком росте прошлого труда, вкладываемого в общественное производство, сравнительно с применяемым в нем живым трудом. Этот рост техники, или выражение его—изменение органического строения капитала—и будет, с точки зрения *Маркса* и его школы, тем основным моментом, который непосредственно и главным образом может влиять на движение доли рабочих. Проследить это движение доли рабочих в пространстве и времени и составит задачу динамического изучения распределительной проблемы заработной платы. При этом, основным принципом, на основе которого совершается хозяйственный прогресс и происходят изменения в соотношениях элементов общественного воспроизводства, мы берем именно последний из двух приведенных принципов, т.-е. *рост техники*, выражающийся непосредственно в изменении органического состава капитала. Тот или другой принцип важен главным образом в целях установления динамических тенденций доли рабочих. Если школа *Маркса* выбирает предпочтительно принцип строения общественного капитала, то делает это потому, что этим путем исследование не выводится из сферы хозяйственных явлений. Вообще говоря, любая хозяйственная проблема может быть разрешена лишь анализом хозяйственных же моментов. Обращение же за объяснением того или иного хозяйственного явления или отношения в сферу нехозяйственную может лишь усложнить вопрос.

Важнейшим и основным содержанием статического учения о доле рабочих являются положения, которые складывались и развивались главным

образом социалистическими теоретиками и которые наибольшее свое развитие получили у Маркса, хотя последний и не прилагал этих положений к распределительной проблеме, как таковой; распределительную проблему Маркс, как мы видели, не ставил, нигде не формулировал ее особо и большого теоретического значения ей, повидимому, не придавал. Но, тем не менее, понятие заработной платы, как распределительной категории, как категории социального отношения, Марксом было вполне точно и определенно, как мы видели, установлено. Раскрывая, наприм., всю ошибочность мальтузианской идеи и «железного закона» заработной платы, Маркс ясно указывает на характер распределительной категории заработной платы, когда говорит: «такая экономическая фикция (идея Мальтуса и железного закона) смешивает законы, которыми регулируется общее движение заработной платы или отношения между рабочим классом и общественным совокупным капиталом,—с законами, по которым распределяется рабочее население между отдельными отраслями производства»¹⁾. Положений, о которых мы говорим, два: первое—это закон обратной зависимости между двумя основными долями общественного дохода; и второе—зависимость доли рабочих от строения общественно-производственного капитала. Эти два тезиса наиболее всего характеризуют распределительную категорию заработной платы, т.-е. как долю рабочих. Та и другая зависимость составляют основные черты, присущие доле рабочих, в каких бы исторических комбинациях мы ни наблюдали и ни изучали последней проблемы. Это вытекает из одного того, что сама проблема доли рабочих в общественном доходе есть проблема отношений, зависимостей.

Содержание же динамического учения о доле рабочих сводится к вопросу о том главным образом, падает или растет доля рабочих в общественном доходе с развитием капитализма, по мере общественного прогресса. В современном капиталистическом обществе вопрос этот сводится к более широкой проблеме: является ли основной тенденцией капиталистического развития концентрация доходов или их диффузия, или точнее—отстает ли в росте общественного «богатства» доля труда сравнительно с ростом доли капитала? Мы уже видели, что социалистические теории выдвигают в данном случае закон падения доли рабочих с общественным прогрессом, как основную тенденцию капиталистического развития. Для характеристики общих отношений общественного развития современных капиталистических обществ этот закон является настолько значительным, его социальное значение настолько велико, что является необходимым, помимо общих теоретических аргументов и дедуктивного анализа, относительно которого могут быть всегда споры и разногласия,—является необходимым прибегнуть к более точному способу аргументации и доказательства—к фактам; последние могут быть представлены индуктивной статистикой учета национального дохода и его долей, а равным образом и статистикой распределения доходов (по данным подоходного обложения, по данным статистики наследств и проч.). Последнее играет весьма серьезную роль для освещения тенденций динамического развития доли рабочих с общественным прогрессом.

Мы рассмотрим отдельно как статику и динамику доли рабочих в общественном доходе, так и индуктивные данные статистики по вопросу об изменении долей национального дохода с общественным прогрессом и об установлении основных тенденций в распределении его.

¹⁾ Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch 1. 2-е издание. Hamburg 1872, стр. 664 (курсив наш).

Содержание закона обратной зависимости между долями сводится к положению о существовании в каждый данный момент особого отношения между долей рабочих и долей капитала в общественном доходе: именно, если увеличивается одна из долей, пропорционально падает другая, и наоборот, то, что действует в благоприятную сторону для доли рабочих, неблагоприятно для доли капиталистов, и обратно. Теоретическая формулировка закона обратной зависимости обыкновенно соединяется с именем *Рикардо*. Но при изложении исторического развития учения о взаимоотношении долей мы видели, что впервые выставляют этот принцип социалисты, выдвинувшие идею заработанного и незаработанного дохода. «Чем меньше, — говорит еще *Чарльз Холл* (в 1805 году), — из продукта труда рабочих достается последним, тем больше получает работодатель»¹⁾. В этом случае, отношения между предпринимателями-капиталистами и рабочими *Холл* сравнивает с отношениями между покупателями и продавцами. В 1825 году *Томас Ходжскин* дает уже вполне определенную формулировку разбираемого закона, почти совпадающую с формулировкой *Рикардо*, но отличающуюся от последней своей большей точностью. «Прибыль на капитал (прибавочная ценность), — говорит *Ходжскин*, — или доля капиталистов в национальном продукте (национальном доходе) стоит в обратном отношении к заработной плате или доле рабочих»²⁾. Эту же идею вслед за *Рикардо* развивают его ближайшие последователи как в Англии (*Мак-Келлох*), так и в Германии (*Лотц*, *Вебер*). Позднее, с возрождением и развитием идей смитианства и расцветом индивидуалистической экономики. сделавшейся господствующей школой в экономической науке, идея обратной зависимости между долей труда и капитала изгоняется и признается еретической; но в трудах отчасти *Тьюнена* и особенно *Родбертуса* и *Маркса* она снова, как мы видели, восстанавливается и получает наиболее законченный, развитый вид.

Закон обратной зависимости между долями пришлось чуждым индивидуалистической экономике потому уже, что в основе его признания лежат некоторые предпосылки, чуждые последней. Прежде всего для признания этого закона необходим отказ от идеи трехчленного раздела, установленного *Смитом*, и предпосылка методологического сведения видов общественного дохода к двум его основным и типическим формам: доли труда и доли капитала. Эта абстракция у *Рикардо* еще неопределенна, но уже ясна у самых ранних английских социалистов, как это мы выше имели случай убедиться. У последних она принимает форму определенной идеи заработанного и незаработанного дохода. Эта идея красной нитью проходит у всех представителей научного социализма, особенно у *Маркса*; у *Родбертуса* она фигурирует в понятиях «ренды вообще» и заработной платы, у *Маркса* — заработной платы и прибавочной ценности. В основе такого деления у *Маркса* положена идея оплаченного и неоплаченного труда. Последняя идея и приводит *Маркса* к абстракции деления всего общественного дохода на заработанный и незаработанный доход: все общество представляется сведенным

¹⁾ Charles Hall. The Effects of Civilisation on the People in European States. London 1850 (первое издание в 1805 г.), стр. 90 (Ch. XV).

²⁾ By a Labourer. Labour defended against the Claims of Capital; or the Unproductiveness of Capital proved with reference to the Present Combinations amongst journeymen. London 1825, стр. 5.

к двум главным факторам, непосредственно и в первой очереди участвующим в разделе: рабочих, получающих в виде заработной платы часть ими произведенного, и капиталистов-предпринимателей, получающих остальную часть произведенного рабочими. Отсюда две существенно различных, не по происхождению из одного трудового источника, но по характеру раздела, части общественного дохода; отсюда и две доли. Что в дальнейшем происходит раздел нетрудовой, незаработанной части или прибавочной ценности на новые части (предпринимательская прибыль, земельная рента, процент, торговая прибыль), из которых могут быть некоторые части, в свою очередь, обратно пропорциональны друг к другу, это обстоятельство не меняет основы раздела дохода на две типических части: заработную плату и незаработанный доход.

Уже из экономического характера двух частей дохода, или двух долей, получившихся в результате общественного дележа, вытекает дальнейшая предпосылка, *социальная* по своему характеру, состоящая в том, что между участниками раздела происходят столкновения, борьба, на почве противоположных интересов, сводящаяся, в конце концов, к взаимоотношению социальных сил. Эта предпосылка общая для всего процесса раздела. Она предполагает наличие определенной организации общественного производства, основанного на началах системы народного труда, и лежит в основе не только раздела, но и вообще всего хозяйственного процесса.

Если мы выразим долю труда в виде отношения $\frac{v}{v+m}$, а долю капитала — в виде отношения $\frac{m}{v+m}$, то получим математическое выражение принципа обратной пропорциональности в формуле:

$$\frac{v}{v+m} + \frac{m}{v+m} = 1.$$

Данное уравнение указывает, что левая сторона уравнения представляет сумму, состоящую из двух дробей, из двух отношений, и что чем меньше одно из них, тем больше другое, и наоборот.

С идеей обратной зависимости связано в политической экономии не мало недоразумений. Благодаря недостаточно развитой и недостаточного выработавшейся экономической терминологии в области разбираемой проблемы, понятию «доля рабочих», «доля капитала» обыкновенно придают в политической экономии различный смысл. Эти понятия иногда фигурируют в смысле «части» дохода, т.е. абсолютной массы дохода, приходящейся на долю того или другого класса; иногда же они употребляются в их действительном, истинном смысле, как *отношения*, пропорции, в которой та и другая части дохода стоят к общей массе дохода. Из этого смешения понятий и возникает отрицательное отношение экономистов к разбираемому принципу. Нередко современными экономистами высказывается мнение, что в развитии капитализма замечается параллелизм между движением прибыли и движением заработной платы; что в период высокой конъюнктуры, благоприятной для высокой прибыли, рабочим почти всегда удается добиться повышения заработной платы; значит, рост заработной платы идет параллельно с ростом и прибыли; следовательно, вправе ли говорить о противоположности интересов и обратной

зависимости долей? При подобном ходе мысли обыкновенно упускают из виду, что в вопросе об обратной пропорциональности идет речь только о взаимоотношении долей, как отношений, но отнюдь не об абсолютной массе частей дохода и их изменений. Массы прибылей растут из десятилетия в десятилетие, из года в год; равным образом вырастает постепенно и абсолютная масса заработной платы, не говоря уже о росте индивидуальной абсолютной заработной платы. Это—вне всякого сомнения. Но вопрос весь и вся сущность проблемы раздела в другом: как изменяются части дохода, как *доли*? И раз эти части черпаются из одного источника, раз они составляют слагаемые одной общей суммы, то ясно, что рост отношения или доли в этой сумме одной части или одного слагаемого будет сопровождаться обратным пропорциональным падением доли в этой же сумме другой части.

Нередко также недоразумение вызывается в данном случае смешиванием понятия *доли* капитала или доли прибыли с понятием процента на капитал и нормы прибыли. Так как факт общего падения процента, как такового, и нормы прибыли общеизвестен и наблюдается, по крайней мере, в известных пределах времени, как факт несомненный, хотя и проходящий процесс чрезвычайно медленного развития, то нередко заключают отсюда о падении доли капиталистов в общественном доходе. Это смешение опять-таки объясняется просто неопределенностью экономической терминологии. Как процент, так и норма прибыли всегда вычисляются на сумму затраченного или отданного в ссуду капитала; следовательно, это суть доли капитала, но отнюдь не доли дохода; в понятии же «доля труда», «доля капитала» речь идет только о долях в общественном доходе; капитал остается совершенно в стороне. Если доля труда есть отношение $\frac{v}{m+v}$, а доля капитала $\frac{m}{m+v}$, то доля или норма,

прибыли, как ее обозначал Маркс, есть отношение $\frac{m}{c+v}$ или $\frac{m}{k}$. Следовательно, эти величины между собой общим имеют только числитель; их изменения могут совершаться как в обратном направлении друг к другу. так и в прямом: они не связаны тесно одна с другой.

Недостаточно строгое различие между понятиями «доля в продукте» и «доля в доходе», которое встречается одинаково у представителей самых различных экономических школ¹⁾, ведет к дальнейшим возражениям, направленным против закона обратной зависимости между долями. Принимая, что в данном законе (неправильно называемом, как мы видели, рикардовским) речь идет о долях в общественном «продукте», некоторые из экономистов, не принадлежавшие даже к индивидуалистической школе, на этой почве строят свои аргументы против идеи обратной зависимости. Это делает, например, проф. М. И. Туган-Барановский, который в «Основах политической экономии» говорит: «...Прибыль и заработная плата могут одновременно повыситься

¹⁾ Г. В. Плеханов, наприм., в своем весьма ценном и обстоятельном исследовании о Чернышевском, в примечании к 414 стр., говорит: «Считаем не лишним поставить читателю на вид, что здесь речь идет у нас о понижении заработной платы, как доли национального продукта» (Г. В. Плеханов, Н. Г. Чернышевский; Санкт-Петербург 1910, стр. 414, примечание). Что автор понимает, однако, под этим «национальным продуктом» продукт, подлежащий разделу, т. е. национальный дивиденд, или национальный доход, видно из его собственного замечания на стр. 428 (примечание) (ibid.) и из всего контекста книги.

не только по своим абсолютным размерам, как сумма продуктов, поступающих в распоряжение капиталистического и рабочего классов, но и как *доли* общественного продукта. *Доля* капиталистов в общественном продукте может возрасти при повышении производительности общественного труда, и в то же время может возрасти и *доля* в общественном продукте рабочего класса, как ни кажется это странным¹⁾. Повышение прибыли, по мнению М. И. Туган-Барановского, вовсе не предполагает еще неизбежного понижения заработной платы. То же самое говорит автор и в своем немецком издании «Промышленных кризисов в Англии»: «*доля капиталистов*, — пишет здесь М. И. Туган-Барановский, — *и норма прибыли могут расти одновременно с долей рабочих*. Для этого необходимо лишь относительное уменьшение доли средств производства (например, благодаря понижению ценности последних) в общественном продукте»²⁾.

Аргументация проф. М. И. Туган-Барановского сводится в данном случае к следующему: благодаря введению улучшенных орудий труда, может повыситься производительность общественного труда; это поведет к увеличению суммы общественного продукта, так как «рост производительности общественного труда приводит к тому, что общая сумма общественного продукта возрастает»; но если представить себе, что, благодаря росту производительности труда, произойдет ценностное падение средств производства, то общественный доход, состоящий из прибыли и заработной платы, необходимо в своей сумме повысится; это будет означать возможность одновременного повышения (абсолютного и относительного) прибыли и заработной платы; следовательно, «все общественные доходы могут одновременно возрасти на счет сокращения доли средств производства»³⁾. Проф. М. И. Туган-Барановский находит далее, что даже Маркс «порвал с теорией прибыли Рикардо, в которой антагонизм интересов капиталистов и рабочих находил себе наиболее резкое выражение»⁴⁾.

Возражения проф. М. И. Туган-Барановского, направленные в опровержение закона обратной пропорциональности между долями, — закона, который с большим правом может быть назван законом первых английских социалистов, чем законом Рикардо, — покоятся, таким образом, на двух предпосылках: во-первых, на толковании данного закона в смысле долей *в продукте*, а не доходе; во-вторых, на допущении предположения о сокращении (абсолютном и относительном) ценности общественных средств производства, вследствие повышения производительности общественного труда, сравнительно с остальными элементами общественного производства.

Что касается первой из этих двух предпосылок, то необходимо прежде всего заметить, что как социалисты Холл и Ходжскин, так и Рикардо закон зависимости *долей* строили, имея в виду доли общественного дохода, а не доли в продукте. Как и все классики, Рикардо, как известно, смешивал понятие общественного продукта и общественного дохода. Но во всяком случае,

¹⁾ М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. Второе переработанное издание. Шестая—двенадцатая тысяча. С.-Петербург 1911, стр. 440.

²⁾ Dr. Michael von Tugan-Baranowsky. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England. Jena. Verlag von Gustav Fischer, 1901, стр. 223.

³⁾ М. И. Туган-Барановский, *ibid.*, стр. 440, 441.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 442 (в примечании). Автор здесь имеет в виду место из «Капитала» Маркса в III томе, 1 части, стр. 81—83 немецкого текста.

в конце концов, понятие продукта разлагалось у *Рикардо* только на три составных части: заработную плату, прибыль и земельную ренту, т.-е. только на виды дохода. Для *Рикардо*, следовательно, понятие «продукт» означало лишь «продукт, подлежащий разделу», т.-е. именно общественный доход. И таким образом закон обратной зависимости у *Рикардо* имеет дело лишь с отношениями долей труда и капитала в общественном доходе, а не с отношениями долей в продукте. То же самое имеет силу и по отношению *Холла* и *Ходжскина*. Между тем *М. И. Туган-Барановский* свое возражение направляет именно в последнем смысле, имея в виду отношения долей в общественном продукте. Но даже и в этом смысле, если иметь в виду все общественное производство в его целом, всю массу общественного продукта и, равным образом, также совокупные массы всей прибыли и заработной платы в стране, закон обратной зависимости между долями остается в силе, ибо сама посылка о росте производительности может возникать лишь при наличии другой предпосылки—о росте прошлого труда на счет живого, т.-е. более быстром относительно возрастании средств производства (в ценности и в массе), сравнительно с долей живого труда. При наличии же этих предпосылок отпадает возможность одновременного роста доли рабочих и доли капиталистов, при возрастании общественного продукта (ценности). Все общественные доходы могут возрасти одновременно только на счет сокращения доли средств производства. Последнее, однако, совершенно не свойственно капиталистическому хозяйству, особенно современной эпохи. Правда, при наличии роста машинного производства и роста техники, доля средств производства в единице продукта (напр., в 1 аршине сукна) сокращается, но нельзя забывать, что в еще большей степени сокращается в этой же единице продукта (в 1 аршине сукна) и доля труда, как достаточно убедительно показал это на английских данных о хлопчатобумажной промышленности *Шульце-Геверниц* в «Крупном производстве» ¹⁾.

Вообще можно сказать, что характерной чертой крупного капиталистического производства является не сокращение ценности средств производства или постоянного капитала, не переводение ценностей машин и сырья в потребительный фонд общества, а наоборот—колоссальное увеличение ценностного состава постоянного капитала, состоящего из дорогих ценных машин, перерабатывающих обыкновенно за короткое время колоссальные массы сырья. Как бы быстро ни понижалась стоимость единицы средств производства и сырья (по *Рикардо*, последнее с прогрессом общественной жизни должно дорожать), в машины превращается такая масса капитала и на этих машинах перерабатывается такая все возрастающая масса сырого материала, что, несмотря на понижение ценности единицы средств производства, ценность последних в массе вообще должна увеличиваться. Какая масса ценности вкладывается в машины и сырье в современном крупном производстве, в любом крупном промышленном предприятии,—всем хорошо известный факт. «Вследствие роста производительности труда,—говорит *Маркс*,—постоянно обесценивается часть существующего постоянного капитала, при чем его ценность измеряется не по тому рабочему времени, которого он первоначально стоил (*gekostet hat*), но по тому, в течение которого он может быть воспроизведен; последнее же постоянно уменьшается с ростом производительности труда.

¹⁾ V. Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb. Ein wirtschaftlicher und sozialer Fortschritt. Leipzig 1892.

Хотя ценность его поэтому растет, не поспевая за ростом его массы, но все-таки она растет, так как масса его растет быстрее, чем падает его ценность¹⁾. «В первой половине XVIII столетия относительно господствовал переменный капитал, во второй—постоянный. Но для последнего необходимы массы человеческого материала»²⁾.

Закон обратной зависимости не идет так далеко. Его положение в сущности сводится только к тому, что ценность товаров, подлежащих разделу между рабочими и капиталистами, есть данная, определенная величина, каждая часть которой растет или падает в том же отношении, в каком падает или растет другая³⁾. В этом смысле, конечно, не могло быть никакого сомнения в характере взаимного отношения долей. Если общественный продукт, подлежащий разделу, $v+m$, а $\frac{v}{v+m}$ и $\frac{m}{v+m}$ суть соответственные доли рабочих и капиталистов, сумма которых $=1$, то рост одной доли и падение другой, при остающейся неизменной сумме, равной единице, неизбежно вызовет падение первой и одновременное увеличение второй доли.

Вообще говоря, если иметь в виду распределительную проблему и исследовать доли рабочих и капиталистов только как распределительные категории, то говорить о зависимости между долей труда и капитала можно лишь в той постановке вопроса, где речь идет об общественном доходе, а не об общественном продукте. Проблема распределения, как мы видели, объектом своим имеет доход, а не продукт; разделу подлежит только доход. Равным образом, отсюда заработная плата и прибыль, как доли, как отношения, как распределительные категории, суть доли в общественном доходе, а не продукте. При наличности же всех этих предпосылок закон обратной зависимости социалистов и *Рикардо* сохраняет за собой всю свою силу и значение.

Несомненно, что значительное влияние в скептическом отношении к закону обратной пропорциональности между долями приходится отнести на счет индивидуалистической постановки вопроса при изучении экономической жизни, которой чужда идея отношений. Эта индивидуалистическая постановка является в настоящее время в нашей науке господствующей. *Джон Стюарт Милль*, который имел решающее влияние на поклассический период развития политической экономии, не сомневался еще в правильности «*рикардовского*» (вернее, социалистического) закона, доказывавшего, что величина прибыли зависит от рабочей платы, повышается по мере падения последней и падает по мере ее возрастания; единственно, что вносит сюда *Милль*, так это—разграничение понятий заработной платы и *стоимости труда*⁴⁾. Но со 2-ой половины XIX столетия, вместе с быстрым проникновением крупного капитализма и ростом его на Западе, идея о противоположности интересов и обратной зависимости между долями постепенно исчезала из представления экономистов господствующих школ. Этому способствовал быстрый рост национального богатства во всех капиталистических странах, несомненный подъем рабочих классов во всех этих странах, равным образом и общий рост национальной культуры, производительных сил, уровня жизни народов. Обывательскому

¹⁾ K. Marx. Theorien über den Mehrwert. Zweiter Band. Erster Theil. Herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart 1905, стр. 137.

²⁾ Ibid., Zw. Band, Zw. Theil, стр. 380.

³⁾ Ibid., стр. 139 (Zw. Band., 1 Theil).

⁴⁾ John Stuart Mill. Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy. London, Routledge's Edit., стр. 287.

взору раскрывалась картина как бы гармонического развития классовых интересов, совпадающих с народными, направленных в одну точку и достигающих цели дружным, солидарным сотрудничеством. Последнему вопросу знаменитый *Вильгельм Рошер* посвящает в своей «Системе народного хозяйства» даже особую главу (§ 201): «Гармония между тремя ветвями дохода» ¹⁾. *Рошер* не отрицает здесь, что «с ростом народно-хозяйственной культуры персональное различие между тремя ветвями дохода все более и более обостряется»; в средние века еще нет борьбы между земельным собственником, арендатором и рабочим, которую *Рикардо* считал неизбежной; здесь собственник и фермер—собственно одно и то же лицо, а рабочий, безразлично, выступал ли он в качестве раба или сельского земледельца-крестьянина, был огражден от конкуренции; то же в период ремесла и домашней промышленности. Но,—продолжает *Рошер*,—по мере разделения труда выступают сильнее и ярче все различия между людьми и эти различия и противоположности развиваются все более и более; в том же отношении, как развивается рабочий класс, который постепенно превращается в совершенно обособленный класс представителей только труда и, как таковой, теряет уже всякую надежду стать когда-нибудь собственником или капиталистом, развивается класс капиталистов, приобретая все большее и большее значение. «С чисто экономической точки зрения,—говорит *Рошер*,—такой ход вещей имеет за собой громадные преимущества» ²⁾. Конечно, прибавляет тут же *Рошер*, «если пропасть между классами перерастает известные границы, то она может сделаться большим злом и в политическом и социальном отношении». *Рошер* таким образом не склонен, повидимому, отрицать факта существования противоположности между классами в капиталистическом хозяйстве. «Каждый класс,—говорит он,—в противоположность к стремлениям других классов, старается заполучить возможно большую долю в общем доходе страны... Если *А. Гельд* (в *Grundriss*, 75) думает, что все сословия имеют общий интерес в том, чтобы общими усилиями увеличивать общий доход страны, то это правильно только при предположении здоровых политических отношений...» ³⁾. Каковы же эти отношения, по мнению *Рошера*, при которых могла бы быть социальная гармония, несмотря на присущую классам капиталистического общества противоположность интересов? Решение *Рошером* этого вопроса напоминает решение задачи о трех игроках, из которых ни один не остается в проигрыше и все выигрывают. Именно, *Рошер* находит, с одной стороны, что неравенство в распределении необходимо; что оно будирует и толкает человечество по пути прогресса. Но, с другой стороны, «для процветания народа», для существования социальной гармонии необходимо, по его мнению, чтобы «высшие классы обогащались в большей лишь степени, чем остальные» ⁴⁾. Здоровые условия хозяйственно-политического развития, по *Рошеру*, представляются, таким образом, в виде сохранения неравенства, но в сторону только богатых классов, в виде улучшения и возрастания и доходов рабочего класса, но в меньшей степени сравнительно с ростом доходов капиталистов.

¹⁾ Wilhelm Roscher. System der Volkswirtschaft. Erster Band. Grundlagen der Nationalökonomie. 2-ое издание, обработ. Робертом Пельманом. Stuttgart u. Berlin 1906.

²⁾ Ibid., стр. 623.

³⁾ Ibid., стр. 624.

⁴⁾ Ibid., стр. 637. Немного выше *Рошер* замечает: «Jedenfalls bildet die Vertheilung des nationalen Einkommens und jede Veränderung derselben einen der wichtigsten aber auch den kleinsten Gegenstände der Statistik».

Такая постановка вопроса возможна лишь при полном отказе от идеи долей или отношений и при сведении его к вопросу об абсолютных размерах различных ветвей общественного дохода. А в последнем случае распределительная проблема, в собственном смысле слова, уже пропадала, вместе с чем уничтожалась и возможность сколько-нибудь правильного установления закона отношений между долями. При этом нельзя не заметить двойственности и противоречия в самом решении *Рошера*: с одной стороны—боязнь той пропасти, которая может вырасти в современном обществе между рабочими и капиталистами до гибельных для общества размеров; с другой стороны—такое решение вопроса в целях достижения социальной гармонии, при котором эта пропасть не только не сокращается и не исчезает, но с логической неизбежностью должна разрастаться, принимать все большие и большие размеры.

Взгляды *Рошера* на затронутые вопросы об отношениях между долями являются типичными и для современной экономики. Разница лишь в том, что в последние десятилетия экономическая мысль, в лице представителей господствующих течений, еще более заметно, чем прежде, освобождалась от влияния рикардианской струи классицизма. Смитианизм стал преобладать и индивидуалистические тенденции—более и более господствовать. Был найден к тому же и практический лозунг решения проблемы, предложенный наиболее сильным в Германии социально-реформистским, или так наз. катедер-социалистическим течением современной экономической мысли: задачу поддержания социальной гармонии перенести на государственную власть. Этим, конечно, не уничтожались отмеченные выше двойственность и противоречие в решении вопроса ¹⁾.

III

Идея социальной гармонии, прочно укоренившаяся в господствующей индивидуалистической экономике, особенно способствовала упорному сохранению отрицательного отношения экономистов к закону обратной зависимости между долями. Эта идея связана главным образом с именами *Кэри* и *Бастиа*, особенно с последним. В «*Harmonies Economiques*» *Бастиа* торжественно провозглашает принцип гармонического развития и солидарности классов в общественном хозяйстве ²⁾.

Эта идея сводится к тому, что прогресс человечества зиждется на факте быстрого образования капиталов; с ростом последних абсолютно выигрывает капиталист, но еще более выигрывает (и абсолютно и относительно) рабочий. Рабочим и капиталистам необходимо поэтому, по мнению *Бастиа*, «перестать смотреть друг на друга глазами недоверия и зависти», а в интересах всего человечества помогать и приветствовать быстрое нарастание капитала, который «освобождает людей от цепей невежества, нищеты и деспотизма». *Бастиа* устанавливает свой «великий, великодушный, утешительный, неизменный и неизменный закон капитала», замечая, что «доказать его—значит лишить доверия ко всем тем восклицаниям относительно тирании и жадности могучего орудия цивилизации и рычага всеобщего равенства, которыми давно уже

¹⁾ Интересный анализ теоретических идей катедер-социализма в Германии дает М. В. Бернацкий в своем исследовании: «Теоретика государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения кн. Бисмарка». СПб. 1911 г.

²⁾ Frèd. Bastiat. *Harmonies Economiques*. Paris 1851. 2-ое издание.

прожужжайи нам уши». «Доказать,—продолжает автор,—что относительная доля капитала постоянно уменьшается, это недолго, так как это то же, что сказать: «чем больше увеличиваются капиталы, тем становится ниже процент»¹⁾. Далее идут ссылки на Мексику, Францию, Испанию, Голландию, Англию и так далее. И таким образом у *Бастиа* «процент превращается в *долю капитала*». Эти понятия, между тем, совершенно различные, и обыкновенно падение процента сопровождается увеличением накопления. В этом отношении представляют большое значение взгляды *Карвера*, американского экономиста из школы *Кларка*, развиваемые им в статье «*Machinery and the Laborers*»²⁾. Обычные аргументы,—говорит *Карвер*,—направленные в защиту положения, что с развитием техники доля капитала падает, состоят в ссылке на факт падения нормы процента. Такого рода аргументы, по мнению *Карвера*, ведут к целому ряду фатальных заблуждений. Во-первых, хотя *норма* процента падает, но валовая сумма (*gross amount*) процентов растет. Случаи применения капитала расширяются настолько, что все большая и большая часть населения может жить на одни лишь проценты с капитала... Второй ложный вывод из аргумента, что падение процента означает, что капиталисты проигрывают больше, чем выигрывают с ростом машин (при современных условиях), покоится на недоразумении относительно понимания нормы процента. Норма процента — обманчивая вещь. Как показал *Бем-Баверк*, она есть лишь отношение между оценкой настоящих благ и будущих. Если я владею данным определенным доходом, скажем в 1.000 долл., получаемым от владения каким-нибудь видом собственности, то норма процента будет высока или низка в зависимости от того, как высоко я оцениваю свою собственность, являющуюся источником моего дохода. Если я или другие в моем кругу предпочитаем иметь 10.000 сейчас, чем 1.000 в будущем, ежегодного дохода, то норма процента будет высока, достигая 10%. Если, наоборот, я предпочту иметь по 1.000 в год на будущее время, чем 20.000 сразу в настоящий момент, то норма процента будет ниже вдвое, около 5%... Наконец, даже если бы действительный доход на единицу капитала падал, то это еще не устраняло бы нашего положения. Падение доходности с единицы есть результат громадного роста абсолютных масс капитала³⁾.

Бастиа выступает, однако, с своей теорией гармонии, смешивая рост нормы индивидуальной заработной платы с ростом доли рабочих в общественном доходе, а падение процента — с падением доли капиталистов. Полное смешение понятий обнаруживает *Бастиа* и в своей известной гипотетической таблице, заимствованной у *Кэри*, долженствующей раскрыть сущность благодетельного закона социальной гармонии. Эта таблица для нас интересна, как попытка установить основную тенденцию в развитии взаимоотношений долей дохода. На ней необходимо остановиться, так как она до сих пор остается основным типом большинства господствующих в политической экономии воззрений по интересующему нас вопросу. *Бастиа* так неудачно построил эту таблицу, что на ней легче всего можно убедиться в нереальности и абсурдности устанавливаемого автором великого закона.

¹⁾ Frèd. Bastiat *Harmonies Economiques*. Paris 1851. 2-ое изд., стр. 205—207.

²⁾ T. N. Carver. *The Quarterly Journal of Economics*, v. XXII, 1908, стр. 223 и далее.

³⁾ Ibid., стр. 223, 224.

Формулу раздела, изменяющегося по мере нарастания капитала из периода в период, *Бастия* изображает в следующем виде (стр. 207):

Периоды.	Весь продукт.	Доля капитала.	Доля рабочего.
1-й	1.000	500	500
2-й	2.000	800	1.200
3-й	3.000	1.050	1.950
4-й	4.000	1.200	2.800

Судя по этой таблице, действительно доля рабочих растет абсолютно и относительно, доля же капитала только абсолютно, относительно же падает. Но, во-первых, *Бастия* говорит не о разделе общественного дохода, а о разделе общественного «продукта». Во-вторых, «весь продукт» представляется равным прибыли + заработной плате: капитал таинственно исчезает. Если же изменение долей по схеме *Бастия* мы представим в более полном виде и восстановим исчезнувший капитал, то увидим всю ошибочность построения *Бастия*. Привлечение же капитала необходимо уже потому, что *Бастия* в быстром нарастании его и видит рычаг к социальному равенству, а между тем смешивает этот основной свой рычаг с доходом. В исправленном виде схема *Бастия* примет такой вид:

Периоды.	Капитал (при 5%).	Доля капитала.	Доля рабочих.	Отношение между до- лями.
1-й год	10.000	500	500	50:50
2-й »	16.000	800	1.200	40:60
3-й »	21.000	1.050	1.950	ок. 35:65
4-й »	24.000	1.200	2.800	30:70

Если продолжить схему *Бастия* до того момента, когда отношение между долями будет 1:99, то получим:

n-й год	198.000	9.900	980.100	1:99
-------------------	---------	-------	---------	------

При условиях развития отношений по схеме *Бастия*, мы получаем таким образом следующее: во-первых, капиталы быстро нарастают (даже при предположении остающегося неизменным среднего уровня процента, при уменьшающемся же проценте накопление должно идти много быстрее), хотя это нарастание и не обнаруживает тенденции к прогрессивному увеличению; скорее заметна тенденция к падению степени накопления; но—что для нас имеет особенную важность—совершенно не видно и не понятно, откуда происходит накопление, где лежат источники последнего. Как известно, рабочие не накаплиют. Накопление может происходить лишь из фонда капиталистов, из их доходов. Схема *Бастия* не дает, однако, возможности отнести рост накопления общественного капитала на счет части капиталистических доходов: рост последних слишком незначителен. Источник накопления является таким образом загадкой, разрешить которую *Бастия* бессилен. Нарастание капиталов происходит у *Бастия* таинственным способом, не оправдываясь данными реальных отношений. Во-вторых, согласно схеме *Бастия*, рост массы заработных плат в стране происходит с таким быстрым темпом, что, в конце концов,

перегоняет рост капитала, вкладываемого в производство. Последнее совершенно противоречит действительности. С развитием капитализма, по мере роста накопления, отношение постоянного капитала к переменному изменяется в сторону увеличения, а не сокращения, совершаясь по формуле 1:1, 2:1, 3:1, 4:1, 5:1 и так далее, а не наоборот, не по формуле 5:1, 4:1, 3:1, 2:1, 1:1 и т. д. Как изменяется органический состав капитала, по мере роста накопления, в действительности, мы увидим ниже.

Свой «утешительный» закон *Бастиа*, как мы говорили, заимствует у *Кэри*, американского экономиста. Впервые этот закон *Кэри* устанавливает в 1837 г., в первой части своих «Principles of political Economy»¹⁾. Позднее, уже после *Бастиа*, этот закон *Кэри* развивает в «Principles of Social Science» (1853—1859) и еще позднее—в «Manual of Social Science» (1864)²⁾.

Основная идея *Кэри* сводится к следующим положениям: в первобытные периоды общественного хозяйства, при редком и рассеянном населении, обладание небольшим капиталом дает его владельцу значительные средства к тому, чтобы держать работника в зависимости, в качестве раба или невольника; но с развитием богатства и народонаселения возрастает производительность труда и сила накопления, при чем каждый шаг в этом направлении уменьшает способность в существующем капитале располагать услугами работника; наоборот—усиливается в работнике власть располагать капиталом; в возрастающем количестве продуктов общественного производства доля работников постоянно возрастает абсолютно и относительно, в то время как доля капиталиста возрастает лишь абсолютно, относительно же регулярно уменьшается; в своей общей сумме эти доли возрастают, но при этом доля работника растет быстрее сравнительно с долей капиталиста; благодаря последнему, тенденция к равенству находится в прямом отношении к возрастанию богатства и вытекающей отсюда производительности труда; доля рабочего растет не только с ростом богатства, но и с ростом быстроты обращения: чем быстрее обращение, тем значительно сильнее тенденция к равенству и свободе, тем могущественнее само государство³⁾. Свой закон распределения продуктов труда *Кэри* называет, подобно *Бастиа*, великим и прекрасным, так как он устанавливает полную гармонию реальных и инстинктивных интересов между различными классами человеческого общества. По представлению *Кэри*, как бы ни был велик гнет, тяготеющий на большинстве со стороны меньшинства, как бы ни было значительно накопление, как бы ни были поразительны различия, существующие между людьми,—все это лишь необходимые условия, при которых совершается социальное выравнивание; все это—лишь следствие социальной системы, стремящейся установить высшую степень ассоциации и развития индивидуальности, или иначе говоря—поддерживать мир, т. е. общественное спокойствие, увеличить богатство и народонаселение⁴⁾. Подобно *Бастиа*, *Кэри* приводит следующую таблицу движения социальных долей, по мере роста техники и производительности труда⁵⁾ (см. след. стр.):

¹⁾ Henry C. Carey. Principles of Political Economy. Part. I. Phil., 1837.

²⁾ Henry C. Carey. Manual of Social Science, edited by Miss Mc Kean, 1864; русск. пер. кн. Л. Н. Шаховского «Руководство к социальной науке», С.-Петербург 1869.

³⁾ Н. С. Сареу. Руководство к социальной науке, стр. 526, 527.

⁴⁾ Ibid., стр. 507.

⁵⁾ Ibid., стр. 514.

	Сумма.	Доля капитала.	Доля рабочего.
Первая ступень	100	75	25
Вторая »	200	120	80
Третья »	300	150	150
Четвертая »	400	180	220
Пятая »	600	240	360
Шестая »	1.000	333	667

Из своей гипотетической таблички *Кэри* заключает, что сила капитала учетверилась, в то время как труд выиграл в 20 раз, и что, следовательно, общественный прогресс развивает в себе тенденцию к уменьшению власти над своими же ближними и к установлению равенства между различными слоями человеческого общества.

Против закона *Рикардо*, развиваемого последним в главе о «машинах» и состоящего в признании тенденции к падению доли рабочих с общественным прогрессом, *Кэри* вслестски протестует. Он считает «систему Рикардо системой вражды, стремящейся возбудить войну как между сословиями, так и между нациями», а сочинение *Рикардо*—настойной книгой для демагога, стремящегося к власти путем войны, грабежа и аграрианства...; чем скорее будет опровергнуто такое учение, тем—по мнению *Кэри*—выгоднее будет для всего человечества»¹⁾.

Аргументации *Кэри* и *Бастиа* одинаковы по своему достоинству. Схема *Кэри*, так же как и *Бастиа*, не только гипотетично-произвольна, но и противоречит фактической картине развития капиталистического хозяйства. По схеме *Кэри* положение рабочих относилось раньше к положению капиталистов, как 1 : 3, а теперь—как 1 : 2, при чем у рабочего увеличились средства и возможности самому сделаться капиталистом. Между тем, общеизвестный факт, в наше время никем не оспариваемый, что возможность для рабочего заделаться капиталистом отошла теперь в век крупного капитализма, в область далекого прошлого, в область неосуществимого и невозможного. Положение рабочего сделалось более неустойчивым, чем было раньше. Несомненным фактом, подтверждаемым данными всех крупно-капиталистических стран, сделалось и разорение мелкого капиталиста и самостоятельного ремесленника, т.-е. неустойчивыми в высокой степени стали именно такие категории населения, куда единственно могла бы переходить лучше других обставленная часть рабочих. Так, напр., данные трех профессионально-промысловых переписей в Германии раскрывают такую картину постепенного сокращения категории лиц, ведущих хозяйство самостоятельно, в качестве «хозяев» (см. на след. стр. табл. 4).

Таблица ясно говорит об относительном падении числа «хозяев», сравнительно с ростом рабочих и частно-служащих.

Подобно *Кэри* и *Бастиа*, солидарность между долей капитала и долей рабочих развивал и *Генри Джордж*,—как мы видели выше,—исходя из других соображений, чем *Бастиа*, и противопоставляя эти две доли земельной ренты, или доле землевладельцев. Но обоснование идеи гармонии между трудом и капиталом у *Джорджа* так же непрочное, как и у *Бастиа*. Впрочем, *Бастиа*, говоря о социальной гармонии, ничего не говорит собственно против принципа обратной пропорциональности между долями: последняя, согласно его схеме, остается в силе, если брать отношения, а не абсолютные массы.

¹⁾ Н. С. Сагеу. Руководство к социальной науке, стр. 526.

Таблица 4¹⁾.

		В ‰ ко всему населению.			На 100 самостоятельных.		
		Самостоятельные.	Служащие.	Рабочие.	Самостоятельные.	Служащие.	Рабочие.
А. Сельское хозяйство.	1882 года	—	—	—	27,78	0,82	71,41
	1895 »	18,3	0,5	17,0	30,98	1,16	67,86
	1907 »	12,6	0,4	15,6	25,30	1,00	73,70
В. Промышленность.	1882 »	—	—	—	34,41	1,58	64,04
	1895 »	12,7	1,5	25,0	24,90	3,18	71,92
	1907 »	9,7	2,8	30,3	17,50	6,10	76,30
С. Торговля и транспорт.	1882 »	—	—	—	44,68	9,02	46,27
	1895 »	5,4	1,2	4,9	36,07	11,20	52,73
	1907 »	5,1	1,8	6,6	29,10	14,50	56,30
А — С.	1882 года	—	—	—	32,03	1,90	66,07
	1895 »	36,4	3,2	46,9	28,94	3,29	67,77
	1907 »	27,4	5,0	52,5	22,30	5,24	72,46

Таким образом критика закона обратной зависимости между социальными долями сводится в сущности к аргументам, или отождествляющим природу труда и капитала и не различающим коренного и принципиального различия между заработанным и незаработанным доходом (*Генри Джордж*); или смешивающим понятие доли капитала в общественном доходе с понятием нормы прибыли или процента; или отождествляющим понятие «доли» с понятием «части» и имеющим в виду, следовательно, не отношения, а абсолютные количества; или, наконец, имеющим дело не с долей в общественном доходе, а с долей в общественном продукте. Благодаря всем этим аргументам, закон обратной зависимости отвергался главным образом на почве или недостаточно определенно установленной экономической терминологии, или же на почве ошибочных положений, вроде, например, мнимой тождественности природы труда и капитала, заработной платы и прибавочной ценности. Конечно, источник происхождения заработной платы и прибавочной ценности один: труд. Но это еще не делает заработную плату и прибавочную ценность, как доли рабочих и капиталистов, тождественными, а отношения их прямо пропор-

¹⁾ Statistik des Deutschen Reiches. Berlin 1909. См. статью автора «К некоторым итогам последней профессионально-промышленной переписи в Германии» (12 июня 1907). Записки Императ. русс. Технического Общества, 1909, № 3, стр. 73—80.

циональными. «Если, — говорит *Маркс*, — интересы капитала и интересы рабочих одни и те же, то это означает лишь одно, — что капитал и заработная плата суть две стороны одного и того же отношения. Одно обуславливает другое, подобно тому как ростовщик и расточитель взаимно обуславливают друг друга» ¹⁾. Столь прославленная (*vielgerühmte*) общность или тождественность между интересами труда и капитала, по *Марксу*, означает лишь то, что судьба наемных рабочих зависит от капитала. Эта чисто формальная тождественность не мешала *Марксу* приходиться к положению, что «интересы труда и интересы капитала стоят друг к другу в обратном отношении» ²⁾.

На противоположности между прибылью (прибавочной ценностью) и заработной платой основана, как мы уже говорили, вся борьба за большую долю, которая ведется в экономической жизни между социальными классами. Прибыль, — говорит *Н. Г. Чернышевский* в своих «примечаниях» к «Основаниям политической экономии» *Д. С. Милля*, — имеет постоянную тенденцию развиваться до того, чтобы захватывать как можно большую долю из фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этот фонд и останавливается в таком стремлении лишь материальной невозможностью для работника существовать иначе, как при известной величине рабочей платы» ³⁾. «Мы, — продолжает *Н. Г. Чернышевский*, — ...ведя за Рикардо говорим, что при данном положении производства величина прибыли обратно пропорциональна величине рабочей платы. Делайте из этого вывод какой хотите, но мы не намерены утаивать истину» ⁴⁾. «При трехчленной системе общество делится на два сословия, интересы которых оказываются прямо противоположными по вопросу о рабочей плате. Класс, которому выгодна низкость ее, управляет ходом экономических дел». Причина «низкости» — «трехчленное деление продукта (дохода)?, раздельность рабочей платы от прибыли, то, что один человек нанимается, а другой нанимает в работу» ⁵⁾.

Согласно формуле взаимоотношения социальных долей в общественном доходе, приводимой гармонистами, по которой доля рабочих растет и абсолютно и относительно, в то время как доля капиталистов только абсолютно, следует

¹⁾ Karl Marx. Lohnarbeit und Kapital. Neu herausgegeben von K. Kautsky. Separat-Abdruck aus der «Neuen Rheinischen Zeitung» vom Jahre 1849. Berlin 1907, стр. 28.

²⁾ Ibid., стр. 31.

³⁾ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Том VII. «Современник» 1860—1861. Основания политической экономии Д. С. Милля. Перевод и примечания. Издание М. Н. Чернышевского. С.-Петербург 1905, стр. 403.

⁴⁾ Ibid., стр. 398.

⁵⁾ Ibid., стр. 384. Чернышевский заявляет себя вообще сторонником классического мировоззрения, почитателем экономической теории «великих основателей Смита, Мальтуса и Рикардо», в противоположность к «той жалкой переделке, какой подвергается эта теория у континентальных болтунов или компиляторов, недобросовестно или бессмысленно искажающих ее суровый, но благородный характер, набивающих в нее без разбора всякую дрянь» (ibid., стр. 398). Здесь автор разумеет главным образом школу Сэ и Бастиа.

ожидать, что накопление капиталов происходит медленнее роста суммы заработных плат. Мы уже говорили, что подобная тенденция развития совершенно не свойственна современному капиталистическому производству, в котором можно заметить как раз обратное. В данном случае проблема сводится к вопросу об отношениях между постоянным и переменным капиталом в общественном производстве и об изменениях этих отношений с ростом общественного прогресса.

С абстрактно-дедуктивной точки зрения, имеющей дело с сущностью капиталистического производства в его целом, не может быть ни малейшего сомнения в том, в каком направлении совершается изменение отношения между постоянным и переменным капиталом. Как в своей соковупности, так и в своих составных частях постоянный капитал представляет собою прошлый, мертвый труд, как результат уже закончившегося трудового процесса. Постоянный капитал—это та мертвая масса материальных, объективных ценностей, которую живой труд, рабочий, приводит в движение и которой пользуется, как средством создания новых ценностей. Чем больше этой массы приводится в движение и перерабатывается одной и той же единицей живого труда, тем, очевидно, выше производительность общественного труда, тем выше степень общественного прогресса. На этом основании *Маркс* совершенно правильно видел в изменении отношения между постоянным и переменным капиталом—или, как он выражался, в изменении органического строения общественного капитала—надежный и непосредственный показатель изменения степени производительности. «Прирост последней,—говорит *Маркс*,—проявляется в уменьшении массы труда сравнительно с приводимой им в движение массой средств производства, или в количественном уменьшении субъективного фактора трудового процесса с его объективными факторами»¹⁾. *Маркс* обращал при этом внимание не на абсолютные изменения прошлого и живого труда, а на «то отношение, в котором прошлый труд находится к живому»²⁾. По мнению *Маркса*, «само собой разумеющимся, или тавтологией будет положение, что росту производительности труда, обязанному усовершенствованию техники, соответствует и растущая ценность машин сравнительно с массой применяемого труда и, отсюда, с ценностью переменного капитала»³⁾. Чем выше степень капиталистического производства, или, иначе говоря, чем больше накопление капитала, тем большая доля ценности продукта падает на машины и на сырье⁴⁾. Но если увеличение размеров накопления уменьшает относительную величину переменной части капитала, то это еще ни в коем случае не исключает, как думает *Маркс*, возможности абсолютного роста этой переменной части. Несомненно, что с ростом производительности труда, с ростом тех производительных сил общественного производства, которыми орудует общественный труд, постоянно обесценивается часть существующего постоянного капитала. В силу этого обстоятельства может создаться иллюзия, что с ростом общественного прогресса и накопления в общественном производственном процессе ценность постоянного капитала не растет, а падает. Иллюзия эта рассеивается, однако, тем важным в данном случае обстоятельством, что «масса постоянного капи-

¹⁾ Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I. Zweite verbess. Auflage. Hamburg 1872, стр. 647.

²⁾ Karl Marx. Theorien über den Mehrwert. Herausgeg. von Karl Kautsky. Dritter Band. Stuttgart 1910, стр. 426.

³⁾ Ibid., стр. 429.

⁴⁾ Ibid., стр. 426.

тала растет быстрее, чем падает его ценность»¹⁾. Что ценность постоянного капитала с общественным прогрессом действительно растет, несмотря на удешевление машин и сырья, применяемого в производстве, это с полной очевидностью вскрывают факты статистики.

Данные американских цензов раскрывают картину изменения как по отдельным производственным ветвям, так и по всей промышленности Соединенных Штатов для «капитала», вложенного в производство, для «ценности готового продукта», для массы «зарботных плат», фактически выплаченных рабочим за год, а равным образом и для «сырья», употребленного в дело. К сожалению, сравнение «капиталов» возможно лишь с 1890 года, да и то под этой рубрикой дается не сумма использованного в год переписи капитала, а общая сумма вообще вложенных в дело капиталов²⁾. Эти данные приводят нас к следующей таблице³⁾:

Таблица 5.

Соединенные Штаты. Национальная промышленность фаб.-заводского типа (с 1899 г.).

Годы.	М и л л и о н ы д о л л а р о в .			
	Ценность продукта.	Капитал.	Сырье (и вспом. мат.).	Зарботная плата.
1889	1.019	6.526	5.162	1.891
1899	11.407	8.975	6.576	2.008
1904	14.794	12.676	8.500	2.610
1909	20.672	18.428	12.143	3.427
1914	24.246	22.791	14.368	4.078
Рост в % за 1899—1914 г.г.	+ 113%	+ 154%	+ 118%	+ 103%

Приведенная таблица показывает, что из всех элементов производства быстрее всего растет капитал (+154%) и медленнее всего заработная плата (+103%), далеко отставая от роста капитала. Поэтому правильно положение

¹⁾ Karl Marx. Theorien über den Mehrwert. Zweiter Band. Erster Theil. Herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart 1905, стр. 137.

²⁾ См. статью S. N. D. North'a в «The Federal Census Critical Essays by members of the American Economic Association» (Publications of the American Economic Association. New Series № 2. March 1899), стр. 283, 284 и далее; точно также см. объяснения к «Abstract of the Twelfth Census of the United States, 1900». Washington 1902, о «Капитале» и «Twelfth Census», vol. VII, стр. LXI и далее.

³⁾ Цифры взяты из 1) «Departement of commerce and Labor Bureau of the Census». Manufactures, 1905, Part I. Washington 1907, стр. CXXIV, таблица LXXIV; 2) Census of Manufactures, 1905. United States. Bulletin № 57 Washington 1906, стр. 13; 3) Twelfth Census, Abstract. Washington 1902, стр. 300, 301, 4) Abstract of the Census of Manufactures, 1914. Wash, 1917; 5) 13-th Census, vol. VIII, 1913.

Маркса о том, что «с ростом всего капитала хотя и увеличивается переменная его часть, или воплощенная в ней рабочая сила, но увеличивается в постоянно убывающей пропорции» ¹⁾.

Данные, за несколько больший период времени, позволяющие при этом сравнение, мы находим по затронутому вопросу, в массачузетской статистике бюро труда, напр., для шерстяной и хлопчато-бумажной статистики. Эти данные, обнимающие собою период времени, начиная с 1840 года, точно так же подтверждают устанавливаемую Марксом тенденцию к более быстрому росту постоянного капитала. сравнительно с переменным, как можно видеть из следующей таблицы ²⁾:

Таблица 6.
Штат Массачузетс.

Виды производств.	Год ценза.	Абсолютные числа (в 10.000 долларов).			Относительные числа (1840 = 100)		
		Капитал.	Ценность продукт.	Заработ- ная плата.	Капитал.	Ценность продукт.	Заработ- ная плата.
Шерстяное производство (за исключением чулочных и вязальных изделий).	1840	418	708	—	100	100	—
	1850	909	1.277	—	217	180	—
	1860	1.300	2.402	366	311	339	100
	1870	2.672	5.227	981	639	738	268
	1880	3.676	6.497	1.103	879	918	301
	1890	6.657	6.760	1.373	1.593	955	375
	1900	9.013	8.104	1.606	2.156	1.144	439
Хлопчато-бумажное производство.	1840	1.741	1.655	—	100	100	—
	1850	2.846	1.971	—	163	119	—
	1860	3.370	3.800	780	194	230	100
	1870	4.471	5.949	1.359	257	360	174
	1880	7.229	7.229	1.583	415	437	203
	1890	12.884	10.020	2.512	740	606	322
	1900	15.629	11.113	3.248	898	672	416
	1905	17.455	13.007	3.256	1.003	786	417
	1910	21.402	18.646	4.512	1.233	745	578

Из данных таблицы мы видим, что в шерстяном производстве размер вложенного капитала с 1840 г. увеличился за 60 лет более чем в 20 раз. Между

¹⁾ Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I. Zw. Verbess. Auflage. Hamburg 1872, стр. 653.

²⁾ «The Annal statistics of Manufactures», 1901. Boston 1902, стр. 197.

тем ценность изготовленного продукта росла значительно медленнее, увеличившись лишь немногим более чем в 10 раз. И в то время как заработная плата увеличилась менее чем в $4\frac{1}{2}$ раза за период времени 1860—1900 г.г., капитал увеличился почти в 7 раз. Ту же самую тенденцию видим мы и в отношениях хлопчато-бумажного производства. Эти тенденции роста накопления показывают нам факт нарастания ценности машин и средств производства вообще, несмотря на сопровождающийся с этим рост производительности труда, и удешевления единиц средств производства. Масса последних возрастает много быстрее, чем падает их ценность. Вместе с этим отпадает последнее сомнение устанавливаемой *Марксом* тенденции к росту постоянного капитала, сравнительно со всеми другими элементами производства и в том числе сравнительно с заработной платой, по мере роста общественного прогресса.

Из различных частей, входящих в состав постоянного капитала, особенно значительно росту подвергается именно часть, идущая на машины. В этом можно убедиться при более подробном анализе составных частей «капитала» по данным американских цензов. С 1890 года американские цензы дают сведения в рубрике «капитал» относительно части, вложенной в землю, части в строениях и части, заключающейся в машинах. Однородные сведения дают и цензы 1900 и 1905 годов. Мы получаем таким образом возможность проследить, как изменялся состав капитала в течение последних 15 лет. Картину изменения частей капитала можно представить в следующей таблице, составленной по данным указанных цензов ¹⁾ (см. на след. стр. табл. 7).

Из данных таблицы мы видим ясно выраженную тенденцию к росту ценности вложенных в производство страны машин, инструментов, двигателей и пр. Этот рост особенно заметен там, где часть капитала, идущая на машины, составляет весьма значительную долю капитальных затрат, как, напр., в газовом деле, в хлопчато-бумажном производстве. Ценность же, вкладываемая в земельную собственность, относительно всех других частей капитала, заметно падает. Если же взять весь постоянный капитал по отношению к переменному, то ценность его, как мы уже говорили, растет много быстрее последнего, вопреки гипотетической, ни на чем не обоснованной формуле гармонистов *Кэри* и *Бастиа*.

К сожалению, установить действительную картину изменений отношения постоянного капитала к переменному, или изменения органического строения капитала в современном капиталистическом хозяйстве—задача невозможная. Единственным статистическим материалом в данном вопросе являются опять-таки статистические данные американских цензов. Но последние дают, во-первых, сравниваемые сведения о составе капиталов, вложенных в производство, лишь со времени ценза 1890 года; во-вторых, в этих данных нет никаких указаний для сколько-нибудь точного учета ежегодного изнашивания машин, амортизации капиталов, вложенных в постройки и в земельную собственность. Если взять сумму всего «капитала», как она дана в цензах, т.-е. вложенного в производство, но не израсходованного за производственный год и состоящего из машин, зданий, земли, сырья, топлива, некоторых иных вспомогательных материалов, имевшихся в складах предприятия в год ценза, а также из кассовых сумм и разных счетов, и эту сумму «капитала» сравнить с суммой за-

¹⁾ Census Reports vol. VII. Manufactures. Part I. 1902, стр. XCVII и 20. Departement of Commerce and Labour. Bureau of the Census. Manufactures. 1905. Part I. United States by industries. Washington 1907, стр. 26. Report on Manufacturing industries in the United States at the Eleventh Census 1890, Part I. Washington 1895, стр. 92 и далее (табл. 4); Twelfth Census, v. X, P. IV.

Таблица 7.

Составные части капитала. Соединенные Штаты.

Части капитала.	Абсолютные числа (в миллионах доллар.)			Относительные числа (в процентах).		
	1890 г.	1900 г.	1905 г.	1890 г.	1900 г.	1905 г.
А. Вся промышленность.						
1. В земле	775,6	1.027,5	980,6	11,9	10,5	7,7
2. В строении	878,6	1.450,5	1.996,1	13,4	14,8	15,8
3. В машинах, инструментах, двигателях.	1.584,3	2.543,1	3.489,8	24,3	25,9	27,5
4. Остальные части	3.286,7	4.796,4	6.219,8	50,4	48,8	49,0
Всего 1—4.	6.525,2	9.817,5	12.686,3	100,0	100,0	100,0
В. Хлопчатобумажные изделия.						
1. В земле	23,2	22,5	26,4	6,5	5,0	4,4
2. В строении	69,7	91,6	115,4	19,8	20,0	19,1
3. В машинах и пр.	138,0	181,0	245,8	39,0	39,2	40,6
4. Остальные части	123,0	165,7	217,6	34,6	35,7	35,9
Всего 1—4.	353,9	460,8	605,2	100,0	100,0	100,0
С. Газовое производство.						
1. В земле	45,5	50,1	—	17,6	8,8	—
2. В строении	35,0	58,5	—	13,5	10,3	—
3. В машинах и пр.	153,8	376,8	—	59,5	66,5	—
4. Остальные части	24,5	81,7	—	9,4	14,4	—
Всего 1—4.	258,8	567,1	—	100,0	100,0	—
Д. Спичечное производство.						
1. В земле	0,7	0,6	—	6,7	4,0	—
2. В строении	1,6	1,7	—	15,4	11,8	—
3. В машинах и пр.	2,7	5,4	—	26,8	38,0	—
4. Остальные части	5,2	6,6	—	51,1	46,2	—
Всего 1—4.	10,2	14,3	—	100,0	100,0	—
Е. Велосипедное производство.						
1. В земле	0,02	1,5	—	1,1	5,0	—
2. В строении	0,3	3,7	—	16,5	12,4	—
3. В машинах и пр.	0,6	9,5	—	27,4	31,8	—
4. Остальные части	1,13	15,1	—	55,0	50,8	—
Всего 1—4.	2,1	29,8	—	100,0	100,0	—
Г. Железо и сталь и изделия из них.						
1. В земле	—	125,6	184,2	—	8,2	7,8
2. В строении	—	225,8	387,5	—	14,8	16,6
3. В машинах и пр.	—	409,8	696,6	—	26,8	29,9
4. Остальные части	—	767,8	1.063,3	—	50,2	45,7
Всего 1—4.	—	1.529,0	2.331,6	—	100,0	100,0

работной платы, то изменения из года в год отношений такого «капитала» к заработной плате могут дать нам некоторое представление о движении органического строения капитала по мере развития капитализма. Это движение выразится в следующей таблице:

Таблица 8.
Соединенные Штаты.

Годы.	Капитал (в милл. доллар.).	Заработн. плата (в милл. доллар.).	Органическое строение капит. (с : v).
а) в промышленности смешанного типа (не чисто фабричной):			
1849	533	237	2,2
1859	1.010	379	2,7
1869	1.695	620	2,7
1879	2.790	948	2,9
1889	6.525	1.891	3,5
1899	9.814	2.321	4,2
в) в промышленности чисто фабричного типа:			
1899	8.975	2.008	4,5
1904	12.676	2.610	4,9
1909	18.428	3.427	5,4
1915	22.791	4.078	5,6

Мы видим тенденцию к неуклонному повышению органического строения капитала в стране, по мере накопления и развития капиталистического хозяйства, что окончательно разрушает формулу накопления и распределения, данную гармонистами. Одно за другим, таким образом, рассеиваются возражения, выставляемые против закона обратной пропорциональности между долей рабочих и долей капиталистов в социальном дивиденде. Нам остается подробнее разобрать лишь одно возражение, развиваемое проф. *М. И. Туган-Барановским*, состоящее в том, что доля рабочих может расти и на самом деле растет вместе с ростом доли капиталистов, рассматриваемая как доля не в общественном доходе, а как доля в ценности общественного продукта. Мы уже говорили, что в подобной постановке проблема долей уже теряет свое значение и свой смысл распределительной проблемы, так как последняя имеет дело лишь с социальным дивидендом и его разделом и рассматривает, поэтому, социальные доли лишь в общественном доходе. Взятая в отношении к ценности всего произведенного продукта, заработная плата, наприм., явится уже не в виде распределительной категории, а просто долей издержек, приходящейся в производстве на живой труд, тем, что англичане называют *cost of labour*. Действительно ли, однако, замечается в современном хозяйстве тенденция к росту доли рабочих в общественном продукте? Действительно ли издержки

на живой труд, на активную рабочую силу относительно растут, по мере развития техники, с ростом производительных сил? Замечается ли в действительности тенденция сокращения доли, падающей на машины и сырье, и рост доли издержек, падающих на заработную плату, в массе ценности общественного продукта, параллельно с ростом доли, идущей в виде прибавочной ценности по адресу капиталистов?

На все эти вопросы имеющийся небогатый статистический материал дает, как мы сейчас увидим, отрицательный ответ и подтверждает скорее факт падения заработной платы и как доли в общественном продукте, благодаря чему отпадает последнее возражение, выставляемое в политической экономии против закона обратной пропорциональности.

V

Вопрос о том, как изменяется доля рабочих в общественном продукте, падает или растет эта доля, имеет важное значение главным образом с точки зрения интересов предпринимателя. В глазах предпринимателя заработная плата, прежде всего,—издержки производства. В его интересах—всячески способствовать относительноному сокращению доли рабочих в ценности продукта, так как это означало бы сокращение и понижение издержек на рабочую силу, на живой труд. Прошлый труд, участвующий в производстве в форме постоянного капитала (машин, сырья, вспомогательных материалов и проч.), как известно, полностью восстанавливается в ценности готового продукта; на величине прибавочной ценности эта часть производственного капитала не отражается. Наоборот, заработная плата—часть производственного дивиденда, подлежащего разделу, и всякое увеличение этой части сопровождается непосредственной потерей для предпринимателя, отражаясь отрицательно на кармане последнего. Отсюда, сокращение издержек на заработную плату—прямой интерес для предпринимателя. Что же касается общественного значения падения доли рабочих в ценности общественного продукта, то оно заключается в технической стороне производственного процесса и сводится к повышению производительности труда в обществе.

Если долю рабочих в общественном доходе мы представляли в виде отношения $\frac{v}{v+m}$, то доля рабочих в общественном продукте выразится в отношении

$\frac{v}{c+v+m}$. В изменении последнего существенную роль, таким образом,

играет величина постоянного капитала (с). И если мы знаем, что размер постоянного капитала и в своей массе и в ценности постоянно растет по мере общественного прогресса, т.-е. с ростом накопления, при чем растет не только абсолютно, но и относительно, по крайней мере, в сравнении с переменным капиталом (v), то уже простой анализ отношения $\frac{v}{c+v+m}$ должен, при наличии отмеченных тенденций в изменении с и v, приводить нас к положению о падении доли рабочих в общественном продукте: чем быстрее растет с сравнительно с величиной v, чем быстрее увеличивается отношение с : v, тем значительнее, при абсолютном росте всех производственных элементов (с, v, m),

падение отношения $\frac{v}{c+v+m}$, т.-е. падение доли рабочих в продукте.

Согласно таким результатам анализа отношения $\frac{v}{c+v+m}$, мы должны ожидать, что в быстро прогрессирующих, развивающихся производствах, где органическое строение капитала растет и растет, доля рабочих, как элемента производственных издержек, т.е. доля в ценности продукта, будет падать и падать. Наоборот, в отсталых производствах эта доля, должно ожидать, будет расти. Рост доли рабочих в ценности создаваемого продукта не будет, однако, совпадать с ростом индивидуальной заработной платы и вообще не имеет никакого отношения к улучшению или к ухудшению в положении рабочих. Скорее можно ожидать, что рост издержек на заработную плату принудит капиталистов-предпринимателей всячески сдвигать индивидуальную плату рабочего, всеми мерами понижать абсолютный размер последней. И в случае лишь сопротивления и сильного противодействия со стороны рабочих, предприниматель будет искать других средств понизить относительные издержки на живой труд. Последнее же он может сделать лишь одним путем: концентрированием капиталов, расширением размеров производства, введением усовершенствованной техники, увеличением элемента с, повышением органического строения производственного капитала. Иначе говоря, для понижения заработной платы, как доли в продукте, для предпринимателя открыт один путь: возведения отсталого производства на степень передового и высоко-развитого. И таким образом само развитие капиталистического хозяйства толкает долю рабочих в общественном продукте по пути ее понижения, растущего по мере роста техники, увеличения производительности труда, накопления, концентрации производства.

Проследить на данных статистики, как изменяется доля рабочих в продукте, — задача, встречающая на своем пути массу всяческих затруднений. По отношению ко всей национальной заработной плате и всему национальному продукту, в их совокупности, задача представляется в своем полном объеме почти невыполнимой. Как известно, американские цензы дают сведения и о массе национальной заработной платы и о ценности национального продукта, но сравнимость всех этих данных сделалась возможным лишь со времени ценза 1890 года. Вследствие этого мы обладаем периодом наблюдения весьма еще недостаточным для получения точной картины эволюции доли рабочих в ценности продукта. Во всяком случае, за 15-летний период, для всей промышленности Соединенных Штатов, в ее целом, так же как и для наиболее развитых в капиталистическом отношении производств, можно заметить вполне определенно выраженную тенденцию к падению относительной доли издержек, приходящихся на живой труд, как видно из следующей таблицы, составленной на основании уже цитированных данных цензов 1890, 1900 и 1905, 1910 и 1915 г.г. (см. на след. стр. таблицу 9).

Мы видим, что во всей национальной промышленности Соединенных Штатов эта доля с 186% в 1889 г. понизилась к 1914 году до 16,8%. В сущности, такое падение вполне понятно: не состоит ли весь хозяйственный прогресс в том, чтобы доля живого труда в массе создаваемых ценностей понижалась, сравнительно с долей прошлого труда?

Ту же картину в развитии доли рабочих в ценности продукта раскрывают и статистические данные отдельных штатов Северной Америки. Особенно ценный материал для сравнения за продолжительный период времени дает в этом направлении Массачузетское бюро труда, производящее исследования о массе заработной платы и ценности продукта ежегодно, начиная

Таблица 9.
Соединенные Штаты.

Вид производства.	Год.	Ценность готового продукта (в долларах).	Сумма заработной платы (в долларах).	Доля рабочих в ценности продукта (в %).
А. Вся промышленность страны.	1889	1.019.106.616	1.891.219.696	18,6
	1899	13.000.149.159	2.320.938.168	17,8
	1904	14.793.902.563	2.610.444.953	17,6
	1909	20.672.051.870	3.427.037.884	16,6
	1914	24.246.434.724	4.078.332.433	16,8
В. Хлопчато-бумажные изделия.	1889	268.000.000	66.000.000	24,6
	1899	339.200.320	86.689.752	25,6
	1904	450.467.704	96.205.796	21,4
	1909	628.391.813	132.859.145	21,1
	1914	701.300.939	152.422.599	21,7
С. Производство металлов и изделий из них (кроме железа и стали).	1899	690.974.000	81.974.000	11,8
	1904	895.975.000	110.208.000	12,3
	1909	1.240.410.000	146.793.000	11,9
	1914	1.417.042.000	166.893.000	11,8
D. Железо и сталь.	1899	1.819.478.000	387.590.000	21,3
	1904	2.199.776.000	488.598.000	22,2
	1909	3.164.472.000	635.323.000	20,1
	1914	3.223.144.000	723.161.000	22,4

с 1886 года ¹⁾. Для всей промышленности и для отдельных, наиболее типичных в капиталистическом отношении производственных ветвей, данные Массачусетского бюро приводят к следующей таблице (см. на след. стр. таблицу 10).

Таблица показывает несомненную тенденцию к падению относительной доли издержек в создании продукта, идущей на заработную плату. Для всей промышленности штата доля рабочих в ценности продукта упала за 20 лет с 22,8% на 19,8%. Это падение было бы еще более резким, если бы состав обследованных предприятий в 1887 и в 1906 г.г. был вполне идентичным. Послед-

¹⁾ The Annual Statistics of Manufactures. Boston. Reports за разные годы, начиная с 1886.

него же не могло быть, потому что в первые годы обследования статистическое бюро получало сведения в ограниченном объеме, при чем регистрировались главным образом наиболее крупные производства, с наименьшим процентом доли, падающей на рабочих.

Таблица 10.

Штат Массачусетс.

Виды производств.	Год.	Число обследованных предприятий.	Ценность готового продукта (в долларах).	Сумма заработной платы (в долларах).	Доля рабочих в ценности продукта (в %/о).
А. Вся промышленность страны.	1886	1.027	263.200.000	60.100.000	22,8
	1906	5.055	1.271.400.000	252.100.000	19,8
В. Сапожное и башмачное произв.	1886	206	43.100.000	10.400.000	24,1
	1906	636	207.300.000	41.800.000	20,2
С. Производство машин и аппаратов.	1886	62	10.300.000	3.500.000	34,0
	1906	381	71.900.000	24.000.000	33,4
D. Металлы и изделия из металлов.	1886	94	12.600.000	3.700.000	29,4
	1906	435	68.600.000	16.200.000	23,6
Е. Хлопчато-бумажное производство.	1886	111	63.100.000	17.000.000	26,9
	1906	169	169.900.000	39.500.000	23,2
F. Шелк и шелковые изделия.	1886	8	3.800.000	800.000	20,5
	1906	13	7.200.000	1.200.000	16,7
G. Изготовление пищевых продуктов.	1886	54	10.900.000	900.000	8,3
	1906	372	91.400.000	6.200.000	6,7

В Англии попытка определить отношение заработной платы, как издержек производства, ко всему продукту и к стоимости всей суммы издержек производства была произведена для конца 80-х годов Т. Г. Эллиотом, по поручению Board of Trade ¹⁾. В основу этого единственного для Англии исследования о «Cost of production» были положены материалы самого различного рода, имевшиеся ко времени их появления в печати, и главным образом мате-

¹⁾ Report to the Board of Trade on the Relation of Wages in certain industries to the cost of production (C.—6535). London 1891.

риалы, собранные «Королевской комиссией по вопросу о застое в торговле» («Reports of the Royal Commission on Trade Depression», 1886). Исследование Эллиота, по признанию самого автора, не отличается высокой степенью точности и дает сведения не для национального производства в целом, а лишь для некоторых отдельных производственных ветвей. Для нашей задачи представляют интерес особенно данные о таких производствах, относительно которых мы обладаем новейшими сведениями, позволяющими сравнение и раскрывающими картину эволюции заработной платы, как доли рабочих в ценности готового продукта. К таковым принадлежат, наприим., хлопчатобумажная промышленность, производство шерсти, шерстяной пряжи, полотняная мануфактура ¹⁾.

Для хлопчатобумажной промышленности подробные сведения дает Эллисон, за периоды времени 1868—69, 1870—74, 1881—84 и 1884—89. Составленная Эллиотом на основании данных Эллисона таблица обнаруживает, однако, не падение, а рост доли рабочих в ценности хлопчатобумажных продуктов, с 60-х к концу 80-х г. г. ²⁾. Но Эллиот подвергает данные Эллисона сомнению, особенно для последних периодов. Уже Гиффен находит учет суммы, выплаченной на хлопчатобумажных фабриках заработной платы, сделанный Эллисоном для 1884—1889 г. г. чрезмерно высоким. Среднюю годовую ценность хлопчатобумажных продуктов в стране Эллисон определяет в этом периоде (1884—1889) в 89.677.000 фунт. ст., стоимость израсходованного в среднем за год хлопка—33.714.000 ф. ст., а массу выплаченной заработной платы—в 29.875.000 ф. ст. Для 1886 года Гиффен эту сумму определяет лишь в 18.630.145 ф. ст. Последнюю сумму Эллиот считает много ближе стоящей к действительности и получает для заработной платы не 33,3% к ценности продукта (в 1884—1889 г. г.), а всего лишь 20,8%. В других отдельных случаях автор исследования определяет заработную плату в хлопчатобумажном производстве в 20%, по данным Джорджа Лорда ³⁾—в 28%. Можно признать, не рискуя впасть в ошибку, что к концу 80-х годов, начиная с 60-х, для Соединенного Королевства заработная плата в хлопчатобумажной промышленности составляла не менее 20% к ценности готового продукта хлопчатобумажного производства.

Для конца 1900-х годов мы обладаем данными Census of Production (1907), из которых можем судить о ценности всего продукта хлопчатобумажного производства страны и о количестве всех занятых в этом производстве рабочих по их отдельным категориям. Так как упомянутые выше «Report

¹⁾ Новейшие исследования, дающие сведения об этих производствах: Census of Production (1907), Part I, London (Cd. 4896) 1909; Report of an Enquiry by the Board of Trade into the Earnings and Hours of Labour of Workpeople of the United Kingdom. I. Textile Trades in 1906 (Cd. 4545) London 1909.

²⁾ Report to the Board of Trade on the Relation of Wages in certain industries to the cost of production. (C.—6535), London 1891, стр. 25. Вот эта таблица (в процентах к ценности продукта):

	1868—69	1870—74	1875—80	1881—84	1884—89
	%	%	%	%	%
Хлопок	46,5	40,1	43,3	36,9	37,6
Заработн. плата	19,5	23,6	30,2	28,5	33,3
Ост. издержки и прибыль .	34,0	36,3	26,5	34,6	29,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

³⁾ Second Report of the Royal Commission on the Trade Depression Appendix A, стр. 377.

of an Enquiry by the Board of Trade into the Earnings and Hours of Labour» (I. Textile Trades in 1906) содержат точные данные о заработной плате хлопчатобумажных рабочих по их отдельным категориям, то имеется возможность учесть массу заработной платы в хлопчатобумажной промышленности для конца 1900-х г. г. и отсюда проследить, в какую сторону эволюционировала доля рабочих в ценности продукта.

По данным Report of an Enquiry, находим недельную заработную плату за 1906 г. в хлопчатобумажном производстве Соединенного Королевства для разных категорий рабочих следующую ¹⁾:

Мужчины выше 18 лет	29 шилл. 6 пенс.
Женщины » 18 »	18 » 8 »
Несовершеннол. м. п. ниже 18 лет	11 » 6 »
Несовершеннол. ж. п. » 18 »	10 » 1 »

Предполагая число рабочих недель в течение года в 48, что будет скорее в сторону увеличения, чем уменьшения, и прибавляя 3% к заработной плате 1906 года, в целях получения заработной платы 1907 года, года ценза (по индексным числам Board of Trade, заработная плата текстильных рабочих составляла в 1906 году 106,22, а в 1907—108,89) ²⁾, мы получаем следующие числа для годовой заработной платы в хлопчатобумажной промышленности Соединенного Королевства в 1907 г.:

Мужчины выше 18 лет ... 29 ш. 6 п. × 48 × 1,03 =	72,9 ф. ст.
Женщины » 18 » ... 18 ш. 8 п. × 48 × 1,03 =	46,1 » »
Несоверш. м. п. ниже 18 л. ... 11 ш. 6 п. × 48 × 1,03 =	28,4 » »
Несоверш. ж. п. » 18 » ... 10 ш. 1 п. × 48 × 1,03 =	24,9 » »

Зная по данным Census of Production числа занятых в 1907 г. рабочих разных категорий, мы, таким образом, можем получить общую сумму выплаченных в год ценза заработных плат в хлопчатобумажной промышленности. Отсюда, обладая сведениями о высоте всей ценности готового продукта по данным Census of Production (176.940.000 фунтов стерл.) ³⁾, мы получаем следующую таблицу:

Таблица 11.

Соединенное Королевство. 1907 г. Хлопчато-бумажное производство.

Категории рабочих.	Число рабочих.	Годовая заработная плата в фунт. ст.	Общая сумма заработной платы в фунт. ст.
Мужчины выше 18 лет.	158.023	72,9	11.500.000
Женщины » 18 »	261.839	46,1	12.100.000
Несовершеннол. м. п. ниже 18 л.	50.637	28,4	1.400.000
Несовершеннол. ж. п. » 18 »	89.979	24,9	2.200.000
Вся сумма заработной платы			27.300.000
Ценность готового продукта			176.940.000
%-ная доля рабочих в ценности продукта			15,4%.

¹⁾ Report of an Enquiry by the Board of Trade into the Earnings and Hours of Labour. I. Textile Trades in 1906 (Cd. 4545), London 1909, стр. XVII.

²⁾ Board of Trade. Twelfth Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom, 1906—1907. London 1908 (Cd. 4413), стр. 54.

³⁾ Census of Production (1907). Part I. London 1909 (Cd. 4897), стр. 22.

Сравнивая полученное отношение для доли рабочих в ценности продукта за 1907 г. с таковым за период конца 80-х годов, мы находим, таким образом, значительное падение: с 20% и более, доля рабочих в продукте хлопчатобумажной промышленности за двадцатилетний период времени понизилась до 5,4%. В конце 80-х годов, время промышленного застоя и депрессий, раздавались жалобы на переобременение производства в хлопчатобумажной промышленности высоким процентом издержек на живой труд. Казалось, что рост относительной доли этих издержек является неизбежным и характерным в развитии хлопчатобумажного дела, задерживая дальнейший прогресс производства. Двадцатилетний период хозяйственной жизни разрушил все эти предположения: издержки на рабочих относительно сократились едва ли не вдвое, хотя индивидуальная заработная плата и увеличилась больше, чем на 18%. Хлопчатобумажная промышленность достигла таких результатов единственно путем концентрации производства, повышения техники, увеличения органического строения производственного капитала.

В производстве шерстяном и шерстяной пряжи *Эллиот*, опираясь на различные источники, находит процент заработной платы в ценности годового продукта, для 1884—1885 года в 25,6%, для полотняных фабрик—22—28% (в ткацком производстве) и около 18%—20½% (в прядильном) ¹⁾.

Пользуясь вышеприведенными источниками (*Census of Production 1907* и *Report of an Enquiry by the Board of Trade etc. 1909*), мы находим таким же путем, как и для хлопчатобумажного производства, следующие отношения заработной платы шерстяных мануфактур к ценности готового продукта для 1907 года ²⁾:

Общая сумма заработной платы в Соединенн. Королевстве	
(изделия из шерсти и пряжи вообще)	10.058.000 ф. ст.
Ценность годового продукта.	70.331.000 » »
Доля рабочих в продукте	14,3%

К сожалению, данные о числе рабочих на полотняных фабриках в *Census of Production* имеются лишь для Великобритании и слиты с данными пенькового и джутового производств. Ценность всего готового продукта на этих производствах составляла в 1907 г. всего 18.667.000 ф. ст. (для Великобритании); число же рабочих—79.534, из них взрослых мужчин 18.659, женщин 44.991, юношей и мальчиков 4.926, девочек 10.958 ³⁾. Если положить в основу данные *Report of an Enquiry etc. (1909)* для 1906 г. и за среднюю заработную плату взять плату на полотняной мануфактуре, преобладающей по числу своих рабочих (на джутовых фабриках заработная плата ниже, чем на полотняных, но в производствах по обработке пеньки—выше), то в среднем, считая в году 48 рабочих недель, заработная плата на трех упомянутых производ-

¹⁾ Report to the Board of Trade on the Relation of Wages in certain industries to the cost of production (C.—6535), London 1891, стр. 29 и 30.

²⁾ Рабочих на шерстяных фабриках вообще было в Соед. Кор. в 1907 году: взрослых мужчин 81.479, взрослых женщин 111.144, детей м. п. 21.270, детей ж. п. 34.027, всего 247.920. Годовая зараб. плата в этом году составляла: мужчин 64,9 ф. ст., женщин 33,5 ф. ст., мальчиков 21,4 ф. ст. и девочек 18,0 ф. ст. В 1886 году, по данным *Census of Wages*, соответственно: 52 ф. ст. 10 ш., 30 ф. ст., 19 ф. ст. и 16 ф. ст. 15 ш. (произв. шерстяных изделий) и 54 ф. ст., 28 ф. ст., 15 ф. ст. и 14 ф. ст. (шерст. пряжа).

³⁾ *Census of Production (1907). Part III*, стр. 36—37. London 1910 (Cd. 5162).

ствах Великобритании выразится в сумме 2.424.674 ф. ст. (из этого числа заработная плата мужчин—1.000.122 ф. ст., женщин—1.160.768 ф. ст., мальчиков—90.648 ф. ст., девочек—173.136 ф. ст.¹⁾ Принимая во внимание 3%-ное увеличение для 1907 г., получаем сумму заработной платы круглым числом в 2.500.000 ф. ст. (Последняя сумма скорее выше действительной, во всяком случае не ниже.) На основании этих данных получаем следующие отношения для полотняных фабрик (с джутовыми и пеньковыми) для 1907 г. в Великобритании:

Общая сумма заработной платы . . . 2.500.000 ф. ст.

Ценность готового продукта 18.667.000 » »

Доля рабочих в продукте . . 13,4%

Сравнивая полученное отношение с долей рабочих на полотняных фабриках к началу 80-х годов (22—28% и 18%—20½%), мы находим за 20 лет весьма значительное падение доли рабочих в продукте.

В земледелии доля рабочих составляла, по данным Cost of Production, в 80-х годах около 25%²⁾. По данным *Levi*—около 24%³⁾. В каменноугольных копях, по *Маршаллу Никольсону*, эта доля в ценности извлеченного продукта составляла к концу 80-х годов—60%, в среднем⁴⁾ поднимаясь в отдельных случаях и выше—до 70%. В добытии железной руды—30%—40%. Как изменялась доля рабочих в ценности произведенного и добытого продукта во всех этих производствах Соединенного Королевства, судить об этом, к сожалению, невозможно, за неимением достаточных данных.

Для каменноугольного производства картину изменения в отношениях суммы заработных плат к ценности добытого продукта мы можем, однако, проследить по германским данным, которые для Пруссии дают сведения, необходимые в этом вопросе, начиная с половины 80-х годов⁵⁾. На основании этих данных мы имеем с 1886 года указания как на ценность (рыночную) изготовленного продукта, так и на сумму выплаченной за каждый год заработной платы. Пользуясь вычислениями *Юнгста*, мы получаем для трех главных каменноугольных центров Пруссии (Дортмунд, Верхняя Силезия, Заар) следующие отношения⁶⁾:

	Заработная плата всех рабочих в % к ценности продукта.	Заработная плата рабочих, занятых в земле, в % к ценн. продукта.
Дортмунд	{ 1886—1892 51,4%	42,5%
	{ 1893—1904 56,3%	46,6%
Верхняя Силезия . . .	{ 1886—1892 38,6%	31,2%
	{ 1893—1904 34,5%	27,2%
Заар	{ 1886—1892 47,6%	41,5%
	{ 1893—1904 42,0%	36,5%

1) (Cd. 4545), стр. XV—XVII, 118—120 и др. (Для рабочих мужчин годовая заработная плата—53,6 £, женщин—25,9 £, мальчиков—18,4 £ и девочек—15,8 £).

2) (C.—6535), Report to the Board of Trade, стр. 9, 10.

3) *Leone Levi*, Wages and Earnings of the Working Classes. London 1885, стр. 8.

4) *Ibid.*, стр. 12.

5) *Zeitschrift für das Berg-Hütten und Salinen-Wesen in preussischen Staaten* за разные годы.

6) *Dr. J ü n g s t*. Arbeitslohn und Unternehmerngewinn im rheinschwestfälischen Steinkohlenbergbau. «Glückauf». Berg und Hüttenmännische Zeitschrift. Essen 1907, №№ 37—40, стр. 1258 и друг.

Приведенные отношения показывают, что лишь в одном округе (Дортмунд) доля заработной платы в ценности добываемого продукта обнаруживает тенденцию не к падению, а к росту. Во всех же остальных округах, где заработная плата вообще ниже, чем в первом, доля рабочих почти за 20 лет проявила несомненную тенденцию к падению. Данные, собранные *Симианом* по французской статистике каменноугольного производства, обнаруживают, однако, тенденцию скорее к повышению (с 1847 по 1902 год)¹⁾. Возможно, что благодаря отсутствию машин и отсталости в технике, а также естественному истощению и углублению пластов каменного угля, в каменноугольной промышленности наблюдается скорее повышение издержек на живую рабочую силу, относительно всей ценности добываемого угля. Последнее обстоятельство может свидетельствовать, однако, не о том, что данное производство достигло своего высокого развития в капиталистическом отношении, а скорее о том, что оно отстает в технике и нуждается в техническом усовершенствовании и более высоком оборудовании.

Во всяком случае, как ни бедна современная статистика материалами по вопросу об отношении суммы, выплаченной в виде заработной платы, к ценности всего готового продукта, но то, что она дает в этом направлении, говорит скорее против тенденции к росту заработной платы в ценности продукта; напротив, имеющиеся данные, как мы видели, говорят о падении доли рабочих в создаваемом продукте с развитием капитализма, с ростом техники и повышением производительности.

Для распределительной проблемы, как таковой, изменения заработной платы в *продукте* не играют, однако, существенной роли. Для нас важно проследить главным образом, как изменяется доля рабочих не в продукте, а в *доходе*. К последнему вопросу, составляющему динамическую сторону проблемы доли рабочих, как распределительной проблемы, мы и переходим.

¹⁾ Simiand Fr. Le salaire des ouvriers des mines de charbon en France. Contribution à la théorie économique du salaire. Paris 1907; см. таблицу В, дающую сведения о средней суточной заработной плате, о числе рабочих дней, об общем количестве рабочих, сумме извлеченного угля в тоннах и стоимости 1 тонны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАКОН ПАДЕНИЯ ДОЛИ РАБОЧИХ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДОХОДЕ

Основной вопрос динамического учения о доле рабочих в общественном доходе, развиваемого социалистами, как мы видели, всех стран и эпох, сводится к установлению положения о том, что заработная плата, как доля в общественном доходе, по мере развития капитализма, т.-е. с развитием техники и ростом производительности, обнаруживает тенденцию к постоянному падению. Социалистическая формула развития общества, общественного прогресса, связана с этим положением теснейшим образом. Известно, какую важную роль в построении теоретической системы *Родбертуса* играл устанавливаемый им закон падения заработной платы. Наоборот, школа гармонистов приходила к противоположному утверждению. *Кэри* и *Бастиа* основной тенденцией капиталистического развития устанавливали абсолютный и относительный рост заработной платы в общественном доходе (который, по недоразумению, они принимали за общественный продукт) и абсолютный рост, но относительное падение прибыли. Современная индивидуалистическая экономика склонна более к формуле, устанавливаемой гармонистами. Проф. *Юлиус Вольф* в Германии, *Леруа-Болье* и *Ив Гюйо* во Франции не жалеют красок для изображения социального прогресса в духе *Кэри* и *Бастиа*¹⁾. Методы, какими пользуются в данном случае представители индивидуалистической экономики не стоят, однако, на высоте научности. Так, наприм., *Гюйо* ищет подтверждения формулы *Бастиа-Кэри* в данных цензов Американских Соединенных Штатов, пользуясь последними, однако, без всякой критической проверки и совершенно неправильно идентифицируя данные цензов 1860, 1880 и 1890 г.г. в вопросах заработной платы и капитала²⁾. *Леруа-Болье* пользуется целым рядом приемов и способов, из которых ни один не имеет непосредственного отношения

¹⁾ Dr. Julius Wolf. Sozialismus und Kapitalistische Gesellschaftsordnung. Kritische Würdigung beider als grundlegung einer Sozialpolitik. Stuttgart 1892, B. I; P. Leroy-Beaulieu. Essai sur la répartition des richesses et sur la tendance à une moindre inégalité des conditions. 4 изд., Paris 1897; Yves Guyot. Rodbertus contre Bastiat, в «Journal des économistes», 1907, июль; «Encore Rodbertus contre Bastiat», Journal des économistes, Août 1907.

²⁾ Ценность продукта по американским цензам может быть сравнима с 1870 г., заработная плата и размер вложенного капитала—с 1890 только (см. Census Reports, volume VII. Twelfth Census etc., Part I. 1902, стр. LXI—LXII, «Manufactures»).—Основательную оценку некритических приемов *Гюйо* дает проф. *Эмиль Шатлэн* в статье «La Répartition de la richesse en France» (la Revue socialiste. Octobre 1909, стр. 880—899).

к динамической проблеме долей. *Юмус Вольф* главное внимание обращает на статистику распределения подоходного налога, рекомендуя, как мы увидим ниже, особый метод пользования этой статистикой. Но статистика распределения по данным подоходного налога, даже при правильном использовании ее, не дает непосредственного ответа на вопрос о том, падает или растет доля рабочих в общественном доходе. Подоходная статистика может дать лишь ту исходную точку, ту предварительную базу, на почве которой можно подойти к наиболее надежному и непосредственному приему, с целью проследить на фактах современной действительности закон падения доли рабочих в общественном (национальном) доходе. Этот наиболее других надежный путь состоит в учете, с одной стороны, всей суммы общественного (национального) дохода, получаемого страной (обществом) в течение года или другого определенного периода времени, с другой стороны — всей массы национальной заработной платы, ежегодно выплачиваемой наемным рабочим.

Всякие попытки учета национального дохода должны вообще иметь некоторую определенную основу, из которой можно было бы исходить и на которую можно было бы опираться при исследовании. Обычно такою основой является подоходное обложение, дающее оценку индивидуальных доходов для высших и средних классов населения и в большей или меньшей степени захватывающее и высшие категории рабочих классов. Там, где предельная сумма обложения высока, как, наприм., в Англии, рабочий класс участвует в обложении лишь в незначительной степени. И наоборот, где этот предел низок, как, напр., в Германии, степень участия его довольно высока. Страны, не обладающие системой подоходного налога, если потребность к учету национального дохода сильна, стараются найти иную основу для учета, помимо основы подоходной оценки. Во Франции такою основой является статистика обложения наследственных масс, и нельзя сказать, чтобы применение этой основы не давало никаких положительных результатов. Последние, однако, применимы лишь опять-таки, главным образом, в целях определения эволюции распределения состояний в стране, но не могут иметь отношения к непосредственному учету национального дохода и их долей. Страна, где больше, чем где-нибудь, сделано по учету национального дохода и его долей и где поэтому больше всего данных для установления индуктивным путем закона падения доли рабочих в общественном доходе, это — Англия. С нее мы и начнем.

I

В Англии более или менее правильный учет национального дохода стал возможен с 40-х годов (1842 г. — введение основы ныне действующей системы подоходного налога). Существовавшие до этого времени попытки учета носили характер скорее предположительных вычислений, чем исследований, основанных на точных данных действительности. Значение их поэтому лишь относительное. Из таких попыток учета национального дохода в Англии можно упомянуть попытку *Грегори Кинга*, определявшего доход Англии для 1688 года в 43.505.800 фунтов стерлингов, при населении в 5.500.520 душ¹⁾; *Коль-*

¹⁾ *Gregory King. Natural and political Observations and Conclusions upon the State and Condition of England. 1696. A new edition, London 1810, стр. 48—49.*

юна, учитывавшего доход Соединенного Королевства для 1812 года в 430.521.372 ф. ст., при населении в 17.096.803 ¹⁾; лорда *Ливерпуля*, определявшего доход Великобритании для 1822 г. в 250.000.000 ф. ст., при населении в 14.400.000 лиц обоего пола ²⁾; М. *Келлоха*, оценивавшего доход Великобритании для 1854 года в 370.000.000 ф. ст. ³⁾.

Самой образцовой статистики подоходного налога недостаточно еще для полного учета национального дохода ввиду того, что от обложения изъяты обыкновенно широкие массы населения.

Для учета доходов последних требуется знать, во-первых, их численность и профессиональный состав, а также их семейное положение и возраст; во-вторых, надобно обладать детальной статистикой заработных плат. Вот почему более или менее серьезные попытки учета национального дохода начинаются лишь во второй половине XIX столетия, когда в Англии получила уже некоторое развитие официальная статистика труда.

Самым затруднительным представлялся в данном случае учет доходов рабочих классов и низших слоев населения. Первой научной попыткой дать подобный учет и указать путь для подобных исследований была блестящая по своему времени, хотя и небольшая по объему, работа проф. *Леона Леви*, «Wages and Earnings of the working Classes» ⁴⁾. *Леви* ставит целью исследования учет доходов рабочих классов в Соединенном Королевстве для 1867 года. В основу он кладет ценз 1861 года, дающий учет рабочего населения по профессиям. Числа для 1867 года автор получает путем интерполяции, принимая за основание прирост населения от 1861 до 1867 г. г. (собственно к концу 1866); так как этот прирост в Англии и Уэльсе составлял 12%, в Шотландии—6%, а в Ирландии его совсем не было, то в первом случае автор увеличивает цифры соответственно на 6%, во втором—на 3% и в третьем—для Ирландии—оставляет их без изменения. Источниками для определения высоты заработной платы по каждой категории занятий рабочих служили автору главным образом собственные опросы рабочих и предпринимателей соответственных производств; далее официальные материалы (публикуемые Board of Trade «The Miscellaneous Statistics», отчеты для House of Commons за 1860 г.) и, наконец, частные исследования, читанные в Королевском Статистическом Обществе за разные годы (Chadwick, Watts, Purdy, Strang и др.) ⁵⁾. Принимая во внимание процент нерабочего времени в году (т. н. «прогул»), равный для 1861 года приблизительно 4 неделям, или 7,69%, автор не брал в счет стариков-рабочих, перешедших 60-летний возраст, которых было в 1861 году, по данным ценза, 7,22%, и таким образом одно компенсировалось другим.

Приурочивая классификацию рабочего населения к методу цензов, *Леви* устанавливает пять групп занятий: 1) профессиональные рабочие, 2) домашняя прислуга, 3) коммерческие рабочие, 4) земледельческие и 5) промышленные.

¹⁾ P. Colquhoun. A Treatise on the Wealth, Power, and Resources of the British Empire, in every Quarter of the World, including the last Indies: the Rise and Progress of the Funding system explained etc. London 1814, стр. 124—125.

²⁾ См. Leone Levi. Wages and Earnings of the working Classes. London 1885, стр. 44.

³⁾ M'Kulloch. Account of the British Empire, v. II, стр. 526.

⁴⁾ Leone Levi. Wages and Earnings of the working Classes, with some facts illustrative of their economic condition, drawn from authentic and official Sources. London 1867.

⁵⁾ Ibid., стр. 4.

К первой группе автор причисляет полицию, почтовых чиновников, солдат и матросов. Результаты, к которым он приходит, можно представить в следующей таблице (см. на след. стр. табл. 12).

Таким образом *Леви* определяет всю сумму заработных плат для Соединенного Королевства (в 1866—67 году) в 418.000.000 ф. ст., при чем сюда не вошло около 10.000.000 ф. ст., идущих на мастеров, которых автор не включает в общее число. Если, однако, ставить задачей определение суммы заработной платы страны рабочего населения в собственном смысле, т.е. населения, непосредственно создающего богатство страны своей трудовой деятельностью в производстве, то нельзя ограничиваться только тем вычетом, который допускает автор. Необходимо выделение производительных групп от непроизводительных. Считая под последней категорией лиц, служащих в армии и флоте, а также полицию, почтовых чиновников и домашнюю прислугу, будем иметь около 69.000.000 ф. ст. непроизводительных доходов, т.е. не относящихся по своему происхождению и характеру к понятию заработной платы; в этом случае на долю рабочих в собственном смысле остается сумма, равная 349.000.000 ф. ст. Такой вычет необходимо сделать уже ввиду того, что в сумму заработной платы матросов, солдат и прислуги проф. *Леви* включает и приблизительную стоимость стола и даже квартирных помещений, которыми пользуются лица этих категорий.

Через 20 лет *Леви* произвел по тому же методу новый учет национального дохода и заработной платы в Англии¹⁾, имея возможность уже проследить и эволюцию в распределении национального дохода.

Методом проф. *Леви* на другой год по выходе его первой книги воспользовался Р. Д. Бакстер, предпринявший вместе с учетом заработной платы попытку учета и национального дохода Англии²⁾.

Путь для наиболее трудного учета—доходов низших классов населения—был для Бакстера открыт работой и вычислениями *Леона Леви* (1867). Бакстер прибегает к тем же данным переписи 1861 года и к той же интерполяции для 1867 года, как это делает *Леви*. Но, ввиду целей учета национального

¹⁾ Leone Levi. Wages and Earnings of the working Classes. Report to Sir Arthur Bass, London 1885.

²⁾ R. Dudley Baxter. «National Income». The United Kingdom. London 1868. В своем поэтическом введении к этой книге Бакстер пишет: «Есть на Атлантическом океане остров Peak of Teneriffe, высоко возвышающийся над морем в виде пирамиды, в 12.000 футов высоты; он виден с любой точки горизонта и при утреннем и вечернем солнце бросает длинную от себя тень по океану, на протяжении 50 миль. Об его действительных размерах и пропорциональности частей обыватель едва ли имеет правильное представление; если он живет у его подножия, он видит собственно лишь ближайшие к нему внизу расположенные точки, непосредственно за ним возвышающиеся; если же он взберется на вершину, он рискует потерять из виду широкое основание, простирающееся внизу. Чтобы быть в силах представить себе картину действительных контуров и охватить полностью весь вид и величие этого острова, он должен оставить землю и выплыть на открытое море. Мне часто представлялось,—говорит автор,—что такой остров может служить прекрасной эмблемой состава богатства, с его громадным низким основанием рабочего населения, с его возвышениями средних классов и высоко поднимающимися вверх острями крупных доходов. Трудно определить относительные размеры этих горных зон. Если стать внизу, на низком плато, можно быть настолько поглощенным размерами его и его богатством, что можно не заметить верхушек, то здесь, то там возвышающихся, и последние могут остаться не учтенными (введение, 1—2 стр.).

Таблица 12.

Рабочее население и его доходы в Соединенном Королевстве (1866—67 г.г.); женщины и дети и их заработок.

Группы рабочих.	Число рабочих.	Сумма дохода £	Из общего числа женщин и детей.	Их доход £
Профессиональные	300.000	10.000.000	8.000	100.000
Домашняя прислуга	1.700.000	59.000.000	1.600.000	54.000.000
Коммерческие	700.000	39.000.000	112.000	2.500.000
Земледельческие	2.700.000	84.000.000	730.000	9.800.000
Индустриальные	5.600.000	226.000.000	2.650.000	58.800.000
Всего	11.000.000	418.000.000	5.100.000	125.200.000

Рабочее население по возрасту; его доход и средняя недельная заработная плата (1866—67 г.г.).

Возраст.	Число рабочих.	Доход £	Средняя зараб. плата недельная.		
			Англия.	Шотландия.	Ирландия.
Мужчины до 20 л.	1.200.000	23.000.000	6 шил. 6 п.	7 шил. 8 п.	6 шил. 3 п.
Мужчины от 20 до 60 л.	5.900.000	293.000.000	22 » 6 »	20 » 6 »	14 » 4 »
Женщины до 20 л.	1.300.000	27.000.000	8 » 6 »	8 » 2 »	7 » 4 »
Женщины от 20 до 60 л.	2.600.000	75.000.000	12 » 6 »	10 » 6 »	9 » 9 »
Всего	11.000.000	418.000.000	15 шил. 6 п.	14 шил. 0 п.	11 шил. 7 п.

дохода и определения долей в нем различных классов населения, *Бакстер* имеет дело уже не с одним лишь рабочим населением, а со всем населением страны, разлагая его на два класса: 1) высший и средний классы и 2) класс ручных рабочих (выражение «manual labour class» автор предпочитает выражению «working classes»); каждый из этих классов населения *Бакстер* опять-таки разлагает на две группы: население с самостоятельным доходом и несамостоятельным (dependent).

В основу учета доходов *Бакстер* кладет данные подоходного налога за 1865 г. для Соединенного Королевства и отдельно для Англии с Уэльсом, Шотландии и Ирландии. Для 1867 г. данные определяются им интерполиро-

ванием по среднему годовому приросту последних лет и для каждой статьи. Ссылаясь на известную речь *Гладстона* и на не менее известный случай с *Саппон Street* в Лондоне и опираясь на общепризнанный факт утаивания населением своих доходов, *Бакстер* вводит прибавку к общей сумме подлежащего обложению дохода, по шедуле D, в размере 16% для Англии с Уэльсом и 10% для Шотландии с Ирландией, не забывая также и всякого рода сбавки для лиц известных категорий (напр., для лиц с доходом в 100—200 ф. ст. сбавка в 60 ф. ст. и проч.). Более трудной задачей для *Бакстера* представляется учет числа лиц в каждой группе дохода. Английская система подоходного обложения покоится больше на обложении объекта, чем субъекта, и потому учета лиц, субъектов обложения не дает. Поэтому в виде вспомогательного средства *Бакстер* привлекает материалы по оценке подоходного налога, для 1861—62 г., и путем приблизительных подсчетов и наведений, исходя из данных о числе домов с высокой ценностью и низкой, находит соответственные отношения и числа для лиц в высших и средних классах.

Что же касается учета заработной платы, то *Бакстер* строго следует за *Леви*, подвергая данные последнего некоторым, однако, изменениям, согласно собственным исследованиям. Вычет на «прогул», болезни и безработицу *Бакстер* кладет в 20% для промышленных рабочих (48 рабочих недель), в 10% для сельскохозяйственных рабочих—мужчин, 33%—для детей и женщин, 10%—для домашней прислуги; без всякого вычета остается рабочий год лишь для солдат (52 недели). Подобно *Леви* автор причисляет к заработной плате ценность готового стола и готового помещения для тех категорий, которые по роду своей службы или деятельности живут в «хозяйских» помещениях и имеют «хозяйский» стол (домашняя прислуга, солдаты, матросы). Для тех целей, которые ставит себе автор, последнее является совершенно излишним. Впрочем, автор и сам видит мало значения в подобного рода учете ¹⁾. Весь рабочий класс *Бакстер* группирует по трем категориям: 1) высоко квалифицированный труд и мануфактура, куда он относит производство инструментов и машин, кораблестроение, железную промышленность, строительное дело, хлебопеканию, книгопечатание; чистый годовой заработок в этих категориях он принимает в 60—73 фунта стерл.; 2) менее квалифицированный труд и мануфактуры (водный транспорт, шорное дело, каретники, железники и медники и др.; транспорт сухопутный, прислуга, хлопчатобумажное и шерстяное производство и другие виды мануфактур; сапожное производство, портняжное; углекопы); недельный заработок здесь 21—23—25 шилл., годовая заработная плата—46—52 ф. ст.; и 3) сельскохозяйственные и неквалифицированные промышленные рабочие (в этой же категории охота, скотоводство, доки, швейцары, солдаты, шелковая мануфактура, прачки, швей), с недельным заработком в 12—20 шилл. и с годовой заработной платой в 20—41 фунт стерл. Итоги свои автор представляет в нижеследующей таблице (см. табл. 13 на стр. 146).

Данные *Бакстера* о сумме общей заработной платы в стране (Соединенном Королевстве) для 1867 года считаются образцовыми, отличаются наивозможной точностью и редкой тщательностью подсчета. Национальная заработная плата, по данным *Бакстера*, получается в сумме, значительно меньшей итогов *Леви*, хотя данные *Бакстера*, так же, как и *Леви*, относятся почти к одному и тому же моменту (у *Бакстера* к 1867, у *Леви*—1866—67 г.г.); *Леви* определяет всю сумму заработной платы для Соединенного Королевства.

¹⁾ R. Baxter. National Income. London 1868, стр. 40—41.

в 418.000.000 ф. ст., *Бакстер* же—в 324.645.000 ф. ст. Эта разница между упомянутыми исследованиями объясняется, прежде всего, тем, что средняя заработная плата для некоторых категорий занятий у *Бакстера* значительно меньше, чем определяет ее *Леви* (напр., для прислуги среднюю годовую плату *Леви* определяет в 35 ф. ст., *Бакстер*—в 32 ф. 10 ш.); кроме того, рабочий год *Леви* считает в 52 недели, *Бакстер*—в 48 недель; наконец, *Бакстер* совершенно не принимает в расчет плату, получаемую мастерами, надсмотрщиками и надзирателями¹⁾. Вообще, понятие рабочего класса как у *Леви*, так и у *Бакстера* содержит в себе далеко не однородные элементы. Особенно у *Бакстера* «ручной рабочий класс» отличается большой пестротой в своем составе: сюда входят и солдаты, и матросы, и домашняя прислуга, и пенсионеры, и $\frac{2}{3}$ общего состава полиции, и проч. По данным *Леви*, доходы «профессионального» класса рабочего населения (матросы во флоте, солдаты, домашняя прислуга) определяются в 69.000.000 ф. ст. Эта сумма у *Бакстера* несколько менее: все непроизводительное рабочее население для Соединенного Королевства показано у него с доходом в 54.151.000 фунт. стерлингов²⁾. Во всяком случае, общая сумма заработных плат в собственном смысле должна быть приблизительно на 60.000.000 ф. ст. уменьшена, если ставить целью выяснение отношения, или доли рабочих в общем доходе страны. Таким образом для 1867 года в Соединенном Королевстве заработная плата в собственном смысле не превышает 265.000.000—270.000.000 ф. ст.

Что касается данных *Бакстера* о доходах высших и средних классов, то они имеют два существенных недостатка: во-первых, процент утайки, взятый *Бакстером*, слишком мал, и поэтому сумма доходов, вычисленная автором для богатых и средних классов, может быть принята лишь как минимальная; вне сомнения, она ниже действительной; во-вторых, число лиц в классах, подлежащих обложению подоходным налогом, слишком преувеличено³⁾.

Ровно через 18 лет после книги *Бакстера*, *Леви* снова выпускает исследование, где делает учет доходов рабочих классов в Англии, при чем в своем новом труде не ограничивается уже одними рабочими доходами, а вычисляет и доходы имущих классов, ставя своей задачей исследовать отношение доходов рабочих ко всему национальному доходу⁴⁾. Как для общей массы заработной платы, так и для всего национального дохода в Соединенном Королевстве *Леви* исходным пунктом берет два года: 1867 и 1884, таким образом делая возможным сравнение за 18-летний период времени. Данные для учета рабочих доходов за 1867 год *Леви* берет прежние, им же вычисленные, не подвергая их изменению. Для определения же данных за 1884 г. он следует старому же собственному методу, основой для вычисления считая данные ценза 1881 г., соответственно интерполируя их и прибегая попрежнему как к официальным и частным источникам, так и к личному опросу рабочих и предпринимателей; данные *Бакстера* он также принимает в расчет. Но *Леви* не преследует целей дать детальное расчленение населения при учете его доходов, как это делает *Бакстер* довольствуясь лишь общей суммой доходов,

¹⁾ Смотри об этом у Giffen'a. Further Notes on the Progress of the working classes. 1890 («Essays of Finance», 3-е изд., стр. 459).

²⁾ R. D. Baxter. Ibid., V приложение, на стр. 99.

³⁾ Подробную и обстоятельную критику данных *Бакстера* дают Schippel (Das moderne Elend und die moderne Uebervölkerung. Leipzig 1883), и Nasse в «Concordia», № 52, 1875.

⁴⁾ Leone Levi. «Wages and Earnings of the working». Report to sir Arthur Bass. London 1885.

вычисленных по шедулам, далее—доходов, не вошедших в окладные листы, и, наконец, рабочих доходов. В сумму последних включены автором также доходы полиции (на 3.600.000 ф. ст.), почтовых служащих (на 1.000.000 ф. ст.) и прислуги (на 85.870.800 ф. ст.), т.-е. доходов «непроизводительных» низших классов, всего на сумму 100.470.800 ф. ст.

Таблица 13.

Доход Соединенного Королевства, 1867 г.

	Число лиц.	Сумма дохода.
		£
Высший и средний классы.		
Класс I. Крупные доходы:		
1) £ 5.000 и выше	8.500	126.157.000
2) £ 1.000—5.000	48.000	83.324.000
Класс II. Средние доходы:		
£ 300—1.000	178.300	87.723.000
Класс III. Мелкие доходы:		
1) £ 100—300	1.026.400	110.950.000
2) ниже 100 £	1.497.000	81.320.000
Всего	2.759.000	489.474.000
Рабочий класс.		
Мужская средняя заработная плата.		
Класс IV. Высоко-квалифиц. рабочие:		
£ 50—73	1.345.000	66.353.000
Класс V. Менее квалифиц.:		
£ 35—52	5.087.000	160.652.000
Класс VI. Землед. и неквалифиц. труд:		
£ 10/10 ш.—36 £	4.529.000	97.640.000
Всего	10.961.000	324.645.000
Общая сумма	13.720.000	814.119.000

Таблица 14.

Соединенное Королевство. Национальный доход.

Группы доходов.	1866—67 г.	1882—83 г.	1866-67 г.	1882-83 г.
	Фунты стерлингов.		В ‰	
1. Доходы от 150 фунт. ст. и выше, вошедшие в Income-Tax	423.000.000	613.000.000	44,00	47,70
2. Доходы средних и низших классов, не вошедшие в Income-Tax	120.000.000	140.000.000	12,50	10,90
3. Доходы рабочих классов (включая сюда матросов, солдат, полицию, почтовых служащих и прислугу)	418.000.000	521.000.000	43,50	41,40
Весь национ. доход	961.000.000	1.274.000.000	100,00	100,00

Итоги *Леона Леви* можно представить в следующей таблице (см. табл. 14).

Если мы, в целях более точного представления о доле рабочих в национальном доходе и изменении ее за 17—18-летний период, из третьей группы доходов (рабочих классов) исключим доходы, приходящиеся матросам, солдатам, полиции, почтовым служащим и прислуге, в размере 69.000.000 ф. ст. для 1867 г. и 100.000.000 фунтов стерл. для 1884 г., то получим следующие соотношения:

Таблица 15.

Соединенное Королевство. Национальный доход.

Группы доходов.	1866—67 г.	1882—83 г.	1866-67 г.	1882-83 г.
	Фунты стерлингов.		В ‰	
1. Доходы от 150 фунт. ст. и выше (обложенные)	423.000.000	613.000.000	47,40	52,20
2. Доходы низших и средних классов (необложенные)	120.000.000	140.000.000	13,50	11,90
3. Заработная плата рабочих (без прислуги, солдат и пр.)	349.000.000	421.000.000	39,10	35,90
Национальный доход	892.000.000	1.174.000.000	100,00	100,00

На основании данных *Леви* мы приходим к весьма ценному экономическому выводу: доля рабочих в общественном (национальном) доходе вместе с долей средних классов падает, в то время как доля высших классов растет. Закон падения доли рабочих в общественном доходе находит здесь себе полное подтверждение. Период 60 и 70-х годов в Англии был периодом капиталистического подъема в высокой степени, при чем нет никакого основания думать, что сумма заработной платы вычислена *Леви* в сторону ее уменьшения (скорее наоборот), или что сумма доходов имущих классов преувеличена (скорее имело место обратное). Разумеется, данных *Леви* еще недостаточно, чтобы на них прочно обосновать закон падения доли рабочих с развитием капитализма. Важно, однако, отметить, что исследования, сделанные для различных моментов времени и одним и тем же методом, могут обладать весьма высокой ценностью, поскольку речь идет не об абсолютных изменениях, а относительных, как это мы имеем в работах *Леви*.

Исследования *Бакстера* и *Леви* о национальном доходе и доле рабочих в нем послужили основой и исходным пунктом для всех дальнейших работ в этом направлении. Эти исследования непосредственно отвечали назревшим в Англии с половины 80-х г. г. запросам и общественным интересам, вызванным обострением к этому времени социального антагонизма и небывалым застоєм в торгово-промышленной жизни страны. К 80-м годам, как известно, Соединенные Штаты, — с одной стороны, объединенная Германская Империя — с другой, довели состояние своей отечественной промышленности до высокой степени развития. Господство английской промышленности на мировом рынке стало ослабевать. Англия начинает терять один за другим рынки сбыта для своих товаров, вынужденная понизить цены на продукты своего главного вывоза, отчасти под влиянием растущей силы со стороны иностранной конкуренции, отчасти под влиянием развивающейся на континенте Европы и Америки системы протекционизма. Бешеный темп английской промышленности начинает замедлять свой ход. Сумма национального дохода начинает к этому времени проявлять явную тенденцию к падению. За этим падением следует точно так же падение общей массы выплаченных заработных плат в стране и понижение средней заработной платы *per capita* рабочего. И лишь доходы по шедуде Д, куда собирается главным образом вся масса промышленной и торговой прибыли, обнаруживали свойственную им упругость и твердость в повышении. Картина экономической пертурбации, имевшей место к половине 80-х г. г. в Англии, может быть представлена в следующей таблице, по данным *Боули* ¹⁾ и отчетам Commissioners of his Majesty's Inland Revenue ²⁾.

Данные таблицы обнаруживают не только относительное сокращение всей массы заработной платы в общем национальном доходе, но вместе с тем и абсолютное понижение индивидуальной заработной платы на голову рабочего, хотя средний доход на голову населения и поднимался неуклонно из года в год. Очевидно, весь общественный прогресс национального хозяйства складывался в течение 30-летнего периода не в сторону рабочего. Лишь

¹⁾ A. L. Bowley. Changes in Average Wages (nominal and real) in the United Kingdom between 1860 and 1891. (Journal of the R. S. S. June 1895, стр. 248).

²⁾ 24 th Report of the Commissioners, 1881, C—2967, стр. 68—69; 33-th Report etc, 1890, прил., стр. XXXIV; то же, Cd. 1761, стр. 454; то же, Report за 1870, vol. II.

Таблица 16.

Соединенное Королевство.

Год.	Абсолютные числа.					Относительн. числа (1860 = 100).				
	Националь- ный доход.	Сумма выпла- ченной зара- ботной платы.	Заработная плата рег са- rita рабочих.	Националь- ный рег capita населения.	Доходы по пешуле D.	Национальный доход.	Сумма выплачен- ной заработной платы.	Заработная пла- та рег capita ра- бочего.	Национальный доход рег capita населения.	Доход по ше- дуле D.
	милл. £	£	£	£	милл. £					
1860	832	392	38,4	28,9	95,4	100	100	100	100	100
1866	1.030	464	43,4	31,1	134,4	123,8	118,6	113,0	107,6	139,8
1870	1.092	486	43,4	36,4	178,4	131,3	123,9	113,0	126,0	187,0
1874	1.344	609	53,0	41,5	249,9	161,6	155,4	138,0	143,6	261,8
1877	1.373	591	50,7	41,1	256,9	165,0	150,8	132,0	142,2	269,3
1880	1.345	567	47,6	38,9	249,5	161,7	144,6	123,9	134,6	261,7
1883	1.427	609	49,9	40,4	279,2	171,5	155,4	129,9	139,8	291,6
1886	1.445	605	48	39,8	289,4	173,7	154,3	125,0	137,7	303,3
1891	1.611	699	53,8	42,7	351,6	193,6	178,3	140,1	147,7	367,5

класс капиталистов участвовал в приросте национального богатства. Рост социального неравенства, как одна из характерных черт капиталистического развития общества, проявляется здесь особенно заметно и волнует общественное настроение Англии того времени. С половины 80-х годов действительно замечается повышение социального брожения и движения среди рабочих. В истории английского рабочего движения 80-е годы, как известно, особенно знаменательны. До того времени профессиональные рабочие союзы остаются закрытыми для беднейших слоев рабочего населения; социальный демократизм среди рабочих почти отсутствует; отношения между рабочими и предпринимателями не носят характера обостренного социального антагонизма. С 80-х годов все это изменяется. Среди рабочих, особенно низших категорий, подымается социальное брожение. Возникает «Социал-демократическая Федерация». От консервативно настроенной рабочей партии откалывается «Партия Независимых». Социальная проблема неравенства и распределения является темой дня. От рабочих эта волна передается выше и захватывает внимание науки. В результате мы видим особенное оживление, проявленное английскими экономистами и особенно статистиками-экономистами в вопросе о национальном доходе и взаимоотношении долей. Решение социальной проблемы распределения привлекает к себе внимание не только представителей науки, но и политических деятелей и рабочей интеллигенции. В целях выяснения вопроса о том, в одинаковой ли пропорции с капиталистами участвует рабо-

чий класс в приросте общественного богатства, в увеличении промышленного продукта страны, устраивается в Лондоне, даже на частные средства, специальная конференция (28—30 января 1885 г.), составившаяся из 125 членов, среди которых присутствовал цвет английской аристократии литературно-научного мира, делегаты как от капиталистов-предпринимателей всех видов промышленной деятельности, так и от рабочих союзов, производительных, потребительных и других кооперативных организаций¹⁾.

Из наиболее серьезных трудов, появившихся к этому времени, и посвященных вопросам об отношениях между трудом и капиталом, при современном развитии, и учету национального богатства, можно отметить особенно работы *Гиффена* и *Гоуэна*.

Из многочисленных трудов *Гиффена* для нас представляет особенный интерес исследование о «Прогрессе рабочих классов в последней половине столетия», впервые прочитанное в виде торжественной речи в Королевском Статистическом Обществе (20 ноября 1883 г.)²⁾. Эта речь приурочивается к 50-летию юбилею королевы и открывает собою эру оптимистического настроения экономистов как раз в тот момент, когда основания к такому оптимизму отошли уже в область прошлого. В труде *Гиффена* ярко отразился расцвет английской промышленности и хозяйственной общей конъюнктуры 50-х, 60-х и 70-х годов, и совершенно остались без внимания новые стороны хозяйственных отношений Англии, начавшихся с конца 70-х годов, которые давали материал к более глубоким размышлениям и более строгому анализу, чем это сделал *Гиффен*.

Ввиду того огромного успеха, который имело исследование *Гиффена* «О прогрессе рабочих классов» не только в пределах одной Англии, на нем необходимо остановиться несколько подробнее. Объяснение этому успеху лежит во всяком случае не в научных достоинствах и не в тонкости анализа данных, раскрываемых автором. Наоборот, трудно представить себе другое такое научное исследование, которое бы обладало столькими неточными положениями, такими неожиданными, не вытекающими из приводимых автором данных, выводами, как это мы находим у *Гиффена*. Ничем не сдерживаемый оптимизм автора постоянно выталкивал его мысль из пределов точности спокойного исследования³⁾.

В своем «Прогрессе рабочих классов» *Гиффен* преследует две цели: во-первых, определить тенденцию в изменении реальной заработной платы за 50 лет; во-вторых, решить вопрос о том, в какой степени участвовали рабочие

¹⁾ Industrial Remuneration Conference. The Report of the Proceedings and Papers, read in Prince's Hall, Piccadilly, under the presidency of the Sir Ch. W. Dilke, on the 28-th, 29-th, and 30-th January 1885. London—Paris—New York and Melbourne. 1885. (Содержит статьи-рефераты Бресси, Джонса, мисс Симокс, Маршалла, Никольсона, Бальфура и многих других).

²⁾ Giffen. The Progress of the working Classes in the last half Century. (Essays in Finance. Second Series. Third Edition. London 1890).

³⁾ Известный специалист по истории развития заработной платы в Англии Джемс Т. Роджерс по поводу «Прогресса рабочих классов» *Гиффена* говорит: «A great deal of what Mr. Giffen has collected by way of material for his conclusions is of very unequal value. Many of his inferences are perhaps too hopeful, many of his economical principles are of very doubtful cogency, and I have, indeed, read nothing lately, the results of which are more open to debate and discussion» (J. E. T. Rogers. Six Centuries of Work and Wages. The History of English Labour. London 1894, стр. 9).

в росте материального богатства за последние 50 лет; в такой ли, как и класс капиталистов, большей или меньшей. Для решения первого вопроса автору приходится иметь дело с изменениями заработной платы, приходящейся на голову рабочего за 50 лет, и сопоставлением этих изменений с колебанием цен на предметы народного потребления в течение того же периода. Во втором случае *Гиффен* исследует факты распределения общественного (национального) дохода, имевшие место за последние 50 лет (1843—1883).

Для определения изменений в среднем уровне индивидуальной заработной платы *Гиффен* прибегает к материалам Board of Trade («Miscellaneous Statistics of the United Kingdom») и данным *Портнера* в «Progress of the Nation». На основании этих данных он устанавливает движение недельной заработной платы за 50 лет для плотников и каменщиков Манчестера и Глазгова, углекопов Стаффордшира и для некоторых категорий рабочих текстильной промышленности Геддерсфильда и Брэдфорда. Выводы *Гиффен* получает следующие: в 16 разбираемых случаях для 12 категорий рабочих всюду наблюдается огромный рост заработной платы; в двух случаях этот рост превышает 100%, а в большинстве случаев—составляет 50—100%. Так как автор находит, далее, сокращение времени рабочего дня на 20% за рассматриваемый период, то это приводит его к дополнительному заключению относительно прироста заработной платы, а именно: он заключает, что, в круглых числах, рабочие за 50 лет выиграли в номинальной заработной плате уже не 50—100%, а 70—120%¹⁾. Этот прирост *Гиффен* вычисляет сопоставлением высоты заработной платы отмеченных категорий рабочих за 1843 и 1883 г.г., но о том, возможна ли сравнимость между этими годами и какова степень этой сравнимости, *Гиффен* совершенно умалчивает. Между тем для многих категорий рабочих 1843 год был исключительно неблагоприятным, тяжелым годом²⁾. Но и помимо этого, те немногие категории рабочих, которые *Гиффен* берет лишь для пяти различных местностей страны, не могут служить типическими, и на основании изменений заработной платы этих рабочих категорий заключать о состоянии заработной платы всего рабочего класса Соединенного Королевства не было достаточно надежного основания. Наконец, тщательная критика цифр *Гиффена*, сделанная *Шиппелем*, показала, что даже в пределах, ограниченных немногими отраслями промышленности и узкими рамками пространственных условий, *Гиффен* допускает приемы исследования, которые лишают его обобщения строго научного значения: для Стаффордширских рудокопов *Гиффен* берет максимальную плату взрослых мужчин, которую не получила и половина взрослого рабочего рудников населения Англии, не говоря уже о заработках несовершеннолетних; для Геддерсфильдских ткачей *Гиффен* берет заработную плату, которую имели едва 1/2% всех ткачей той местности, и опять-таки в сторону максимума; в других случаях *Гиффен* за общую заработную плату принимает плату мужчин там, где последние составляли не более 1/4 всего состава рабочих³⁾. Придя при помощи подобных приемов к общему выводу об увеличении заработной платы для рабочих всей страны за 50 лет, составляющем в среднем 50—100%, *Гиффен* приступает с таким выводом к анализу цен и движения их с 1843 года, чтобы учесть

¹⁾ Giffen R. The Progress of the working Classes, ibid., стр. 375.

²⁾ См. James E. Thorold Rogers. Six centuries of Work and Wages. The History of english Labour. Cheap edition. London 1894, Preface, стр. 9.

³⁾ Schippel M. «Das moderne Elend und die moderne Uebervölkerung». 1883, Leipzig; (русс. пер. СПб. 1902, стр. 192 и далее).

действительное изменение реальной заработной платы. В данном случае *Гиффену* представлялось еще больше трудности, так как для полного учета реальной заработной платы и ее изменений за 50 лет необходимо определить предварительно, какую часть рабочего бюджета составляет тот или иной предмет потребления, цену которого исследуют. Если, например, потребление хлеба составляет в рабочем бюджете 20% всего бюджета, то падение цены пшеницы на 50% еще не будет означать того, что покупательная сила денег или реальная заработная плата рабочих увеличилась на 50%. Отнюдь нет. Выгода для рабочего будет лишь та, что вместо 20% своего бюджета он будет тратить на хлеб, при новых условиях в цене пшеницы, лишь 10%, т.е. улучшение в его бюджете будет составлять не 50%, а всего лишь 10%. Трудности исследования увеличиваются еще тем обстоятельством, что процентное отношение различных статей потребления из года в год в рабочем бюджете изменяется: известно, что с повышением заработной платы (относительно) и культурного уровня рабочих сокращаются статьи физического содержания и вырастают (относительно и абсолютно) статьи на культурные потребности; известен также закон *Энгеля* о падении относительных расходов на питание с ростом рабочих бюджетов и закон *Швабе* о таком же относительном падении трат на квартиру ¹⁾.

Со всеми этими трудностями *Гиффен*, однако, мало считается. Он просто берет цены на главнейшие предметы питания, а также квартирные цены рабочих жилищ, для периода 1839—40 г. и 1882—83 г., и определяет за этот период их прирост или падение. *Гиффен* находит при этом, что цены рабочих квартир за 50 лет возросли на 150%, возросли цены также на мясо, но зато значительно пали на остальные предметы рабочего потребления и особенно сильно пали цены на пшеницу; в результате, по мнению *Гиффена*, рост цен на квартиру и мясо компенсируется падением их на все остальное и, следовательно, рост номинальной заработной платы остается таким же и для реальной. Нельзя забывать, прибавляет к этому *Гиффен*, что в настоящее время государство берет теперь с рабочего значительно меньше, чем 50 лет назад, а дает рабочему неизмеримо больше, чем прежде (почта, школа, фабричная инспекция, гигиенические условия жизни и проч.) ²⁾.

Чтобы парализовать резкое увеличение цен на квартиры в рабочем бюджете, *Гиффен*, между прочим, прибегает к тому приему сопоставления условий прежде и теперь, который он должен был применить ко всем статьям рабочих бюджетов: если, говорит он, принять во внимание, что квартирная плата уносит $\frac{1}{4}$ рабочего бюджета, то, при удвоившейся заработной плате, даже увеличение квартирных цен на 150% оставляет место все-таки громадному улучшению в положении рабочих за 50 лет: если рабочий прежде платил за квартиру 5 шилл. в неделю при недельной заработной плате в 20 шилл., то теперь при 40 шилл. заработка он платит $12\frac{1}{2}$ шилл. (прирост в 150%) ³⁾. Это значит, что возрастание квартирной платы в 150%, даже при остающихся неизменными всех прочих условиях, но при возрастании вдвое заработной платы, принесет рабочему все-таки улучшение в бюджете, если не на 100%, то все же в 62,5%, т.е. потеря в 150% на квартирной плате сводится лишь к 37,5%. Но, ввиду характера изменений всех других статей рабочего потребления, *Гиффен* игнорирует, как мы видели, рост цен на квартиры, так же как и на

¹⁾ См. об этом брошюру автора «Рабочие бюджеты». 1907, стр. 106—108 и друг.

²⁾ R. Giffen. Ibid., стр. 384.

³⁾ Ibid., стр. 382.

мясо, и принимает увеличение реальной заработной платы таким же, как и номинальной, т.е. в 50—100%. В дальнейшем, однако, *Гиффен* говорит уже, что заработная плата рабочих за 50 лет *удвоилась* ¹⁾, а несколько позднее, в другой своей работе, составляющей продолжение первой, автор приходит уже к выводу, что «положение рабочих в Соединенном Королевстве в среднем улучшилось за последние 50 лет не только на 100%, но выше 100%» ²⁾. Объяснение для таких выводов, которые содержат в себе много больше того, чем заключается в предпосылках, можно найти лишь единственно в излишнем оптимизме *Гиффена* ³⁾.

Таковы выводы и аргументация их у *Гиффена* по первому вопросу о росте реальной заработной платы за 50 лет. После чрезвычайно тщательных и осторожных работ *Боули* об изменении реальной заработной платы в Соединенном Королевстве в течение 19 столетия, есть возможность точно установить, насколько преувеличен был учет *Гиффена*. *Боули* дает следующую таблицу реальной заработной платы для Соединенного Королевства ⁴⁾.

Таблица 17.

	Средняя реальная заработная плата, в процентах к уровню 1900 года.									
	Годы (около).									
	1830	1840	1850	1860	1870	1875	1880	1885	1890	1895
Реальная зараб. плата . . .	45	50	50	55	60	70	70	72	84	93
	100									

Мы видим из этой таблицы, что за период 1840—1880 г. г., с которым главным образом имеет дело *Гиффен*, реальная заработная плата в Соединенном Королевстве возросла с 50 до 70, т.е. всего на 40%, а не *вдвое*, как заключал, даже вопреки собственным данным, *Гиффен*.

Второй вопрос, который ставит предметом своего исследования *Гиффен*, это вопрос о взаимоотношении доходов рабочих и имущих классов, имевшем место «прежде и теперь», т.е. в 1883 году и 50 лет назад, и росте их долей в общем национальном доходе. И в данном случае приемы *Гиффена* не стоят на высоте строго-научного анализа, что вполне понятно, если принять во внимание, что в решении этого вопроса открывалось много больше трудностей, чем при решении первого вопроса. Дело шло уже об учете долей социальных классов в национальном доходе, а не только об изменении индивидуальных

¹⁾ R. Giffen. The Progress of the working classes, стр. 403, также 405.

²⁾ R. Giffen. Further Notes on the Progress of the working classes. 1885, стр. 465 (Essays of Finance, Second Series, Third edition, XI, London 1890).

³⁾ Этот излишний оптимизм *Гиффена* и его слишком обобщающие заключения и выводы отмечает и Stephen в «Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter mit besonderer Berücksichtigung der Veränderungen ihrer Lebenshaltung. 1900—1905. III. Bd. стр. 176—179.

⁴⁾ A. L. Bowley. National Progress in Wealth and Trade since 1882. London 1904, стр. 33.

доходов. Необходимо было определить не только общую сумму национального дохода для двух взятых периодов, но и общую сумму доходов важнейших классов, т.е. по крайней мере двух классов: рабочих и капиталистов-собственников. Как же разрешает *Гиффен* эту трудную и сложную задачу? Результат исследований его следующий: хотя доходы от капитала и увеличивались со времени 40-х годов, и есть основание думать, что их увеличение за 50 лет не меньше 100%, но вместе с тем нарастало число богатого населения, и в результате—прирост доходов от капитала разливался в массе богатых лиц; эта «диффузия» богатства парализовывала, по мнению *Гиффена*, нарастание доходов от капитала и вела к тому «утешительному» результату, что на голову капиталистического класса капитал увеличился за 50 лет не больше, как на 19% (в Англии) и 15% в Соединенном Королевстве, в то время как заработная плата на голову рабочего класса увеличилась за это время на 50—100%; чтобы «доля капитала» удвоилась, нужно было, чтобы капитал увеличился не на 100%, а по крайней мере на 200%; в 1843 году, по данным *Гиффена*, доход от капитала составлял не больше 190 милл. фунтов ст., в то время как весь национальный доход—515 милл. ф. ст.; в начале 80-х годов сумма доходов от капитала возросла до 400 милл. ф. ст., в то время как национальный доход—до 1.200 миллионов; но, чтобы капиталистический класс участвовал в одинаковой степени с рабочими в прогрессе национального богатства, доходам капиталистов нужно было возрасти не менее, чем до 800 миллионов; а так как этого не было, то, можно сказать, «весь почти колоссальный прогресс в материальном богатстве за последние 50 лет достался рабочим массам; доля капитала была весьма незначительна»¹⁾; «богатых», таким образом, оказалось больше, но индивидуально они не сделались богаче; «бедных», наоборот, стало меньше; но кто и остался «бедным» (*Гиффен* слово «poor» берет здесь в кавычки), живет теперь вдвое лучше, чем 50 лет назад; «бедные», таким образом, получили себе почти всю выгоду огромного материального прогресса за последние 50 лет»²⁾.

Итак, вопрос о доле капитала и доле рабочих *Гиффен* разрешает в сторону последних: капиталисты, как оказывается, ничем или почти ничем не воспользовались в экономическом прогрессе за столетие. Но, чтобы получить такой вывод, *Гиффен*, как можно убедиться из приведенных рассуждений его, прибегает к подмену понятий: вопрос о доле капиталистов и рабочих в национальном доходе, в конце концов, у него превращается в вопрос о среднем размере индивидуальных доходов от капитала, на голову класса капиталистов, и среднем уровне индивидуальной заработной платы, т.е. платы на голову рабочего. Социальная доля у него превращается в индивидуальную и наоборот, смотря по удобству получения желательных выводов. Таким подменом понятий, смотря по удобству позиции, *Гиффен* пользуется и в других случаях. Так, когда ему пришлось, для доказательства своей теории диффузии богатств, обратиться к статистике имуществ, оставленных по завещанию, за 1838 и 1882 год, *Гиффен* сливает в одну общую массу все имущества: и крупные, и мелкие, и средние, приписывая всю наследственную массу целиком классу капиталистов; благодаря этому прирост крупных индивидуальных состояний расплылся в массе мелких, и средняя на одно завещание,

¹⁾ R. Giffen. The Progress of the working Classes, стр. 403. (Essays in Finance, Second Series. Third edition, London 1890).

²⁾ Ibid, стр. 405.

за период 1838—1882 г.г., оказалась незначительной в своем приросте. Этот вывод и привел *Гиффена* к вышеотмеченному положению, что «доходы от капитала» (уже не имущества, а доходы!), *per capita* капиталистов, прирастали чрезвычайно медленно и составляли весьма незначительную «долю» в общем приросте национального дохода, сравнительно с сильно растущими доходами рабочих. Но несколькими страницами далее, когда *Гиффен* определяет общую сумму дохода от капитала в национальном доходе и рабочий доход, по данным подоходной статистики, и когда ему важно было как можно более увеличить последнюю сумму и уменьшить первую, он поступает уже наоборот: из суммы доходов класса собственников-капиталистов вычитает все мелкие и средние доходы, вплоть до предпринимательской прибыли и жалованья администрации и служащих, и относит их уже к рабочим доходам, так как здесь автор не задается целью искать средней *per capita*, считая последнюю цель разрешенной в предыдущем; благодаря этому, напр., из шедулы *Д Гиффен* переводит к «рабочим доходам» 40%—50%, а шедулу *Е* всю целиком ¹⁾. В результате таких приемов рабочий класс оказывается у *Гиффена* обладателем такого количества миллионов, которое во много раз превышает сумму доходов капиталистов и которое рабочим, вероятно, и не снилось: в 1881 году из национального дохода в 1.200 милл. фунтов рабочий доход оказался, по *Гиффену*, равным 800.000.000 ф. ст., а доход от капитала—только 400.000.000 ф. ст. *Леви* определяет доход рабочих классов, как мы видели, для 1882—83 года лишь в 521.000.000 ф. ст., хотя сюда входило и содержание полиции, солдат и матросов, и жалованье почтовых служащих и мастеров, и заработок прислуги, и пр.

Несмотря на довольно энергичную критику, которую встретил *Гиффен* по адресу своего «Прогресса рабочих классов», через три года, в новой статье, также читанной в Статистическом Обществе и служившей продолжением первой, *Гиффен* повторяет свои прежние выводы как относительно роста индивидуальной заработной платы, так и относительно изменения долей рабочих и классов капиталистов в национальном доходе ²⁾. Первое положение о приросте индивидуальной заработной платы за 1843—1883 г.г. на 50%—100% он подкрепляет новыми изысканиями на почве старых приемов, говоря уже теперь об увеличении заработной платы не в 50—100%, и не вдвое, а более, чем вдвое ³⁾. Что же касается второго вопроса, об изменении отношений к национальному доходу, то *Гиффен* ничего нового не дает. Он пользуется теперь лишь таблицей распределения национального дохода, составленной *Бакстером* для 1867 года, исправляет ее и интерполирует ее данные для получения цифр 1883 года. Такая интерполяция менее всего уместна в данном случае, тем более, что совершает ее автор на основе установленного им самим прироста индивидуальной заработной платы с 1843 года и роста населения. Мы уже видели, по данным *Боули*, как неверен коэффициент прироста заработной платы, вычисленный *Гиффеном*, и уже одного этого достаточно для того, чтобы считать таблицы распределения *Гиффена* лишенными точности. Еще более вызывает сомнение составленная *Гиффеном* таблица доходов для 1843 года по дан-

¹⁾ R. Giffen. The Progress of the working Classes, см. таблицу на стр. 402; те же цифры, но в своеобразно округленном виде, в таблице № 23.

²⁾ R. Giffen. «Further Notes on the progress of the working Classes». Statistical Society's Journal, March, 1886. А также «Essays in Finance», Second Series, XI, third Edition, London 1890.

³⁾ Ibid., стр. 463 и на стр. 465.

ным, установленным автором еще в первой статье и служащим ему теперь лишь для некоторых деталей, в частности, для выделения из суммы «рабочих доходов» с одной стороны — «капиталистических рабочих доходов» и с другой стороны — доходов «ручных рабочих». В результате автор остается при своих старых выводах.

Книга «Прогресс рабочих классов» *Гиффена* явилась отражением блестящего расцвета английской промышленности, с конца 50-х и до второй половины 70-х годов, и, естественно, проникнута оптимизмом в высокой степени. Устанавливая свои тенденции в развитии распределения, *Гиффен* развивал, как мы видели, идею *диффузии*, доказывая, что, несмотря на рост доходов от капитала, средний доход капиталистов возрастает весьма незначительно, ввиду быстрого роста числа богатых людей (капиталистов), между которыми растущая громадная масса капитала распыляется. Эту идею диффузии богатства ставит предметом своего специального исследования *Гошен*, в «The Increase of moderate Incomes» («рост средних доходов»), прочитанном в виде инаугуральной речи в Статистическом Обществе, в декабре 1887 г.¹⁾

Проблема диффузии, или — в обратном значении — концентрации богатства, близко соприкасается с проблемой взаимоотношения долей. Хотя в первом случае предметом исследования является изменение индивидуальных доходов, приходящихся на голову класса капиталистов и рабочих, а во втором дело идет только о взаимоотношении долей между классами, тем не менее то и другое тесно связано: если средние индивидуальные доходы рабочих постепенно растут, и их рост превышает относительный рост средних доходов *per capita* капиталистов (как представлял себе *Гиффен*), то, в конце концов, и рабочие и капиталисты приближаются в своих индивидуальных средних доходах к *социальной средней* национального дохода; при этих условиях, как бы мы ни представляли себе неравенство в росте населения в различных классах, классовые доли в национальном доходе должны выравниваться. Но это наступит только при наличии опять-таки известных предпосылок. Возможны случаи, когда и число капиталистов увеличивается, и их индивидуальный доход на голову прирастает медленнее, чем индивидуальная заработная плата, но, тем не менее, тенденции выравнивания долей и, следовательно, социального положения классов не будут иметь места. Так, наприм., при росте средних классов и их умеренных доходов рост социального неравенства может оставаться в полной силе, и «диффузия» может оказаться здесь иллюзорной²⁾.

С средними классами и их «умеренными» доходами и имеет дело *Гошен*. До него внимание сосредоточивалось исключительно на исследовании изменений доходов класса капиталистов вообще и доходов рабочих. *Гиффен*, когда говорил о диффузии, не имел в виду собственно средних классов, а говорил вообще о нарастании числа капиталистов и капиталистических имуществ и более медленном приросте индивидуальных доходов на голову в классе капиталистов, чем индивидуальной заработной платы. С идеей диффузии в постановке *Гиффена* связывалось несоответствовавшее ходу исторического развития представление, согласно которому, рано или поздно, капиталистический класс

¹⁾ G. J. Goschen. «The Increase of moderate Incomes». Journal of the Royal Stat. Society. Dec., 1887, стр. 589—612.

²⁾ Этот случай подробно и с исчерпывающей вопрос массой данных представлен и разобран у Н. Бельтова в его богатой по содержанию статье в «Критике наших критиков». Спб., 1906. («Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития», стр. 46—64).

перерастает рабочее население в своей численности, а индивидуальная заработная плата перерастает средний доход капиталистов *per capita*. Идею диффузии *Гошен* строит в другом смысле: он обращает ее, главным образом, на средние классы.

Категории средних классов *Гошен* придает «огромное социальное и политическое значение, которое более и более возрастает»¹⁾. Неизменное действие экономических законов, при системе коммерческой и промышленной свободы, приводит, по мнению *Гошена*, к тому, что средние классы противостоят всяким неблагоприятным течениям в современном хозяйстве; «умеренные» доходы возрастают даже в периоды хозяйственных кризисов, а численность самого среднего класса продолжает неуклонно увеличиваться. Этот рост средних классов, вместе с нарастанием «умеренных» доходов, *Гошен* и считает главным признаком выравнивания богатств, молчаливой автоматической социализацией общества, растущей диффузией богатств, источником роста комфорта и улучшения общих жизненных условий для все большей и большей массы населения. Что такая диффузия богатств является важнейшим признаком социального выравнивания обществ, для *Гошена* нет ни малейшего сомнения: раз вырастают и крепнут, несмотря на все препятствия, средние слои населения, то, в каких бы взаимоотношениях ни находились крайние слои с их доходами, это, по его представлению, не изменит картины прогрессирующего народного благосостояния, как главного центра, как базы, по которой направляется общественная эволюция. Весь вопрос сводится для *Гошена* лишь к фактическому доказательству существования диффузии богатств, как «реального факта нашей эры»²⁾. Эти фактические доказательства роста «умеренных» доходов *Гошен* ищет в статистике подоходного обложения своей страны, при чем особенное внимание он обращает на определение числа средних доходов ни в одной шедуле *D*, где представлены, главным образом, доходы промышленные, но и в других шедулах и особенно шедуле *E*. Весь фактический материал, на котором строит *Гошен* свою теорию диффузии, сводится к данным 1877 и 1886 года, при чем он констатирует на основании этих данных: во-первых, рост акционерных предприятий (в которых он видит тенденцию к сокращению концентрации капиталов в производстве); во-вторых, рост жилых домов с средней стоимостью, превышающей рост домов других категорий; и, наконец, в-третьих,—на чем *Гошен* сосредоточивает все внимание,—более быстрый рост числа лиц с умеренным доходом (от 150 ф. ст. до 1.000 ф. ст.), сравнительно с числом лиц, обладавших крупными доходами (свыше 1.000 ф. ст.) (по шедуле *D*), за период 1877—1886 г.г. По данным, приводимым *Гошеном*, оказывалось, что за 1877—86 г.г. число оценок с умеренными доходами возросло на 19,2%, в то время как число оценок крупных (свыше 1.000 ф. ст. в год) сократилось на 2,4%. За тот же период число акционерных компаний возросло на 92%, а число оценок под шедулой *E* (за исключением лиц, занятых на общественной службе), увеличилось с 1877 к 1886 году на 48,4% (с 78.224 до 115.964). Что касается быстрого роста акционерных компаний за период 1877—1886 г.г., то, во-первых, причиной его могли быть и были обстоятельства, лежавшие в области законодательной; во-вторых, рост акционерных предприятий не только не говорит о диффузии, но, напротив, является формой, в которой совершается особенно легко и быстро концентрация капиталов, собирающихся и стекаю-

¹⁾ G. J. Goschen. «The Increase of Moderate Incomes»; *ibid.*, стр. 591.

²⁾ *Ibid.*, стр. 605.

щихся даже по самым мелким каналам капиталистического общества. С другой стороны, на данных 10 лет вообще весьма рискованно строить экономические законы и предрешать ход развития хозяйства. Это особенно приложимо к явлению прироста мелких и средних капиталистов сравнительно с крупными. Период 1877—86 г.г. мог быть исключительным периодом в развитии английского капитализма, и, действительно, это были как раз годы неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры. Кроме того, английская подоходная статистика, давая числа оценок, далеко еще не говорит этим и о числе лиц, подвергшихся обложению в той или иной группе доходов; более быстрый рост индивидуальных оценок среди мелких и средних доходов, сравнительно с оценками крупных, о которых говорит *Гошен*, еще не свидетельствует непосредственно о росте индивидуальных капиталистов мелкого и среднего ранга, сравнительно с крупными. Наконец, — что для нас является наиболее важным отметить здесь, — метод, которым пользуется *Гошен* для получения картины движения доходов среди разных групп населения, является совершенно неудачным и в настоящее время он уже многими экономистами осужден, как негодный метод, искажающий действительную картину распределения доходов. Ниже мы будем об этом говорить подробнее (см. главу 10).

За 80-ми годами в английской промышленности последовал снова период благоприятного развития. Вместе с тем на некоторое время снова замолкает то оживление экономической мысли к проблеме распределения долей, которое вспыхнуло так ярко в период социальной ломки и социального брожения английской жизни 80-х годов. Но толчок был сделан. На него не могла не отозваться и официальная статистика, в которой ясно вскрылась полная неспособленность к освещению важнейших сторон и отношений хозяйственной жизни, полное почти отсутствие материала по вопросу об учете массы заработных плат в стране и далеко не достаточный материал, большею частью случайного лишь характера, по регистрации индивидуальных заработных плат для различных категорий рабочих данной территории. Необходимость специального бюро труда сказалась особенно сильно, и в 1886 г. депутат *Bradlaugh* горячо оспаривает в парламенте идею специального статистического учреждения для исследования условий труда. Последнее учреждается в том же году, и *Гиффен* приглашается заведующим. В том же году предпринимается перепись заработных плат в стране (*Wage Census*), которая является единственной в своем роде (после американских цензов) попыткой произвести учет суммы заработной платы всего Королевства, по отдельным производствам и в один и тот же момент времени¹⁾.

Этот «ценз» заработной платы не достиг цели учета суммы рабочего дохода в стране. В сущности, он являлся не столько переписью, сколько анкетой, и обнимал далеко не всю массу наемных рабочих, живущих на заработную плату, а лишь рабочих более или менее крупных производств; рабочие в мелких предприятиях в учет не попадали; и около 25% числа рабочих всех обследованных 38 промышленных ветвей не было зарегистрировано. Но зато ценз достиг второй цели: он дал материал довольно высокого достоинства для определения высоты индивидуальных плат самых различных рабочих категорий по всем районам и местностям, и этот материал

¹⁾ Результаты этого *Wage Census* опубликовывались в течение 1889—1893 г.г. под общим названием «*Rates of Wages in the United Kingdom in 1896*» и вышли в 5 томах. Последний том содержит общие итоги исследования (*General Report on the Wages of the Manual Labour Classes in the United Kingdom, 1893* (C.—6889).

лег в основу всех последующих учетов изменения уровня индивидуальных заработных плат из года в год. В конце концов, Соединенное Королевство стало обладать весьма ценным материалом по вопросу о высоте заработных плат для различных категорий труда и в различные годы. Эти материалы нуждались в научной и обстоятельной разработке. С конца 90-х годов и особенно со второй половины 1900-х за такую научную разработку индивидуальных заработных плат принимается в Англии ряд лиц, экономистов и статистиков, среди которых первое место принадлежит *Боули* (Bowley) и *Вуду* (Wood) ¹⁾.

Боули не ограничивается одним лишь сведением в одно целое истинного хода развития индивидуальных заработных плат, или, как англичане выражаются, «норм» заработной платы. Он пытается вместе с тем дать учет и массы заработных плат, как суммы доходов всего рабочего класса, и определить отношение этой массы ко всему национальному доходу. Начиная с 1895 года, *Боули* неуклонно исследует проблему рабочих доходов, давая ряд исследований в этом направлении в 1900, 1904, 1909, 1910 годах. Ко времени 1900-х годов учет социальных долей в национальном доходе Англии стоит в связи с «*Tarif Reform*», явившейся в результате серьезных угроз английскому хозяйству со стороны сильных конкурентов в лице Германии и Соединенных Штатов. «*Tarif Reform*», направленная на вовлечение Англии в системы свободной торговли на путь покровительственной политики, затрогивала слишком глубоко интересы широких масс населения и особенно рабочего класса, чтобы общественная мысль и наука могли оставаться равнодушными к новой эпохе промышленного развития Англии. И как в 80-е годы, так и теперь центральным пунктом исследований снова стал вопрос о взаимоотношении долей, о картине распределения национального дохода, о доле рабочих в общественном прогрессе.

«Из всех экономических и социальных вопросов, выдвигающихся теперь на очередь, нет—говорит *Боули*—более спорного и так различно разрешаемого, а в то же время так нуждающегося в правильном разрешении, как вопрос: кто больше всего выигрывает в развитии промышленной жизни? те ли, кто живет на проценты и прибыль, или те, кто получает заработную плату?» ²⁾

¹⁾ Сам автор разработки и организации Wage Census, Г и ф ф е н, исходя из собранных материалов ценса, дает следующую таблицу для общей суммы заработных плат в Соединенном Королевстве, за 1886 год:

	Число рабочих.	Средняя годовая заработная плата.	Сумма заработной платы.
Мужчины	7.300.000	£ 60—0—0	£ 439.000.000
Женщины	2.900.000	40—0—0	118.000.000
Мальчики	1.700.000	23—8—0	46.000.000
Девочки	1.260.000	23—0—0	29.000.000
	13.160.000	£ 48—0—0	£ 632.000.000

(В показании перед Labour Commission, в январе 1893 года. Ср. 7063, I, стр. 472, вопросы 6909—6914).

²⁾ A. L. Bowley. Changes in Average Wages (nominal and real) in the United Kingdom between 1860 and 1891. (Читано в Корол. Стат. Обществе 19 марта 1895 г.). Journal of the Stat. Society. June 1895, стр. 224.

В решении этого вопроса *Боули* видит три важных для исследования стадии: первая стадия—найти действительное изменение всей суммы выплаченных в известный период времени заработных плат и среднюю денежную заработную плату, равным образом также и изменение всей массы получаемой прибыли и процентов и средний доход нации как одного целого; вторая стадия—найти изменения в покупательной силе денег как для рабочих, так и для богатых классов, и третья стадия—проследить улучшения в области труда и окружающих условий рабочей жизни в смысле, главным образом, продолжительности рабочего времени, напряженности труда, регулярности и прочности заработка, свободы личности рабочего и проч. В последней стадии вопроса *Боули* признает за необходимое не ограничиваться исследованием общих условий рабочей жизни, а проследить изменения труда отдельно для взрослых рабочих—мужчин, детей и женщин, и равным образом для квалифицированных рабочих и неквалифицированных. *Боули* ограничивается исследованием первой задачи. Следуя *Леви*, *Бакстеру* и *Гиффену*, *Боули* в основу учета национального дохода кладет оценку *Income Tax*, вводя для усакальзывающих от обложения доходов по шедуле Д прибавку в 20% и особенно тщательно учитывая прибыли от капиталов, вложенных за границей, обыкновенно также не попадающих в значительной своей части в оценку для обложения. Для учета доходов, подлежащих обложению по *Income Tax* за разные года, *Боули* находит следующие цифры (в миллионах фунтов стерлингов)¹⁾ (см. табл. 18).

Большие затруднения для учета национального дохода представляют суммы доходов, по своему характеру одинаковых с теми, которые под разными шедулами вошли в оценку, но изъяты от обложения, как не достигающие установленного предела для обложения. *Бакстер* определяет эти доходы для 1861 года в размере $\frac{1}{5}$ всей оцененной суммы. *Боули* считает такой размер для 1891 года слишком высоким и берет всего одну шестую ($\frac{1}{6}$) часть. Что же касается части, недостающей в подоходной статистике, именно—суммы доходов рабочих классов, то и здесь *Боули* следует уже выработанному до него методу *Леви*: он прежде всего определяет число рабочих в год ближайшей переписи и полученное число дополняет путем интерполяции; затем данное число перемножает на установленную предварительно среднюю годовую заработную плату. Для установления размера последней *Боули* производит тщательнейшее исследование относительного изменения индивидуальной заработной платы для разных категорий рабочих отдельных отраслей промышленности, с 1860 по 1891 г.г. Это исследование, результаты которого *Боули* приводит в особой таблице²⁾, послужило исходным пунктом для всех дальнейших работ как самого *Боули*, так и всех других исследований Англии новейшего времени. В этом исследовании автор следует методу, укрепившемуся главным образом в Англии, который *Боули* называет «кинетическим». Особенность его в том, что главное внимание обращается не на абсолютные размеры индивидуальных заработных плат, а на их относительное изменение из года в год или от периода к периоду: при этом в основу берется одинаковый вид труда, одинаковый способ оплаты его, одинаковые условия работы, одна и та же местность, для различных лет; из полученных таким путем данных не выводится типическая абсолютная средняя, а вычисляется лишь относительное изменение из года в год, которое и берется общим типическим показателем

¹⁾ A. L. B o w l e y. Changes in Average Wages... стр. 245.

²⁾ Ibid., стр. 243, таблица V.

изменения заработных плат вообще для определенных категорий рабочих в данной области. «Вместо того, чтобы сравнивать абсолютные уровни действительных заработных плат, *Боули* сравнивает только степени возрастания», — так определяет метод *Боули Майо-Смит* ¹⁾.

Таблица 18.

Г о д ы.	1860	1866	1870	1874	1877	1880	1883	1886	1891
Валовой доход, оцененный для обложения	322	413	444	543	570	576	612	629	698
Прибыли по шед. D, ускальз. от оценки	15	22	25	33	33	32	35	35	38
Прибыли от заграничных вкладов, ускальзывающие	39	50	52	59	49	44	49	51	46
Всего	376	485	521	635	652	652	696	715	782

Получив из анализа отдельных индивидуальных заработных плат изменения для средней индивидуальной платы, *Боули* от средней индивидуальной переходит к определению всей массы заработной платы для данного периода времени и таким образом получает сумму доходов рабочих всей страны. В основу абсолютного уровня средней заработной платы per capita *Боули* берет величину, установленную *Гиффеном* для 1886 года, по данным Wage-Census составляющую 48 ф. ст. в год. И уже отсюда, применяя свою таблицу относительного изменения заработных плат с 1860 по 1891 год, автор находит абсолютные средние для соответствующих лет ²⁾.

Выводы, к которым приходит автор, заслуживают большого внимания. Они могут быть вкратце представлены в следующей таблице ³⁾ (см. табл. 20).

Данные, к которым приводит исследование *Боули*, определенным образом устанавливают закон падения заработной платы, как доли рабочих в общественном доходе. В 1860 г. доля рабочих в национальном доходе составляла 47% национального дохода, в 1891—лишь 43½%, между тем как индивидуальная заработная плата, взятая в среднем, возросла за это время на 40%; число рабочих также возросло на 27%, все же население на 32% ⁴⁾.

¹⁾ A. L. Bowley. Wages in the United Kingdom in the Nineteenth Century. Notes for the Use of Students of Social and economic questions. Cambridge 1900, стр. 3.

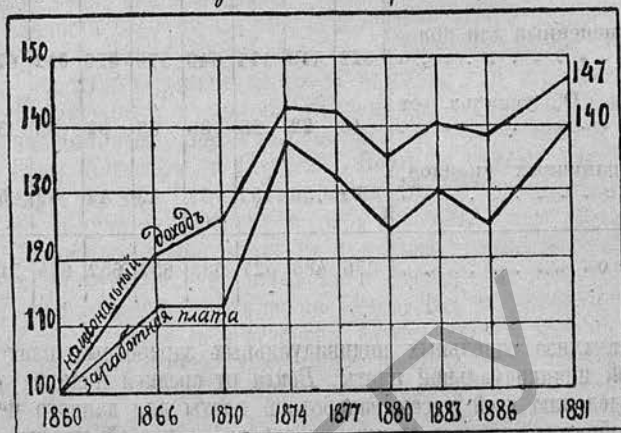
²⁾ Приводим таблицу *Боули* из «Changes in average Wages etc.», (стр. 243) относительного изменения заработной платы в Соедин. Королевстве, 1860—1891 г.г. (см. табл. 19).

³⁾ Сокращенное извлечение из таблицы *Боули* в «Changes in Average Wages etc.», стр. 248.

⁴⁾ Отношение количества рабочих к общему населению страны представляет слабое место в исследовании *Боули*. Прирост рабочего населения из года в год он берет в определенной фиксированной пропорции, имевшей место в данных *Леви* и *Бакстера*; благодаря этому, прирост к 1891 году оказался ниже прироста населения, что едва ли соответствует действительности.

Вторую особенность, отмечаемую *Боули*, составляют его данные о средней всего общественного дохода и индивидуальной заработной платы. Оказывается, что эти величины идут не параллельно, но средняя заработная плата значительно отстает. Графически *Боули* изображает это положение в следующей диаграмме, составленной на логарифмической шкале.

Диаграмма 1
Изменение индивидуальной заработной платы и национального дохода на голову Соединенное Королевство 1860-1891 (Боули)

Это расхождение между двумя линиями, резко выраженное на чертеже, расхождение, растущее из года в год, показывает, что хотя индивидуальная средняя заработная плата и тянется вслед за ростом социальной средней общественного дохода, но ее рост не поспевает за ростом последней. Это означает, что рабочий постепенно отстает от пользования теми культурными завоеваниями, которыми обладает общество по мере общественного прогресса.

Для новейшего времени имеется довольно обстоятельный учет национального дохода Соединенного Королевства, в связи с учетом долей в нем общественных классов, сделанный *Чиозой Монни*. *Чиоза Монни* обращает внимание на то, что в Англии, благодаря своеобразной политике и принципу *laissez faire*, занимались вообще мало вопросом об экономическом положении страны и взаимоотношении классов. «Проходила длинная серия министров финансов—говорит *Чиоза Монни*—и никто из них не занялся вопросом о национальном доходе и о том, как этот доход распределяется» ¹⁾. В результате *Чиоза Монни* констатирует отсутствие официальной английской статистики относительно распределения богатств. «Пролить некоторый свет на крайности неравенства в национальной структуре Англии» *Чиоза Монни* пытается в «*Riches and Poverty*», в 1905 году, путем использования материалов переписей, статистики заработной платы, статистики *Income Tax*, материалов по оценке жилых строений и многих других ²⁾. Что касается данных заработной платы, то материалы,

¹⁾ L. G. Chiozza Money. La distribution de la richesse en Angleterre. (Revue économique internationale, 15—20 oct. 1908).

²⁾ L. G. Chiozza Money. Riches and Poverty (1910). (Первое издание в окт. 1905 г.). Tenth and revised edition. London 1911.

собранные и разработанные Board of Trade, в основе которых лежит Wage Census 1886, *Чиоза Монн* находит далеко не удовлетворительными, с массой недостатков, принуждающих к крайне осторожному обращению. В статистике Income Tax главнейшие затруднения лежали для *Чиоза Монн* в определении числа лиц, обладающих доходом данной категории,—затруднение, обычное, как мы уже говорили, для английской системы подоходного налога. Ввиду этого *Чиоза Монн* обращает особое внимание на учет числа лиц, принадлежащих к тому или иному классу, по экономической состоятельности. В этих целях он следует уже выработанному методу *Леви-Бакстера*, обращаясь для определения числа лиц разных категорий среди богатых классов к статистике по оценке жилых строений. Получивши таким путем приблизительный учет лиц с крупными доходами, для лиц с мелкими доходами он находит другой прием. Именно, для автора открывалась возможность определить число лиц этой категории по данным статистики вычетов (abatements), допускаемых в виде льготы для плательщиков с доходами от 160 ф. ст. и до 700 ф. ст., при условии показания каждым заинтересованным лицом своих индивидуальных доходов. При действии таких льгот в течение продолжительного периода, невозможно было ожидать, чтобы кто-нибудь из мелких плательщиков не пожелал воспользоваться своим правом на вычет. В результате появилась полная статистика субъектов-плательщиков, обладающих доходами не свыше 160—700 ф. ст. Общее же число лиц, принадлежащих к тому или иному экономическому классу населения, *Чиоза Монн* определял, прибегая к показателю, равному 5, означавшему, что на одного плательщика приходится в каждом классе 4 несамостоятельных члена семьи.

Категорию лиц с доходами, не достигающими 160 ф. ст., *Чиоза Монн* разбивает на две группы: группу рабочих в собственном смысле, manual labourers, и группу лиц с мелкими доходами, не имеющих характера рабочих, как таковых, куда автор зачисляет мелких торговцев, приказчиков, мелких торговых агентов, писцов, учителей, фермеров, пенсионеров и т. п. Для определения доходов рабочих в собственном смысле *Чиоза Монн* обращается к данным, собранным для 1886 года Wage Census и показаниям, сделанным *Гиффеном* перед Labour Commission в 1893 году, при чем норму годовой заработной платы, установленную для 1886 г. *Гиффеном* (48 ф. ст. в год), *Чиоза Монн* считает слишком высокой, благодаря недостаточному сокращению *Гиффеном* рабочего года на рабочие прогулы, безработицу, болезни, праздники etc.; *Чиоза Монн* кладет в основу учета национальной заработной платы в Соединенном Королевстве рабочий год, равный лишь 46 неделям, пользуясь с этой поправкой данными Wage Census (1886) и перевода суммы этого года для новейших лет при помощи индексных чисел, устанавливаемых для заработных плат в Board of Trade ¹⁾.

На основании всех этих данных и при условии указанных поправок *Чиоза Монн* приходит к следующей таблице ²⁾ (см. таблица 21):

В результате,—говорит *Чиоза Монн*,—можно видеть, что за пять лет богатые классы увеличили свою долю в национальном дивиденде, в то время как доля беднейших групп населения относительно сократилась. В первом и последнем периоде $\frac{1}{8}$ населения обладала больше $\frac{1}{2}$ всего национального дохода, и более $\frac{1}{3}$ всего дохода страны находилось в руках $\frac{1}{13}$ населения.

¹⁾ L. G. Chiozza Money. Riches and Poverty. 10-е изд., London 1911. стр. 24—26.

²⁾ Ibidem, стр. 50.

Таблица 19.

Группы производств.		1860	1866	1870	1874	1877	1880	1883	1886	1891
Текстильная промышл.	заработная плата	60 $\frac{1}{2}$	75	75	88	88	82	87 $\frac{1}{2}$	83	100
	% рабочих . . .	20	20	20	20	20	21	21	21	21
Земледелие	заработная плата	92	97	98	120	122	112	107	102	108
	% рабочих . . .	34	31	29	27	26	25	25	25	24
Строительная промышл.	заработная плата	152	177	177	192	195	191	191	192	195
	% рабочих . . .	18	20	21	22	22	24	23	25	25
Каменноугольн. промышл.	заработная плата	141	146	141	211	162	141	162	141	211
	% рабочих . . .	10	16	12	13	13	13	13	13	13
Железо и сталь	заработная плата	160	180	183	205	193	189	198	193	200
	% рабочих . . .	10	10	10	11	11	11	11	11	11
Матросы	заработная плата	127	143	131	164	157	129	150	139	181
	% рабочих . . .	7	7	7	6	6	5	5	5	5
Газовое дело	заработная плата	110	127	132	138	141	141	143	143	169
	% рабочих . . .	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Взвешенная средняя		111	126	126	154	146	138	145	140	156
Та же средняя, если для 1860 г. заработная плата = 100		100	113	113	138	132	124	130	125	140

Таблица 20.

Относительное изменение национального дохода и его долей в Соединенном Королевстве, с 1860 по 1891 г.г.

Год.	Население.		Доходы населения.				Доли классов.			Средний национ. до- ход на голову.	Средняя зарабо- плата на 1 рабоч.	Процентные изменения индивид. зараб. платы 1860=100.
	Все население.	Число рабочих.	Сумма зарабо- тн. плат.	Доходы выше 160 ф. ст.	Доходы нерабо- чих, но ниже 160 ф. ст.	Весь национ. доход.	Доля рабочих.	Доля класса с доходом выше 160 ф. ст.	Доля класса с доходом ниже 160 ф. ст.			
1860	28,7	10,2	392	376	64	832	47	45 ¹ / ₃	7 ² / ₃	28,9	38,4	100
1866	29,3	10,7	464	485	81	1.030	45	47	8	31,1	43,4	113
1870	30,0	11,2	486	521	85	1.092	44 ¹ / ₂	48	7 ¹ / ₂	36,4	43,4	113
1874	32,4	11,5	609	635	100	1.344	45 ¹ / ₄	47 ¹ / ₄	7 ¹ / ₂	41,5	53,0	138
1877	33,4	11,7	591	652	130	1.373	43	47 ¹ / ₄	9 ¹ / ₂	41,1	50,7	132
1880	34,5	11,9	567	652	126	1.345	42	48 ¹ / ₂	9 ¹ / ₂	38,9	47,6	124
1883	35,3	12,2	609	696	122	1.427	42 ² / ₃	49	8 ¹ / ₃	40,4	49,9	130
1886	36,3	12,6	605	715	125	1.445	42	49 ¹ / ₂	8 ¹ / ₂	39,8	48	125
1891	37,8	13,0	699	782	130	1.611	43 ¹ / ₂	48 ¹ / ₂	8	42,7	53,8	140

Таблица 21.

Распределение британских доходов.

Классы по размерам дохода.	1903.		1908.	
	Число лиц.	Доход милл. £	Число лиц.	Доход милл. £
1. Лица с доходом выше 700 ф. ст. и их семьи	1.250.000	570	1.400.000	634
2. Лица с доходом выше 160 ф. ст. и ниже 700 ф. ст. и их семьи.	4.000.000	260	4.100.000	275
3. Лица с доходом, не превы- шающим 160 ф. ст. и их семьи.	37.250.000	880	39.000.000	936
Всего	42.500.000	1.710	44.500.000	1.844

Всю сумму национального дохода Соединенного Королевства *Чиоза Монн* определяет, таким образом, в 1.710 миллионов ф. ст. для 1903 (собственно 1903—1904) года и в 1.844 милл. ф. ст. для 1908 (собственно 1908—1909) года. Из этой суммы национального дохода на долю рабочих в собственном смысле, по учету *Чиоза Монн*, приходилось 655.000.000 фунт. ст. в 1903 и 703.000.000 ф. ст. в 1908 г. ¹⁾ В частности, весь национальный доход распадался между рабочими и нерабочими таким образом:

	1903—1904 г.	1908—1909 г.
1) лица с доходом выше 160 фунт. ст. £	830.000.000	£ 909.000.000
2) лица с доходом ниже 160 фунт. ст.:		
а) лица, живущие на мелкое жало- ванье, мелкие лавочники, тор- говцы etc.	225.000.000	232.000.000
б) наемные рабочие, живущие на зараб. плату	655.000.000	703.000.000
Весь нац. доход	1.710.000.000	1.844.000.000

Из этих данных мы находим, что доля рабочих в национальном доходе Соединенного Королевства составляла 38,3% в 1903 и 38,1% в 1908 г.г., т.е. за пять лет несколько понизилась.

С целью показать факт отставания заработной платы, сравнительно с нарастанием прибыли в Соединенном Королевстве, *Чиоза Монн* приводит любопытную таблицу движения индивидуальной прибыли и индивидуальной заработной платы за 1893—1908 г.г. Для учета первой *Чиоза Монн* берет валовую

¹⁾ L. G. Chiozza Money. Riches and Poverty. 9-е изд. London 1909, стр. 28; Idem, 10-е изд., London 1911, стр. 31.

сумму оцененного дохода по всем шедулам за каждый год, а также приблизительное число всех цензитов страны, откуда и получает среднюю прибыль per capita цензитов. Полученные средние *Чиоза Монн* переводит в относительные, принимая число 1900 года за 100, и приходит, таким образом, к ряду индексных чисел индивидуальных прибылей страны за 1893—1908 г.г. Для учета же движения индивидуальной заработной платы *Чиоза Монн* пользуется готовыми таблицами индексных чисел Board of Trade (Cd. 4954)¹⁾. В результате он получает следующую таблицу индексных чисел для прибыли и заработной платы в Соединенном Королевстве²⁾:

Таблица 22.
Движение прибыли и заработной платы в С. Н.

Г о д.	П р и б ы л ь.				Заработная плата.
	1	2	3	4	5
	Валовая сумма оцененного дохода Income Tax.	Вероятное число цензитов.	Средняя сумма доходов на 1 цензита.	Индексные числа среднего дохода 1900=100.	Индексные числа индивид. заработн. платы. 1900=100.
	£		£	%	%
1893	674.000.000	950.000	709	86,8	90,1
1894	657.000.000	960.000	684	83,8	89,5
1895	678.000.000	970.000	698	85,5	89,1
1896	705.000.000	980.000	719	88,1	89,9
1897	734.000.000	990.000	741	90,8	90,8
1898	763.000.000	1.000.000	763	93,5	93,2
1899	792.000.000	1.010.000	784	96,0	95,4
1900	833.000.000	1.020.000	816	100,0	100,0
1901	867.000.000	1.030.000	841	103,0	99,0
1902	880.000.000	1.040.000	846	103,6	97,8
1903	903.000.000	1.050.000	860	105,3	97,2
1904	912.000.000	1.060.000	860	105,3	96,7
1905	925.000.000	1.070.000	864	105,8	97,0
1906	944.000.000	1.080.000	874	107,1	98,3
1907	980.000.000	1.090.000	899	110,1	101,7
1908	1.010.000.000	1.100.000	918	112,5	101,0
Рост 1893—1908	49,8%	15,7%	29,5%	29,5%	12,0%
Рост 1900—1908	21,2%	7,8%	12,5%	12,5%	1,0%

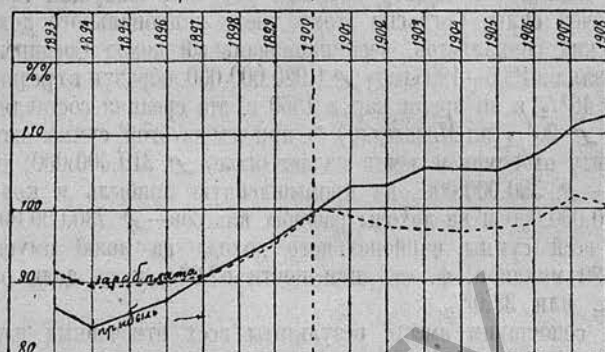
¹⁾ L. G. Chiozza Money. Riches and Poverty. 10-е изд., стр. 112.

²⁾ Ibid., стр. 112.

Отношения, получаемые в приведенной таблице, *Чиоза Монни* выражает в следующей диаграмме, наглядно рисующей нам картину расхождения прибыли и заработной платы из года в год, по мере роста богатства:

Диаграмма 2

Прибыль и заработная плата, 1893-1908.

Комментируя полученные результаты движения заработной платы и среднего уровня прибыли из года в год, *Чиоза Монни* находит, что в последние годы пропорция в национальном доходе, приходящаяся на долю труда, не поспевает за ростом пропорции капитала. В увеличивающемся продукте (доходе) труд получает все более и более уменьшающуюся долю. Серьезность положения рабочих классов — замечает при этом *Чиоза Монни* — увеличивается все растущим вздорожанием жизни, как можно видеть из следующих данных, показывающих отношение заработной платы к стоимости жизни ¹⁾:

	Индексные числа Board of Trade для движения заработной платы.	Индексные числа Board of Trade для движения цен на предметы питания в Лондоне.
1895	89,1	93,0
1900	100,0	100,0
1908	101,3	109,0
Увелич. в %	+13,3%	+17,2%

Сравнивая свои итоги с исследованием *Бакстера* в 1868 году, *Чиоза Монни* находит, что за период времени 1867—1908 г.г., т.-е. более, чем за 40 лет, «положение рабочего класса, относительно общего богатства страны, не улучшилось»: в 1867 году, по *Бакстеру*, доля рабочих в национальном доходе составляла почти 40% (именно—39,93%), в то время как, по данным *Чиоза Монни*, эта доля в 1908 году понизилась до 38,1%, хотя индивидуальная заработная плата возросла с 30 £ на голову до 46 £ 15 шилл. ²⁾.

¹⁾ L. G. Chiozza Money. Riches and Poverty, стр. 115.

²⁾ Ibid., стр. 330—331.

Отношения, которые получает *Чиоза Монти* для 1908 года, весьма близки к тем, к которым приходит социалистическая печать Англии для 1905—1906 года. Так, в «*Fabian Tracts*» № 5 (1908) мы находим учет национального дохода в Соединенном Королевстве и его долей для различных классов населения страны, сводимых, в конце концов, к двум различным половинам, на которые распадается все общество, к «двум нациям», различным и по воспитанию, и по комфорту, и по социальному обеспечению ¹⁾: классу имущих, живущих на капитал, и классу наемных рабочих, живущих продажей собственной рабочей силы. Согласно этому учету национального дохода со стороны английских социалистов, весь национальный доход Соединенного Королевства составлял в 1905—1906 году £ 1.920.000.000, образуя в среднем на голову населения £ 46¹/₂, в то время как в 1860 г. эта средняя составляла £ 26¹/₂, а в 1840 г.—£ 20¹/₂ (по *Мельхоллу* ²⁾), при чем из этой суммы национального дохода на ренту от домов и земли падает около £ 310.000.000, на проценты с капитала — £ 390.000.000, на промышленную прибыль и крупные жалованья—£ 490.000.000 и на доходы рабочих классов—£ 730.000.000 ³⁾. Таким образом, из всей суммы национального дохода на долю имущих классов выпадало 1.190 миллион. ф. ст., или почти 62,0%, и на долю рабочих—730 милл. ф. ст., или 38,0%.

Если мы сопоставим вместе результаты всех отмеченных нами исследований в Англии по вопросу о движении национального дохода в Соединенном Королевстве или учете последнего за тот или иной определенный момент, мы заметим одну общую определенно выраженную тенденцию в движении доли рабочих в национальном доходе; это—тенденция к падению ее из года в год, по мере общего роста национального богатства, по мере прироста общей суммы национального дохода. Конечно, нельзя ожидать того, чтобы полученные цифры говорили о неуклонном и правильном падении. Правильности движения и изменения долей мы не можем получить уже по одному тому, что учет за тот или иной момент или период времени представлен разными авторами, по различным источникам и нередко различными методами. Можно, следовательно, ожидать, что данные укажут лишь правильное направление в ходе долей национального дохода и, в частности, доли рабочих. При этих условиях, лишь крайние точки движения, отделенные значительным периодом времени одна от другой, могут определенно говорить нам о характере изменения социальных долей. Исходным годом можно взять или 1843 (по *Гиффену*) или 1860 г. (по *Боуми*), и в этом случае мы получаем следующую таблицу (см. таблицу 23):

Данные таблицы дают вполне определенное подтверждение вышеустанавливаемому закону падения доли рабочих в общественном (национальном) доходе и тезису, развиваемому *Марксом* и его школой, согласно которому рабочий класс, или, в широком смысле слова—массы населения, все более и более отстают в пользовании благами культуры, растущей по мере развития капитализма; данные таблицы вполне подтверждают положение социалистов, что бедные становятся с развитием общественного прогресса *относительно* еще беднее, а по адресу богатых классов поступает все большая и большая (относительно и абсолютно) часть социального дивиденда.

¹⁾ Facts for Socialists from the Political Economists and Statisticians. Fabian Tracts, № 5. Eleventh Edition (Revised). 131 st Thousand. London 1908, стр. 9.

²⁾ Ibid., стр. 2.

³⁾ Ibid., стр. 9.

Таблица 23.

Движение доли рабочих в национальном доходе Соединенного Королевства.

Год.	Авторы учета	Сумма национального дохода ф. ст.	Сумма выплаченной заработной платы ф. ст.	Доля рабочих в национальном доходе.
1843	Гиффен	515.000.000	235.000.000	45,6%
1860	Боули	832.000.000	392.000.000	47,1%
1866	Леви	961.000.000	418.000.000	43,5%
1884	Леви	1.274.000.000	521.000.000	41,4%
1891	Боули	1.611.000.000	699.000.000	42,7%
1903	Чиоза Монти	1.710.000.000	655.000.000	38,3%
1905	Facts for Socialists . .	1.920.000.000	730.000.000	38,0%
1908	Чиоза Монти	1.844.000.000	703.000.000	38,1%

Закон падения доли рабочих, как мы видим, находит себе подтверждение в исследованиях наиболее известных и выдающихся специалистов английской научной мысли, каковыми являются *Леви*, *Боули* и другие. Особенно определено устанавливается правильность этого закона и подтверждается тенденция к относительному обеднению народных масс в социальном прогрессе в учете национального дохода и его долей, сделанном в новейшее время социалистами в *Fabian Tracts* и *Чиозой Монти*, книга которого «*Riches and Poverty*» выдержала, как мы уже упоминали, десять изданий за короткое время. Нужно было ожидать, что последняя попытка вызовет против себя энергичную критику со стороны антисоциалистически настроенной части английского научного мира. Действительно, эта критика не заставила себя долго ждать.

В учете национального британского дохода и его долей можно отметить вообще два слабых пункта, на которые и направила свои удары критика. Это, во-первых, гадательность учета национальной заработной платы. *Чиоза Монти* и социалистически настроенные писатели могли впасть в ошибку уменьшения числа плательщиков и увеличения суммы их доходов, с одной стороны, и с другой—уменьшения доходов, ежегодно зарабатываемых рабочим классом. Отсюда, цель критики направлялась на сокращение общей устанавливаемой тем или иным исследователем суммы национального дохода путем наивозможно большего уменьшения суммы доходов, подлежащих обложению, и некоторого увеличения суммы рабочих доходов. К достижению этой цели английская подоходная статистика открывала широкий путь, так как имеющаяся в этой статистике «валовая сумма» подлежащего обложению дохода обыкновенно значительно превышает действительную («чистую», net Income) сумму обложенных доходов страны, и весь вопрос, следовательно, заключается в более или менее широком размахе для всевозможных вычетов, ради получения «чистой» суммы доходов. Кроме того, во-вторых, критики могли оспари-

вать необходимость прибавки к доходам по шедуле D некоторой доли общей суммы (у *Чиоза Монти* равной 20%), допускаемой в целях компенсирования возможных утаек, — что точно так же значительно сокращало бы общую сумму обложенных доходов, т.-е. сумму доходов как раз богатых классов.

К таким приемам в оспаривании правильности выводов социалистов и *Чиоза Монти* прибегают ультра-консервативные писатели — *Франк Айрисон* и *В. Мэллок*, в недавно выпшедших своих исследованиях, посвященных разбираемому вопросу ¹⁾. Первый из этих писателей — *Франк Айрисон* — имеет дело с учетом национального дохода в Соединенном Королевстве для 1905 года и предметом нападения и оспаривания выбирает ближайшие в этому времени учеты национального дохода и его долей, сделанные *Чиозой Монти* и социалистами в *Fabian Tracts. Айрисон*, прежде всего, сумму заработной платы определяет значительно выше, чем это делается в *Facts for Socialists*, и чем определяет ее *Чиоза Монти*. В основу учета рабочих доходов *Айрисон* кладет учет *Гиффена* для 1886 года (по *Wage Census*) и индексные числа для движения заработной платы с 1850 г. по 1907 г., специально вычисленные по данным *Board of Trade* (Cd. 4671, стр. 44), но рабочий год он берет не в 46 рабочих недель в году (как делает *Чиоза Монти*), а подобно *Гиффену* принимает год в 50—52 недели, не допуская вычетов ни для праздников, ни для прогулов разного рода, ни на случай болезни, безработицы и проч. При этих условиях *Айрисон* определяет заработную плату рабочих в Соединенном Королевстве для 1905 г. в 775.000.000 фунт. стерл. ²⁾, в то время как для 1903—1904 года *Чиоза Монти* определяет ее всего в 655.000.000 ф. ст.; в *Facts for Socialists* она в 1905—1906 г. не превышает 730.000.000 ф. ст., а в 1904—1905 г. достигает всего 690.000.000 ф. ст.; даже для 1908 года, как мы видели у *Чиоза Монти*, доходы рабочих классов не превышают 703.000.000 фунт. ст. Далее, *Айрисон* сумму доходов, подлежащих обложению, которая, в виде валовых доходов, по статистике *Income Tax*, составляла в 1905 году 925.000.000 ф. ст., сокращает более, чем на 20%; принимая эту сумму в 728.000.000 ф. ст., *Айрисон* руководствуется в данном случае некоторыми официальными исследованиями по учету отношения между валовой суммой дохода и чистым обложенным доходом (напр., Cd. 3686, стр. 191—193, где это отношение для 1896—1897 г. определяется в 20%, а для 1905—1906 г. — в 23%) и показаниями *Г. Примроза* (*Henry Primrose*), данными перед *Select Committee on Income Tax* в мае 1906 года (Синие книги, № 365, стр. 7 и 8). Но сделав соответствующие вычеты из валовой суммы подлежащих обложению доходов страны, *Айрисон* этим и ограничивается, игнорируя факт утаек и общепризнанную в Германии и Англии систему компенсации этих утаек, по крайней мере по шедуле D. В результате, как сумма доходов богатых классов, так и общая сумма всего национального дохода у *Айрисона* значительно ниже действительных размеров, а сумма заработных плат в стране преувеличена. На основании всех «поправок» подобного рода *Айрисон* старается доказать, что, с точки зрения строго-последовательного индивидуалиста, многие «факты», устанавливаемые социалистами, ошибочны, поскольку они касаются распределения обществен-

¹⁾ *Frank Ireson. The People's Progress. A Study of the facts of national Wealth, with some answers to socialists. With diagrams. London 1910.* — *W. H. Mallock. The Nation as a business Firm. An attempt to cut a path through jungle. London 1910.*

²⁾ *Frank Ireson. The People's Progress. London 1910, стр. 145, таблица А.*

ного дохода и определения отношений между долей труда и капитала ¹⁾.

Центральная идея *Айрисона*—доказать, что с развитием общественного прогресса доходы рабочих растут в большей степени, чем доходы богатых классов, и что по мере роста капитализма бедные не становятся беднее, а богатые богаче. В доказательство последнего *Айрисон* указывает на факт роста из года в год индивидуальной заработной платы на голову рабочего, ошибочно полагая, что этот рост превышает рост среднего национального уровня доходов на голову населения ²⁾. «Большинство социалистов—говорит автор—придерживается того ошибочного мнения, по которому национальный доход есть якобы фиксированная, неизменная величина, и что если увеличивается доля Павла, то необходимо должна этим самым уменьшаться доля Петра. Они, повидимому, не могут себе представить, что доли обоих могут одновременно увеличиваться и в том случае, когда Павел будет производить блага, пользуясь капиталом и руководством Петра» ³⁾. Отсюда ясно, как далек *Айрисон* от идеи отношений, без которой, как мы видели во всем вышеизложенном, невозможно правильно уяснить себе сущность распределительного процесса и характер движения долей в общественном прогрессе.

Против формулы *Маркса*, согласно которой при современной системе капитализма низшие классы населения все более и более остаются позади богатого класса в пользовании благами и завоеваниями культуры, направляет свое исследование и *Мэллок* ⁴⁾. Он пытается раскрыть неправильность формулы *Маркса* на основании статистических данных за последние 100 лет, выбирая основными пунктами для сравнения годы 1800, 1850, 1888 и 1905. При этом *Мэллок*, наряду с аргументами, которые мы видели у *Айрисона*, употребляет и новый прием. Он пользуется средними цифрами доходов на душу населения вообще и сравнивает изменение этих средних с движением средних доходов на голову бедного населения (с доходами, не достигающими 150 ф. ст. в год). Такое сопоставление позволяет *Мэллоку* прийти к важному для него «открытию»: именно, к тому факту, что средний размер *per capita* доходов бедных классов от периода к периоду постоянно возрастал, и, мало того,—что приблизительно через каждые 50 лет этот средний уровень доходов бедных классов догонял и даже перегонял общий уровень доходов *per capita* всего населения ⁵⁾. Этот факт приводит *Мэллока* к заключению, что с развитием современной системы капитализма бедные все более и более становились богаче, и что формула общественного прогресса *Маркса* ошибочна. «В 1800 году—говорит *Мэллок*—Великобритания была самой богатой страной в мире, и высказываемая около того времени идея справедливости раздела всего общественного продукта на равные доли казалась неосуществимой мечтой; между тем уже 50 лет позднее бедные классы достигли уровня доходов, равного общему среднему того времени, и то, что раньше казалось мечтой, осуществилось по отношению к бедным классам» ⁶⁾. Данные, на основании которых строит свои выводы *Мэллок*, могут быть представлены в следующем виде ⁷⁾:

¹⁾ Frank Ireson. The People's... etc., стр. IV («Preface»).

²⁾ Ibid., стр. 62.

³⁾ Ibid., стр. 63.

⁴⁾ W. H. Mallock. The Nation as a Business Firm. An Attempt to cut a path through jungle. London 1910.

⁵⁾ Ibid., стр. 26—30.

⁶⁾ Ibid., 31.

⁷⁾ Ibid., стр. 28, 30 (таблица I и III).

1880.	1850.	1888.	1905.
Весь национальный доход на голову населения в Великобритании:	Доход бедных классов (ниже 150 ф. ст.), на голову бедного населения (Соединенное Королевство).		
£ 16 14 s.	£ 15	£ 25	£ 29.
1800.	1850.	1888.	1905.
Весь национальный доход на голову всего населения в Великобритании:	Доход бедных классов (ниже 150 ф. ст.), на голову бедного населения (Соединенное Королевство).		
£ 16 14 s.	£ 23 6 s.	£ 39.	£ 29.

Если *Мэллок* на основании этих данных приходит к доказательству неправомерности формулы Маркса, то единственно потому лишь, что, подобно *Айри-сону*, он проблему распределения не представляет себе, как проблему отношений. Он оперирует изменениями среднего абсолютного уровня доходов на голову и этим довольствуется. Между тем формула общественного прогресса *Маркса*—формула *отношений*. Стоит только проследить на цифрах *Мэллока*, как изменились отношения доходов богатых классов и бедных со времени 1800 года, как мы придем к результатам, лишь подтверждающим положение *Маркса*. Так, за период времени 1800—1888 г.г. средний индивидуальный уровень доходов всего населения Великобритании передвинулся с 16,7 ф. ст. до 39,0 ф. ст., т.е. увеличился на 233%; между тем как за тот же период индивидуальный средний уровень доходов низших классов передвинулся с 15 ф. ст. лишь до 25, т.е. увеличился всего на 163%. Такое несоответствие в росте индивидуальных средних доходов бедного населения и всего населения и показывает, что бедные классы, с ростом капитализма и общественного прогресса, не поспевали за богатым классом в пользовании благами культуры, что линии индивидуального благосостояния бедных и богатых идут не параллельно. Данные *Мэллока* подтверждают лишь расхождение индивидуальных средних доходов богатых и рабочих классов, которое устанавливает *Боули* в приведенной выше диаграмме (см. диаграмму 2).

II.

Учет национального дохода для бывшей Германской империи и ее отдельных государств представляет много больше трудности, чем для Соединенного Королевства. Важнейшим препятствием служит в данном случае отсутствие общей для всей страны системы подоходного обложения. Но даже и для тех немецких государств, которые обладают с давних пор хорошо организованной подоходной статистикой, задача учета национального дохода остается весьма сложной. Серьезным препятствием здесь является плохая организация статистики заработных плат и невозможность поэтому сколько-нибудь более или менее точно учесть доходы населения, свободного от обложения, благодаря существующему *Existenz-minimum*'у. Последнее препятствие имеет силу одинаково как для всей страны, так и для отдельных государств Германии. Тем, казалось бы, больше усилий нужно было ожидать от статистиков и экономистов, тем больше попыток всякого рода разрешить сложную проблему учета дохо-

дов страны. И однако в Германии мы встречаем весьма немного таких попыток. В Германии нельзя найти ни одного серьезного монографического исследования, посвященного учету национального дохода вроде английских исследований *Бакстера, Леви, Боули, Гиффена, Чьюза Монн*. Объясняется это, как нам кажется, с одной стороны, тем обстоятельством, что со времени 70-х годов, когда немецкая экономическая наука имела под собой уже достаточно теоретической и фактической почвы для серьезных исследований в области национально-хозяйственной жизни, Германия вплоть до последних лет переживала небывалый в истории экономический подъем, отодвигавший вопросы социального распределения вообще не имело той высокой, сравнительно с Англией, степени неравномерности доходов, чтобы привлекать к себе внимание экономистов в таком размере, как это было в Англии, родине капитализма.

Во всяком случае, для некоторых отдельных государств Германии (особенно Пруссии, Саксонии), так же, как для некоторых отдельных местностей ее (напр., свободный город Гамбург), благодаря подоходной статистике и отчасти хорошо организованным профессиональным переписям, имеется вполне достаточно данных, чтобы получить некоторую более или менее близкую к действительности картину учета национального дохода и распределения его за разные годы во второй половине 19 столетия. В этом направлении сделанные здесь попытки заслуживают внимания. Особенный интерес представляют для нас именно такие попытки, которые, вместе с общим учетом всех доходов страны, преследовали в то же время цели определения и учета отдельных долей в общей массе дохода, выпадающих по адресу отдельных классов населения. Мы увидим ниже, что все эти попытки учета долей в национальном доходе, исходившие от представителей самых различных направлений (консервативных преимущественно), и по отношению к распределению германских доходов доказывают установленный выше закон падения доли рабочих в общественном (национальном) доходе с прогрессом общественной жизни. Впрочем, повторяем, учет национального дохода, в связи с определением долей в нем социальных классов и в том числе доли рабочих, в Германии имел место лишь в весьма немногих случаях, вследствие чрезвычайной трудности определения рабочих доходов отдельно от доходов других классов населения Германии. Правда, как мы уже говорили, здесь имеется для некоторых отдельных немецких государств весьма ценная разработка статистики распределения доходов, но последняя имеет дело с доходами широкими слоями населения, классифицированного лишь по размерам, но не по социальным классам ¹⁾.

Общее движение кривой распределения, в общей классификации населения по размерам его доходов (низшие классы, средний класс, богатые и очень богатые), для нашей проблемы имеет важный и непосредственный интерес. Но это движение кривой доходов в Германии мы рассмотрим ниже. Здесь же ограничимся лишь немецкими работами по учету национального дохода в стране, особенно же теми немногими из них, которые имеют дело, вместе с общим учетом всех доходов, также и с учетом рабочей доли.

¹⁾ Мы имеем в виду работы Зётбера, Бёмерта, Михаэлиса, Филиппи, Ласпейреса, Р. Мейера, Пьерсторфа, Бюхера, Гейля, Ничке, Гумке, Аммона, Шиппеля, Каутского, Сергеева, Вагнера, Шмоллера, Эверта, Вольфа, Мая, Шаля, Рюмелина, Энгеля, Замтера и др.

Серьезный статистический учет народного дохода,—говорит Герман Леш,—продукт новейшего времени и составляет специфическую черту современных культурных стран ¹⁾. Для Германии этот момент наступает собственно лишь с 60—70-х годов, с выходом в свет трудов Рюмелина, Энгеля, Зеттера, имевших предметом исследования учет доходов и распределения их для отдельных государств. Но и раньше этого имелись некоторые попытки, представляющие значительный исторический интерес. Таковы, наприм., исследования директора Прусского Статистического Бюро Леопольда Круга «О национальном богатстве прусского государства и о благосостоянии его жителей» (1805) и Дитерихи—«О благосостоянии прусского государства» (1846). «Об условиях жизни прусского государства, о труде и капитале» (1848) ²⁾.

В своем «Betrachtungen» Леопольд Круг является верным выразителем физиократического мирозерцания. Население страны он делит на производительный класс и непроизводительный и соответственно этому годовой национальный доход—на два различных вида: непосредственный (ächtes) и производный (unächtes), или циркуляционный. Лишь первый вид национального дохода, по мнению Круга, является действительной суммой доходов страны, получаемых от земледелия, рыболовства и горного дела. Циркуляционный же доход сам выплачивается из первого, являясь, таким образом, производным доходом, и состоит из сумм, выплаченных за услуги и «промышленный» труд. Эта сумма циркуляционного дохода нации тем выше, чем более развивается индустрия и чем быстрее падает (относительно) земледелие ³⁾. Благосостояние и богатство нации, по представлению Круга, заключены лишь в первом виде национального дохода, именно в непосредственном, первоначальном доходе страны ⁴⁾. Этот последний вид дохода Круг определяет путем учета всей суммы ежегодно произведенных благ, годных для потребления. С этой целью он разделяет потребительные блага по группам и для каждой группы в отдельности определяет ежегодное количество и средние цены. Кругу известен и другой метод учета национального дохода, но он считает его менее надежным: именно, определить ценность всей земли в стране, как национальный капитал, и отсюда учесть сумму ежегодно приносимых им процентов ⁵⁾. Для 1798 г. национальный «чистый» (ächtes, непосредственный) доход прусского государства (за вычетом издержек производства, к которым Круг относит стоимость содержания людей, занятых в обработке земли, рабочего скота, ценность построек, сельско-хозяйственных орудий, и, кроме того,—погашение и проценты на вложенный в землю капитал ⁶⁾), Круг определяет в 82.942.000

¹⁾ Hermann Losh. Volksvermögen, Volkseinkommen and ihre Verteilung. Leipzig 1887 (Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen, Herausg. von Gustav Schmoller. Band VII, Heft 1). стр. 10.

²⁾ Leopold Krug. Betrachtungen über den National-Reichthum des preussischen Staats und über den Wohlstand seiner Bewohner. I—II Theile. 1805, Berlin.—W. Dieterici. Ueber preussische Zustände, über Arbeit und Kapital. Ein politisches Selbstgespräch, seinen lieben Mitbürgern gewidmet. Berlin und Posen, 1848.—W. Dieterici. Der Volkswohlstand im preussischen Staate. In Vergleichen aus den Jahren vor 1806 und von 1828 bis 1832, sowie aus der neuesten Zeit, etc. Berlin 1846.

³⁾ Leopold Krug. Betrachtungen über den National-Reichthum des preussischen Staats. Berlin 1805, стр. 26—29, Th. 1.

⁴⁾ Ibid., стр. 232.

⁵⁾ Ibid., стр. 33.

⁶⁾ Ibid., стр. 229.

талеров, по $27\frac{1}{4}$ талера на голову населения ¹⁾, при чем из этой суммы наибольшая часть (50.656.000 тал.) приходится на доход от обработки земли, а остальное—от лугов, лесов, садов, минералов, рыболовства, охоты и промышленности ²⁾. *Круг* пытается учесть и отдельные доли в общей сумме национального дохода, достающиеся отдельным группам населения, но группировка этих долей у него весьма неопределенная, не строго выдержанная, и построена скорее по признаку сословности, чем хозяйственному, что видно из следующей приводимой им таблицы ³⁾:

Распределение национального дохода в прусском государстве (1798 г.).

Г р у п п ы.	Чистый доход.
1) Государство и крупные общины	33.000.000 тал.
2) Землевладельческое дворянство	17.200.000 »
3) Фермеры (арендаторы)	4.000.000 »
4) Городские собственники-домовладельцы	7.300.000 »
5) Крестьяне	} 20.204.000 »
6) Учителя	
7) Духовенство, монастыри и пр.	
8) Благотв. заведен. и т. п. учрежд.	
9) Промышленный класс	1.238.000 »
Всего	82.942.000 тал.

Все эти приводимые *Кругом* цифры далеки от точности, являясь результатом лишь приблизительного вычисления. Мы не находим здесь ни точного разграничения между валовым и чистым доходом, равно как и между производным и первоначальным, ни точного установления понятия национального дохода, ни сколько-нибудь точного учета его. Одна уже попытка учета заслуживает, однако, внимания. Особенно любопытно при этом то обстоятельство, что *Круг* высказывается за необходимость *относительного учета долей* в национальном доходе, в целях получения определенного представления о благосостоянии или богатстве нации. *Круг* указывает, что цель всех социально-хозяйственных статистических исследований состоит в определении отношений, в каких стоят отдельные классы населения друг к другу. «Необходимо,—говорит он,—при рассмотрении благосостояния и богатства нации, рассматривать отдельно различные сословия и классы, чтобы не впасть в часто встречающуюся ошибку, состоящую в том, что народ или провинция считается богатой потому лишь, что вследствие неравномерного распределения национального дохода некоторые классы владеют громадными богатствами, в то время как другие живут в бедности» ⁴⁾. И в то же время *Круг* хорошо понимает, что учесть долю в национальном доходе, приходящуюся фабричным рабочим, нет никакой возможности, благодаря недостаточности данных. Он находит лишь, что положение фабричного рабочего, в смысле благосостояния, в много раз хуже положения цехового ремесленника ⁵⁾.

¹⁾ L. K r u g. Betrachtungen über... etc., стр. 224.

²⁾ Ibid., стр. 277.

³⁾ Ibid., стр. 394.

⁴⁾ Ibid., стр. 3.

⁵⁾ Ibid., стр. 381.

За Л. Кругом следует В. Дитеричи, занятый точно так же, как и Круг, определением прусского национального дохода, но для 40-х уже годов. Подобно данным, приводимым Кругом, материал, которым оперирует Дитеричи, так же сомнительной ценности. В «Der Volkswohlstand im preussischen Staate»¹⁾ Дитеричи обращает большее внимание на учет национального потребления созданных в стране благ, чем на непосредственный учет количества производства этих благ потребления. Всю сумму национального дохода Дитеричи делит на четыре области: блага непосредственного потребления, продукты фабричного производства, продукты горного дела и торговли. Результаты, к которым приходит Дитеричи, таковы:

Год.	Жителей.	Доход (в талерах).	На голову.		
1805	10.023.900	147.250.000	14 тал.	22 зильбер.	6 пф.
1831	13.038.960	321.000.000	24 »	18 »	7 »
1843	15.471.765	460.750.000	29 »	23 »	5 »

В другой своей работе «О труде и капитале»²⁾ Дитеричи затрагивает вопросы социального характера, волновавшие в то время (1848) европейское общество. Он старается, на данных прусской жизни и отношений, осветить неприложимость и несоответствие с действительностью прусских условий идей сен-симонизма о стушащем в дверь социализме, о господстве капитала и растущем противоречии между трудом и капиталом. Действительно ли господство капитала имеет место в Пруссии? Падает ли заработная плата по мере накопления капитала? Ухудшается ли положение рабочих? Таковы вопросы, разрешить которые хочет Дитеричи³⁾. Результат, к которому приходит Дитеричи в своем исследовании, тот, что накопление капитала скорее благоприятно для рабочего класса, чем наоборот. Уже по своей задаче Дитеричи должен был коснуться важного при решении вопроса об относительных долях населения в национальном доходе пункта о числе лиц в стране, живущих на заработную плату. Он находит, что в Пруссии в 1805 г. такого населения было 17,8%, всех жителей страны, а в 1846 г.—22,8%, считая это весьма небольшой разницей, принимая во внимание более чем 40-летний период. Дитеричи дает по этому предмету следующую таблицу:⁴⁾

Население, живущее на заработную плату.	1805 г.	1846 г.	прирост в 1846 г.
Кустари (Handarbeiter) . . .	330.082	1.470.091	+ 1.140.009
Батраки (Gesinde)	1.116.000	1.271.608	+ 155.008
Ремесл. подмастерья . . .	113.723	379.313	+ 265.590
Фабричные рабочие	153.686	553.542	+ 399.856
	1.714.091	3.674.554	1.960.463
Все население	9.607.000	16.112.938	6.405.038

¹⁾ W. Dieterici. Der Volkswohlstand im preussischen Staate. Berlin 1846, стр. 41, 177, 250.

²⁾ W. Dieterici. Ueber preussische Zustände, über Arbeit und Kapital. Ein politisches Selbstgespräch, seinen lieben Mitbürgern gewidmet. Berlin und Posen 1848.

³⁾ Ibid., стр. IV (в предисловии).

⁴⁾ Ibid., стр. 66.

Но на этом автор и останавливается, не стараясь учесть сумму доходов класса наемных рабочих, как это делали *Леви*, *Бакстер* и др. в Англии. Без этого же учета все рассуждения и исследования об отношениях между трудом и капиталом, по мере роста богатства, остаются в пределах лишь поверхностных догадок, не имеющих под собой серьезной почвы.

Более серьезный и уже при помощи более научных приемов учет национального дохода Пруссии начинается собственно с появлением работ *Энгеля* и особенно *Зеттера*¹⁾. «Нет другой более важной по своим результатам народно-хозяйственной темы,—говорит *Зеттер*,—как попытка приблизительного учета объема и распределения всей массы дохода нации, ибо не сводится ли к этому вопросу все, что только имеет отношение к общественной жизни?»²⁾. В своих многочисленных статьях, посвященных этому важному вопросу, *Зеттер* преследует собственно две близко соприкасающихся между собою цели: учета национального дохода, с одной стороны, и распределения его—с другой. О тех выводах, к которым приходит *Зеттер* по последнему вопросу, а также и о методах определения им кривой распределения национального дохода мы будем говорить ниже. Здесь же коснемся лишь тех приемов, которыми *Зеттер* пользуется при учете национального дохода, и общих статистических результатов этого учета.

Зеттер является одним из первых представителей так называемого субъективного метода при учете общей массы чистых доходов страны. Особенность этого метода в том, что основой учета здесь является подоходная статистика, которая, как известно, в Германии исходит от лица, от субъекта, а не от объекта, вещи (как при реальном методе). Трудности и неполноту подоходной статистики *Зеттер* обходит тем, что вводит к ней ряд существенных дополнений в целях исправления, кладя подоходную статистику лишь в основу учета. Всеми признанный и повсюду установленный факт недооценки объявляемых доходов, подлежащих обложению, *Зеттер* обходит путем прибавки 25% ко всей сумме обложенных доходов всех категорий³⁾. Наиболее же важный дефект подоходной статистики, открывающийся при учете национального дохода, и состоящий в отсутствии данных о доходах лиц, стоящих за пределами Existenzminimum'a, *Зеттер* заполняет путем отдельного учета, во-первых, числа лиц, не вошедших в подоходное обложение, во-вторых, определением среднего размера доходов этих лиц при помощи анализа существующего разнообразного статистического материала по заработной плате, какой только имелся под руками исследователя.

Зеттер имеет дело главным образом с прусскими данными, учитывая национальный доход Пруссии, последовательно с 1872 по 1888 год. В основу разработки прусских данных *Зеттер* берет план и метод подоходной статистики Саксонии, как наиболее полной и совершенной. Он устанавливает 6 групп, на которые разделяется масса национального дохода, располагая

¹⁾ Dr. A. d. Soetbeer. Umfang Vertheilung des Volkseinkommens im Preussischen Staate 1872—1878. Leipzig 1879. Umfang und Vertheilung des preussischen Volkseinkommens im Jahre 1879 (Conrad's Jahrbücher, 34. Band 1879). Volkseinkommen im Preussischen Staate 1876 und 1888 (Conrad's Jahrbücher, 18. Band 1889).

²⁾ Dr. A. d. Soetbeer. Umfang und Wert des Volkseinkommens im Preuss. Staate 1872—1878. Leipzig 1879, стр. 1.

³⁾ Dr. A. d. Soetbeer. Umfang und Vertheilung des Volkseinkommens im Preuss. Staate 1872—1878. Leipzig 1879, стр. 30.

их в порядке обеспеченности. Первую группу (А) занимают скудные доходы (dürftige Einkommen). Это доходы населения, освобожденного от обложения подоходным налогом. По закону 25 мая 1873 г. в Пруссии Existenzminimum определялся в 420 марок; обложению подвергались лишь лица, имевшие доход выше 420 марок ежегодно. Так как *Зембер* делает к данной подоходной статистике прибавку в 25%, то этот Existenzminimum он возводит до 525 марок. Определению доходов этой группы (А) *Зембер* посвящает главнейшее внимание, стараясь найти средний размер ежегодного дохода для лиц этой категории. Ради последней цели он обращается как к официальным данным, так и к частным исследованиям, посвященным вопросу о заработках низших классов населения Пруссии. Таковыми служат для *Зембера* данные анкеты 1874 г. о положении сельско-хозяйственных рабочих, статьи в «Arbeiterfreunde» о заработках силезских рабочих, сведения о заработной плате ткачей в «Zeitschrift des Königl. Sächs. Stat. Bureau», данные о заработках низших служащих на железных дорогах, опубликованные в «Zeitschrift des preuss. Stat. Bureau», и др.¹⁾ В результате ряда сопоставлений различных данных *Зембер* считает средним годовым заработком на голову самостоятельного населения 400 марок (350 марок для отдельного самостоятельного лица и 500 мар. на каждую семью). Эту цифру (400 мар.) *Зембер* считает, однако, не более как minimum'ом, полагая, что в действительности средний заработок низших классов населения несколько выше. Лиц этой категории *Зембер* определяет для Пруссии в 1872 г.—6.242.000 (с принадлежащими), с презумптивным доходом в 1.260 милл. марок; для 1878 г.—6.664.400 с доходом в 1.402 милл. марок; на голову самостоятельных этой группы, по его учету, приходилось 400 марок, на голову же всего населения данной группы—202 марки в 1872 г. и 210—в 1878 г.²⁾

Вторую группу (В) у *Зембера* представляют мелкие доходы (kleine Einkommen), от 420 м. до 1.650 м., или при 25%-ной прибавке от 525 м. до 2.000. Третья группа (С)—умеренных доходов (2.000—6.000 мар.), четвертая (D)—средних доходов (6.000—20.000), пятая (Е)—крупных доходов (20.000—100.000) шестая и последняя (F) группа—всеяма крупных доходов (выше 100.000 мар.). Вся сумма прусского национального дохода, по данным *Зембера*, представится в следующем виде:

1872 . . .	6.969.385.000 мар.,	или на голову населения	293 марки.
1873 . . .	7.195.615.000 »	» » » »	299 »
1874 . . .	7.572.270.000 »	» » » »	307 »
1875 . . .	7.628.308.700 »	» » » »	311 »
1876 . . .	7.857.192.300 »	» » » »	316 »
1877 . . .	7.992.203.600 »	» » » »	315 »
1878 . . .	8.069.837.000 »	» » » »	323 »
1879 . . .	8.084.988.238 »	» » » »	310 »
1881 . . .	8.228.179.815 »	» » » »	308 »
1888 . . .	9.332.088.644 »	» » » »	329 »

Земберу, как мы видим, не удалось выделить из национального дохода Пруссии доходов населения, живущего наемным трудом, т.е. на заработную

¹⁾ Dr. A. d. Soetbeer. Umfang und Verteilung... etc., Leipzig [1879, стр. 44—45.

²⁾ Ibid., стр. 33.

плату. Определить поэтому долю класса наемных рабочих в национальном доходе и изменение этой доли из года в год, по данным *Зетбера*, нельзя. Если же слить в одну группу первые две группы *Зетбера* (А и В, т.е. скудные и мелкие доходы до 2.000 мар.), то будем иметь следующее отношение доходов этих групп ко всей массе национального дохода, за разные годы.

Таблица 24.

Доля низших классов населения в национальном доходе Пруссии в 1872—1878, 1879, 1881 и 1888 годах.

Г о д.	Весь националь- ный доход.	Сумма доходов низших классов (до 2.000 мар.).	Доля низших] классов.	Доля средних и высших классов.
	В миллионах марок.		В процентах.	
1872	6.969,4	5.245,0	75,26	24,76
1873	7.195,6	5.296,0	73,60	26,40
1874	7.532,4	5.468,4	72,60	27,40
1875	7.628,3	5.506,0	72,18	27,82
1876	7.857,2	5.679,1	72,28	27,72
1877	7.992,2	5.772,1	72,23	27,77
1878	8.069,8	5.819,9	72,12	27,88
1879	8.085,0	5.839,1	72,22	27,78
1881	8.228,2	5.902,6	71,73	28,27
1888	9.332,1	6.455,4	69,17	30,83

Данные вышеприведенной таблицы ясно показывают относительное падение доли низших классов населения в национальном доходе Пруссии. Это падение особенно заметно для категории В, (т.е. группы с доходом от 525 до 2.000 мар.). Между тем средний индивидуальный доход этой последней группы, за период 1872—88 г.г., хотя и с заметными колебаниями, но поднимался, падая лишь в смысле отношения всей массы доходов к общей массе национального дохода: средний доход на голову цензита в этой группе составлял 880 марок в 1872 г., 884—в 1873, 917—в 1874, 917—в 1875, 926—в 1876, 920—в 1877, 917—в 1878, 911—в 1879, 909—в 1881 и 914—в 1888, т.е., хотя он с конца 70-х годов и колебался несколько в сторону понижения, но, в общем, сравнительно с началом взятого периода, значительно возрос.

Учет национального дохода в Пруссии для 90-х годов мы находим у *Беймента*, *Вагнера*, *Ничке* (Nitschke), *Рафаэля Мая*, проф. *Шмоллера*, равно как и в некоторых официальных источниках (напр., в «Материалах»

к обоснованию законопроекта об изменении финансовой системы в Германии ⁴⁾. Вильгельм Бёмрт дает учет национального дохода Пруссии для 1893—94 года и 1897—98, при чем недостающую в подоходной статистике сумму доходов до 900 марок он определяет путем аналогии с саксонскими данными ²⁾. Опираясь на последние, Бёмрт находит, что для Пруссии доходы ниже 900 марок составляют около 45% всей массы доходов страны ³⁾. При таком допущении он получает следующие данные для национального дохода Пруссии ⁴⁾:

	Национальный доход Пруссии в милл. марок.	Население Пруссии.	Доход на голо- ву населения в марках.
1893—94 г.г.	10.400	30.080.000	около 350
1897—98 г.г.	12.200	31.350.000	» 390

Более детальных сведений по интересующему нас вопросу Бёмрт, однако, не дает.

Несколько более подробные данные по анализу и учету национального дохода Пруссии мы находим у Курта Ничке, который дает учет национального дохода Пруссии для 1892, 1896 и 1900 г.г. ⁵⁾. В определении доходов низших классов населения, свободного от подоходного налога, как имеющих ниже 900 марок, Ничке следует «Statistische Correspondenz», — листкам, издающимся при Прусском статистическом бюро, где имеется попытка учесть прусский национальный доход за 1897 год, и где средний доход домохозяина принимается равным 450 маркам, что составляет на голову населения, с доходом ниже 900 марок, всего 185 марок ⁶⁾. Ничке принимает эту сумму среднего дохода низших классов населения без изменения как для 1892 г., так и для 1896 и 1900 г.г., хотя и находит ее много ниже действительной ⁷⁾. При учете он старается принять во внимание и все сбавки и разные облегчения, допускаемые законом при обложении доходов, благодаря которым часть доходных масс ускользает от учета. Таковы, напр., взносы в больничные кассы, на страхование жизни и ряд облегчений и освобождений по семейному положению (§ 18) ⁸⁾. При всем этом, однако, Ничке оставляет вне учета доходы не-физических лиц, каковы — акционерные компании и т. п. Благодаря последнему сумма национального дохода Пруссии у него значительно ниже действительной, чему способствует и то обстоятельство, что Ничке, хотя и стоит принципиально за необходимость увеличения на 15—20% доходов населения, показываемых подоходной статистикой, но при

⁴⁾ Denkschriftenband zur Begründung des Entwurfs eines Gesetzes betreffend Änderungen im Finanzwesen. III.: Materialien zur Beurteilung der Wohlstandsentwicklung Deutschlands im letzten Menschenalter. Berlin 1908, Gedruckt in der Reichsdruckerei.

²⁾ Assessor Dr. Wilhelm Böhmert. Die Verteilung des Einkommens in Preussen und Sachsen, mit besonderer Berücksichtigung der Grossstädte und des Landes. Dresden 1898, стр. 7.

³⁾ Ibid., стр. 11.

⁴⁾ Ibid., стр. 32.

⁵⁾ Dr. Kurt Nitschke. Einkommen und Vermögen in Preussen und ihre Entwicklung seit Einführung der neuen Steuern mit Nutzenanwendung auf die Theorie der Einkommensentwicklung. Fischer in Jena 1902.

⁶⁾ «Statistische Correspondenz», 39. Jahrg. 1899, стр. XIV.

⁷⁾ K. Nitschke. Einkommen und Vermögen... etc., стр. 63 и 64.

⁸⁾ Ibid., стр. 63

учете этих добавок не делает ¹⁾. Результаты, к которым приходит *Ничке* при учете всей массы доходов Пруссии, сводятся к следующим данным ²⁾:

	1892	1896	1900
	(В миллионах марок)		
1. Доходы населения, подлежащего подоходному обложению (выше 900 марок).	5.724	6.086	7.841
2. Изъятия всякого рода и освобождения (кассовые и страховые взносы, облегчения и изъятия по § 18)	281	329,36	394,38
3. Доходы ниже 900 марок	3.876	3.897	3.865
Весь национ. доход	9.881	10.312,36	12.100,38

Цифры, полученные *Ничке*, примут вид более близкий к действительности, если к ним присоединить, во-первых, 25% суммы доходов, подлежащих обложению, на покрытие общепризнаваемой утайки, и во-вторых — доходы не-физических лиц. При этих условиях получаем следующие данные национального дохода Пруссии за 1892, 1896 и 1900 г.г.:

	1892	1896	1900
	(В миллионах марок).		
1. Сумма, полученная <i>Ничке</i>	9.881	10.312	12.100
2. 25%-я добавка к сумме доходов выше 900 марок.	1.431	1.521	1.960
3. Доходы не-физических лиц (акционерных компаний, горных товариществ и других разных союзов и обществ ³⁾	157	175	407
Весь национ. доход Пруссии	11.569	12.008	14.467

Исходя из своих собственных цифр, *Ничке* находит, что доля низших классов населения (с доходом, не достигающим 900 мар. в год) в массе национального дохода, по мере роста последнего, все время неизменно падает. *Ничке* объясняет это явление, с одной стороны, тем, что средний уровень доходов, приходящийся на голову населения с доходом ниже 900 марок, взят слишком низким (185 марок); с другой стороны, тем, что он остается без движения для всех трех лет, сохраняя одну и ту же высоту. Между тем рост массы национального дохода в несколько раз превышает рост населения. По данным, к которым приходит *Ничке*, увеличение дохода и населения шло таким образом ⁴⁾:

	1892—96 г.г.	1896—1900 г.г.	1892—1900 г.г.
население возросло на . .	4,86%	6,76%	11,96%
национальный доход на .	4,18%	17,65%	22,46%

Таким образом за период 1892—1900 г.г. национальный доход Пруссии увеличился почти вдвое больше, чем население. Едва ли может

¹⁾ Kurt Nitschke. Einkommen und Vermögen... etc., стр. 25, 26—27.

²⁾ Ibid., стр. 63.

³⁾ См. «Materialien zur Beurteilung der Wohlstandsentwicklung Deutschlands im letzten Menschenalter». Berlin 1908. Gedruckt in der Reichsdruckerei, стр. 14 и 15. III. Theil «Denkschriften zur Begründung des Entwurfs eines Gesetzes betreffend Änderungen im Finanzwesen».

⁴⁾ Dr. Kurt Nitschke. Einkommen und Vermögen in Preussen... etc... Jena, 1902, стр. 64.

ить сомнение в том, каким классам населения доставался главным образом этот прирост национального «богатства». К сожалению, ни данные *Ничке* ни данные приведенных выше экономистов, занятых учетом национального дохода Пруссии, не позволяют с определенностью решить вопрос о том, действительно ли класс наемных рабочих, живущих исключительно на доходы от продажи собственной рабочей силы, участвовал в росте создаваемых богатств далеко не в той степени, в какой шло обогащение капиталистов. Для решения этого вопроса, между тем, в Пруссии открывалось больше данных, когда сделалось возможным использовать в этих целях данные профессионально-промышленных переписей 1882, 1895 и 1907 г.г. Перепись давала возможность по крайней мере установить точно число лиц, живущих на заработную плату, в каждое десятилетие, что является одним из необходимых условий определения доли рабочих в национальном доходе страны. К тому же и другое из важных условий для решения этого вопроса, — установление среднего уровня заработной платы и изменения ее для разных категорий рабочего класса — нашло себе в Германии уже некоторую разработку для периода времени, начиная с 80-х годов ¹⁾. Все это должно было побудить германских экономистов последовать методу *Леви* и *Бакстера* в разработке вопроса об учете доли рабочих в общественном доходе за разные периоды времени, так как единственно лишь этот метод английских статистиков мог обеспечить правильное разрешение сложной проблемы учета национального дохода и его основных долей. Такую попытку делает *Р. Май* в ряде статей, помещенных в Шмоллеровском *Jahrbuch'e*, за 1899—1910 г.г. ²⁾. Несмотря на то, что — как мы увидим — исследования *Мая* далеко не отвечают требованиям строгой научности и страдают крупными недостатками, тем не менее они не лишены интереса и заслуживают внимания уже одною постановкой вопроса и приемами разрешения его.

К учету национального дохода Пруссии и долей его *Май* приходит в целях разрешения вопроса об отношении потребления низших масс населения к потреблению богатых классов. Своей задачей *Май* ставит доказательство неправомерности, по его мнению, положения *Маркса*, высказанного им на генеральном совете «Интернационала» 26 июня 1865 года, о том, что «две трети национального производства потребляются $\frac{1}{5}$ населения». *Май* старается доказать, что потребление низших масс населения составляет гораздо большую долю в общей массе народного потребления, чем устанавливал *Маркс*, что и с общественным прогрессом эта доля обнаруживает тенденцию к более быстрому росту сравнительно с потреблением богатых классов ³⁾. В целях этого дока-

¹⁾ См., напр., *K u c z y n s k i*. «Die Entwicklung der gewerblichen Löhne seit der Begründung des Deutschen Reiches. Berlin 1909.

²⁾ *R. E. M a y*. Das Verhältnis des Verbrauches der Massen zu demjenigen der «Kleinen Leute», der «Wohlhabenden und Reichen und die Marxistische Doktrin» (Schmoller's Jahrbuch. Neue Folge, 32. Jahrg. Erstes Heft. 1899). — *R. E. M a y*. Das deutsche Volkseinkommen im Jahre 1900, im ganzen und im Gesamteinkommen über und unter 3000 mkr., verglichen mit dem Volkseinkommen des Jahres 1895 und die Lohnsteigerung in den Jahren 1896—1900. (Schmoller's Jahrbuch, N. F. 27. 1903. 1. Heft). — *R. E. M a y*. Der Anteil der Arbeiter, der Aufgestellten und der Selbständigen am deutschen Volkseinkommen des Jahres 1900, die Zahl der in jeder Gruppen Erwerbstätigen und der von ihnen Ernährten und des Verhältnis zwischen Einkommen und Familienentfaltung. (Schmollers Jahrbuch. 27. Jahrg. N. F. 1903). — *R. E. M a y*—Hamburg. Das Hamburger Volkseinkommen im Jahre 1907. (Schmoller's Jahrbuch, XXXIV. Jahrgang, Erstes Heft. 1910).

³⁾ *R. E. M a y*. Das Verhältnis des Verbrauches der Massen zu demjenigen der «Kleinen Leute» der Wohlhabenden und Reichen und die Marxistische Doktrin». (Schmoller's Jahrbuch. Neue Folge, 32. Jahrg. Erstes Heft. 1899), стр. 271—273.

зательства *Май* и обращается к данным подоходной статистики Пруссии, — с одной стороны, — и профессионально-промышленной переписи 1895 года — с другой.

В своих первых статьях *Май* имеет дело еще исключительно с общей группировкой населения: низшими классами, получающими ежегодно не свыше 3.000 марок, и обеспеченным классом, с доходом выше 3.000 марок в год. Годом исследования он выбирает год переписи — 1895. Опираясь на данные подоходной статистики Пруссии за 1895—1896 г. и профессиональной переписи 1895 г., *Май* находит, что 10.984.842 лица, занятых в главных профессиях, не входили в число обязанных подоходным налогом. Для этой категории лиц самодельного населения *Май* определяет средний ежегодный доход в 700 марок. К доходам же населения, обязанного подоходным налогом, он, по примеру *Зеттера*, *Вагнера* и других, делает прибавку в 25%. В результате *Май* получает для Пруссии за 1895—1896 год следующий учет национального дохода:

10.984.842 лица по 700 марок дохода	7.689	милл. мар.
Доход лиц с доходом 900—3.000 марок	3.134	» »
+25% прибавки	784	» »

Весь доход ниже 3.000 м.	11.607	милл. мар.
Доходы выше 3.000 марок	2.803	» »
+25% прибавки	701	» »

Весь доход выше 3.000 м.	3.504	милл. мар.
----------------------------------	-------	------------

Весь национальный доход Пруссии	15.111	милл. мар.
---	--------	------------

Отсюда *Май* приходит к выводу, что имущие классы (с доходом выше 3.000 мар.) участвуют в народном потреблении, имея не более $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ части всего дохода страны. Обращая свои данные на всю Германскую империю и предполагая, что богатые классы приблизительно около $\frac{1}{2}$ своих доходов не потребляют непосредственно, *Май* приходит к более широкому выводу, что в Германии «потребление масс в шесть раз выше, чем потребление состоятельных и богатых классов» ¹⁾.

Выводы *Мая*, однако, не заслуживают большого доверия. Цифры его нередко совершенно произвольны, не имея для своего обоснования достаточной почвы. Уже одна сумма национального дохода в Пруссии для 1895—1896 года (выше 15 миллиардов марок) поражает своим чрезвычайно высоким размером. Если сопоставить эту величину *Мая* с учетом национального дохода Пруссии, произведенным другими авторами, то несоответствие данных *Мая* с действительностью не может не бросаться в глаза. По данным *Мая*, наприм., оказывается, что средний годовой доход на голову населения Пруссии составляет около 493 марок (население Пруссии в 1895—1896 г. достигало 30.812.583 лиц об. пола). Между тем, по тщательному исследованию *Бемерта*, доход на голову прусского населения в 1893—1894 г. составлял около 350 марок, а в 1897—1898 г.—около 390 мар. Вообще средний уровень дохода на голову населения

¹⁾ R. E. M a y. Das Verhältnis des Verbrauches der Massen zu demjenigen der «Kleinen Leute» der Wohlhabenden und Reichen und die Marxistische Doktrin. (Schmoller's Jahrbuch. N. F. 32. Jahrg. Erstes Heft. 1899, стр. 288).

страны растет из года в год. Но рост этот идет очень медленно и без особых скачков. Сопоставляя данные *Зётбера*, *Бёмерта* и *Курта Ничке* с найденными цифрами *Мая*, мы получаем для последних резкий скачок, ничем не оправдываемый, что видно из следующей таблицы:

Таблица 25.

Национальный доход Пруссии по *Зётберу*, *Бёмерту*, *Ничке* и *Маю* за 1872—1900 годы.

Г о д ы.	Автор учета.	Абсолютная сумма.	На голову насе- ления.
		В миллионах марок.	
1872	Зётбер	6.969	293
1873	»	7.196	299
1874	»	7.572	307
1875	»	7.628	311
1876	»	7.857	316
1877	»	7.992	315
1878	»	8.070	323
1879	»	8.085	310
1881	»	8.228	308
1888	»	9.332	329
1888	Шмоллер ¹⁾	9.300	330
1892	Ничке	9.881	—
1893—4	Бёмерт	10.400	350
1895—6	Май	15.111	493
1896	Ничке	10.312	—
1897—8	Бёмерт	12.200	390
1899	Шмоллер ¹⁾	11.150	350
1900	Ничке	12.100	—

Причина такой чрезмерно высокой цифры *Мая* для национального дохода Пруссии—в том, что *Май* взял слишком высоким средний доход населения, получающего ниже 900 марок ежегодного дохода. *Май* считает средний размер этого дохода в 700 марок, полагая, что с таким средним доходом в Пруссии всего 10.984.842 лица обоего пола самостоятельного населения с доходом ниже

¹⁾ Sch moller. См. Grundriss der Aelgemeinen Volkswirtschaftslehre. Zw. Th., Leipzig 1904, стр. 597. (Цифры проф. Ш м о л л е р а, о попытках которого дать учет национального дохода Пруссии мы будем говорить ниже, приводим для сравнения).

900 мар. На душу такого населения *Май* определяет около 366 марок ежегодного дохода. Эти цифры *Мая* во всяком случае не соответствуют действительности и слишком преувеличены. Мы видели, что *Statistische Correspondenz*, а за ним и *Ничке* определяют этот уровень не выше 185 марок на душу (для 1897 и 1892—1900 годов), а средний уровень дохода одного самостоятельного населения этой группы (т.-е. с доходом ниже 900 марок в год) — около 450 марок ¹⁾. Сам *Май*, анализируя данные статистики государственного страхования рабочих в Германии (от инвалидности и старости) за 1896 год, находит, что 11.469.000 лиц, застрахованных в 31 страховых учреждениях Германской империи, получали в 1895—1896 году 6.911.740.000 марок, т.-е. в среднем имели доходу на голову застрахованного всего лишь около 602 марок в год; при этом $38\frac{1}{2}\%$ всех застрахованных получали доход в среднем около 500 марок, $22,1\%$ — около 300 марок и лишь $39,4\%$ получали в среднем более 500 м. ($24,1\%$ имели 720 м., и $15,3\%$ — 960 м.) ²⁾. С другой стороны, необходимо считаться с тем, что среди населения, относимого к самостоятельным, и принадлежащего к беднейшим классам общества (с доходом ниже 900 марок), в статистику страхования попадает лишь наиболее обеспеченная группа, и что, кроме того, в числе этого самостоятельного населения много детей и несовершеннолетних обоого пола, занятого или ради облегчения труда родителей, или за крайне ничтожную сумму, составляющую добавочный заработок рабочей семьи. Здесь же — домашняя прислуга, работницы, привратницы, судомойки, прачки, швеи и т. п. Средний доход всех самостоятельных, не вошедших в походное обложение, надо думать, поэтому, намного не достигает 600 марок. Для 90-х и 1900-х годов «*Denkschriftband*» определяет средний уровень доходов самостоятельных этой категории прусского населения всего в 450 марок ³⁾. Этот же уровень «*Vorwärts*» берет не выше 400—450 марок ⁴⁾. Если взять 450 марок за средний доход беднейшего населения Пруссии, приходящийся на каждое самостоятельное лицо, то получим национальный доход для Пруссии, за 1895—1896 г., не 15.111 милл. марок, как нашел *P. Май*, а всего лишь около 12.365 милл. марок, что даст на голову населения 401 марку. Последняя цифра должна быть много ближе к действительности, чем данные *Мая*.

В новой статье в том же Шмоллеровском журнале за 1903 год *Май* снова возвращается к учету национального дохода Пруссии и Германии ⁵⁾. Здесь *Май* точно так же привлекает для целей учета к подоходной статистике данные

¹⁾ Dr. Kurt Nitschke. Einkommen und Vermögen in Preussen und ihre Entwicklung seit Einführung der neuen Steuern... etc. Jena, 1902 стр. 62.

²⁾ R. E. May. Das Verhältnis des Verbrauches der Massen... etc. (Schmoller's Jahrbuch. Neue Folge, 32. Jahrg. Erstes Heft. 1899. стр. 299—300).

³⁾ Выше цитированные «*Materialien zur Beurteilung der Wohlstandsentwicklung Deutschlands...* etc», Berlin 1908, стр. 4.

⁴⁾ «*Vorwärts*», Berliner Volksblatt. 1899, № 218 и 219. Здесь автор статьи подробно раскрывает массу крупнейших ошибок, в которые впадает *Май*, и, между прочим, на анализе гамбургской подоходной статистики показывает, что в Гамбурге в 1895 и в 1896 году $\frac{1}{3}$ гамбургского населения в своих руках имела больше $\frac{2}{3}$ всех доходов, т.-е. положение *Маркса*, высказанное в 60-х годах на основании английских отношений того времени, в одном из наиболее промышленных центров Германии, нашло в 90-х годах еще более резкое проявление (уже не $\frac{1}{3}$, а $\frac{1}{2}$ населения обладало $\frac{2}{3}$ создаваемых ежегодно богатств).

⁵⁾ R. E. May. Das deutsche Volkseinkommen im Jahre 1900, im ganzen und im Gesamteinkommen über und unter 3.000 Mrk., verglichen mit dem Volkseinkommen des Jahres 1895 und Lohnsteigerung in den Jahren 1896—1900. Schmoller's Jahrbuch. N. F. 27. 1903. 1. Heft., стр. 207 и след.

рабочего страхования в Германии и профессионально-промышленной переписи. Для учета всего дохода страны он берет в основу население Пруссии и разлагает его на группы, комбинируя данные переписей с данными подоходной статистики: во-первых, население, подлежащее обложению, доходы которого *Май* учитывает по данным подоходного налога, прибавляя лишь 25% всей суммы в виде компенсации за утайки; во-вторых, население самодеятельное, но подлежащее подоходному обложению и притом несамостоятельное; из этой группы *Май* выделяет все несамостоятельное население, подлежащее обязательному страхованию, доходы и численность которого он определяет по данным статистики рабочего страхования (средний доход на человека—691⁸⁵ мар. в 1900 г. и 633¹¹⁹ мар. в 1896 г.); для остального несамостоятельного населения, принадлежащего к активному, *Май* определяет средний доход *per capita* в 750—800 мар. для 1900 г.; в-третьих, население самодеятельное и самостоятельное, хотя и не подлежащее подоходному обложению; доходы его в среднем на человека *Май* определяет в 1.000 мар. для каждого; численность же этой группы он устанавливает по данным переписи. Таким крайне сложным путем *Май* получает сумму национального дохода для Германии 1895 г. в 25.387 миллионов марок и 1900 г.—31.165 милл. марок. При чем доходы группы населения, которая подлежит налоговому обложению, *Май* выводит, опираясь на сумму доходов этой группы в Пруссии при помощи простого увеличения этой суммы на 64% ввиду того, что в Германской империи в 1910 г. численность населения превышала на 64% население Пруссии. Такие приемы не могут, разумеется, приводить к точным результатам, и учет *Мая* вообще далек от истинного, страдая в сторону преувеличения. Так, проф. *Шмоллер*, как мы увидим ниже, для 1902 года определял национальный доход Германской империи лишь в 25 миллиардов.

Май, однако, не касается учета долей социальных классов в национальном доходе. Лишь для обложенного населения Пруссии, с доходами выше 900 марок, он приводит таблицу, раскрывающую тот факт, что за время 1895—1900 г.г. доходы низшего класса цензитов, с доходами в 1.900—3.000 марок, в своем росте значительно отстали сравнительно с ростом доходов средних и богатых цензитов (3.000 мар.). В то время как высший класс цензитов увеличил свои доходы за 1895—1900 г.г. на 44,4%, доходы низшего класса увеличились в общей сумме лишь на 38,1%; кроме того, абсолютное число цензитов богатых классов увеличилось за это время на 34,35%, между тем как число цензитов низших классов поднялось на 49,9%; и в результате — индивидуальный доход цензита высшей группы увеличился на 7,5%, низшей же уменьшился на—1,75%. *Май* делает отсюда вывод, что более быстрый рост доходов высших классов населения сравнительно с доходами низших означает, что за рассматриваемый период времени (1895—1900 г.г.) предпринимательская прибыль росла значительно сильнее заработной платы. С этим выводом *Мая* нельзя не согласиться, и, тем не менее, он далеко не вытекает из приводимых им данных, так как метод процентных измерений в движении доходов, как мы увидим ниже при оценке методов определения кривой распределения, не может приводить к верным и точным результатам.

До сих пор у *Мая* вопрос шел исключительно о таком неопределенном и расплывчатом понятии, как доля низших масс населения. В дальнейших своих статьях он переходит уже к вопросу о доле рабочих, как таковой, как доле класса, живущего наемным трудом. Этот вопрос *Май* поднимает в статье «Доля рабочих, служащих и самостоятельных в немецком народном доходе

за 1900 год» ¹⁾. *Май* ставит здесь своей задачей учесть национальный доход Германии путем учета доходов отдельных социальных классов населения. Год, избранный автором для исследования (1900), был, однако, весьма неудачен. Задача, поставленная *Маем*, могла быть более или менее удачно разрешена только для тех лет, когда была произведена профессионально-промышленная перепись. Особенности капиталистического хозяйства в том и состоит, что в процессе его развития происходит постепенная и неуклонная дифференцировка социальных отношений, отражающихся как в передвижении взаимоотношений между элементами общественного производства, так и в изменениях социальной группировки населения. Поэтому устанавливать группировку населения и форм хозяйственных отношений в одном периоде по группировке и отношениям, бывшим в другом периоде, значило бы предупреждать решения проблемы и исходить, как из готового, из того, что еще нужно установить. *Май* же так именно и поступает, когда устанавливает профессиональную и социальную группировку населения 1900 года: он или произвольно или по отношениям 1895 года (года переписи) устанавливает картину социальных и профессиональных отношений населения Германии в 1900 г. и приходит поэтому к результатам, совершенно не соответствующим действительной картине социальной жизни Германии исследуемого года, что с достаточной очевидностью раскрылось данными новой последней переписи 1907 года. Кроме того, *Май* в своих целях старается изменить установленную промышленными переписями населения в Германии классификацию и благодаря этому еще более затемняет картину действительных отношений между социальными группами населения страны.

Задача *Мая* — разложить весь народный доход на такие составные части, чтобы получить отдельно части, падающие на рабочих, частно-служащих и хозяев («самостоятельных»), а равным образом также дать и число лиц, питаемых этими классами. Как известно, промышленная перепись Германии устанавливает три категории социальных классов населения: рабочих, служащих и самостоятельных; при этом к категории рабочих относятся также низшие группы служащих (напр. железнодорожных и почтовых служащих), а высшие категории служащих присоединяются к группе «самостоятельных» (напр., директора, управляющие, высшая администрация). *Май* не принимает такой группировки и путем догадок и приблизительных сопоставлений отчисляет некоторый процент как из категории «рабочих», так и из категории «самостоятельных», чтобы всех «служащих» сгруппировать вместе. Не говоря уже о том, что цели такой перегруппировки остаются у *Мая* совершенно ничем необоснованными, он приходит к результатам весьма сомнительной ценности. Отчисление части служащих (высших категорий) из группы самостоятельных должно понизить процент последней группы ко всему активному населению, при чем раз существует общая тенденция к сокращению относительного числа самостоятельных, то данные *Мая* должны бы приводить к еще большему падению процента самостоятельных (хозяев). Между тем мы видим у него обратное: по данным *Мая*, в 1900 году самостоятельных активных (без высших служащих) было около 30% (29,59%) ко всему

¹⁾ R. E. M a y. Der Anteil der Arbeiter, der Aufgestellten und der Selbständigen am deutschen Volkseinkommen des Jahres 1900, die Zahl der in jeder Gruppen Erwerbstätigen und der von ihnen Ernährten und des Verhältnis zwischen Einkommen und Familienentfaltung. (Schmoller's Jahrbuch. 27. Jahrg. N. F. 1903, стр. 521—556),

активному населению Германии; в то время как по данным переписи 1895 г. их было 28,94% (вместе с высшими категориями служащих), а в 1907 г., по данным новейшей переписи, всего 22,30% (вместе с высшими служащими). Данные *Мая*, поэтому, не только произвольны, но и совершенно не соответствуют действительным тенденциям развития современного немецкого общества. На этом основании учет национального дохода для 1900 года *Мая* по профессиям и социальным классам лишен всякого научного значения. Этот учет сводится к следующему (см. табл. 26)¹⁾.

Эти данные *Мая*, приведенные за два различных периода времени, нельзя, однако, сравнивать и сопоставлять между собою. Во-первых, потому, что группировка населения в одном и другом случае не совпадает: категории «служащих», «рабочих» и «самостоятельных» в 1900 г. не идентичны по своему содержанию с таковыми же категориями в 1895 г. Во-вторых, средние доходы, взятые *Маем* для рабочих, чрезмерно высоки и, по вышеприведенным основаниям, не соответствуют действительности. В-третьих, процентные отношения различных классов населения (напр., рост класса «самостоятельных») не соответствуют действительным условиям развития, о чем мы уже говорили выше.

Особенно бьющим в глаза преувеличением отличается сделанный *Маем* учет доли рабочих и среднего уровня годового заработка последних. Это преувеличение необъяснимо тем более, что сам *Май* приводит статистику рабочего страхования, по которой средний уровень доходов застрахованных рабочих много меньше полученных *Маем* результатов, хотя — как мы говорили выше — в статистику рабочего страхования входят категории лиц, доходы которых значительно превышают средний уровень рабочего существования (напр., сюда входят с 1900 г. учителя). Так, по статистике рабочего страхования средний доход рабочих в 1896 г. составлял немногим больше 600 марок в год, а в 1900 г. не достигал 700 марок. *Май* же берет соответственно 751 м., не имея для этого никаких достаточных оснований.

Доля рабочих в национальном доходе Германской Империи, по учету *Мая*, составляла в 1895 г. 41,4% и в 1900—41,5%. Но отнестись с доверием к этим цифрам трудно. Насколько далеки цифры *Мая* от действительности, показывает хотя бы тот факт, что, по *Мая*, средний ежегодный доход на 1 самодеятельного в Германии в 1900 г. был много меньше, чем в 1895 г. (1.199 мар. вместо 1.921 мар.).

Вообще попытки учета социальных долей в народном доходе, предпринятые *Маем*, нужно признать мало удачными. Эта неудача падает до некоторой степени на неудачный выбор года исследования (1900). Впрочем, *Май* сделал попытку учета народного дохода и для 1907 года (года промышленной переписи) по отношению к Гамбургу, стараясь сопоставить таковой с доходами Гамбурга в 1895 году (также год переписи)²⁾. На этот раз *Май* значительно отстает от прежних своих приемов учета: так, напр., он повышает обложенные доходы от 900—3.000 марок на 20%, а доходы выше 3.000 м. — на 10% вместо того, чтобы сделать ко всем обложенным доходам прибавку в 25%, как это делает большинство немецких и английских исследователей и как это сам автор делал в предыдущих своих учетах. Доходы самодеятельного населения, не подвергшиеся обложению подоходным налогом,

¹⁾ R. M a y. Der Anteil der Arbeiter... etc., стр. 528, 529, 532—537, 912, 913, 946.

²⁾ R. E. M a y — Hamburg. Das Hamburger Volkseinkommen im Jahre 1907». (Schmoller's Jahrbuch, XXXIV. Jahrgang, Erstes Heft. 1910).

Таблица 26.

Национальный доход Германской империи в 1895 и 1900 г.г. по профессиям и социальным классам.

1900.

Социальные классы.	Активное население.		Доход активного населения.		
	Абсолютн. сумма.	%	Милл. мар.	% к нац. дох.	На голову самодеят.
1. Рабочие и прислуга	15.478.000	58,84	12.945	41,54	835 м.
2. Служащие	1.575.000	5,99	2.320	7,44	1.450 »
3. Самостоятельные	7.784.000	29,59	15.900	51,02	2.038 »
4. Военные и призываемые . .	1.469.000	5,58	—	—	—
1—4. Всего	26.306.000	100,00	31.165	100,00	1.199 м.

1895.

	Активн. населен.	%	Доход (м. м.).	% к нац. дох.	На голову акт. нас.
1. Рабочие: а) промышленные.	5.955.711	28,7	6.170	24,3	1.036
б) селско-хоз. . .	5.627.794	27,1	2.087	8,2	371
в) в торг. и трансп.	1.233.047	5,9	1.146	4,5	929
г) професс. служба (Д и Е)	1.202.313	5,8	1.117	4,4	929
Всего	14.018.865	67,5	10.520	41,4	751
2. Служащие: а) промышленные.	263.745	1,3	413	1,6	1.565
б) торг. и трансп.	261.907	1,3	301	1,2	1.150
в) професс. служба (Д и Е)	196.065	0,9	225	0,9	1.150
г) селско-хоз. . .	96.173	0,5	109	0,4	1.138
Всего	817.890	3,9	1.048	4,1	1.281
3. Самостоятельные: а) сел.-хоз.	2.568.725	12,4	5.003	19,7	1.948
б) промышл.	2.061.764	9,9	4.917	19,4	2.336
в) торг. и тр.	843.557	4,1	2.353	9,3	2.789
г) (Д и Е)	460.074	2,2	1.546	6,1	3.360
Всего	5.934.120	28,6	13.819	54,5	2.329
1—3. Общий итог . .	20.770.875	100,0	25.387	100	1.221

ввиду их размеров, не достигающих Existenzminimum'a, *Май*, наоборот, возвышает до пределов обложения (до 900 марок). И, несмотря на все это, даже при условии заведомого увеличения доходов низших классов населения и уменьшения доходов высших против действительных доходов населения, данные *Мая* по отношению к Гамбургу раскрывают тенденцию, общую для всех капиталистических стран, к падению доли низших классов в национальном доходе, сравнительно с долей высших групп населения. Эта тенденция видна из следующих цифр, приводимых *Маем* ¹⁾:

Таблица 27.

Народный доход Гамбурга в 1895 и 1907 годах.

Год.	Доходы ниже 900 м.		Доходы от 900—3.000 м.		Доходы выше 3.000 м.		Весь народный доход.		Число жителей.	‰
	В милл. мар.	‰	В милл. мар.	‰	В милл. мар.	‰	В милл. мар.	‰		
1895	151,10	23,9	195,55	30,9	286,79	45,2	632,44	100	663.259	—
1907	184,78	17,1	360,91	33,4	535,88	49,5	1.081,57	100	903.319	—
Прирост за 1895—1907 г.г.	33,68	+22,3	165,36	+84,6	249,09	+86,9	448,13	+70,7	239.360	+36,0

Как видим из приведенной таблицы, доля населения с доходом ниже 900 марок в год с 23,9‰ понизилась за 13 лет до 17,3‰, между тем как за это же время доля населения с доходами выше 3.000 марок поднялась с 45,2‰ до 49,5‰; вся же сумма народного дохода за 1895—1907 г.г. возросла на 70,7‰, в то время как население увеличилось лишь на 36,0‰. Все эти тенденции в действительности должны быть выражены в гораздо более резкой степени, чем это представлено у *Мая*, так как *Май* преувеличивает доходы низших классов и, наоборот, слишком уменьшает действительные доходы высших или богатых классов.

Значительно более умеренный учет Гамбургского народного дохода дает проф. *Шмоллер* в своих «Grundriss» для 1866 и 1892 г.г. Учет его сводится к следующим данным ²⁾:

Г а м б у р г.

Год.	Народный доход в милл. марок.	На голову насел. марок.
1866	129	488
1892	415	648

Присоединяя сюда учет *Р. Мая*, мы имеем:

1895	632	953
1907	1.082	1.198

¹⁾ R. E. May. Das Hamburger Volkseinkommen... etc., стр. 327—331.

²⁾ Sch moller Gustav. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Zweiter Teil. Leipzig 1904, стр. 597.

Сопоставляя эти данные учета проф. Шмоллера и Мая, нельзя не заключить о том, что цифры последнего чрезмерно высоки.

Профессор Шмоллер дает учет народного дохода также и для Пруссии, пользуясь в этом случае отчасти данными Зетбера, отчасти собственными вычислениями. Выводы его таковы ¹⁾:

Национальный доход Пруссии с 1740 по 1899 г.г.

Год.	Население в миллион.	Доход в милл. мар.	На голову насел. в марк.
1740	2,2	220	100
1786	5,1	648	120
1846	16	2.400	150
1872	24	6.900	290
1888	28	9.300	330
1899	32	11.150	359

Основой для учета национального дохода проф. Шмоллер кладет подоходную статистику, следуя вообще приемам лучших авторитетов в данной проблеме: Гиффену, Дюпену, Фовилью, Рюмелину, Зетберу, Колльману и т. д. Преобладающей чертой шмоллеровского учета является осторожность в оценке доходов и стремление скорее к недооценке, чем к переоценке. Исходя из последнего, Шмоллер делает прибавку к обложенной сумме доходов (в целях покрытия суммы утайки) не в 25%, как Зетбер, Ничке и др., а всего лишь в 10%. При этом Шмоллер не довольствуется простым учетом национального дохода, стараясь также осветить, насколько возможно, вопрос и о распределении его между семьями, отдельными индивидами и классами населения. Последний вопрос Шмоллер считает много более трудным и более сложным, чем проблему простого учета ²⁾. Распределение национального дохода по семьям Шмоллер дает для Пруссии за 1899 год, опираясь отчасти на подоходную статистику, отчасти на статистику рабочего страхования, как это делал Рафаэль Май. Шмоллер избегает здесь, однако, ничем не оправдываемых и ничем необоснованных завышений доходов рабочих и низших классов населения, допускаемых Маем. Для населения, не вошедшего в статистику подоходного налога ввиду низкого уровня его доходов, проф. Шмоллер берет средним доходом 150 мар. на голову, предполагая, что половина всех семейств, освобожденных от подоходного налога, несмотря на свое освобождение, владеет ежегодным доходом не ниже 900 марок в год, что составит около 200 мар. рег capita ³⁾. Результаты Шмоллера сводятся к следующему ⁴⁾:

Распределение народного дохода Пруссии в 1899 г. по семьям:

ок.	400.000 сем.	с средн. ежег. дох. в	9—10.000 мар.	влад.	3.572 м.м.
»	2.500.000 »	» » » » »	1.300—1.400 »	» »	3.685 » »
»	4.500.000 »	» » » » »	600—700 »	» »	3.172 » »
					10.429 м.м.

¹⁾ Sch m o l l e r G u s t a v. Grundriss der Allgemeinen... etc., стр. 597.

²⁾ Ibid., стр. 138 (596).

³⁾ Ibid., стр. 140 (598).

⁴⁾ Ibid., стр. 141 (599). Полученная здесь сумма национального Прусского дохода ниже вышеприведенной (1.150 милл. марок) потому, что при распределении между семьями Шмоллер не включил 10%-ную прибавку к сумме обложенных доходов (выше 900 мар.), которая составляет 725,7 м.м.

Таким образом *Шмоллер* находит, что почти ровно по $\frac{1}{3}$ национального дохода приходится на долю богатого, среднего и низшего классов, в то время как—замечает *Шмоллер*—в Соединенном Королевстве, по данным *Зеттера*, в 1886 году богатым классам приходилось не 33% всего дохода страны, а половина ¹⁾.

Что касается распределения между социальными классами, то в этом случае *Шмоллер* находит необходимым привлечь к учету материалы профессионально-промышленных переписей, чтобы предварительно иметь возможность ясно представить себе и установить точную картину социальной группировки населения. Годом исследования он берет 1895-й и предпочитает уже иметь дело со всей Германией, чем с одной Пруссией. Все население Германии *Шмоллер* делит на 5 социальных категорий: а) рабочее население, живущее наемным трудом; б) крупные чиновники, представители либеральных профессий, низшие чиновники, служащие в частных предприятиях; в) мелкие предприниматели, куда автор относит мелкое крестьянство, ремесленников, мелких торговцев; д) средний класс предпринимателей и промышленников; е) класс крупных предпринимателей.

а) К первой группе (классу наемных рабочих) *Шмоллер* относит (по переписи 1895 г.) 12,8 миллиона лиц, занятых в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, кроме того, 1,3 миллиона домашней прислуги, 0,4 миллиона рабочих с непостоянным характером труда (*wechselnde Lohnarbeiter*) и 0,7 миллиона солдат, унтер-офицеров, служителей и т. д., всего в общей сумме 15,2 миллиона лиц. Из этих лиц, по мнению *Шмоллера*, около 5 миллионов домохозяев, получающих в среднем по 900 марок ежегодного дохода, что составит 4,5 миллиардов марок; остается 10,2 миллионов лиц, среди которых имеются дети, подростки, молодые рабочие, еще не достигшие совершеннолетия, члены рабочих семей, так же как крестьянских и ремесленнических, в значительном количестве. Средний доход всех этих лиц *Шмоллер* определяет по 400 марок в год, что дает 4,08 миллиардов марок. Весь рабочий доход *Шмоллер* определяет, таким образом, в 8,58 миллиардов марок. Этот учет рабочих доходов *Шмоллер* проверяет данными германской статистики рабочего страхования от инвалидности и старости для 1896 и 1900 г.г. и находит, что если в 1896 году 11,46 миллионов рабочего населения получали почти 7 миллиардов марок, и в 1900 г. 12,7 миллионов лиц—почти 9 миллиардов, то его вывод, что в 1895 г. 15,2 миллионов рабочего населения имели годовой доход в размере 8,58 миллиардов марок, нельзя считать преувеличенным, а скорее даже ниже действительного ²⁾.

б) К числу высших чиновников государства и общин, а также и представителей либеральных профессий *Шмоллер* относит (для 1895 г.) 0,357 миллиона лиц; кроме того, низших чиновников—0,181 миллиона и служащих в частных предприятиях—0,621 миллиона; всего в общей сумме 1,16 миллиона. Часть этих лиц живет непосредственно на жалованье (последнее *Шмоллер* не отличает от трудовой наемной платы), часть—на жалованье

¹⁾ Schmoller Gustav. Grundriss der Allgemeinen... etc., стр. 139 (597).

²⁾ Ibid., стр. 427 (885). Чтобы определить всю сумму рабочего потребления данных категорий населения, *Шмоллер* считает необходимым прибавить еще около 150—200 милл. мар., расходуемых в виде пособий бедным 360 миллионов марок, а позднее—700—800 милл. мар., выдаваемых страховыми рабочими учреждениями, и, наконец, около $\frac{1}{4}$ миллиарда марок, представляющих доход от собственности рабочих.

плюс ренту от собственного имущества, которое Шмоллер находит и среди рабочих. Средний годовой доход всех лиц этой категории Шмоллер определяет по 2.000 марок на голову, что дает 2,32 миллиарда марок.

с) Что касается класса мелкого крестьянства, ремесленников и мелких торговцев, то к числу их Шмоллер относит, во-первых, мелких промышленных предпринимателей, из которых каждый работает не больше как с 1—2 лицами, во-вторых, мелких сельских хозяев, владеющих не больше 2—5 гектарами (ha) земли. Тех и других в 1895 году насчитывалось 3,26 миллионов лиц. Все эти лица, по мнению проф. Шмоллера, ни в хозяйственном ни в социальном отношении ничем в сущности не отличаются по условиям своей жизни от положения рабочих и низших служащих. Доходы лиц этой категории Шмоллер разлагает на два вида: доходы от личного труда и доходы от обладаемого капитала (имущественной собственности). Первого рода доходы Шмоллер определяет в 900 марок на каждое лицо. Что же касается вторых, то он находит, что каждое из рассматриваемых хозяйств обладает капиталом в среднем не большим, чем 500—3.000 марок, и думает что ежегодный доход от такого капитала в среднем не выше 100 марок в каждом отдельном случае. При этих предположениях доход от личного труда для всех 3,26 миллиона лиц составит 2,93 миллиарда марок, а доход от капитала или от имущества,—считая по 100 марок на каждое лицо,—0,32 миллиарда марок, всего доходов обоих видов—3,25 миллиарда марок.

д) Класс средних предпринимателей как в индустрии, так и в сельском хозяйстве, по своему хозяйственному положению стоит у Шмоллера выше предыдущего. Среди них—промышленники, с 3—5 лицами на каждое предприятие, и сельские хозяева, владеющие не ниже 5—50 гектарами земли каждый. В этой категории—1,55 миллиона активного населения. Доходы ее Шмоллер также разделяет на доходы от личной деятельности и от капитала. Первый вид доходов он определяет для данной категории лиц в среднем по 1.500 марок в год; второй—по 250 марок на каждое предприятие. Это дает всего 2,32 миллиарда трудовых доходов и 0,39 миллиарда имущественных, в общей сложности—2,71 миллиарда марок.

е) Классу крупных предпринимателей Шмоллер приписывает уже специфически-капиталистический дух. Лиц, принадлежащих к этой категории, в 1895 г. насчитывалось 0,5 миллиона активного населения. Средний годовой доход этого класса Шмоллер определяет в 8.000 марок на каждое лицо, при чем одну половину этой суммы он относит на счет личной деятельности и другую половину—на счет доходов от имущества (капитала), которое он считает на каждое лицо данного класса не ниже 90.000—120.000 марок. Все это дает 4 миллиарда марок.

Суммируя найденные итоги Шмоллера, мы получаем следующие данные:

Активное население Германии 1895 г.:	Доход в миллиардах марок:
1. 15,2 миллиона рабочих	8,83 (8,58 от труда+0,25 от капит.)
2. 1,16 миллиона чиновников и т. д. . .	3,07 (2,32 » » +0,75 » »)
3. 3,26 милл. мелких предпр. и т. д. . .	3,25 (2,93 » » +0,32 » »)
4. 1,55 милл. средних предпр. и т. д. . .	2,71 (2,32 » » +0,39 » »)
5. 0,5 милл. крупных предпр. и т. д. . .	4,0 (2,0 » » +2,0 » »)

21,86 (18,15 от труда+3,71 от капит.)

Весь национальный доход Германской империи для 1895 г. *Шмоллер* считает, однако, в 25 миллиардов марок. Недостающие 3,14 миллиарда марок составляют доходы не-физических лиц и обществ, не вошедшие в распределение (куда относятся доходы, которыми располагают дома призрения, больницы, тюрьмы, благотворительные учреждения, доходы общин, государств, имперские и т. д.).

Сам *Шмоллер* считает свои данные лишь приблизительно освещающими поставленную проблему ¹⁾. Вычисления и учет национального дохода и его долей (особенно поскольку речь касается доходов рабочих классов), сделанные в английской научной литературе (*Леви*, *Бакстером*, *Боули*, *Гиффеном* и *Чиоза Монти*) стоят в смысле большей точности много выше шмоллеровского учета. В данном отношении немецкая экономическая наука много беднее английской. Учет *Шмоллера* стоит во всяком случае много выше работ *Мая* и является в немецкой литературе почти единственным в своем роде. В своем учете *Шмоллер* брал средние доходы лишь приблизительно и без всякой градации по характеру занятий, полу, возрасту, местности и проч.; поэтому, едва ли можно признать, что в общих своих итогах учет его верно освещает отношения распределения народного дохода страны. Доля рабочих в национальном доходе Германской империи, согласно дан-

ным шмоллеровского учета, в 1895 г. составляла $\frac{8,83}{25} 100\% = 35,32\%$. У *Мая*

эта доля составляла, как мы видели, 41,4%. Сопоставляя размер доли в Германии с долей рабочих в национальном доходе Соединенного Королевства, мы должны признать, что отношения, найденные проф. *Шмоллером*, значительно ниже действительных. В Соединенном Королевстве, по данным *Боули*, *Леви*, *Чиоза Монти*, доля рабочих 60-х годов проявляла неизменную тенденцию к понижению, но до 1900-х годов не спустилась ниже 40%, как видно из таблицы, приведенной выше на стр. 169. По *Леви*, эта доля состояла в 1866—67 г. из 43,5%, а в 1882—3 г. — из 41,40%; по *Боули*, в 1860 г. — 47%, в 1891 — 43,5%; по *Чиоза Монти*, в 1903 г. — 38,3%, в 1908 г. — 38,1%. Для каждой страны, однако, на установлении доли рабочей играют роль тысячи самых различных и своеобразных, свойственных лишь данной стране, условий. По учету *Коста*, во Франции в 1890 г. национальный доход составлял всего около 23—24 миллиардов франков, из которых, как мы увидим ниже, доля рабочих в национальном доходе составляла в 1890 г. всего около 33—35% ²⁾.

По данным Англии, мы видели постепенное падение доли рабочих в национальном доходе по мере развития капитализма, с ростом общественного прогресса. Следовало бы ожидать поэтому, что в высоко промышленной и развитой в капиталистическом отношении стране доля наемных рабочих должна была бы стоять на относительно низшей ступени сравнительно с страной, менее развитой капиталистически. На самом деле, доля наемных рабочих в собственном смысле может быть и очень мала в странах, где весьма сильно мелкое крестьянство и мелкое ремесло, сравнительно с таковою долей, напр., в Англии, где процесс «освобождения» мелких крестьян и ремесленников от собственных средств производства давно уже более или менее закончился.

¹⁾ *Schmoller Gustav. Grundriss der Allgemeinen... etc.*, стр. 430 (888).

²⁾ Об учете национального дохода и его долей, сделанном для Франции *Костом*, мы еще будем говорить в дальнейшем.

В таких странах, как Франция и Германия, в процессе общественного производства роль самостоятельного мелкого производителя еще очень велика, в силу чего в этих странах наряду с наемным трудом рабочего видное место в создании общественных ценностей занимает рабочий труд самостоятельного мелкого производителя. Поэтому, если желать определить в этих странах долю рабочего труда вообще, как единственного создателя ценностей, необходимо учитывать долю в национальном продукте не только наемных рабочих, но вместе с ними трудовую долю и мелких самостоятельных производителей. Отношение трудовой и нетрудовой (незаработанной, или доли от капитала) доли для таких мелких самостоятельных производителей проф. Шмоллер берет, как мы видели, равным отношению 9:1 (для 1895 года). Мы можем ровно такое же отношение взять и для Франции (1890 г.), и на основании этого попытаться установить для обеих стран долю труда не только наемного, но и рабочего самостоятельного.

В Германской империи для 1895 года трудовая часть национального дохода, приходившаяся мелким производителям, составляла 2,93 миллиарда марок. Эта сумма вместе с 8,83 миллиардами марок рабочих в собственном смысле составляет 11,76 миллиардов марок, что составит для рабочей доли вообще 47,0%.

Если возьмем такое же отношение (9:1) между трудовой и не-трудовой долями мелких самостоятельных производителей во Франции, то, по данным Коста, должны будем прибавить к 8 миллиардам франков, приходящихся на рабочих в собственном смысле, еще $4 \times \frac{9}{10} = 3,6$ миллиардов франков в качестве трудовой собственной доли мелких самостоятельных производителей, что составит 11,6 миллиардов франков, или 48—50% ко всему национальному доходу (23—24 миллиарда франк.).

Вполне понятно, что в стране с мало развитой капиталистической промышленностью, где свободных от средств производства производителей, или наемных рабочих, мало, и где общественное производство в значительной степени держится еще на системе труда мелкого самостоятельного производителя, доля рабочего класса в собственном смысле в национальном продукте не может быть велика и равным образом не может быть сопоставляема с таковой же долей рабочих высоко капиталистически развитых стран. В Норвегии, напр., по данным Кизра, на двухмиллионное население в новейшее время было всего около 600 миллионов крон национального дохода, из которых на долю наемных рабочих приходилось 40—50 миллионов, т.-е. всего лишь 7—8% ко всему доходу страны ¹⁾.

Ссылаясь на английские данные Георга Кинга и Гиффена, американские данные Аткинсона и его критиков, равно как и на данные Энгеля, приводимые для Пруссии и Саксонии, проф. Шмоллер в общем итоге находит, что некогда имущественная рента достигала всего нескольких процентов, но затем, к концу первой половины 19-го века, достигла $\frac{1}{3}$ и кое-где даже $\frac{1}{2}$ всех доходов, но что в новейшее время эта пропорция между трудовыми и нетрудовыми доходами складывается скорее в сторону, благоприятную труду ²⁾. Все подобного рода исторические изыскания проф. Шмоллера теряют то значение, которое они могли бы иметь при правильной постановке вопроса о трудовой и имущественной ренте. Дело в том, что проф. Шмоллер

¹⁾ Sch moller Gustav. Grundriss der Allgemeinen... etc., стр. 430—431 (888—889).

²⁾ Ibid., стр. 458.

всю предпринимательскую деятельность считает такой же трудовой деятельностью, как и труд рабочего; сюда же он относит и трудовую деятельность чиновников, частных служащих и представителей либеральных профессий, т.е. категорий населения, живущих на производный доход. Предпринимательская прибыль в глазах Шмоллера по своему социально-хозяйственному происхождению и сущности не отличается от заработной платы наемного рабочего. Взгляды же Энгеля, который лишь заработную плату относит к категории трудовых доходов, все же прочие виды доходов—к категории имущественной ренты, проф. Шмоллер считает неправильным¹⁾. Ясно, что проф. Шмоллер смешивает в одно различные по существу функции организатора (предпринимателя), функции надзора и управления и функции рабочего.

Учет национального дохода в Пруссии мы находим в обширном методологического характера исследовании проф. А. Вагнера «Zur Methodik der Statistik des Volkseinkommens und Volksvermögens», посвященном, однако, разработке более статистики распределения обложенных доходов, чем статистике учета национального дохода в собственном смысле²⁾. Но, давши разработку и анализ материалов по статистике прусского подоходного обложения и распределения, проф. Вагнер касается отчасти и данных доходов необложенного населения. Последние, однако, он не подвергает сколько-нибудь обстоятельному исследованию, ограничиваясь лишь некоторыми общего характера положениями, без особой критической проверки их. Все свободное от обложения подоходным налогом активное население Вагнер разбивает на две группы: одну,—которая подлежит освобождению ввиду некоторых льгот, предоставленных по закону для низших категорий цензитов (§ 18 и 19 закона), и другую, доходы которой вообще не достигают Existenzminimum'a. Доходы первой группы проф. Вагнер определяет в 900 марок per capita активного населения группы, доходы второй—в 450 марок, причем этот размер доходов в первом и во втором случае он удерживает без изменения для всех тех лет, с которыми он имеет дело (1892, 1896, 1902 г.г.³⁾. Для десятилетнего периода такая неподвижность дохода во всяком случае противоречит фактам реальной жизни, не говоря уже о том, что выбор данного уровня доходов (450 мар. на душу активного населения) основан у Вагнера больше на установившейся традиции, чем на точном исследовании. В результате для Пруссии проф. Вагнер получает следующие суммы национального дохода⁴⁾:

1892—	9.702.000.000	марок
1896—	10.149.000.000	»
1902—	12.771.000.000	»

¹⁾ Schmoller Gustav. Grundriss der Allgemeinen... etc., стр. 458.

²⁾ Dr. Adolph Wagner. Zur Methodik der Statistik des Volkseinkommens und Volksvermögens. Mit besonderer Berücksichtigung der Steuerstatistik. (Zeitschrift des Königlich. Preuss. Stat. Bureau. 44 Jahrgang. 1904. II. Abteilung. Berlin 1904, стр. 41—122); Weitere statistische Untersuchungen über die Verteilung des Volkseinkommens in Preussen auf Grund der neueren Einkommenssteuer—Statistik (1892—1902). (Ibid., Berlin 1904. IV).

³⁾ Prof. Dr. Adolph Wagner. Weitere statistische Untersuchungen... etc. (Zeitschrift des königlich Preussischen Statistischen Bureau. IV. Berlin 1904). 3-е примечание к таблицам (Anhang, стр. 263).

⁴⁾ Ibid., стр. 231.

В изменении суммы ежегодных доходов, получаемых массой свободного от подоходного налога населения у Вагнера играет роль, как мы видели, только один фактор: изменение численного состава этих масс населения. Общий характер изменения доходов среди различных групп прусского населения за период 1892—1902 г.г. Вагнер представляет в следующих отношениях ¹⁾:

Изменение доли национального дохода Пруссии, получаемой различными группами населения, за 1892—1902 годы.

Г о д.	Доля дохода в процентах к общей сумме национальн. дохода.			
	Свободное от обложения население (до 900 м.).	Население с доходом 900—3.000 м.	Население с доходом 3.000—30.500 м.	Население с доходом выше 30.500 м.
	В п р о ц е н т а х.			
1	2	3	4	5
1892	41,21	30,01	20,20	8,58
1896	40,03	31,50	19,99	8,47
1902	32,97	34,92	21,57	10,54

Для самого последнего времени—1907 года—мы имеем учет национального дохода для Пруссии в «Materialien zur Beurteilung der Wohlstandsentwicklung Deutschlands im letzten Menschenalter», где национальный доход Пруссии определяется в 17.990.000.000 марок (1907 г.) ²⁾, при чем доходы необложенного населения взяты в 750 марок на голову активного населения, или 300 марок вообще на голову всего населения этой группы.

Если мы подведем итоги всему, что сделано в Германии по занимающему нас вопросу, то получим весьма незначительной ценности результаты. Учет национального дохода богатством и обилием попыток отличается лишь по отношению к Пруссии, но данные и этого учета невысокого значения. Особенно слабо разработан вопрос о доходах необязанного подоходным налогом населения. Учет этих доходов всюду производился лишь приблизительно, на основе общих положений предположительного характера. Сколько-нибудь надежных данных для учета доходов низших классов населения, свободных от обложения, нет ни для Германии вообще, ни для Пруссии, ни для другого государства. Учет долей социальных классов в национальном доходе поэтому почти отсутствует. Имеющиеся попытки на этот счет или неудовлетворительны (попытка Р. Мая), или обнимают лишь один год (попытка проф. Шмоллера для 1895 г.) и не позволяют делать каких-нибудь заключений по поводу закона падения доли рабочих по данным германской статистики. Что же касается доли вообще низших классов в национальном доходе, то имеющиеся данные, особенно, наприм., в Пруссии, показывают несомненную тенденцию к падению этой доли, сравнительно с долей средних и высших групп населения страны. Важнейшим препятствием к правиль-

¹⁾ Prof. Dr. A. Wagner. Weitere statistische... etc., стр. 255 (табл. XIX).

²⁾ Materialien zur Beurteilung der Wohlstandsentwicklung Deutschlands im letzten Menschenalter. III. Berlin 1908, стр. 112.

ному учету социальных долей в Пруссии (равным образом и в других германских государствах) является отсутствие хорошо поставленной статистики заработных плат, не позволяющее хоть сколько-нибудь близко к действительности учесть доходы рабочего населения страны. Рассмотренные данные по прусскому национальному доходу, из рук каких бы авторов они ни исходили, во всех случаях устанавливают несомненную тенденцию к возрастанию национального дохода Пруссии из года в год и к такому же возрастанию кривой среднего дохода на голову населения, что можно видеть из следующей сводной таблицы, составленной нами по данным Бёмерта, Зётбера, Ничке, Шмоллера, Вагнера и др. (см. табл. 28).

Мы видим, таким образом, непрерывный рост национального дохода из года в год и вместе с тем также и рост индивидуального дохода на душу населения в среднем. Но движения долей общественных классов прусская статистика нам не дает. Лишь неравномерность распределения, о которой мы будем говорить ниже, и которая увеличивается в Пруссии с каждым новым периодом развития, косвенно свидетельствует, что быстрее нарастание национального дохода далеко не сопровождается одинаковым участием всех классов населения в росте богатства страны, что менее обеспеченные классы все более и более остаются позади имущих. Единственно, что мы можем на основании рассмотренных данных заключить с некоторой достоверностью, это то, во-первых, что доля рабочих в национальном доходе Германии, за время 1895—1900 г.г., не превышала 35—41% и что, во-вторых, доля низших масс населения непрерывно падала.

Таблица 28.

Национальный доход Пруссии на голову населения с 1740 по 1907 г.г.

Г о д.	Автор учета.	Абсолютная сумма.	На голову населения.
		В м а р к а х.	
1740	Шмоллер	220.000.000	100
1786	»	648.000.000	120
1846	»	2.400.000.000	150
1872	»	6.900.000.000	290
1872	Зётбер	6.969.000.000	293
1888	»	9.332.000.000	329
1888	Шмоллер	9.300.000.000	330
1892	Вагнер	9.702.000.000	(325)
1893—4	Бёмерт	10.400.000.000	350
1899	Шмоллер	11.150.000.000	350
1900	Ничке	12.100.000.000	(351)
1902	Вагнер	12.771.000.000	(370)
1907	«Materialien»	17.990.000.000	(474)

Если в странах с сравнительно хорошо поставленной системой подоходного обложения, как напр., в Пруссии и Саксонии, мы не нашли сколько-нибудь точных учетов национального дохода и долей в нем социальных классов, то в такой стране, как Франция, где отсутствовало подоходное обложение и подоходная статистика, нельзя и ожидать возможности более или менее научной постановки учета доходов страны. Все, что имеется во Франции по этому предмету, носит характер приблизительных подсчетов, основанных на различного рода предположениях, нередко весьма гадательного свойства, нередко весьма остроумных. В последнем отношении приходится отдать честь французской изобретательности: несмотря на отсутствие точных данных, которые бы могли лечь в основу учета национального дохода страны, у французов мы находим ряд самых неожиданных и любопытных приемов, которые, в конце концов, заставляют относиться все же с некоторым доверием к получаемым результатам. Но если труден и ненадежен во Франции учет самого национального дохода, то еще более сложно и еще менее надежно здесь определение социальных долей доходов страны и их движения в историческом прогрессе страны. На данных Франции, поэтому, мы менее всего можем ожидать найти подтверждение или иллюстрации выставленного нами закона падения доли рабочих в общественном (национальном) доходе с развитием общественного прогресса. Тем не менее, мы рассмотрим вкратце наиболее типичные и наиболее научно обработанные попытки учета национального дохода в этой стране, а равным образом и учета долей последнего, ввиду некоторых своеобразных приемов, к которым прибегают здесь французские исследователи по данному предмету.

«Учет национального дохода, или, лучше сказать, совокупной массы индивидуальных доходов—говорит Turquan—в теории сделать очень легко. Если предположить, например, а priori, или даже опираясь на несколько технических приемов, что житель Франции на свое существование должен затрачивать и—следовательно—обладать такой-то известной суммой для удовлетворения своих разнообразных потребностей, то достаточно было бы установить этот средний размер индивидуального дохода, и сумма национального дохода была бы получена: если, например, средний размер такого индивидуального дохода равен 800 фр., то нетрудно найти, что доход 38,5 миллионов жителей Франции составит сумму в 30 миллиардов франков; если средний доход—700 фр. на голову, то национальный доход был бы лишь 27 миллиардов. Последнее было бы ближе к действительности. Но все это было бы лишь приблизительным учетом национального дохода. Все это не исходило бы из научного метода» ¹⁾. Такого рода приблизительных учетов национального дохода, о которых говорит Туркан, во Франции было очень много. Но достаточно лишь сопоставить все эти учеты, чтобы убедиться в том, как далеко могут расходиться результаты исследований, в основе которых нет ничего, кроме одних предположений. Такую сводку учетов национального дохода Франции за разные годы мы находим, например, у Лавегна и Анри, которые приводят попытки различных авторов, начиная с 1789 года ²⁾:

¹⁾ Turquan V. Evaluation de la fortune privée en France. (Revue d'économie politique. XIV année. Paris 1900, глава «Evaluation directe du revenu», стр. 170).

²⁾ См. A. de Lavergne et L. Paul Henry. La richesse de la France. (Fortune et revenus privés). Paris 1908, стр. 76.

Авторы.	Годы.	Миллионы франков.
T. de Flaix	1789	4.250
Poussielgue	1817	3.756
Hippolyte Passy	1849	6.000
Teisserenc de Bort	1871	10—15.000
Rouvier	1874	16.000
Elisé Reclus	1877	25.000
Vacher	1878	9.452
Talandier	1878	25.000
Vignes	1880	11.169
Leroy—Beaulieu	1883	25—30.000
Le Tresor de la Rocque	1883	37.000
Bonnet	1883	35.000
Chailley	1884	30.000
Fournier de Flaix	1885	25.000
Ballue	1886	8.000
de Foville	1886	20—25.000
Peytral	1888	16.191
Coste	1890	22.500
Commission de l'import sur le revenu	1895	22.500
Poincaré	1906	22.500
Caillaux	1907	22.500

Мы видим, что даже в пределах одного и того же года учеты колеблются так сильно и так резко расходятся, что к ним подрывается всякое доверие.

Наиболее научный учет национального дохода во Франции связан собственно с двумя именами: *Фовилем* и *Костом*. Учет первого относится к 1886 году, учет второго — к 1890. При этом и *Фовиль* и *Кост* каждый исходят в своих учетах из различных основ и своеобразных приемов.

Свой метод и его результаты *Фовиль* развивает главным образом в «*La France économique*»¹⁾. Под национальным доходом он здесь понимает «сумму индивидуальных доходов, имеющих налицо во Франции, т.-е. сумму средств, которыми ежегодно располагают 38 миллионов французского населения для удовлетворения своих текущих нужд, удовольствий» и проч.²⁾. В прошлом было множество всевозможных попыток учета национального дохода Франции, но они, как думает *Фовиль*, с несомненностью могли установить лишь факт непрерывного роста богатств страны, во много раз превышавшего рост населения. Так, в течение первой половины XIX века, согласно *Troplong'u*, национальное богатство Франции увеличилось в 5 раз, в то время как население только вдвое³⁾. *Фовиль*, однако, не думает, чтобы для Франции существовало вполне верное средство для достижения точного учета доходов страны. Вообще, по мнению *Фовиля*, пути, ведущие к определению национального

¹⁾ A. de Foville. *La France économique*. 1887. Paris, стр. 428 и далее; см. также Foville. *Richesse*, статья в *Dictionnaire des finances*, t. II. Paris 1894, publié sous la direction de Léon Say, стр. 1103 и далее; Foville. *Les fortunes en France et dans les pays voisins au commencement du XX-e siècle* (в «*Revue politique et Parlementaire*» 1903, T. XXXVII).

²⁾ Ibid., стр. 428.

³⁾ Ibid., стр. 430 (в примечании).

дохода, постоянно меняются. Наилучшим методом в данном случае, методом, который может в любую эпоху снабдить исследователя серьезными указаниями для учета национального дохода, *Фовиль* считает метод последовательных приближений (*des approximations successives*) ¹⁾. У *Фовиля* этот метод сводится к ряду последовательных предположений, исходя из которых происходит постепенное приближение к действительности. Если—говорит *Фовиль*—предположить, что средний уровень существования для французского населения—75 сантимов в день, или 274 франка в год, то доход в 1886 году не достигал бы и $10\frac{1}{2}$ миллиардов. Эта сумма была бы, однако, слишком мала. Несомненно, национальный доход должен быть значительно выше $10\frac{1}{2}$ миллиардов франков. Если далее попытаться взять сумму движимого и недвижимого капитала в стране, то получится сумма, предполагающая существование доходов с этих капиталов от 8 до 10 миллиардов. Если сумму заработных плат в стране предположить также не меньше суммы доходов от капиталов, то уже этим наш национальный доход должен был бы подняться до 15 миллиардов. Это приводит *Фовиля* к положению, что национальный доход Франции несомненно выше 15 миллиардов, но ниже 40 миллиардов франков ²⁾. На этом *Фовиль* не останавливается; он идет дальше. Он обращается к статистике прямого обложения и в ней находит средство для некоторого контроля полученных данных. Так, из данных, собранных и разработанных *Леруа-Воле* в его *Traité de la science des finances* (пред. к 3-му изданию, 1883 г.), *Фовиль* находит, что, по статистике прямых налогов, рабочему приходится в среднем уплачивать ежегодно от 8 до $10\frac{1}{2}\%$ своего бюджета, а миллионеру—около $13\frac{1}{2}\%$ — 17% ; между тем сумма прямых налогов в бюджете 1887 года равнялась $3\frac{1}{2}$ миллиардам. Следовательно, заключает *Фовиль*, если эта сумма составляет $12\frac{1}{2}\%$ всех доходов страны, то последний составит 30 миллиардов; если же она составляет 17% , то национальный доход будет уже 20 миллиардов франков. Отсюда *Фовиль* приходит к новому приближению: можно считать, что национальный доход колеблется между 20—30 миллиардами фр. ³⁾. Более надежной цифрой *Фовиль* считает, однако, 20—25 миллиардов франков.

В определении суммы национального капитала *Фовиль* видит, как мы говорили выше, одно из вспомогательных средств для определения национального дохода. Это установление всей массы имеющихся в стране капиталов *Фовиль* производит с особенной тщательностью и посредством специального метода, благодаря которому *Фовиль* заслужил себе всеобщую известность, именно: он обращается к статистике наследств, устанавливает среднюю ценность ежегодно переходящих из рук в руки наследств по завещанию и дарений (при жизни) и находит среднее число лет, в течение которых вымирает данное поколение и, следовательно, вся, имеющаяся налицо в данный момент, имущественная масса проходит свой законченный круг и регистрируется. Помножая среднюю ценность ежегодно переходящей наследственной массы (и массы, переходящей по дарению) на число лет, в течение которых передвигается все имущество нации, принадлежащее данному поколению, *Фовиль* получает общую сумму национального капитала для Франции (около 210 миллиардов франков; средняя ежегодная наследственная масса—около 6 мил-

¹⁾ A. de Foville. La France économique... etc., стр. 431.

²⁾ Ibid., стр. 432.

³⁾ Ibid., стр. 432—433.

лиардов; число лет, в течение которых вымирает все данное поколение, или средняя продолжительность жизни—35) ¹⁾.

Определивши сумму национального дохода для Франции в 20—25 миллиардов франков (1886 г.), *Фовиль* отказывается, однако, от учета распределения этой суммы между классами французского населения. «Если—говорит он—трудно определение всей суммы индивидуальных доходов Франции, то классификация этих доходов по их размерам еще более трудна» ²⁾. Нарисовать общественную пирамиду доходов для Франции *Фовиль* считает невозможной задачей. Он отмечает лишь в самых общих чертах существование тенденции к постепенному выравниванию в развитии распределения и примыкает в этом случае всецело к выводам *Леруа-Болье*, развитым последним в ультра-оптимистическом исследовании «*Essai sur la Répartition des richesses et sur la tendance a une moindre inégalité des conditions*» (1-е изд. 1880 г.).

Более подробно вопроса распределения доходов между социальными классами французского населения, вместе с учетом национального дохода Франции, касается другой из упомянутых нами статистиков Франции—*Адольф Кост*, вице-президент Статистического Парижского общества. В докладе, читанном в Парижском статистическом обществе, на заседании 18 июня 1890 года, *Кост* ставит на разрешение два вопроса: как велик национальный доход Франции и как он распределяется? ³⁾ В основу учета суммы доходов страны *Кост* кладет цифру, найденную *Фовилем* для 1886 года (20—25 миллиардов франков), но пытается некоторыми рассуждениями и более подробным анализом подкрепить достоверность учета *Фовиля*. По мнению *Коста*, Франция обладает драгоценным материалом, который может служить базой для учета национального дохода: это—данные земледельческой промышленности, разработанные *Тиссераном* (*Tisserand*) в «*Introduction à l'enquête agricole de 1882*». Результаты разработки данных земледельческой анкеты 1881 года *Кост* и кладет в основу своего исследования. Эти результаты *Кост* сводит к следующим важнейшим для него данным, содержащим общую ценность всего валового продукта, полученного от эксплуатации земли (в миллионах франков):

1. Производство растительных продуктов	11.502
2. Животноводство.	7.183

Всего 18.685

Из полученной суммы валового продукта земледелия *Кост* вычитает ряд издержек, чтобы выделить чистый доход населения (стоимость семян, навоза,

¹⁾ A. de Foville. La France économique... etc., стр. 441. По Vacher это число—31—33. Фовиль в другом месте берет это число в 32—34. Фелльнер считает метод Фовиля важным и интересным этапом в развитии проблемы учета национального богатства (Frédéric Fellner. L'évaluation de la richesse nationale. Bulletin de l'institut international de Statist.; t. XIII, 1902. Budapest, стр. 105). К методу Фовиля примыкает ряд исследователей из всех стран: Cauwès, Yves Guyot, Leroü-Beaulieu, Fournier de Flaix, Juglar, Besson, Turquan, Bodio, Pantaleoni, Neumann-Spallart, Inama-Sternegg и друг.

²⁾ A. de Foville. La France économique. Statistique raisonnée et comparative. Paris 1887, стр. 434.

³⁾ Adolphe Coste. Etude Statistique sur les salaires des travailleurs et les revenus de la France. Communication faite à la société de Statistique de Paris dans sa séance du 18 juin 1890. Paris 1890, стр. 3.

корма скота, содержания упряжных животных, употреблявшихся при обработке,—всего на сумму в 8.241 милл. фр.), и получает 10.444 миллиона франков, которые содержат в себе, по мнению *Коста*, земельную ренту, заработную плату, земельную прибыль предпринимателя, словом, представляют полностью доход земледельческого населения ¹⁾.

Из этой суммы 444 миллиона фр. *Кост* снова отбрасывает на издержки, идущие на неземледельческое население (различные материалы—продукты индустрии, труд слесарей, кузнецов, ветеринаров и проч., и проч.). В результате *Кост* получает для 1882 года 10 миллиардов франков земледельческого дохода Франции. Исходя, далее, из того, что, по профессиональной переписи 1886 года, земледельческого населения об. пола в стране было 17.698.402 лица, а неземледельческого—19.272.279, и предполагая, что доходы неземледельческого населения пропорциональны доходам земледельческого, *Кост* получает следующие данные для доходов того и другого вида населения Франции (1886 г.) ²⁾:

	Размер населения.	Доходы.
Население земледельческое . . .	17.698.402	10.000 милл. фр.
» неземледельческое . . .	19.272.279	10.889 » »
	36.970.681	20.889 милл. фр.

Кост, однако, и сам понимает, что эти суммы лишь приблизительные, что нельзя сравнивать производительность сельского рабочего и городского, так же как и заработные платы и доходы того и другого. *Кост* пытается поэтому при учете доходов принять во внимание и разницу в производительности и в размерах заработных плат между рабочим населением деревни и городов. Ради целей выравнивания, *Кост* делит все рабочее население на три категории: население сельское (селения, население которых не превышает 2.000 жителей), население городское (селения с числом жителей более 2.000) и население Парижа. *Кост* находит затем средний уровень заработных плат для каждой из установленных категорий и отсюда получает три различных коэффициента производительности, а именно:

	Средняя зараб. плата.			Коэфф. произ- водительности.
	мужч.	женщ.	вместе	
Население деревни . . .	2,66	1,63	4,29	1
Городское население . . .	3,50	1,80	5,30	1,24
Париж . . .	5,65	2,75	8,40	1,96

Пользуясь найденными коэффициентами производительности населения разных категорий, *Кост* получает уже более точный учет доходов страны, который он приводит в следующей таблице ³⁾:

¹⁾ Adolphe Coste. Etude Statistique... etc., стр. 4.

²⁾ Ibid., стр. 5.

³⁾ Ibid., стр. 6.

Теоретический учет доходов Франции.

Группы населения.	Размер населения (в круглых числах).	Коэффициент производит.	Доходы в милл. фр.
Население земледельческое .	17.700.000	1	10.000
Население в индустрии, торговле и транспорте:			
в деревнях	6.600.000	1	3.400
» городах	11.000.000	1,24	7.700
» Париже	2.300.000	1,96	2.500
Всего	37.000.000		23.600

Таким образом в результате целого ряда сложных выкладок и соображений *Кост* приходит к сумме в $23\frac{1}{2}$ миллиарда франков для национального дохода Франции. Эту сумму он считает, однако, высокой, во всяком случае выше средней, так как она базируется на данных земледельческой анкеты 1882 г., когда земледельческое производство было значительно выше среднего. Уменьшая полученную сумму только на $\frac{1}{20}$, *Кост* получает для национального дохода Франции сумму в $22\frac{1}{2}$ миллиарда франков, т.е. как раз среднее из суммы, найденной *Фовилем* для 1886 г. (20—25 миллиардов фр.). Свою сумму в $22\frac{1}{2}$ миллиарда фр. *Кост* относит к 1890 году.

Получивши сумму национального дохода Франции, *Кост* приступает к учету распределения его. Ради этих целей он обращается, как к основному материалу, к данным профессиональной переписи 1886 года, опубликованным в разработке *Vannasque* и *Turquan'a*. Эти данные сводятся к следующим итогам:

8.109.103 хозяев,
 964.032 служащих и приказчиков,
 6.774.590 рабочих, поденщиков, работников, подмастерьев etc.,
 1.950.208 домашней прислуги.

17.797.933.

Цифры этой классификации *Кост* модифицирует сообразно с данными земледельческой анкеты 1882 года, стараясь установить социальную группировку населения отдельно для земледелия, индустрии, торговли и транспорта, и для каждой группы и категории в отдельности определяет размер получаемых доходов. В основу определения рабочих доходов он кладет данные о заработной плате, собранные земледельческой анкетой 1882 года, при чем к сумме доходов домашней прислуги земледельческого населения прибавляет стоимость ее содержания (стол) и помещения (квартира, отопление, освещение), принимая, как среднее, в данном случае 400 фр. для мужчин и 290 фр. для женщин и детей ¹⁾. Заработную плату, в среднем, для земледельческих рабочих *Кост* получает в 578 фр. per capita, что для 3.434.938 лиц составляет 1.984,8 миллионов франков. Для всех рабочих, вместе с доходами домашней прислуги и служащих, *Кост* определяет сумму доходов около 8 миллиардов франков.

¹⁾ Adolphe Coste. Etude statistique... etc., стр. 9.

Остальные 14¹/₂ миллиардов *Кост* оставляет в виде прибыли для класса капиталистов. Но при этом он считает необходимым выделить из числа последних такие категории, которые принадлежат к классу «хозяев» больше по названию, по своему же фактическому положению и доходам, привычкам, образу жизни и уровню существования ничем не отличаются от рабочего существования. Таких лиц, которые находятся в положении, весьма близком к условиям жизни рабочих, *Кост* насчитывает в земледелии, исходя опять-таки из данных земледельческой анкеты 1882 г.,—около 1.700.000 индивидов, с средним доходом в 1.000 фр. в год, всего на сумму в 1.700 миллионов ¹⁾. Кроме того, к подобной же категории, по различным источникам, *Кост* относит около 1.000.000 мелких «хозяйчиков» или ремесленников, с доходом в 1.162 миллиона франков, и около 1.000.000 лиц других категорий (учителя, учительницы, мелкие чиновники, музыканты и т. п.), с доходом не выше 1.000—1.200 фр. на голову в среднем. Всего доходов мелких земледельцев, мелких ремесленников и самостоятельных рабочих, индивидуальный заработок которых не превышает высшего размера заработной платы среди наемных рабочих, *Кост* получает до 4 миллиардов франков ²⁾. Итоги, к которым приходит *Кост* при учете распределения доходов Франции, могут быть представлены в следующем виде:

Распределение национального дохода Франции. 1886—1890 г. г.

<i>Рабочие.</i>	Сумма дохода в миллион. фр.
3.434.938 земледельческих рабочих	2.000
3.834.580 рабочих в промышл., торг. и транспорте	3.600
1.132.076 служащих и приказчиков	1.000
1.950.208 домашней прислуги	1.400
Всего	8.000

3.700.000 мелких земледельцев, ремесленников, разносчиков, торговцев, солдат, матросов, служащих в полиции, церковных служителей и учительниц etc., доходы которых не превышают высших размеров заработной платы рабочих	4.000
--	-------

Капиталисты в собственном смысле.

1.683.192 в земледельч. предпр. . . . (3 ¹ / ₂ —4 ¹ / ₂ м. ф.)	10.500
1.009.914 в промышлени., торгов. предпр. и трансп. (3 ¹ / ₂ —4 ¹ / ₂ » »)	
1.053.025 собственников без предпр., рентьеры, либеральн. проф. (2 ¹ / ₄ —3 » »)	
17.797.933	
	22.500

¹⁾ Adolphe Coste. Etude statistique... etc., стр. 9.

²⁾ Ibid., стр. 15.

Эти данные *Кост* считает не более, как приблизительными, не более, как общей схемой, которая, однако, по его мнению, позволяет устанавливать положительную базу для экономических выводов ¹⁾.

На основании данных *Коста* мы находим, что чистая доля рабочих в национальном доходе Франции не превышала в 1890 году 35,5% всего национального дохода страны.

Много выше, чем *Кост*, определяют размер доли французских рабочих в национальном доходе *Лявернь и Анри*, приблизительно для 1900-х годов. Опираясь на данные профессиональной переписи 1901 года и на средний уровень индивидуальных заработных плат в различных местностях, *Лявернь и Анри* получают следующие данные для рабочих доходов в стране:

Земледельческие рабочие	2.335	млл. фр.
Рабочие и служащие в торговле, промышл. и транспорте	7.825	» »
Служащие в либеральных профессиях	404	» »
Домашняя прислуга	771	» »
Кроме того, сюда же авторы присоединяют всех, состоящих на жалованье от казны	1.300	» »
<hr/>		
Всего	12.635	млл. фр.

По учету авторов, такова сумма, которая получается во Франции исключительно живущими своим трудом. Сумму же доходов от капитала они определяют в 8.782 милл. франков, а доходов смешанного происхождения (от труда и капитала) в 6.360 милл. фр., весь же национальный доход Франции, таким образом, в 27.777 миллионов франков. Если из суммы того, что авторы называют доходами исключительно от труда, мы вычтем доходы лиц, состоящих на общественной службе (1.300 милл. фр.), а точно так же доходы служащих в либеральных профессиях (404 милл. фр.), то получим сумму в 10.931 милл. франков, представляющую собою доходы рабочих, прислуги и служащих в промышленности, торговле и транспорте (к сожалению, выделить доходы последней категории нет возможности). Эта сумма составит около 39,4% всего национального дохода Франции. Мы должны, следовательно, признать, что доля наемных рабочих, или рабочего класса в собственном смысле, не достигает во Франции 39—40% (для 1900-х годов). Если придерживаться точной группировки доходов самих авторов, то доля труда и капитала в национальном доходе Франции распределится, по данным *Ляверня и Анри*, следующим образом:

¹⁾ Cp. A. de La Vergne et L. Paul Henry. La richesse de la France. Fortune et revenus privés. Paris 1908, стр. 92 и след. Авторы этого вообще чрезвычайно дельного исследования находят, что метод *Коста* может быть применим лишь при сохранении большой осторожности и при ряде проверок; что коэффициенты производительности у *Коста* — гадательны; что приблизительные вычисления, основанные единственно лишь на сельскохозяйственном производстве, не могут быть надежны (ibid., стр. 90 и 91). *Лявернь и Анри* применили метод *Коста* к данным сельскохозяйственной анкеты 1892 года, при чем сумму национального дохода для этого времени нашли в 22.820 миллионов франков. Но эту сумму авторы находят ниже действительной, считая более верной сумму в 23.870 м. фр. (стр. 90).

	Милл. фр.	%/%
Доходы исключительно от капиталов	8.782	31,6
» от капитала и труда	6.360	22,8
» исключительно от труда	12.635	45,6
	27.777	100.

Если во Франции нет вполне надежных данных для учета доли рабочих в национальном доходе за один какой-нибудь взятый период или момент времени вообще, то нельзя ожидать, чтобы на французских данных можно было проследить движение доли рабочих с развитием капитализма и на этом движении иллюстрировать наш закон падения доли рабочих в общественном (национальном) доходе. Нельзя сказать, однако, чтобы во Франции не было таких попыток—проследить характер изменения социальных долей в историческом развитии общества. Но эти попытки или опираются на данные других стран или носят характер лишь предположительных и более или менее искусственных выкладок, но не опираются на точные данные статистики. Наиболее других ценны по этому вопросу попытки проф. *Шатлена* (в Нанси), который, исходя из целого ряда данных разных авторов и различных источников, приходит к важному для нашей проблемы выводу: с 1826 по 1906 г.г. общая сумма доходов Франции увеличилась в отношении 1: 3,16 (т.-е. на 216%), в то время как сумма заработной платы увеличилась лишь в отношении 1:2,72 (т.-е. всего на 172%); это значит, что за рассматриваемый период времени доля труда в национальном доходе уменьшилась с 0,64 до 0,56; и в то время как средняя всего национального дохода Франции per capita увеличилась в отношении 1: 2,514 (т.-е. на 151%), индивидуальная заработная плата, т.-е. средний доход на голову рабочего, увеличился лишь в отношении 1: 2,163 (т.-е. на 116%); все это подтверждает, по мнению *Шатлена*, положение, что доля рабочих в общем росте национального дохода, по мере роста общественного прогресса, падает и падает ¹⁾. Закон падения доли рабочих находит себе здесь новое подтверждение.

¹⁾ Emile Chatelain. La répartition de la richesse en France. (La Revue socialiste. Octobre 1909, стр. 880—899). См. также другие статьи автора, посвященные разбираемой проблеме: Emile Chatelain. Introduction à l'étude d'un problème de répartition. Variation de la part du capital et de celle du travail dans le revenu total croissant. (Revue d'économie politique. Janvier-février 1911); E. Chatelain. Le Problème de la répartition proportionnelle de revenu («Questions pratiques de législation ouvrière et de législation sociale, mars-avril-mai 1907»); Emile Chatelain. Réponse à la communication faite par M. Ives Guyot à la Société de Statistique de Paris le 20 janvier 1909, sur la Part respective du Capital et du Travail dans la production (Journal de la Société de Statistique de Paris, 1909, avril, стр. 108—111).—Статьи *Шатлена* вызвали ряд возражений и полемических контраст-статей, исходивших особенно в большом изобилии с пера И. В. Гюйо; таковы, напр.: Le sophisme marxiste («Journal des Economistes» 1901); La Banqueroute du socialisme scientifique (ibid., février 1907); La Banqueroute socialisme de la chaire (ibid., mai 1907); специально же Rodbertus contre Bastiat (ibid., июль 1907); Encore Rodbertus contre Bastiat (ibid., abr. 1907 г.); La part du capital et du travail dans la production (Journal de la Société de Stat. de Paris. Mapr 1909. Paris).—См. также Clément Juglar. De l'inégalité de la répartition des bénéfices du travail et du capital dans l'accroissement de la richesse depuis 50 ans (ibid., июнь 1897); Adolphe Coste. Un dernier mot sur les bénéfices comparés du travail et du capital (ibid., июль 1897).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КРИВАЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДОХОДОВ И МЕТОДЫ ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

I

Мы видели, с какими дефектами и трудностями соединен вопрос об учете долей национального дохода. Особенно затруднительным представляется учесть рабочие доходы в стране. Делать это приходится путем косвенных приемов, всегда рискуя неточностью, при чем точного разграничения производного и первоначального дохода нации невозможно достигнуть почти ни в одном случае, ни для какой страны, ни для одного периода времени. Материал, с каким приходится иметь дело, не всегда однороден, вытекает из разных источников, собран различными методами.

Даже один и тот же материал дает место различным выводам при различной обработке его, как это мы видели на примере учета национального дохода и его долей в Великобритании, где факт падения доли рабочих в национальном дивиденде, раскрываемый данными статистики, подвергается решительному сомнению и даже отрицанию многими из наиболее видных ученых, хотя другие, в то же самое время, на основании тех же самых источников, приходят к противоположному, т.-е. к полному утверждению этого факта. В статье, посвященной вопросу о методах использования подоходной статистики, *Гунке* находит вопрос о развитии доходов одним из важнейших учений в современной политической экономии и при этом замечает: «...И, тем не менее, сколько бы ни было сделано в этом направлении, еще не найдено всеисчерпывающего ответа; наоборот, существует множество самых разнообразных взглядов об общих тенденциях, которые проглядывают в развитии доходов. Различие получаемых результатов можно приписать вообще различию применяемых методов. На первом месте здесь стоит материал официальной статистики распределения дохода, и всякий раз различный метод разработки этого материала приводит к различного рода заключениям и выводам»¹⁾.

Между тем, при правильном применении, подоходная статистика могла бы раскрыть нам многие важные стороны в развитии отношений распределения, особенно на более или менее продолжительных периодах времени, хотя бы она и не обладала сведениями о рабочих доходах. Последнее свойство,

¹⁾ Dr. E. Hunkel. Methodologisches zur Verwertung der Einkommens-teuerstatistik. (Allgemeines statistisches Archiv, herausg. von Dr. Georg von Mayer. 7. Band. Erster Halbband. Tübingen 1907, стр. 90).

еще не исключает возможности уловить характер движения распределения, особенно при наличности однородных, годных для сравнения данных, так как масса населения, лежащая ниже предела достойного существования, приблизительно однородна и не может быть сильно дифференцирована; дифференциация общества начинается лишь с известных определенных границ, лежащих выше *Existenzminimum*'а. Движение кривой распределения, по данным любой подходящей статистики, косвенно могло бы поэтому раскрыть нам основную тенденцию роста доходов низших классов населения сравнительно с ростом доходов богатых классов. Характер этой кривой будет косвенно освещать нам в общих чертах характер и социальных отношений между трудом и капиталом: рост неравномерности распределения доходов будет определенно свидетельствовать о концентрации богатств и накоплении их, все дальше и дальше оставляющем позади себя (хотя бы и) прогрессирующее благосостояние трудового населения и — eo ipso — расхождение между трудом и капиталом; наоборот, тенденция к выравниванию в распределении будет означать «диффузию богатств», приближение двух полюсов к одной и той же точке.

Таким образом, и при отмеченной неполноте сведений, использование подходящей статистики, хотя бы последняя и носила резко выраженный тип построения по индивидуальному распределению и давала бы, в конце концов, суммы индивидуальных доходов, а не составные массы общественного дохода или национального дивиденда, во всяком случае представляет большое значение в вопросе определения основных тенденций развития социальных долей.

К сожалению, для использования данных подходящего обложения в таких определенных целях нет прочно установившегося метода. До сих пор преобладающий в экономической науке метод немецкого типа приводит к совершенно неправильным выводам, передающим в совершенно извращенном виде картину общественного распределения доходов и исторические тенденции последнего. Необходимо выбрать метод определения кривой распределения, который бы применялся как к характеру существующей подходящей статистики, с одной стороны, так — с другой — отвечал бы требованиям научной статистики. Насколько важен в данном случае правильный метод в определении кривой распределения, вытекает хотя бы из того, что, как мы уже замечали, пользуясь разными методами, многие ответы получают диаметрально противоположные выводы из одних и тех же источников, по одним и тем же данным, для одних и тех же цифр. Вот почему нам кажется целесообразным вопросу об определении кривой распределения, по данным подходящей статистики, уделить особое внимание и подвергнуть критической оценке наиболее распространенные типы использования подходящей статистики в целях решения вопроса о том, замечается ли в современных капиталистических странах тенденция к росту неравномерности в распределении доходов населения, чтобы затем уже после установления наиболее лучшего метода, наиболее всего отвечающего поставленной цели и требованиям научной статистики, подвергнуть анализу с точки зрения найденного метода имеющийся материал по статистике распределения доходов в важнейших странах.

II

Наиболее простой и распространенный метод определения кривой распределения по данным подходящей статистики состоит в простом констатировании факта прироста или сокращения (в процентах) числа цензитов в различных

группах благосостояния. Все, подлежащее обложению подоходным налогом, население группируют в несколько типичных групп, смотря по сумме получаемого (облагаемого) дохода. Затем наблюдают процентное изменение числа цензитов каждой группы, за различные периоды времени. Больший прирост цензитов с крупными доходами, сравнительно с приростом беднейшей части цензитного состава, будет свидетельствовать, согласно этому методу, о растущей неравномерности распределения, т.-е. более быстром росте крупного, сравнительно с мелкими, дохода. Наоборот, больший процентный прирост за взятый период беднейших категорий населения, наряду с сокращением относительного числа крупных цензитов, свидетельствовал бы о том, что в распределении происходит диффузия богатства, что все большие и большие группы населения переходят в разряд обложенного населения, и что наибольший прирост благосостояния происходит и наблюдается не в верхах, а именно среди низших слоев народа. С точки зрения такого метода особенно благоприятным считается, при доказательстве растущей тенденции к выравниванию доходов и диффузии их, если происходит относительно больший прирост цензитов средних классов. Такой метод можно назвать методом процентного изменения числа цензитов разных категорий благосостояния или, как называет его Гунке, *методом процентного прироста классов* ¹⁾.

Как ни наивным представляется пользование этим до чрезвычайности упрощенным методом, тем не менее мы видим употребление его в весьма многочисленных случаях, в руках нередко видных экономистов. Можно сказать даже, что до последнего времени метод этот был излюбленным не только в популярной, но и научной экономической литературе. Типичнейшим представителем этого метода «процентного прироста классов» можно назвать известного уже нам Гошена, доказывавшего при помощи этого метода идею диффузии доходов для Англии 70—80-х годов ²⁾. Как мы уже видели, Гошен оперирует данными шедулы D и берет для сравнения период времени 1877 и 1886 г.г., при чем обложенное население он группирует на четыре класса, по размерам получаемых доходов; таблица, получаемая Гошеном, такова:

Доходы.	Число цензитов в шедуле D. Англия.		
	1877 г.	1886 г.	% увеличения (+) или уменьшения (—).
От 150 до. 500 фунт. стерл. . .	285.754	347.021	21,4%+(увеличение)
» 500 » 1.000 » » . .	32.085	32.033	0,0%±(без перемены)
» 1.000 » 5.000 » » . .	19.726	19.250	2,5%—(уменьшение)
Выше 5.000 фунт. стерл.	3.122	3.048	2,3%—(уменьшение)

Из этой таблицы Гошен позволяет себе делать вывод о том, что несомненна «тенденция богатства среди классов, платящих подоходный налог, рас-

¹⁾ Dr. E. H u n c k e. Methodologisches zur Verwertung der Einkommensteuerstatistik, ibid., стр. 90—91.

²⁾ G. G o s c h e n. «The Increase of moderate Incomes». Journal of the R. S. Society. Dec. 1887. v. I., стр. 589 и след.

пределяться в более небольших суммах, но в более широкой массе рук». На эту таблицу Гошена ссылается, как мы видели, и Шульце-Гевверниц в «Zum sozialen Frieden», доказывая, что происходит постепенное сокращение расстояния между богатыми и бедными. Этой ссылкой он тем самым признает себя солидарным с Гошеном, разделяя его и метод. Отчасти тот же метод применяет и Леруа-Болье, устанавливая тенденцию «к все большему и большему рассеиванию богатства»¹⁾. Эту «диффузию» богатств во Франции Леруа-Болье видит даже в том факте, что в Париже в 1896 г. оставалось лишь не больше 2.570 лиц, обладавших доходом свыше 100.000 франков в год²⁾.

В последнее время методом процентного прироста классов пользуется также проф. Вагнер, что видно из его работы «Zur Methodik der Statistik des Volkseinkommens und Volksvermögens»³⁾, где Вагнер приводит следующую таблицу, показывающую процентный прирост цензитов в прирейнских провинциях за 1878—1882 г.г.⁴⁾:

Классы цензитов.		С доходом от до:		Прирост цензитов в ‰
Высш. ступ.	низш. клас.	900—	2.100 мар.	224,98 ‰
Низш. »	»	2.100—	3.000 »	164,00 »
Средн. »		3.000—	6.000 »	197,33 »
Высш. »		6.000—	9.500 »	265,41 »
Низш. »	»	9.500—	30.500 »	332,49 »
Средн. »		30.500—	100.000 »	416,57 »
Высш. »		100.000—и выше	»	1.003,33 »

Из приведенной таблицы Вагнер заключает, во-первых, о несомненно растущем общем благосостоянии населения прирейнских провинций; во-вторых, о том, что рост благосостояния был замечен в наибольшей степени на высших ступенях населения и слабее всего на низших, постепенно поднимаясь почти с правильностью снизу вверх; и, в-третьих, в виде общего вывода, — что, значит, «социальная дифференциация классов, поскольку она покоится на величине доходов, возросла».

Несостоятельность метода «процентного прироста классов» настолько очевидна, что неудивительно, если метод этот не выдерживает серьезной критики. Беспощадную критику этот метод встретил, прежде всего, со стороны проф. Юмуса Вольфа⁵⁾, предложившего взамен несостоятельного метода процентного прироста классов свой особый метод (который мы рассмотрим ниже), и особенно суровую — со стороны американского проф. Или⁶⁾.

В своей книге об «Эволюции промышленных обществ» проф. Или посвящает шестую главу второй части книги исключительно вопросу о «концентра-

¹⁾ P. Leroy-Beaulieu. «Essai sur la répartition des richesses et sur la tendance à une moindre inégalité des conditions». 4 изд. Paris 1897, стр. V.

²⁾ Ibid., стр. 564.

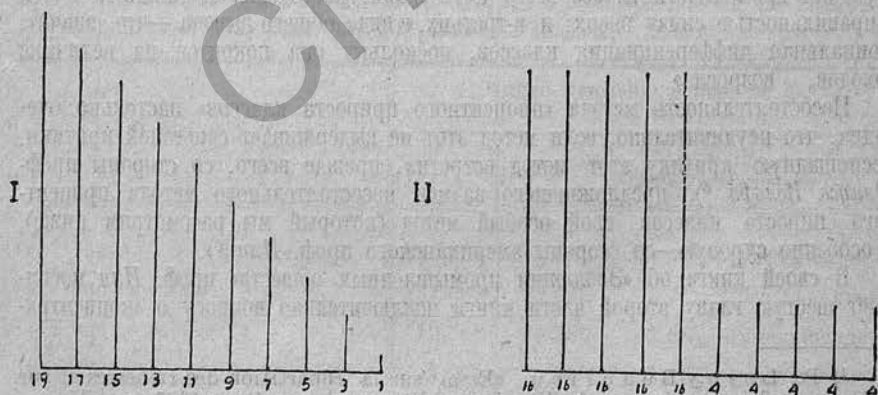
³⁾ A. d. Wagner. «Zur Methodik der Statistik des Volkseinkommens und Volksvermögens». (Zeitschr. des königl. Preuss. stat. Bureau 1904. II Abt.).

⁴⁾ Ibid., глава VIII, стр. 85.

⁵⁾ Dr. Julius Wolf. Sozialismus und Kapitalistische Gesellschaftsordnung. Kritische Würdigung beider als Grundlegung einer Sozialpolitik. Stuttgart 1892. B. I.

⁶⁾ Richard T. Ely. «Studies in the Evolution of industrial Society». New-York 1903. Citizens' Library of Economics, Politics and Sociology).

ции и диффузии богатства»¹⁾ и отмечает крайнюю важность правильного метода в таком спорном и трудном вопросе, как вопрос о распределении богатства. «Среди всех писателей—говорит *Или*—парит полное единодушие в том, что в последнем столетии рост производства богатства был громаден; никогда прежде не замечался такой быстрый рост техники и такое успешное использование природных сил, как теперь. Но отнюдь нет такого же единодушия в ответе на два вопроса: 1) как это произведенное богатство действительно распределяется и 2) как должно быть распределено?»²⁾ В самом понятии «концентрации» проф. *Или* проводит совершенно правильное различие двух разнородных понятий, которые нередко у нас смешиваются: концентрации капиталов и концентрации доходов. Если бы в Соединенных Штатах капитал, вложенный в стальной трест, был собственностью каждого хозяйствующего индивида, имеющего по одной акции каждый, то концентрации дохода не имелось бы, а концентрация промышленности была бы точно такая же, как в настоящее время³⁾. *Или* находит, что выбрать определенный критерий, по которому бы можно было легко определить, больше или меньше концентрация доходов за тот или иной период времени,—вопрос очень трудный. Для иллюстрации трудности и сложности вопроса *Или* приводит следующий пример: предположим, 100 долларов распределены между 10 лицами двумя различными способами; в одном случае распределение таково, что каждое лицо получает в последовательно-убывающем порядке 19, 17, 15, 13, 11, 9, 7, 5, 3 и 1 долл.: в другом случае—одна половина получает по 16 д. каждое лицо, другая—по 4 д., т.е. все распределение выразится в формуле 16, 16, 16, 16, 16, 4, 4, 4, 4, 4. Спрашивается, где концентрация выражена в большей степени: в первом или во втором случае? Если представить графически эти два различных порядка распределения, то различный характер распределения в обоих случаях будет несколько заметнее. Представляя в виде вертикальных линий доходы каждого лица, будем иметь:

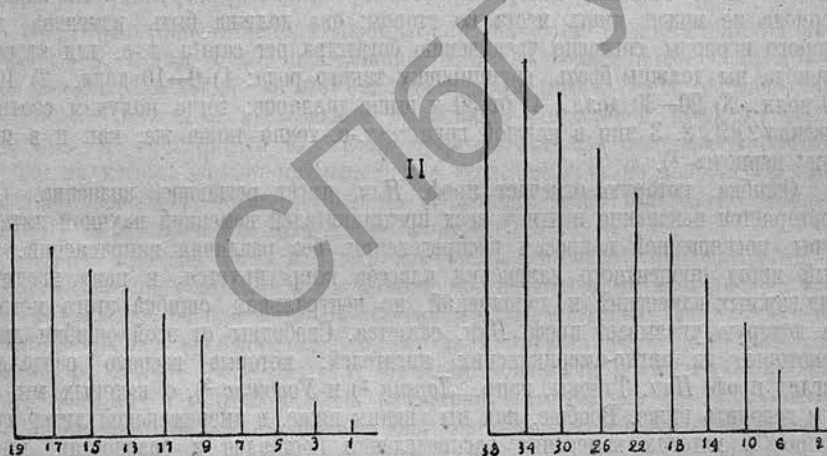
Что ясно на первый взгляд, так это то, что во втором случае как в первой, так и во второй половине населения имелась несомненная диффузия, но между первой и второй половиной произошла несомненная концентрация,

¹⁾ R. T. Ely. Studies in the Evolution... etc., стр. 255 и след.

²⁾ Ibid., стр. 255.

³⁾ Ibid., стр. 255—256.

еще более резкое расхождение, чем в первом случае. Но где большая степень концентрации вообще—сказать чрезвычайно трудно, не обладая специальными приемами, правильными методами определения характера распределения. По мнению проф. *Или*, вопрос еще более осложняется, когда мы попытаемся учесть движение к концентрации или к диффузии за более или менее значительный период времени, в течение которого изменяется не только характер распределения, но и количество населения, и состав населения, и сумма, подлежащая распределению. Проф. *Или* особенно предостерегает в данном случае именно от метода сравнения процентного прироста числа цензителей за два сравниваемых периода. Чтобы показать, к каким ошибочным заключениям может повести этот метод, проф. *Или* снова прибегает к иллюстрации при помощи графического изображения. Предположим, говорит он, характер распределения в первом и во втором периоде с внешнего вида нисколько не изменился, не изменилось также и число лиц, между которыми происходит распределение, но распределяемая сумма во втором периоде увеличилась ровно вдвое. В таком случае, при остающемся неизменным характере распределения, каждое лицо во втором периоде получит ровно вдвое больше, чем оно получало в первом периоде. Предположим, в первом периоде 10 лиц распределяло между собою своих 100 долларов в таком порядке: 19, 17, 15, 13, 11, 9, 7, 5, 3, 1, а во втором 38, 34, 30, 26, 22, 18, 14, 10, 6, 2. Графически это может быть представлено в таком виде ¹⁾.

Ясно, что степень концентрации осталась неизменной за данный период. Линии лишь удвоились, взаимоотношения же их ничуть не изменились. Каждое лицо стало лишь вдвое богаче сравнительно с прежним периодом, но характер распределения вдвое возросшего богатства остался таким же, как и был. *Отношение* богатства самого крупного богача к богатству самого бедного человека как в первом периоде, так и во втором, одно и то же, именно 19 : 1.

Но совершенно иной вывод о том, изменилась ли степень концентрации, мы получим, если последуем за методом «процентного прироста классов». Согласно этому методу, мы должны все население (в данном случае 10 лиц)

¹⁾ Prof. Ely. Studies in the Evolution... etc., стр. 258.

разбить на группы по размерам доходов каждого лица и наблюдать процентное изменение (за два периода) числа лиц в каждой группе. Возьмем всего четыре группы: 1) 0 и менее 5 долларов, 2) от 5 до 10 долл., 3) от 10 до 15 д., 4) от 15 д. и выше. На основании такой группировки получаем следующую таблицу:

Группы населения.	Число лиц.		Процентный прирост (+ или уменьшение (—).
	Первый период.	Второй период.	
1. 0—5 долл.	2	1	— 50%
2. 5—10 »	3	1	— 66⅔%
3. 10—15 »	2	2	± 0
4. 15 долл. и выше . . .	3	6	+ 100%

Согласно нашей таблицы, мы должны прийти к выводу, что характер распределения между первым и вторым моментом изменился радикально, что несомненна тенденция к концентрации, чего в действительности, на самом деле, не было. «Ошибка, — говорит проф. *Или*, — ясна: старая группировка первого периода не может иметь места во втором; она должна быть изменена для второго периода, согласно увеличению богатства per capita, т.е. для второго периода мы должны брать группировку такого рода: 1) 0—10 долл., 2) 10—20 долл., 3) 20—30 долл., 4) от 30 и выше долларов; тогда получим соответственно 2, 3, 2, 3 лиц в каждой группе, т.е. точно такое же, как и в первом периоде»¹⁾.

Ошибка, которую отмечает проф. *Или*, имеет решающее значение. Она повторяется неизменно почти у всех представителей немецкой научной литературы, посвященной вопросам распределения, без различия направлений. Самый метод процентного изменения классов корректируется, к нему вводится ряд важных изменений и дополнений, но центральная ошибка этого метода, на которую указывает проф. *Или*, остается. Свободны от этой ошибки лишь некоторые из англо-американских писателей, которые всецело разделяют взгляд проф. *Или*. Таковы, напр., *Лоренц*²⁾ и *Уоткинс*³⁾, о которых мы будем говорить ниже. Вообще, как мы увидим ниже, в американской литературе вопрос о методах измерения распределения поставлен и разработан много глубже, серьезнее и научнее, чем это делается в настоящее время на континенте.

Итак, основная ошибка метода процентного прироста класса, отмечаемая проф. *Или*, состоит в том, что этим методом не принимаются во внимание изменения скалы для группировки населения по степени благосостояния. Метод «процентного прироста классов» исходит из предпосылки неизменности группировочной скалы, какие бы периоды ни рассматривать, и независимо от

1) R. T. Ely. Studies in the Evolution... etc., стр. 259.

2) M. O. Lorenz. Methods of measuring the concentration of Wealth. (American Statistical Association. New Series, № 70. June 1905). стр. 210.

3) G. P. Watkins. Comment on the Method of measuring concentration of Wealth. (Amer. Stat. Assoc. New Series, № 72, december 1905) Стр. 351.

того, какое бы ни произошло передвижение и изменение общего уровня благосостояния страны. Этот метод не принимает в расчет того обстоятельства, что, при общем передвижении среднего уровня общего благосостояния, старая скала группировки по благосостоянию, составленная в абсолютных числах, уже не годна. Скала, группирующая все население по размерам благосостояния, должна передвигаться соответственно передвижению степени общего благосостояния. Лишь таким путем можно избежать серьезных заблуждений и неправильных заключений.

Другим, менее фундаментальным сравнительно с первым, недостатком рассматриваемого метода является *недостаточная рельефность* картины распределения, получаемой при помощи этого метода. Цифры различного прироста числа пензитов в различных классах населения сами по себе не могут резко начертать перед нами характер картины распределения и основные тенденции его исторического развития. Трудно сказать без особого самостоятельного анализа, увеличивается ли степень концентрации, когда, например, первая и четвертая группы прирастают, а вторая и третья — сокращаются. Одни процентные цифры прироста или сокращения сами по себе еще недостаточны для того, чтобы представить вполне определенно характер распределения и движения кривой распределения.

III

На неправильность метода «процентного прироста» впервые обратил внимание проф. *Юлиус Вольф* в Германии. Так как большинство социалистических писателей исходило из этого метода и приходило к выводу о росте концентрации богатств и постепенном вырастании социальной пропасти между богатыми и бедными, то *Ю. Вольф* сосредоточил всю силу своей критики именно на методе, обычно применяемом в исследованиях по вопросам распределения, задавшись целью разрушить социалистические выводы по данному предмету и доказать их полнейшую иллюзорность ¹⁾.

В виде примера того, к каким ненадежным выводам приходит обычный метод, *Вольф* приводит вывод *Гиффена* и противоположный последнему вывод мисс *Э. Симкокс*, составленные на основании одних и тех же данных, за один и тот же период времени, — именно, на основании английской подоходной статистики за 1843 и 1879—1880 г.г. ²⁾ *Гиффен* находил по этим данным картину развития в высшей степени благоприятную как для рабочего класса, так и для всего населения страны; благосостояние во всех группах увеличилось в два—три раза. Наоборот, *Э. Симкокс* на основании тех же данных находит, что цифры подтверждают положение о том, что богатые становятся более

¹⁾ Dr. Julius Wolf. Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung. Kritische Würdigung beider als Grundlegung einer Sozialpolitik. Stuttgart 1892, B. 1.—J. Wolf. Illusionisten und Realisten in der Nationalökonomie. (Zeitschrift für Sozialwissensch. B. 1).

²⁾ Miss Edith Simcox. Income and expenditure of the upper and middle classes since 1880. (Proceedings and papers of the Industrial Remuneration Conference, London 1885).—R. Giffen. Essays in Finance, Second Series. Third edition. London 1890: «The Progress of the working classes in the last half century», стр. 398.

(См. Edith Simcox. Loss or Gain of the working Classes during the Nineteenth Century. Appendices, стр. 96. Industrial Remuneration Conference, The Report of the proceedings and papers etc. London 1885).

богатыми, а население с мелкими доходами, если не абсолютно, то относительно, еще беднее в возможности удовлетворения своих потребностей. Э. Симмонс делит все налогообязанное население Англии на пять групп по благосостоянию (бедных, достаточных, состоятельных, богатых и очень богатых) и находит, что в период времени за 1843—1880 г.г. первая группа и вторая увеличились на 300% и 240%, в то время как последних две на 400% и 500%; отсюда вывод, что «львиная доля доходов достается крупным, а мелкие классы населения участвуют в общем росте благосостояния далеко не в таком же отношении» ¹⁾.

Возможность таких противоречивых выводов Вольф объясняет только недостаточностью метода исследования. Центральную ошибку метода «процентного прироста» он видит, однако, в ином, чем проф. Илм. Вольфа не удовлетворяет не то, что, несмотря на рост общего благосостояния и передвижения общего уровня его, абсолютная скала, лежащая в основе группировки по размерам благосостояния, остается без изменения и для второго периода; но неправильным он считает предпосылку, лежащую в основе обычного метода, молчаливо всеми принимаемую и состоящую в признании того, что каждый класс (группа) цензитов сам из себя «развивается»; т.е., с точки зрения

¹⁾ Цифры, о которых в данном случае идет речь, таковы:

Доходы от и до		Число цензитов.	
		1843 г.	1879—80 г.
150—	200 ф. ст.	39.366	130.101
200—	300 » »	28.370	88.445
300—	400 » »	13.429	39.896
400—	500 » »	6.781	16.501
500—	600 » »	4.780	11.317
600—	700 » »	2.672	6.894
700—	800 » »	1.874	4.054
800—	900 » »	1.442	3.595
900—	1.000 » »	894	1.396
1.000—	2.000 » »	4.228	10.352
2.000—	3.000 » »	1.235	3.131
3.000—	4.000 » »	526	1.430
4.000—	5.000 » »	339	758
5.000—	10.000 » »	493	1.439
10.000—	50.000 » »	200	785
50.000 и выше	» »	8	68
		106.637	320.162

Эти числа группировались у г-жи Симмонс с следующим образом:

Размер доходов.		Число цензитов.	
		1843 г.	1879—80 г.
150—	500 ф. ст.	87.946	274.943
500—	5.000 » »	17.990	42.927
5.000—	10.000 » »	493	1.439
10.000—	50.000 » »	200	785
выше 50.000	» »	8	68
		106.637	320.162

обычного метода, увеличение каждого класса или сокращение его совершается в пределах собственного состава, независимо от изменения центров другого соседнего или более отдаленного класса; представляется, что рост или сокращение любого класса цензитов не совершается на счет других классов, а происходит на счет собственных членов. Это положение *Вольф* считает совершенно неправильным, а самый метод ненаучным, «неисторичным» ¹⁾. Метод процентного вычисления мог бы быть правильным, по мнению *Вольфа*, лишь в том случае, если бы каждый класс населения действительно не отдавал некоторую свою часть другому классу, если бы каждый класс развивался сам из себя. Можно сравнивать между собою лишь числа, относящиеся к одному и тому же классу; лишь в этом случае могут иметь какое-нибудь значение процентные сравнения и изменения. Задача же, по мнению *Ю. Вольфа*, состоит главным образом в том, чтобы определить, сколько цензитов перешло за данный период времени из одного класса в другой; лишь после выяснения этого вопроса и получения двух рядов однородных цифр для каждого из двух взятых периодов можно применять с успехом метод процентного прироста классов. Лишь в этом случае, по мнению *Ю. Вольфа*, можно получить правильное представление об истинном движении кривой распределения: по направлению в концентрации или к диффузии. *Вольф* дает следующий пример для иллюстрации своего метода:

В Кантоне Цюрихе насчитывалось лиц, обязанных поимущественным налогом:

От и до франков:	1848 г.	1888 г.
I— 100— 2.000	25.991	21.108
II— 2.000—20.000	13.959	24.406
III—20.000—25.000	2.409	6.584
IV—25.000 и более	81	484

Согласно обычно применяемому методу, процентное изменение за 1848—1888 г.г. выразится в следующем виде:

I— 19%
II+ 75 »
III+174 »
IV+500 »

Исходя из такого метода, по полученному процентному приросту можно заключить, что развитие отношений распределения в Цюрихском Кантоне было за период 1848—1888 г.г. в высшей степени неблагоприятным: благосостояние возрастало главным образом среди тех кругов населения, которые богаче других. Но этот вывод *Вольф* находит не соответствующим действительности и совершенно ошибочным. Иное получается при его методе. *Вольф* смотрит прежде всего на то, сколько лиц из одного класса перешло в другой, с ним смежный. Если в 1888 г. во II классе цензитов было 24.406, а в 1848 г. в этом классе их было лишь 13.959, то ясно, по мнению *Вольфа*, что избыток в 24.406—13.959 лиц, т.-е. 10.447, составил на счет лиц, перешед-

¹⁾ Dr. Julius Wolf. Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung. Kritische Würdigung beider als Grundlegung einer Sozialpolitik. Stuttgart 1892. Bd. 1, стр. 234, 235.

ших из первого класса. Но это было бы не совсем точно, так как из второго класса некоторая часть перешла, в свою очередь, в III класс; таковых было именно столько, на сколько увеличился III класс в 1888 г., сравнительно с численностью его в 1848 г., т. е. — на $(6.584 - 2.409) 4.175$. Следовательно, на первый класс выпало пополнить и эту ушедшую из II класса группу. Таким образом I класс потерял всего $10.447 + 4.175 = 14.632$ лица, перешедших во II класс. Это означает, по мнению *Вольфа*, что благосостояние в первом классе за 1848—1888 г.г. поднялось; что 56% этого класса перешло во II класс. Такого же рода вычисление *Вольф* применяет и по отношению ко II классу, отдавшему некоторую часть своего состава III классу. Эту часть необходимо точно так же найти, что *Вольф* и делает при помощи предыдущего приема: II кл. передал III-му $4.175 + 403 = 4.578$ лиц, что показывает изменение II кл. в сторону благосостояния на 33%. Тем же аналогичным способом *Вольф* находит и для III класса благоприятное изменение на 17%. В результате *Вольф* приходит, таким образом, к выводу, что благосостояние росло более всего среди низших групп населения и сравнительно менее всего в наиболее богатом классе, хотя оно и имело место вообще для всех классов населения. Вывод, — радикально противоположный первому.

Такой же противоположный вывод, сравнительно с выводом, получаемым обычным методом, находит *Вольф* и по другим данным. Так, напр., из подоходной статистики Саксонии, за 1879—1890 г.г., по старому, обычному методу, процентное изменение классов выразилось бы в следующем виде:

В Саксонии число цензитов в 1879 и 1890 было:

Группы населения с доходом в мар.	1879 г.	1890 г.	± в %/о	
			по стар. мет.	по Вольфу.
1. до 500 мар.	560.210	546.138		
2. 500—800 »	270.246	401.439	+ 48,3 ⁰ /о	50,7 ⁰ /о
3. 800—1.600 »	165.699	318.125	+ 92,0 ⁰ /о	67,2 ⁰ /о
4. 1.600—3.300 »	62.140	91.124	+ 47 »	24,9 »
5. 3.300—9.600 »	24.140	36.841	+ 50 »	28,3 »
6. выше 9.600 »	5.293	10.402	+ 96 »	21,3 »

Критика *Вольфа*, направленная против обычного метода, была встречена в Германии далеко не сочувственно. Наилучшие немецкие авторитеты в данной области решительно высказались против вольфовской критики и его метода, таковы, наприм., *Р. Мейер*, *В. Зомбарт*, *Зингер*, *Эверт* и др. ¹⁾

Нашлись, однако, и сторонники критики *Вольфа*, приветствовавшие его попытку — подвергнуть пересмотру обычно применяемые приемы в использовании статистики распределения. Среди таких сторонников *Вольфа* можно назвать итальянского экономиста *Константино Брешиани*, который вносит, однако, существенные поправки в метод, предлагаемый *Вольфом* на место обычного

¹⁾ См. *R. Meyer*. Ст. «Einkommen» в *Handw. der Staatswiss.* Jena 1900, 3 изд., стр. 368 и след. — *Prof. J. Singer*. Рецензия на книгу Ю. Вольфа в *Conrad's Jahrbücher*, 59, 3 F., 4. B., стр. 875—889. — *W. Sombart*, рецензия на книгу Вольфа в *Brauns Archiv*, 1892, V, стр. 487—498. — *G. Evert*. Socialstatistische Streifzüge durch die Materialien der Veranlagung zur Staatseinkommensteuer in Preussen von 1892 bis 1901. (Zeitschr. des königlich. Preuss. Statist. Bureau. Berlin 1902. IV, стр. 245—272).

метода ¹⁾. *Брешани* считает вольфовское толкование совершенно правильным, но считает лишь необходимым продолжить критику *Вольфа* и внести исправления в самый метод *Вольфа*, так как, по мнению *К. Брешани*, *Вольф* свой метод не совсем правильно применяет и не выдерживает его до конца ²⁾. Что касается обычного метода «процентного прироста», то *Брешани* высказывает удивление, каким образом может так долго удерживаться старый метод, не имеющий под собой никаких научных оснований. Основную позицию *Вольфа* *Брешани* считает совершенно правильной, но к критике *Вольфа* предлагает следующую поправку: чтобы определить число цензитов низшего класса, перешедших в следующий высший, необходимо к последнему причислить не только прирост цензитов класса, следующего непосредственно за этим высшим классом, но и прирост всех других высших классов вплоть до самого последнего, наивысшего. Для определения числа переходящих из одного класса в следующий *Брешани* предлагает следующий прием: нужно взять сумму всех цензитов, следующих за определяемым классом, в одном периоде и такую же сумму цензитов в другом периоде; разница между двумя суммами и даст искомое число цензитов, которое перешло из определяемого класса в непосредственно за ним следующий. В примере *Вольфа* с швейцарскими данными для 1848—1888 г.г. метод *Брешани* выразится в следующем виде:

Число цензитов в Цюрихском Кантоне.

Группы с доходом.	1848 г.	1888 г.	Число цензитов.			Прирост в ‰	
			Перешед- ших.	По мет. Воль- фа.	По мет. Бре- шани.	По Воль- фу.	По Бре- шани.
				1848—1888 г.г.			
I. 100— 2.000 фр.	25.991	21.108	—	—	—	—	—
II. 2.000—20.000 »	13.959	24.406	из I во II	14.622	15.025	56	58
III. 20.000—25.000 »	2.409	6.584	» II в III	4.578	4.578	33	33
IV. 25.000 фр. и выше.	81	484	» III » IV	403	403	17	17

Подтверждение своему методу *Брешани* находит в следующем примере: Он берет число цензитов для 1905 года в Пруссии по прусской подоходной статистике и предполагает, что каждый класс к определенному моменту времени отдает из себя в следующую за ним высшую группу ровно по 10‰ своего собственного состава. В этом случае *Брешани* получает новый ряд цифр для цензитов нового состава. Применяя свой метод для проверки, он действительно получает, что прирост в каждом классе составляет 10‰.

Значение метода *Брешани* для социальных выводов и заключений о тенденциях в развитии распределения сводится к тому, что он еще более увели-

¹⁾ Dr. Constantino Bresciani, privatdoc. der Statistik in Pavia. Ueber die Methoden der Einkommenvertheilungstatistik. (Jahrbuch f. Nationalökonomie und Statistik. III. Folge. 33. Band 1907, 5. Heft. 577—600 стр.)

²⁾ Ibid., стр. 580.

чивает степень изменения отношений в сторону, благоприятную низшим классам населения. Если выводы *Вольфа* грешат в сторону оптимизма, то выводы *Брешани* еще более увеличивают степень оптимизма. В существе дела, *Брешани* вводит лишь детальную поправку в метод *Вольфа*, в основе соглашаясь с последним. Если метод *Вольфа* окажется в принципе научно неприемлемым, то поправка *Брешани* отпадает сама собой.

Для оценки метода *Вольфа*—*Брешани* нам достаточно поэтому остановиться на том принципе, который предлагает и устанавливает *Вольф*. Принцип этот в том, чтобы центр всего внимания свести к определению числа лиц, переходящих из одного класса в другой. *Вольф* при этом исходит из предпосылки, что увеличение числа цензитов в разных классах от одного периода времени к другому происходит во всех случаях вообще снизу, что классы вырастают отнюдь не на счет высших классов, отнюдь не на счет верхов. *Е. Гунке*, один из сторонников «исторического» метода *Вольфа*,¹⁾ находит «историчность» вольфовского метода именно в этом положении о нарастании верхних классов на счет низов, так как оно соответствует историческому ходу вещей, ибо увеличение цензитов происходит вообще снизу. Это положение *Вольфа* *Гунке* приветствует также еще потому, что оно дает возможность избежать «ошибки приписыванья непропорционально высокого роста высшим классам»²⁾. Можно, однако, сомневаться в том, что таков именно действительно «исторический ход вещей». Характер исторического хода распределения есть не нечто данное, а то, что требуется доказать, что нужно установить. Это не исходный путь в доказательстве, а то, к чему должно прийти доказательство. Возможно, что «исторический ход вещей» идет в совершенно противоположном направлении, чем это априорно устанавливает *Вольф* и сторонники его метода. В капиталистическом обществе вполне возможным может оказаться, что средние классы населения раскалываются по двум направлениям: одна часть, может быть, именно меньшая, переходит в ряды более состоятельных классов, другая же—возможно, что как раз наибольшая,—пополняет собой ряды менее состоятельного класса, ниже стоящего. *Вольф* же принимает за исходную посылку то, что доказывает. *Эверт* правильно указывает в данном случае, что отнюдь не всегда прирост групп происходит снизу, но часто или в пределах группы или сверху³⁾.

Такова первая основная ошибка «исторического» метода *Вольфа*. Всю несостоятельность последнего особенно рельефно вскрывает американский статистик *М. Лоренц*⁴⁾. *Лоренц* прибегает в данном случае к простому гипотетическому примеру, который дает возможность детально проследить, как может совершаться переход цензитов из одного класса в другой, и какое значение может иметь это передвижение цензитов на характер распределения. Этот гипотетический пример *Лоренца* очень прост и до очевидности обнаруживает полнейшую непригодность и ошибочность результатов, к которым приводят

¹⁾ Dr. E. H u n c k e. Methodologisches zur Verwertung der Einkommensteuerstatistik. (Allgem. Statist. Archiv, herausg. von Dr. E. v. M a y r 7. Band. Erster Halbband. Tübingen 1907).

²⁾ Ibid., 94.

³⁾ Georg E v e r t. Sozialstatistische Streifzüge durch die Materialien der Veranlagung zur Staatseinkommensteuer in Preussen von 1892—1901 (Z. d. Kön. Pr. st. Bureau. 1902. IV).

⁴⁾ M. O. L o r e n z. Methods of Measuring the Concentration of Wealth. (American Statistical Association. New Series. № 70, June 1905).

вольфовские приемы при определении характера и исторических тенденций распределения. Этот пример состоит в следующем ¹⁾: предположим, определенная сумма доходов, за известный период времени, распределяется между 25 лицами, которые по размерам своих доходов могут быть сведены к 5 группам, при чем так, что в каждой группе число лиц одинаково, т.-е. 5; сумма же доходов всех 25 лиц, в порядке снизу вверх, начиная от самого беднейшего, вплоть до самого богатого, выразится в следующем ряде чисел (в долларах): 1, 3, 5, 7, 9; 10, 12, 14, 16, 18; 25, 28, 31, 34, 37; 50, 60, 70, 80, 90; 100, 110, 120, 130, 140. Согласно нашим условиям, первая, наименее богатая группа населения, получает от 0—9 долл., вторая—от 10—24 долл., третья—25—49 долл., четвертая—50—90 д. и пятая—100 и более долларов. Располагая все население (25 лиц) и его индивидуальный доход по группам состоятельности, получаем следующую таблицу:

К л а с с ы.	Доходы каждого лица в каждом классе (дол- лары).	Число лиц.
I. 0 до 9 доллар.	1, 3, 5, 7, 9	5
II. 10 » 24 »	10, 12, 14, 16, 18	5
III. 25 » 49 »	25, 28, 31, 34, 37	5
IV. 50 » 99 »	50, 60, 70, 80, 90	5
V. 100 и более доллар.	100, 110, 120, 130, 140	5

Предположим теперь, говорит *Лоренц*, что доходы каждого лица во всех классах удвоились. При этом отношения между индивидуальными остаются неизменными, и поэтому степень концентрации должна остаться такой же, как и была. Последнее вполне понятно: если бы в любом обществе все одновременно и в одинаковом отношении неожиданно разбогатели, степень концентрации или диффузии доходов от этого не потерпела бы ни малейшего изменения. Новая картина распределения, при одновременном удвоении всех доходов без исключения и при старой группировке, выразилась бы в следующей таблице:

К л а с с ы.	Доходы каждого лица в каждом классе (дол- лары).	Число лиц.
I. 0 до 9 доллар.	2, 6	2
II. 10 » 24 »	10, 14, 18, 20, 24	5
III. 25 » 49 »	28, 32, 36	3
IV. 50 » 99 »	50, 56, 62, 68, 74	5
V. 100 доллар. и более	100, 120, 140, 160, 180, 200, 220, 240, 260, 280	10

¹⁾ М. О. Lorenz. Methods of Measuring... etc., стр. 211, 212.

Мы имеем возможность по данным таблицы проследить, как шло движение лиц из одного класса в другой: из первого класса во второй перешло трое; из второго в третий — также трое; из третьего в IV — все 5 и из IV в V — также 5. Переход этот вместе с процентным приростом выразится в следующей таблице ¹⁾:

Перешло число лиц.

Из какого класса в какой.	Число лиц.	В ‰ к первоначальному числу лиц класса, из которого произошел переход.
Из I во II	3	60%
» II в III	3	60%
» III » IV	5	100%
» IV » V	5	100%

Эта таблица обнаруживает факт происшедшей в общественном распределении доходов концентрации, выразившейся в том, что число пензитов последних классов выросло неравномерно высоко, в сравнении с изменением в первых группах. Между тем, как мы знаем из наших предпосылок, никакой концентрации в нашем примере не было и не могло иметь места. Очевидно, путем вольфовского метода, мы получили ложный вывод, не совпадающий с действительным ходом вещей.

На данном гипотетическом примере *Лоренца* легко убедиться, насколько неоснователен принцип *Вольфа*, согласно которому он определяет число лиц, переходящих из одного класса в другой. По этому принципу прироста высших классов непосредственно на счет лишь соседнего низшего класса, числа лиц, перешедших из класса в класс, в примере *Лоренца*, были бы совсем иные, чем есть в действительности: так, наприм., по методу *Вольфа*, перехода из I класса во II совершенно не было бы, между тем, на самом деле, из I класса во второй перешло трое; что касается числа лиц, перешедших из II класса в III, то, по *Вольфу*, не только не нашлось бы здесь ни одного лица, совершившего этот переход, но даже пришлось бы отметить обратное движение. На самом деле число перешедших из II класса в III было такое же, как и в первом случае, т.-е. трое. Лишь цифра перешедших из IV в V класс оказалась бы у *Вольфа* совпадающей с действительной (5).

Что касается поправки *Брешани*, то она действительно является весьма ценной; она действительно исправляет ошибочные и ведущие к полнейшему искажению действительности приемы *Вольфа*. Прилагая поправку *Брешани* в гипотетическом примере *Лоренца*, имеющую отношение к способу определения числа лиц, перешедших из одного класса в другой, мы находим, что поправка *Брешани* достигает правильных результатов. Но эта поправка имеет

¹⁾ М. О. Lorenz. Methods of Measuring... etc., стр. 212.

дело, как мы видели, только со способом определения числа лиц, перешедших из одного класса в другой. Основной же ошибки метода *Вольфа*, который думал определить степень концентрации по процентному приросту лиц, перешедших из одного класса в другой, *Брешани* не устраняет. Поэтому, даже в исправленном своем виде метод *Вольфа* не имеет под собой серьезного основания. Он, как мы видели, исправляет, хотя и ошибочно, обычный метод «процентного прироста классов», повторяя основные недостатки, заложенные в самой основе последнего метода. В чем же основные недостатки метода «процентного прироста», мы уже видели: с одной стороны, этот метод игнорирует необходимость изменения группировки населения, сообразно выросшему масштабу благосостояния; с другой — он недостаточно рельефен. Если метод *Вольфа*, даже в исправленном своем виде, на примере *Лоренца* приводит к абсурдным выводам, то только потому, что он нарушает необходимое требование: изменять группировку цензитов по благосостоянию, сообразно с новым масштабом.

Если доходы каждого лица и, следовательно, всего населения увеличились ровно вдвое, то необходимо было для правильного приложения метода процентного прироста взять группировку населения для нового распределения по увеличенному ровно вдвое масштабу. «Коренная ошибка здесь,—говорит *Лоренц* о методе *Вольфа*,—лежит в игнорировании изменения классификации цензитов по доходности вместе с изменением всей суммы доходов населения» ¹⁾.

Отсюда, в развитии использования подоходной статистики, в целях определения истинных тенденций распределения доходов страны, открывалась необходимость исследовать не только изменения в числе цензитов того или иного класса, но и изменения суммы доходов их. Было очевидно, что одновременно с изменением в обложенном населении приходилось наблюдать и изменения в обложенном богатстве. В этом направлении открывалось место новому коррегированию методов определения кривой распределения,—коррегированию, состоящему в присоединении к одному показателю картины распределения (числа цензитов и их классового изменения) другого показателя (суммы доходов и их классового передвижения). При таком введении нового элемента, который должен был определять характер движения совершающегося в стране распределения, самый метод оставался, однако, без изменения. Вводился новый элемент, производился анализ не только движению классов населения, но и движению доходов этих отдельных классов; но самый анализ производился на основе старого метода, путем вычисления «процентного прироста» классов населения, группированного по размерам доходов, с одной стороны, и вместе с тем также путем одновременного и такого же вычисления движения доходов различных классов,—с другой. Методологическое значение такого коррегирования было лишено всякого серьезного значения и ценности, пока метод «процентного прироста» со всеми своими недостатками оставался в силе; и применение одновременного анализа двух элементов распределительной картины (движения числа цензитов и движения их доходов) на основе старого метода не пользовалось широким распространением. Положение изменилось, когда на место метода «процентного прироста» был введен метод «процентного распределения состава и прироста» ²⁾.

¹⁾ M. O. Lorenz. Methods of Measuring... etc., стр. 213.

²⁾ См. Dr. E. H u n c k e. Methodologisches zur Verwertung der Einkommensteuerstatistik. (Allgem. St. Archiv. 7 B., 1. Halbb, 1907, стр. 98).

IV

Сущность нового метода сводилась к следующему. Группировалось по старому методу население, обложенное подоходным налогом; eventualmente представлялась соответственная группировка и доходов каждого класса. Соответственные цифры каждой группы приводились не в абсолютном виде, а в процентах к абсолютному числу всех цензитов и всех доходов, т.-е. и число цензитов и сумма всех обложенных доходов принималась за 100, и соответственно изменялись все цифры отдельных групп. Получалось, таким образом, «процентное распределение состава» цензитов и доходов. Уже после этого производилось сравнение прироста или сокращения в каждой группе соответственных данных. Из сравнения процентных изменений классов (в вышеуказанном смысле) и их доходов выводились соответственные заключения.

Такого рода метод пользуется широким распространением особенно в Германии. Им обыкновенно пользовались здесь и продолжают пользоваться наиболее известные экономисты и статистики, работающие над вопросами распределения доходов. И Роберт Мейер, и Зётбер, и Бёмерт, и Вагнер, и Ничке, и Гейль (Heil),—все они в основу своих исследований о распределении кладут именно указанный метод «процентного распределения состава»¹⁾. Проф. Вагнер, наприм., дает следующую таблицу для характеристики картины распределения в Пруссии и в Берлине (отдельно) для 1892—1896—1902 г.г.²⁾.

Прусское государство.

К л а с с ы.	% цензитов.			% дохода.		
	1892 г.	1896 г.	1902 г.	1892 г.	1896 г.	1902 г.
1. Свободные от обложения (до 900 мар.)	78,18	76,88	70,66	41,21	40,03	32,97
2. От 900 до 3.000 м.	18,98	20,23	25,83	30,01	31,50	34,92
3. » 3.000 » 30.500 »	2,74	2,79	3,38	20,20	19,99	21,57
4. » 30.500 м. и выше.	0,10	0,10	0,12	8,58	8,47	10,54
	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

¹⁾ Dr. Adolph Soetbeer. «Umfang und Vertheilung des Volks-Einkommens im Preussischen Staate 1872—1878. Leipzig 1879; Volkseinkommen im Preuss. Staate 1876 und 1888 (Conrad's Jahrbuch, N. F. 18 Band. Jena 1889) и др.—Dr. Wilhelm Böhmert. Die Verteilung des Einkommens in Preussen und Sachsen... etc., Dresden 1898.—Dr. Adolf Heil. Resultate der Einschätzungen zur Einkommensteuer in Hessen, Sachsen und Hamburg in Bezug auf die Entwicklung des Mittelstandes. Jena 1888.—Dr. Kurt Nitschke. Einkommen und Vermögen in Preussen und ihre Entwicklung seit Einführung der neuen Steuern... etc., Jena 1902.—Dr. Victor Böhmert (Z. des K. Sachs. B., 1894 и друг. годы).

²⁾ Prof. Adolf Wagner. Weitere Statistische Untersuchungen über die Verteilung des Volkseinkommens in Preussen auf Grund der neueren Einkommensteuerstatistik (1892—1902). Crp. 229—267. (Zeitschr. des kön. Pr. Zt. B., IV. 1904).

Город Берлин.

К л а с с ы.	‰ цензитов.			‰ дохода.		
	1892 г.	1896 г.	1902 г.	1892 г.	1896 г.	1902 г.
1. Свободные от обложения (до 900 м.)	68,06	62,84	56,89	25,26	22,31	18,88
2. 900—3.000 м.	27,26	32,36	37,73	28,67	32,47	34,79
3. 3.000—30.500 »	4,39	4,48	5,04	26,54	25,83	25,81
4. 30.500 м. и выше	0,30	0,31	0,33	19,54	19,40	20,51
	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Вагнер здесь комбинирует движение цензитов с движением доходов. *Виктор Бёмерт* дает в следующей таблице пример без такого комбинирования двух элементов распределения, ограничиваясь движением одного лишь числа цензитов: ¹⁾

Процентное распределение цензитов в Саксонии за 1879—1894 г.г.

К л а с с ы.	1879 г.		1894 г.	
	Абсолютное число цензитов.	В ‰	Абсолютное число цензитов.	В ‰
1. Несостоятельный (до 800 м.)	828.686	76,39	973.257	65,30
2. Средний (800—3.300 м.)	227.072	20,94	464.110	31,14
3. Состоятельный (3.300—9.600 м.)	24.072	2,22	41.890	2,79
4. Очень богатый (выше 9.600 м.)	4.921	0,45	11.300	0,77
	1.084.751	100,00	1.490.557	100,00

Опираясь на движение цензитов в каждом классе, взятых в процентах ко всему составу цензитов, *Бёмерт* констатирует тенденцию весьма благоприятного развития в распределении, находя, что средний класс растет, а необеспеченный класс заметно сокращается в своих относительных (хотя и не абсолютных) размерах.

Как мы видим, метод «процентного распределения состава», обращая внимание не на процентный состав классов, а на относительное изменение их по отношению к общему числу цензитов, остается на старом принципе, удерживая

¹⁾ См. Zeitschrift d. Königl. Sächs. Statist. Bureaus 40. 1894, стр. 201 и след. (Sächsische Einkommensteuerstatistik von 1875—1894, von Dr. Victor Böhmert).

основной недостаток метода процентного прироста: игнорирование необходимости изменения скалы, лежащей в основе группировки на классы, при изменении общего масштаба богатства. Уже отсюда можно усомниться в том, чтобы новый метод «процентного распределения» мог приводить к сколько-нибудь правильным заключениям. Более детальный анализ свойств этого метода окончательно подтверждает его научную непригодность и несостоятельность. Следующий гипотетический пример может вполне убедительно показать заблуждения, к каким можно прийти, пользуясь этим методом ¹⁾.

Предположим, процентное распределение цензитов, сгруппированных в три класса, прежде и теперь было таково:

К л а с с ы.	Прежде.	Теперь.
	В процентах.	
I. С доходом в 900—3.000 мар.	90	85
II. » » » 3.000—10.000 »	9	10
III. » » » более 10.000 мар.	1	5
	100	100

Если исходить из толкования тенденций распределения по процентному распределению состава, то мы должны заключить, согласно данным таблицы, что характер распределения, за период времени прежде и теперь,—плутократический: низший класс цензитного населения сокращается, средний класс прирастает чрезвычайно туго, едва заметно, а главнейший прирост в движении классов приходится на класс богатых. На самом деле вывод такой был бы далек от действительности в такой общей своей формулировке. Если возьмем какую-нибудь общину из 10.000 жителей, с 1.000 цензитами в одном периоде и с 2.000—в другом, доходы которых распределялись различно прежде и теперь, то получим такого рода таблицу:

К л а с с ы.	Прежде.		Теперь.	
	Абсол.	%	Абсол.	%
I. 900—3.000 мар.	900	90	1.700	85
II. 3.000—10.000 »	90	9	200	10
III. Выше 10.000 »	10	1	100	5
	1.000	100	2.000	100

¹⁾ См. Evert Georg. Sozialstatistische Streifzüge durch die Materialien der Veranlagung zur Staatseinkommensteuer in Preussen von 1892—1901. (Zeitsch. d. Königl. Preus. Stat. Bureaus. 1902. IV).—Ср. H u n c k e E., Dr. Methodologisches zur Verwertung der Einkommensteuer Statistik. (Allgem. St. Archiv, 7. B., 1. Halbband, 1907, стр. 100).

Такое распределение в относительных числах точно совпадает с процентным распределением цензитов прежде и теперь в приведенной раньше таблице, из которой мы сделали вывод о плутократическом характере развития. В действительности же только что приведенная таблица, дающая нам, кроме процентного распределения, и абсолютные числа цензитов и общее число всего населения, говорит нам не совсем то, что мы заключали из прежней таблицы. Мы здесь видим, что если относительно цензитов в данной общине и происходит падение класса беднейшего населения и быстрый рост богатого класса, то, относительно всего населения, ни беднейший ни средний классы не только не обнаружили тенденции к сокращению или очень медленному приросту, но выросли весьма заметно: с 9% и 0,9% до 17% и 2%. Ошибка, или вернее неточность, произошла благодаря опять-таки игнорированию движения всего населения. Эверт называет эту ошибку «полнейшим отрыванием, изолированием (völlige Loslösung) цензитов от населения», а это, между тем, как говорит Гунке, чрезвычайно важно, и, если этот метод применяется к распределению дохода, он дает почти всегда ложную картину ¹⁾.

Еще более убедительной станет несостоятельность метода «процентного распределения состава», если применим этот метод на известном уже нам гипотетическом примере Лоренца ²⁾. Из этого примера мы знаем, что между первым и вторым периодом времени концентрации никакой не произошло, хотя цензиты, расположенные в старой, раз навсегда фиксированной группировке, и потерпели изменение и передвижение, что выразится в нижеследующей таблице:

К л а с с ы.	Число цензитов прежде.		Число цензитов теперь.	
	Абсол.	%	Абсол.	%
1. 0—9 доллар.	5	20	2	8
2. 10—24 »	5	20	5	20
3. 25—49 »	5	20	3	12
4. 50—99 »	5	20	5	20
5. 100 доллар. и выше	5	20	10	40
	25	100	25	100

Из картины процентного распределения, которую дает эта таблица, мы должны бы заключить о несомненной тенденции неравномерного развития в нашем примере. Между тем нам заведомо известно, что никакой концентрации доходов не было и не могло быть, согласно тем предпосылкам, на которых был построен гипотетический пример Лоренца. Очевидно, вывод на основании метода «процентного распределения» — ошибочный, приводящий к абсурдным результатам. Основной недостаток этого метода лежит не в том, что он не считается с элементом общего населения. В примере Лоренца население совпадает с числом цензитов, и последнее не изменяется, оставаясь неподвижным как в первом, так и во втором моменте времени. Фактор населения, как таковой, здесь таким образом устраняется от влияния на распределение. И, тем не менее, ошибочность вывода имеет место.

¹⁾ Dr. E. H u n c k e. Methodologisches zur Verwertung der Einkommen-steuerstatistik. Ibid., стр. 100.

²⁾ M. O. L o r e n z. Methods of measuring the concentration of Wealth. (Amer. Stat. Association. New Series, № 70, June 1905, стр. 212).

Мы видели, что при применении метода «процентного распределения» обыкновенно пользуются одновременным анализом: и изменением цензитов и изменением их доходов. Анализ этот производится так, что и тот и другой элементы распределения остаются между собою ничем не соединенными; каждый из них производится самостоятельно и лишь параллельно с другим. Это осложняет вопрос об определении действительных тенденций в развитии распределения. Определение характера последнего затрудняется особенно в том случае, если цензиты сгруппированы в многочисленные классы, благодаря чему приходится наблюдать за движением каждого класса в отдельности и по этим отдельным изменениям заключать об общей тенденции. Сложность проблемы увеличивается здесь еще благодаря общему всем рассматриваемым методам свойству, состоящему в отсутствии у них достаточной рельефности представления: окончательный результат о тенденции к концентрации, или диффузии богатств выводится обыкновенно на основании особого скрытого процесса мысли, точно проследить ход которого иногда очень трудно, и который вообще весьма различен у разных авторов, благодаря чему нередко одни и те же материалы и одни и те же цифры, одинаково построенные, приводят различных исследователей к различным результатам.

V

Вследствие отмеченных недостатков метода процентного распределения, применяемого при анализе одновременно и движения доходов и движения числа цензитов, явилась потребность к упрощению метода процентного распределения. Это упрощение выразилось в сведении изменения общей суммы доходов, равно как и количества цензитов, к изменению не больше как двух наивозможно простейших групп. Преимущества такой вариации метода «процентного распределения», казалось, были налицо; при возможном упрощении сложного вопроса, казалось, можно было безошибочно определить характер общей кривой распределения. На самом деле, как это мы сейчас увидим, новая вариация не устранила основных недостатков метода процентного распределения и не могла поэтому избежать ошибочных заключений.

Вариация метода процентного распределения, о которой мы говорим, состоит в том, что число классов низводится до двух половин: богатого и бедного населения данной страны, и для каждой половины находится пропорция в общей массе доходов; изменение этой пропорции в ту или иную сторону в течение известного периода времени будет свидетельствовать о характере изменения распределения—о концентрации или диффузии. Или же наоборот: разлагают всю сумму доходов на две равных половины и смотрят, какая часть населения владеет одной и какая часть другой половиной; изменение в ту или иную сторону этих двух частей населения будет выражать тенденции в движении доходов. Если, напр., окажется, что беднейшая половина населения получила бы за данный промежуток времени большую пропорцию из общей массы доходов, мы заключаем в таком случае, что общая тенденция в движении распределения была в сторону равенства. Или же, наоборот: если окажется, что за известный период времени половина всех доходов сосредоточивается в руках все большей и большей части всего населения, то—равным образом—приходят к выводу о тенденции к равенству, а при сосредоточивании половины богатств в руках меньшей и меньшей части населения—заключают о тенденции к концентрации, неравенству.

Такая вариация, состоящая в «сравнении двух половин», далеко, однако, недостаточна, чтобы ею можно было пользоваться в широком объеме, при исследовании отношений распределения. Ее недостаток в том, что она дает «слишком общий вывод и не говорит нам всей истории происходящего в распределении доходов движения; об изменениях, совершающихся в пределах двух половин, мы ничего не узнаем; это особенно важно в том случае, когда в одной половине будет совершаться концентрация, а в другой—диффузия. Такой упрек ставит методу «сравнения двух половин» *М. О. Лоренц*¹⁾. Некоторые критики идут в данном случае много дальше *Лоренца*, предостерегая относительно того, что применение этого метода может чрезвычайно легко привести к совершенно ошибочным выводам. Последнее думает *Гунке*²⁾, находя в методе «сравнения двух половин» много недостатков.

Гунке указывает на *Шиппеля*, который в «Das moderne Elend und die moderne Uebervölkerung» пользуется методом «сравнения двух половин», исходя из данных Баденской статистики, приводимой *Р. Мейером*. Согласно последней, в Бадене в 1886 г. нижняя половина всего обложенного дохода страны, доставшаяся беднейшей части населения, находилась в руках 83% всех цензитов; в 1896 г. эта же половина богатств сосредоточивалась уже в руках 82%. Отсюда следовал вывод, что движение распределения совершалось в сторону диффузии, выравнивания³⁾. Такой вывод *Гунке* считает, однако, абсолютно недопустимым. «Представим себе,—говорит он,—что в 1886 г. 75% цензитов беднейшего населения владели одной половиной доходов, а 25% богатого населения—другой; в 1896 же году доход распределялся пополам между 80% беднейшей части населения и 20% богатой. В этом случае вывод должен бы гласить: «неблагоприятный характер развития, концентрация и аккумуляция капиталов»⁴⁾. Но раз только доходы ниже *existenzminimum'a* не определены, этот вывод был бы, по мнению *Гунке*, совершенно ошибочен, так как здесь совершенно не учитывается тот важный в данном случае факт, что в разряд беднейшей половины приплывают многие из лиц, лежащих на границе *existenzminimum'a*. Каким образом может произойти здесь ошибка, *Гунке* поясняет на следующих примерах⁵⁾.

Предположим, 100.000-ный доход распределяется между 57 цензитами в один момент времени таким образом:

a)	2	цензита	с	доходом	каждый	по	10.000	м.	всего	20.000	м.
b)	4	»	»	»	»	»	8.000	»	»	32.000	»
c)	8	»	»	»	»	»	6.000	»	»	48.000	»
d)	12	»	»	»	»	»	4.000	»	»	48.000	»
e)	21	»	»	»	»	»	2.000	»	»	42.000	»
f)	10	»	»	»	»	»	1.000	»	»	10.000	»
Всего.	. . 57	»	»	»	»	»	—	»	»	200.000	»

¹⁾ *M. O. Lorenz. Methods of Measuring the concentration of Wealth (Amer. Stat. Assoc. № 70. June 1905), стр. 215.*

²⁾ *Dr. E. H u n c k e. Methodologisches zur Verwertung der Einkommensstatistik, стр. 102—103. (Allgem. Stat. Archiv. 7. Band. I. Halbband, Tübingen 1907).*

³⁾ *Ibid., стр. 102.*

⁴⁾ *Ibid., стр. 103.*

⁵⁾ *Ibid., стр. 103.*

кроме того, имеется existenzminimum в 1.000 м. и ниже его 20 лиц—с доходом каждое в 800 марок.

Верхняя половина (100.000 м.) обложенного дохода принадлежит 14 лицам, или в процентах: около 25% всех цензитов обладают верхней половиной дохода и 75% цензитов—нижней его половиной. Таково распределение и отношение между двумя половинами в первый период. Предположим теперь, что доходы выросли, что во второй период времени доход каждого лица в данном обществе равномерно увеличился на 20%. Соответственно этому, получим следующую картину распределения во втором периоде:

a)	2	цензита	с	доходом	каждой	в	12.000	м.	всего	24.000	м.
b)	4	»	»	»	»	»	9.600	»	»	38.400	»
c)	8	»	»	»	»	»	7.200	»	»	57.600	»
d)	12	»	»	»	»	»	4.800	»	»	57.600	»
e)	21	»	»	»	»	»	2.400	»	»	50.400	»
f)	10	»	»	»	»	»	1.200	»	»	12.000	»

и, кроме того, снизу в число цензитов перешло

g)	20	лиц	с	доходом	каждый	в	1.000	м.	всего	20.000	м.
----	----	-----	---	---------	--------	---	-------	----	-------	--------	----

Всего.	. 77	»	»	»	»	»	—	»	»	260.000	»
--------	------	---	---	---	---	---	---	---	---	---------	---

На этот раз, как видим, верхняя половина всех обложенных доходов поступает в руки 16 цензитов, а нижняя—остальным, именно:

около 20%	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
» 80%	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»

Сравнивая результаты первого периода с итогами второго периода, мы должны бы заключить, что в распределении наших доходов имела место тенденция к концентрации: верхняя половина доходов стянулась к рукам еще меньшей части населения, чем прежде. Между тем мы знаем, что отношения между доходами ничуть не изменились, что никакого изменения в сторону концентрации или диффузии не произошло, что доходы всех равномерно увеличились на 20%, не изменив отнюдь общей картины распределения.

Мало того, если мы возьмем случай, несомненно, благоприятного распределения, в сторону диффузии, когда изменение доходов произойдет так, что доходы низших классов будут возрастать значительно быстрее доходов богатых классов, то и в этом случае мы можем получить, следуя требованиям нашего метода сравнения двух половин, результаты совершенно противоположные. Гунке приводит в данном случае такое передвижение в распределении доходов в вышеприведенном примере, когда доходы сверху вниз вырастают в восходящей прогрессии, как видно из следующего ¹⁾:

Доходы класса	с доходом в	выросли на
a)	10.000 м.	20%, т.-е. до 12.000 м.
b)	8.000 »	25% » » » 10.000 »
c)	6.000 »	30% » » » 7.800 »
d)	4.000 »	35% » » » 5.400 »
e)	2.000 »	40% » » » 2.800 »
f)	1.000 »	50% » » » 1.500 »
g)	840 »	60% » » » 1.350 »

¹⁾ Dr. E. H u n c k e. Methodologisches ur Verwertung... etc., стр. 104.

Согласно такому возрастанию доходов в новом периоде, картина нового распределения получится следующая:

a)	2	цензита	с	доходом	каждый	в	12.000	м.	всего	24.000	м.
b)	4	»	»	»	»	»	10.000	»	»	40.000	»
c)	8	»	»	»	»	»	7.800	»	»	62.400	»
d)	12	»	»	»	»	»	5.400	»	»	64.800	»
e)	21	»	»	»	»	»	2.800	»	»	58.800	»
f)	10	»	»	»	»	»	1.500	»	»	15.000	»
g)	20	»	»	»	»	»	1.350	»	»	27.000	»
Всего	. . 77	»	»	»	»	»	—	»	»	292.000	»

При новом распределении, которое, как нам заведомо известно, совершалось в сторону благоприятную низшим классам населения и поэтому—в сторону скорее диффузии, но отнюдь не в направлении концентрации, тем не менее, мы получаем следующее отношение распределения двух половин всей массы дохода во второй период времени: верхней половиной являются обладателями всего 18 лиц, т.-е. 23% всех цензитов, в то время как в первом периоде, при старом распределении, верхняя половина дохода принадлежала 25%. Мы получили отношение, говорящее совершенно противоположное тому, что было в действительности. Мы исходили из заведомой предпосылки благоприятного развития в сторону равенства, а получили результат, говорящий о сокращении лиц, владеющих верхней половиной богатств, т.-е. говорящий о концентрации. Необходимо признать поэтому, что вариация метода процентного распределения, сводящаяся к сравнению двух половин, обладает серьезными недостатками. До некоторой степени последние могут быть устранены лишь в том случае, если в статистике подходящего распределения даны и приняты в расчет сведения о числе лиц, находящихся за границей *existenzminimum'a*, и доходах этих лиц в каждый из сравниваемых периодов времени.

VI

Рассмотренная вариация имеет дело с определением верхней и нижней половин общественного дохода (при системе расположения классов в порядке убывающей доходности, падающего благосостояния) и соответствующего числа лиц, владеющих той или другой половиной. Возможна вариация обратная: определяют верхнюю и нижнюю половину населения и ту долю богатств, которая приходится одной и другой половине. Эта вариация по своей сущности и по своим достоинствам и недостаткам не представляет ничего нового сравнительно с первой. Весьма своеобразную разновидность в данном случае представляет метод, предложенный американским статистиком *Джорджем Холмсом* (George K. Holmes)¹⁾,—метод, напоминающий по идее и по своему характеру метод «сравнения двух половин», но по форме и содержанию совершенно отличный от первых двух вариаций. Особенность метода *Холмса* в том, что он имеет дело с двумя медианами вместо простых арифметических половин: медианом для числа цензитов и медианом для общей массы доходов. Расхожде-

¹⁾ George K. Holmes. Measure of Distribution. (American Stat. Association. New Series. Vol. III. 1892—1893. June—Sept. 1892), стр. 141 и далее.

Таблица 29.

Классы.	Тип I.		Тип II.		Тип III.		Тип IV.		Тип V.	
	Число соб-ственников.	Сумма дохо-дов.	Число соб-ственников.	Сумма дохо-дов.	Число соб-ственников.	Сумма дохо-дов.	Число соб-ственников.	Сумма дохо-дов.	Число соб-ственников.	Сумма дохо-дов.
		долл.		долл.		долл.		долл.		долл.
1 долл.	1	1	1	1	15	15	2	2	8	8
2 »	2	4	2	4	14	28	2	4	7	14
3 »	3	9	3	9	13	39	2	6	6	18
4 »	4	16	4	16	12	48	2	8	5	20
5 »	5	25	5	25	$11\frac{6}{5}$	55	2	10	4	20
6 »	6	36	6	36	10	60	2	12	3	18
7 »	7	49	7	49	9	63	2	14	2	14
8 »	$8\frac{4}{4}$	64	8	64	8	$64\frac{32}{32}$	$2\frac{1}{1}$	16	$1\frac{1-2}{1-2}$	8
9 »	7	$63\frac{52}{11}$	9	81	7	63	2	18	2	18
10 »	6	60	10	100	6	60	2	20	3	30
11 »	5	55	$11\frac{5}{6}$	121	5	55	2	$22\frac{10}{12}$	4	44
12 »	4	48	12	$144\frac{114}{30}$	4	48	2	24	5	60
13 »	3	39	13	169	3	39	2	26	6	$78\frac{12}{66}$
14 »	2	28	14	196	2	28	2	28	7	98
15 »	1	15	15	225	1	15	2	30	8	120

ние этих двух медианов друг от друга, увеличение расстояния между ними Холмс считает признаком роста концентрации доходов, проявлением тенденции к неравенству. Арифметическую разницу между двумя медианами (для цензитов и для доходов) Холмс считает мерой, или масштабом для измерения неравенства доходов (богатства): чем быстрее растет эта разница, тем быстрее растет степень неравенства, и, наоборот—падение разности между медианами означает тенденцию к равенству, к диффузии богатств. Свой закон Холмс иллюстрирует на следующих гипотетических примерах¹⁾. Он берет 5 типов распределения по 5 типам различного расположения числа цензитов, при остающейся неизменной скале доходов, идущей снизу вверх в восходящем порядке, начиная от 1 доллара на каждое лицо и до 15. Холмс, таким образом, берет 15 классов, при чем в I типе числа цензитов идут, восходя до среднего класса, а потом правильно нисходя. Во II типе числа собственников (цензитов) идут

¹⁾ George K. Holmes. Measure of Distribution... etc., стр. 143, 144.

правильно снизу вверх в восходящем порядке до конца. III тип имеет обратный порядок сравнительно со II. В IV типе число цензитов во всех классах одно и то же. Порядок расположения в V типе—обратный первому типу. В каждом типе *Холмс* находит медианы для числа цензитов (собственников) и для масс доходов их и наблюдает дистанцию между медианами. Последняя и служит у него мерилом неравенства распределения. Эти типы *Холмс* представляет в следующего рода таблице ¹⁾ (см. табл. 29).

Согласно данным этой таблицы, медиан числа собственников (эвентуально-цензитов) в I типе лежит в центре восьмого класса, падая именно на 8,50 долларов, в то время как медиан суммы доходов всех цензитов этого типа лежит в девятом классе. в точке, представленной 9,82 доллар.; разность между этими двумя медианами составит 1,32 долларов; эта разность и есть мерило концентрации. Во II типе медиан числа цензитов лежит в одиннадцатом классе (11⁵/₁₁ доллар.), а медиан суммы всех доходов этого типа—в двенадцатом классе, в точке, представляемой 12¹⁹/₂₄ доллар.; разность между медианами составит 1,33 долл. В дальнейших типах распределения разность между медианами все растет, и этот рост служит у *Холмса* показателем роста неравенства в распределении. Для своих типов *Холмс* дает следующую таблицу измерения распределения ²⁾:

Т и п ы.	Тип I.	Тип II.	Тип III.	Тип IV.	Тип V.
	Д о л л а р ы.				
Медиан суммы дохода	9,82 ³⁴ / ₆₃	12,79 ¹ / ₆	8,50	11,45 ⁵ / ₁₁	13,15 ⁵ / ₁₃
» числа собств-в	8,50	11,45 ⁵ / ₁₁	5,54 ⁶ / ₁₁	8,50	8,50
Разность	1,32 ³⁴ / ₆₃	1,33 ¹⁷ / ₆₆	2,95 ⁵ / ₁₁	2,95 ⁵ / ₁₁	4,65 ⁵ / ₁₃

Формула измерения распределения доходов, предлагаемая *Холмсом*, не избегает общей ошибки метода процентного распределения. Принципиально она ошибочна, так как стоит на основе неизменно остающейся скалы доходов, несмотря на передвижение общего масштаба богатства. Формально она, однако, имеет достоинства и преимущества перед вариацией простого сравнения половин, так как на место понятия арифметической половины вводит более научное в статистическом смысле понятие медианы. В науке метод *Холмса* встретил к себе отрицательное отношение. *Лоренц* считает его ошибочным и не заслуживающим доверия. Ошибка лежит, по мнению *Лоренца*, в том, что расстояние между медианами варьирует в зависимости не только от степени концентрации, но также и в зависимости от изменения во всем богатстве; если представить себе, что в примерах *Холмса* богатство каждого лица увеличится равномерно вдвое, то медианами в этом случае будут 19,65 долл. и 17 долл., и разность, таким образом,—2,65 долл., что будет указывать на увеличение

¹⁾ George K. Holmes. Measure of Distribution... etc., стр. 144.

²⁾ Ibid., стр. 144.

концентрации, хотя, по предположению, относительная позиция каждого, при равномерном увеличении, не изменяется, и для роста концентрации нет места ¹⁾. Это противоречие объясняется основной ошибкой, заложенной вообще в методах с застывшей скалой распределения доходов для разных периодов. Помимо этой ошибки, свойственной всем до сих пор рассмотренным методам, формула Холмса неудовлетворительна еще в том отношении, что она определяет общую тенденцию, но не дает нам картины распределения, происходившей за взятый период в пределах тех или иных классов. Этот недостаток мы видели в методе сравнения двух половин: что происходит в пределах верхней или нижней половины, знать здесь не дано. Уоткинс, один из видных американских статистиков, считает метод медианов удовлетворительным лишь в том случае, когда речь идет о распределении симметрических количеств, но неприложимым к подоходной статистике без особой квалификации, так как два и более различных класса имеют всегда различные типы распределения, и о симметричности двух половин населения в подоходной статистике не приходится и говорить ²⁾.

Попытку устранения, хотя бы отчасти, недостатка этого метода медиан, заключающегося в слишком широком и слишком общем выводе, делает английский статистик проф. Боули в «Elements of Statistics» ³⁾, где он предлагает метод вычисления первой и последней квартили и особую формулу для измерения концентрации или дисперсии доходов, представляющую частное от деления разности двух квартилий на их сумму. Эту формулу Лоренц считает наилучшим числовым мерилем из всех предложенных в этом роде, хотя и находит в ней лишь тот недостаток, что многие детальные изменения, имевшие место в передвижении распределения, здесь затемняются и теряются ⁴⁾. По формуле Боули, частное, получаемое от деления разности на сумму квартилий, будет варьировать в пределах 0 и 1, и чем оно будет ближе к 1, тем будет больше степень концентрации.

VII

В методах, имевших дело с учетом процентного прироста цензитов в различных классах, равно как и с изменением процентного состава их и их доходов, одним из недостатков являлось, как мы видели, игнорирование важного факта для правильного представления о картине распределения: движения всего населения. Движение цензитов не могло быть правильно учтено без внимания к тому, в каком отношении к движению всего населения происходило перемещение цензитов из класса в класс, их сокращение, увеличение и т. д. С целью устранить этот серьезный пробел в разработке и использовании статистики распределения, был выдвинут новый метод учета характера распределения на основе движения населения. Представителями его явились Ничке, Эверт, Гунке

¹⁾ M. O. Lorenz. Methods of measuring the concentration of Wealth. (American St. Assoc. New Series № 70. June 1905, стр. 213, 214).

²⁾ G. P. Watkins. Comment on the Method of measuring concentration of Wealth. (American Statistical Association. New Series, № 72. December 1905, стр. 353).

³⁾ Bowley A. Elements of Statistics. Second edition, London, стр. 136.

⁴⁾ M. O. Lorenz. Methods of measuring the concentration of Wealth; ibid., стр. 215—216.

и др. ¹⁾. Гунке считает этот метод дающим самое надежное заключение о тенденциях в развитии распределения ²⁾.

Метод этот, в своем простейшем виде, состоит в том, что числа цензитов каждого класса приводятся pro centum или pro mille ко всему населению, включающему в себе не только цензитов, но и ту часть общества, которое не подлежит налоговому обложению. Ввиду незначительных размеров лиц, принадлежащих к богатым классам, обыкновенно учитывают, сколько приходится цензитов в каждом классе на 10.000 голов всего населения, и затем обычным путем наблюдают изменения в движении цензитов за известные промежутки времени. Такой прием находим мы, наприм., у Ничке, который, на основании прусской подоходной статистики, находит для Пруссии следующие отношения цензитов и лиц, свободных от обложения, в процентах ко всей массе прусского населения ³⁾:

	1892	1896	1900
Свободные от налога	70,08%	70,70%	66,86%
Цензиты	29,92%	29,30%	33,14%

В классе цензитов эти отношения выразятся в следующих числах на 10.000 населения ⁴⁾:

Учет цензитов по отношению к общей массе населения в прусском государстве.

К л а с с ы.	1892 г.	1896 г.	1900 г.
	На 10.000 населен. цензитов.	На 10.000 населен. цензитов.	На 10.000 населен. цензитов.
1	2	3	4
900— 3.000 мар.	708,74	740,51	885,34
3.000— 6.000 »	68,48	68,67	79,54
6.000— 9.500 »	18,53	18,35	21,39
9.500— 30.000 »	15,42	15,09	18,18
30.500—100.000 »	3,02	2,96	3,76
Выше 100.000 »	0,25	0,54	0,79
	814,74	846,12	1.009,00

¹⁾ Dr. Kurt Nitschke. Einkommen und Vermögen in Preussen und ihre Entwicklung seit Einführung der neuen Steuern mit Nutzanwendung auf die Theorie der Einkommensentwicklung. Jena (Gustav Fischer) 1902, стр. 36, 37, 38 и др. — G. Evert. Socialstatistische Streifzüge durch die Materialien der Veranlagung zur Staatseinkommensteuer in Preussen von 1892—1901 (Zeitschr. des Kön. Preuss. Stat. Bureaus 1902, IV). — H u n c k e. Methodologische Verwertung der Einkommensteuerstatistik. Mayr's Archiv, Tübingen 1907. F. Band I. Halbb., стр. 105 и далее.

²⁾ H u n c k e, ibid., стр. 108.

³⁾ Dr. Kurt Nitschke. Einkommen und Vermögen in Preussen... etc. Jena 1902, стр. 37.

⁴⁾ Ibid., стр. 38.

Из отношений приведенных данных *Ничке* заключает, что в период 1892—1896 г.г., который характеризуется временем спокойного и тихого хозяйственного прогресса, сравнительно с быстрым подъемом в 1896—1900 г.г., прирост цензитов (около 30 лиц на 10.000 голов всего населения) приходился, главным образом, на долю низших групп нашей скалы, или «среднего класса». Напротив, в период роста хозяйственного прогресса (1896—1900 г.г.), увеличение цензитов происходило на всех ступенях ¹⁾.

Чтобы ярче представить прирост и сокращение цензитов разных классов в тот или иной период времени, *Эверт* предлагает располагать числа так, чтобы для первого периода (1892 г.) принимать цифры цензитов всех классов за 100, и соответственно с этим приводит рост населения в каждом классе для других моментов времени (1896 и 1900 г.г.). Передвижение цензитов относительно всего населения будет таким образом представлено вполне определенно, что можно видеть из следующей таблицы, составленной на основании цифр *Ничке* ²⁾:

К л а с с ы.	1892—1896 г.г.	1896—1900 г.г.
	Цензиты передвинулись.	
900— 3.000 мар.	Со 100 до 104	Со 104 до 133
3.000— 6.000 »	» 100 » 100	» 100 » 120
6.000— 9.500 »	» 100 » 99	с 99 » 120
9.500— 30.500 »	» 100 » 98	» 98 » 120
30.500—100.000 »	» 100 » 98	» 98 » 130
Выше 100.000 »	» 100 » 98	» 98 » 149
Все вообще	Со 100 до 104	Со 104 до 131

К этой поправке в методе учета движения распределения на почве движения населения *Гунке* делает новую важную по своему методологическому значению поправку: располагая в обычном порядке числа цензитов, вычисленных на 10.000 душ населения, он в тоже время приводит эти числа и в процентных отношениях к сумме цензитов, взятой на 10.000 населения. *Гунке* соединяет в данном случае метод учета на основе движения населения с методом процентного изменения («процентного прироста») классов, достигая при этом более правильных результатов, так как его прием дает возможность учитывать изменения в движении цензитов не только по отношению к движению всего населения, но и к движению, происходившему внутри самих цензитов, как таковых, т.-е. в пределах только обложенного налогом населения. Данные, к которым приходит *Гунке* на основании тех же цифр для Прусского государ-

¹⁾ Dr. Kurt Nitschke. Einkommen und Vermögen... etc., стр. 38, 39.

²⁾ Cp. Huncke. Methodologisches... etc., стр. 105—106.

ства, которые приводил *Ничке* и *Эверт*, могут быть представлены в следующей таблице ¹⁾:

Прусское государство. На каждые 10.000 душ населения падало цензитов в ‰ к общей сумме цензитов:

	1892 г.	1896 г.	1901 г.
	В процентах.		
900— 3.000 мар.	86,99	87,53	88,05
3.000— 6.000 »	8,40	8,10	7,67
6.000— 9.500 »	2,28	2,18	2,08
9.500— 30.500 »	1,89	1,78	1,75
30.500—100.000 »	0,37	0,35	0,37
Выше 100.000 »	0,07	0,06	0,08
	100,00	100,00	100,00

Благодаря такой комбинации двойного учета, *Гунке* получает несколько иные данные для характеристики движения распределения доходов в Пруссии, в 1892—1896—1901 г.г. Здесь оказывается, что низший класс (с доходом в 900—3.000 мар.) увеличивается в своем численном составе не только в период медленного и спокойного хозяйственного развития, но и в последующие годы быстрого подъема. Наоборот,—того сильного и резкого прироста классов с наиболее крупными доходами (в 30.500—100.000 мар. и выше 100.000 м.), к которому, на основании своих приемов, приходил *Эверт*, у *Гунке* не замечается. Правда, здесь прирост имеется, хотя и незначительный, за период 1896—1901 г.г.; это указывает, по мнению *Гунке*, на то, что времена высокой конъюнктуры во всяком случае существенно влияют на образование крупных доходов предпринимателей ¹⁾. Применяя свой метод к данным английской подоходной статистики, *Гунке* получает следующую таблицу цензитов шедулы Д и Е (промысловая и профессиональная деятельность) для 18⁷⁵/₇₆ и 1900—1901 г.г. ²⁾.

В Соединенном Королевстве приходилось на 100.000 душ населения цензитов (шед. Д и Е).

К л а с с ы.	1875—1876 г.г.		1900—1901 г.г.	
	На 100.000 нас.	‰	На 100.000 нас.	‰
200—1.000 фунт. стерл. .	675,67	89,53	818,60	91,88
Выше 1.000 » » .	79,08	10,47	72,35	8,12
	754,75	100,00	890,95	100,00

¹⁾ D r. E. H u n c k e. Methodologisches... etc. Mayr's Archiv, 1907. Tübingen, стр. 106.

²⁾ Ibid., стр. 107. Ср. его же статью в Finanzarchiv XXII, I: «Die Entwicklung von Einkommensteuer und Einkommen in England».

³⁾ Ibid., стр. 107.

Отсюда Гунке заключает, что хотя рост цензитов и замечен был в течение 25-летнего периода во всех классах, но среди богатых он происходил более медленно, отставая относительно, в сравнении с ростом цензитов с средними доходами.

Метод учета на почве движения населения, несмотря на все его достоинства, страдает тем, что движение доходов он оставляет совершенно в стороне. Мы уже говорили, что такое игнорирование второго основного элемента в движении распределения, после числа цензитов, именно—доходов, приводит к весьма ложным и ошибочным результатам. Кроме того, в разбираемом методе остается неизменной скала расположения доходов как в первом, так и во все последующие моменты, чтобы признать метод учета «на основе движения населения» «неисторичным», ненаучным. Чтобы убедиться на конкретном примере, что этот метод ведет к безусловно ошибочным заключениям, обратимся к проверке его на гипотетических цифрах Лоренца, которые уже не раз служили для нас пробным камнем. Как мы знаем, в гипотетическом примере Лоренца пять классов, по 5 единиц в каждом. Первых два класса (от 0 до 9 долл. и 10—24 долл.) мы можем отнести к классам, лежащим за пределами *existenzminimum*'а и свободным от налога. Исходя из этой предпосылки, мы получаем три класса цензитов с доходом выше 24 долларов, при чем нам известна также и общая сумма населения как в одном, так и в другом периоде времени. Составляем на основании наших предпосылок таблицу, вычисляя число цензитов для каждого класса на 1.000 душ населения и выражая последнее, в свою очередь, в процентах к общей сумме вычисленных цензитов:

Цензиты в гипотетическом примере Лоренца.

К л а с с ы.	П е р и о д I.			П е р и о д II.		
	Абсол.	На 1.000 д.	%	Абсол.	На 1.000 д.	%
a) 25—49 доллар. . . .	5	200	33⅓	3	120	16⅔
b) 50—99 » 	5	200	33⅓	5	200	27⅓
c) 100 долл. и выше. .	5	200	33⅓	10	400	55⅓
	15	600	100,00	18	720	100,00

Если станем анализировать полученные путем применения метода «на основе движения населения» данные, как это делает Гунке, то найдем довольно заметное передвижение в распределении цензитов. Судя по характеру этого передвижения, мы вынуждены будем признать, что в течение двух периодов отношения распределения сложились в сторону, неблагоприятную мелким и средним классам; мы должны констатировать очень сильное падение (ровно вдвое) цензитов низшего класса, значительное падение среднего класса и чрезвычайно благоприятное развитие класса богатых; наш вывод необходимо будет сведен к тому, что во II периоде, сравнительно с I периодом, мы имеем несомненный рост степени концентрации доходов; мы должны прийти, таким образом, к констатированию тенденции к неравенству в движении доходов.

На самом деле, мы знаем, что наш II период представляет собою одновременно удвоенные доходы всех лиц I периода, при оставшемся неизменным населении, и что ровно никакого изменения отношений распределения, и, следовательно, никакого изменения в степени равенства или неравенства не было и не могло быть. Метод наш, очевидно, оказался несостоятельным, не выдержавшим контрольного испытания. Коренная же ошибка его — в фиксированности группировочной скалы для всех периодов.

VIII

В только что рассмотренном методе «учета распределения на основе движения населения» центром внимания является вопрос об изменении числа цензителей относительно всего населения. Вопрос о движении дохода на голову остается на втором плане, в тени. Но можно учитывать фактор движения населения и в то же время основное внимание обращать на движение доходов на голову, а не цензителей на голову населения. Центральным пунктом наблюдения и масштабом измерения степени концентрации или дисперсии является в данном случае процентное колебание среднего на голову дохода в каждом классе. Изменения населения (общего и цензителей) здесь таким образом соединяются в одном показателе. Согласно такому методу учета по приросту среднего дохода на голову, процентный прирост среднего дохода (на голову цензителя, или взрослого лица вообще, или, наконец, на душу всего населения), имевший место в одном классе в большей степени, чем в другом, свидетельствует о развитии распределения в сторону, благоприятную одному классу в ущерб другим. Если больший прирост падал на низшие классы, заключают о тенденциях к выравниванию распределения; если, наоборот, наибольший прирост падал на высшие — говорят о росте степени концентрации, о тенденциях к неравенству. Типичными представителями этого метода учета «по среднему доходу на голову» являются *Адольф Зетбер* и *Киар*¹⁾.

В целом ряде статей, посвященных разработке данных распределения народного дохода в Пруссии и Саксонии за разные годы, *Зетбер* старается установить, как характерную для картины распределения тенденцию, падение крупных и очень крупных доходов²⁾. Самым решительным образом *Зетбер* приходит к выводу о несостоятельности существующего вывода, что богатые в настоящее время богатеют еще более, и что, напротив, благосостояние средних классов регрессирует, а бедность захватывает собою все большие и большие круги населения³⁾. Обращаясь к данным подоходной статистики, *Зетбер* находит,

¹⁾ Dr. Adolf Soetbeer. «Umfang und Verteilung des Volks-Einkommens im Preussischen Staate. 1872—1878». Leipzig 1879. стр. 45—49, 53—55, 65 и др.; — То же в Conrad's Jahrbücher. 1879, 34 B. Crp. 112—119, особенно 114; — Volkseinkommen im Preussischen Staate 1876 und 1888, в Conrad's Jahrbücher, Neue folge 18. Band, Jena 1889, стр. 418 и др. — K i a e r A. N. Essai sur la question d'une statistique du revenu national. Christiania 1874 (Memoire redigé en vue du neu vième congrés international de Statistique) — A. K i a e r. Répartition sociale de revenus (Bulletin de l'institut international de statistique, tome XVIII. 2 Livraison, Nancy 1909) стр. 120, 121, 122 и далее, 130; также возражение на диспуте по докладу — ibid., 1 Livraison. Paris 1909.

²⁾ Dr. Adolf Soetbeer. Umfang und Vertheilung des Volks-Einkommens im Preussischen Staate 1872—1878. Leipzig 1879, стр. 58.

³⁾ Ibid., стр. 74—75.

что в течение многого ряда лет, начиная с 1872 г., доход как на голову цenzита, так и на голову населения, в среднем, постепенно увеличивался, но это увеличение совершалось главным образом в менее обеспеченных классах и происходило на счет сокращения среди богатых и очень богатых. Для *Пруссии* *Зетбер* приводит следующую таблицу:

Таблица 30.

К л а с с ы.	Доход на голову цenzита.						
	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.
А. Скудные доходы (до 525 мар.)	400	400	400	400	400	400	400
В. Мелкие доходы (525—2.000 мар.)	880	884	917	917	926	920	917
С. Умеренные дох. (2.000—6.000 мар.)	3.110	3.140	3.141	3.163	3.174	3.181	3.189
Д. Средние доходы (6.000—20.000 мар.)	9.616	9.632	9.658	9.603	9.601	9.590	9.571
Е. Крупные дох. (20.000—100.000 м.)	37.232	37.902	40.919	38.461	38.093	37.874	37.726
Ф. Очень кр. дох. (выше 100.000 мар.)	227.241	224.826	220.912	214.752	212.681	209.450	207.271
А—Ф	865	884	916	919	928	924	918

К л а с с ы.	Доход на голову населения.						
	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.
А. До 525 мар.	202	201	200	208	208	211	210
В. 525— 2.000 мар.	245	248	253	252	258	256	254
С. 2.000— 6.000 »	866	874	857	863	833	882	881
Д. 6.000— 20.000 »	2.641	2.646	2.632	2.648	2.637	2.641	2.630
Е. 20.000—100.000 »	10.229	10.466	10.744	10.533	10.467	10.406	10.365
Ф. Выше 100.000 »	62.403	63.451	60.587	59.000	58.323	57.484	56.539
А—Ф	293	299	307	311	316	315	323

Средний доход на голову для категорий населения с доходом ниже *existenzminimum*'а *Зетбер* учитывает на основании лишь предположений и приближительных, косвенных вычислений. Устанавливать движение и направление

изменений среднего дохода в этих группах он поэтому отказывается. Но, тем не менее, для *Зётбера* остается вне сомнений факт общего подъема среднего благосостояния в Пруссии, общего масштаба жизненных потребностей населения как с 1851—1871 г.г., так и за время 1872—1878 г.г. О подъеме среднего масштаба низшей категории обложенного населения *Зётбер* считает возможным говорить, опираясь уже на надежные данные: с 1872 по 1878 г.г., как показывает таблица, средний доход *pro censit* вырос с 880 м. до 917 м. «Действительно ужасное представление, что много больше половины населения прусского государства обладает бюджетом меньшим 420 марок в год, исчезает — так заключает *Зётбер* — все более и более»¹⁾. Из факта роста среднего дохода *per capita* в низших группах и его падения в классе богатых и очень богатых *Зётбер* приходит к выводу, что «распределение народного дохода (в Пруссии) имеет тенденцию развиваться в направлении к большей равномерности», чему могла бы служить прекрасным средством, по мнению *Зётбера*, реформа обложения на основах возможно более прогрессивного поимущественного и подоходного налога²⁾.

Для периода позднейших лет *Зётбер* находит подтверждение своим положениям. Так, для 1897 и 1880 г.г. мы находим у него следующие данные:

К л а с с ы.	Доход на голову цензита.		Доход на голову населения.	
	1879 г.	1888 г.	1879 г.	1888 г.
A. До 525 мар.	400	402	208	199
B. 525— 2.000 мар.	811	914	252	266
C. 2.000— 6.000 »	3.196	3.240	881	873
D. 6.000— 20.000 »	9.551	9.617	2.616	2.757
E. 20.000—100.000 »	36.027	37.821	9.806	10.843
F. Выше 100.000 »	201.421	198.731	55.173	56.973
	909	941	310	329

Уже последние данные далеко не в полной мере подтверждают положение *Зётбера* о росте равномерности распределения. Еще более падает значение выводов *Зётбера*, когда мы увидим, что самый метод учета на основе движения населения не выдерживает серьезной критики и страдает важными недостатками. Те же цифры, которыми оперирует *Зётбер*, приводят к иным выводам, если в основу исследования и разработки будет положен более точный метод. Уже одно то говорит против метода *Зётбера*, что он, как и все старые методы,

¹⁾ Dr. Adolf Soetbeer. Umfang und Verteilung... etc., стр. 75.

²⁾ Dr. A. d. Soetbeer. Umfang und Vertheilung des preussischen Volkseinkommens im Jahre 1879, стр. 114. (Conrad's Jahrb. 1879. 34. B.) (для 1879 года). Volkseinkommen im Preussischen Staate 1876 und 1888. (Conrad's Jahrbücher, N. F., 18. Band. Jena 1889), стр. 418.

построен на принципе фиксированной скалы доходов для разных периодов времени. Такая фиксированная скала, как мы видели, приводит к искажению картины распределения, передающей действительность в неверном освещении.

Приемам, одинаковым с приемами *Зётбера*, следует и *Киэр*. Вопросу об учете распределения доходов он посвящает специальный доклад, читанный на заседании L'Institut international de Statistique в Париже (1909). Его задачей является здесь желание выяснить вопрос о том, какие методы более всего пригодны для сравнения распределения доходов в различных странах ¹⁾. *Киэра* занимает не столько вопрос об изменении распределения из эпохи в эпоху, сколько вопрос о картине распределения в различных странах. *Киэр* определяет прежде всего отношение числа цензитов к числу взрослого состава всего населения (выше 15-летнего возраста), находя такое для страны с самой полной подоходной статистикой Саксонии — в 64 : 100. В Дании это отношение — 64,5%, в Пруссии — 57,8%, включая сюда и некоторое число доходов, которые не были обложены налогом. Для Норвегии оно доходит до 75% ²⁾. Для возможности сравнения распределения доходов в разных странах *Киэр* считает необходимым привести существующие числа, изображающие доходы различных групп населения, к определенному нормальному отношению, одинаковому для всех стран, для чего он прибавляет к цифрам данного государства, с меньшим процентом отношения, недостающий процент доходов; при проценте же цензитов, превышающем нормальное отношение их к населению, следует соответственный вычет. Лишь только таким путем выравнивания отношений *Киэр* считает возможным сделать данные интернациональной подоходной статистики приблизительно сравнимыми, хотя он и признает, что такое искусственное выравнивание несколько затушевывает некоторые особенности распределения в той или иной стране. Нормальным отношением *Киэр* считает 60% и составляет таблицу для семи стран: Великобритании, Франции, Пруссии, Саксонии, Швеции, Дании и Норвегии. Для каждой из этих стран *Киэр* дает общую сумму населения; сумму взрослого населения; 60% взрослого населения; число доходов, подлежащих обложению; число необложенных доходов; общую сумму доходов ³⁾. Затем *Киэр* все население, начиная с богатых классов и идя книзу, разделяет на 5 пятков: первый пяток ($\frac{1}{5}$) самых богатых, второй — просто богатых и т. д., вплоть до последнего пятка с наинизшими доходами; для каждого пятка учитывается им: число лиц, составляющих пяток; сумма доходов, которыми владеет этот пяток; средний доход на голову в каждом пятке и, наконец, процент прироста среднего дохода на голову в тех случаях, где имеются данные для двух различных моментов. Сами по себе взятые, данные *Киэра* чрезвычайно любопытны. Противоположными точками в общей картине распределения для семи упомянутых стран являются, согласно его исследованию, Англия и Норвегия. В Англии число лиц, входящих в первый пяток (самых богатых лиц в стране), весьма незначительно, а средний доход этих лиц per capita очень высок; наоборот — в Норвегии число лиц в первом пятке очень велико: в 8 раз выше, чем такое в Великобритании; а средний доход этих лиц в Норвегии в 20 раз меньше великобританского среднего дохода. К Швеции очень близко примыкает в

¹⁾ A. K i a e r. Répartition sociale de revenus. Bulletin de l'Institut international de Statistique. Tome XVIII. 2 Livraison. Nancy 1909, стр. 120, 121.

²⁾ Ibid., стр. 171.

³⁾ Ibid., стр. 122.

этом случае Дания. Как располагался средний доход в первом пятке между разными странами, показывают следующие данные, собранные *Киэром* на основании самых различных источников ¹⁾.

В Великобритании . . . (1903 . . .)	около 160.000 франк.
» Франции (1894—95) . . . »	27.300 . . . »
» Пруссии (1907 . . .) . . . »	29.383 . . . »
» Саксонии (1906 . . .) . . . »	27.706 . . . »
» Швеции (1903 . . .) . . . »	16.189 . . . »
» Дании (1903 . . .) . . . »	13.204 . . . »
» Норвегии (1906 . . .) . . . »	7.930 . . . »

Последний пяток в разных странах, по данным *Киэра*, обладает средним доходом:

Великобритания	780 франк.
Пруссия	600 . . . »
Саксония	716 . . . »
Дания	564 . . . »
Швеция	392 . . . »
Норвегия	458 . . . »

Интересные данные *Киэра* мало, однако, говорят о характере распределения доходов между различными классами внутри страны. Лишь в приложении он дает несколько результатов предпринятого им специального исследования о тенденциях развития распределения из одной эпохи в другую. Эти результаты касаются данных Саксонии, Пруссии и Дании, при чем метод «пятков» *Киэр* видоизменяет в том смысле, что население разбито у него, так же как и прежде, на 5 классов, но число лиц в каждом классе остается неподвижным, фиксированным, во всех странах оставаясь одним и тем же и в определенном отношении ко всему взрослому населению. В первом случае *Киэр* разбивает всю сумму дохода на 5 частей по числу пяти групп, на которые он разделяет взрослое население, и смотрит, сколько лиц в стране принадлежит к первой группе, каков ее доход, сколько ко второй группе и каков доход последней и т. д. Во втором же случае *Киэр* берет определенную группу цензитного населения, живущего обложенным доходом, в 100.000 лиц, разлагает эту сумму на пять определенных групп, закрепленных в известной пропорции друг к другу, и уже после этого определяет количество дохода *in massa* и *per capita* в каждой группе. Первый класс для доходов самых крупных *Киэр* берет в 1.000 лиц (индивидуальных доходов); второй—в 6.000, третий—в 16.000, четвертый—в 27.000 и пятый—в 50.000. При таком способе *Киэр* получает следующую таблицу средних доходов *per capita* цензитов, приходившихся на 1.000 лиц с самыми крупными доходами ²⁾:

В Англии	средний доход 65.218 франк.
» Франции	» 27.300 . . . »
» Саксонии	» 31.438 . . . »
» Пруссии	» 28.950 . . . »
» Дании	» 19.653 . . . »
» Швеции	» 17.675 . . . »
» Норвегии	» 11.935 . . . »

¹⁾ A. K i a e r. Répartition sociale de revenus... etc., стр. 123.

²⁾ Ibid., стр. 126.

Киэр представляет себе ясно и сам, как далека такая таблица от того, чтобы можно было по ней судить о конкретной картине распределения в одной стране сравнительно с другой: таблица не дает возможности учитывать важные моменты при сравнении положения населения и их классов в одной стране, сравнительно с положением той же группы населения в другой стране. Этими моментами, как правильно указывает *Киэр*, могут быть, во-первых, различие цен и покупательной способности денег; во-вторых, различие *standart of life* каждой страны и народа; в третьих,—на что особенно указывает *A. Вагнер*,—различие отношения суммы индивидуальных доходов к сумме публичных доходов, доходов разных общин, церкви, государства и проч., не входящих в распределительный фонд, между тем весьма существенно изменяющих характер распределительной картины и распределительных отношений ¹⁾.

Применение изложенного метода *Киэр* делает по отношению только трех стран: Королевства Саксонского, Пруссии и Дании, рассматривая изменение доходов в первом случае за время 1888—1906 г.г., во втором за 1892—1893—1906 г.г. и в третьем—1870—1903 г.г. ²⁾ Цифровые результаты, к которым приводит, могут быть представлены в следующего рода таблице (см. табл. 31).

Делая анализ своим таблицам ³⁾, *Киэр* отмечает факт особенно сильного прироста средних доходов 1-ой, 3-ей и 4-ой группы и посредственного увеличения средних доходов 2-ой группы. К доходам последних двух групп (3-ей и 4-ой) относятся, по мнению *Киэра*, главным образом, доходы рабочих наиболее организованных, принадлежащих к рабочим союзам и по характеру своего труда наиболее квалифицированных. Исходя из этого, факт высокого прироста рабочих доходов *Киэр* объясняет ростом организованности рабочих и их силы в борьбе за высшую заработную плату; и так как самые богатые классы могли, по мнению *Киэра*, лучше противостоять последствиям увеличения заработной платы или благодаря просто своим колоссальным капиталам или же вследствие концентрации их, сравнительно с средними классами, то последние и отстали в росте своих средних доходов от общего прироста. Впрочем, замечает в этом случае *Киэр*, для того, чтобы исследовать причины неодинакового роста среднего дохода в разных группах, необходима наличность многих данных, отсутствующих в современной подоходной статистике, именно: распределения доходов по профессиям, по социальным классам, по возрастам и проч. ⁴⁾.

Сам по себе метод *Киэра* весьма неопределенно передает нам характер распределения. Его таблица для трех стран, в которой мы находим данные распределения за очень большой период лет (от 15 до 30 л.), ничего не говорит нам о том, выросла ли степень концентрации, или же, напротив, распределение доходов происходило по линии к равенству. Мы узнаем лишь о некотором, относительно сокращении среднего дохода *per capita* среди средних классов, о значительном приросте средних доходов высших и низших групп населения (также *per capita*); но все это еще мало говорит нам о концентрации или диффузии. В своей таблице для трех стран *Киэр* избегает обычной ошибки употребления фиксированной скалы доходов для двух различных периодов, но вместо этого у него фиксируется отношение про-

¹⁾ A. K i a e r. Répartition sociale de revenus... etc., стр. 128.

²⁾ Ibid., стр. 130.

³⁾ A. K i a e r. Bulletin de l'Institut international de statistique. Tome XVIII. I Livraison. Paris 1908. стр. 72.

⁴⁾ Ibid., стр. 73.

Т а б л и ц а 31.
К о р о л е в с т в о С а н с о н с к о е.

Группы лиц (индивидуальных доходов).	Категории доходов.		Средний доход.		Прирост в про- центах.
	1888 г.	1906 г.	1888 г.	1906 г.	
	М а р к и.				
1) 1.000.	7.200 и выше.	9.400 и выше.	17.930	25.150	+ 40,3
2) 6.000.	1.993—7.200	2.501—9.400	3.283,6	4.226	+ 28,7
3) 16.000.	950—1.993	1.290—2.501	1.284	1.728	+ 34,6
4) 27.000.	600— 950	825—1.290	736	1.037,2	+ 40,9
5) 50.000.	300— 600	338— 824	430,4	585,4	+ 36,0
100.000.	300 и выше.	338 и выше	999	1.354	+ 35,4

П р у с с и я.

1) 1.000.	5.840 и выше.	7.285 и выше.	16.453	23.160	+ 40,8
2) 6.000.	1.610—5.840	2.050—7.285	2.648	3.301,7	+ 24,7
3) 16.000.	850—1.160	1.154—2.050	999	1.450,8	+ 45,2
4) 27.000.	} 250(?)—850	300—1.154	537,7	634	+ 18,0
5) 50.000.					
100.000.	250 и выше.	300 и выше.	922,2	1.150	+ 24,7

Д а н и я.

Группы лиц (индив. доходов).	Категории доходов.		Средний доход.		Прирост в %/0
	1870 г.	1903 г.	1870 г.	1903 г.	
	К р о н ы.				
1) 1.000.	4.200 и выше.	6.000 и выше.	19.285	14.150	+ 52,5
2) 6.000.	1.460—4.200	1.920—5.999	2.175	2.887	+ 32,7
3) 16.000.	600—1.460	1.000—1.920	834	1.288	+ 54,4
4) 27.000.	} ? — 600	600—1.000	} 290,5	540,2	+ 86,0
5) 50.000.		? — 600			
100.000.	? и выше.	? и выше.	580,5	936,8	+ 61,4

порций цензитов каждой из 5 групп. Если скала классификации доходов передвигается по мере изменения масштаба богатства, то тем более можно ожидать изменения во взаимоотношении между численностью разных групп населения с различной степенью благосостояния.

Мы можем сказать вообще, что метод учета распределения доходов на основе движения населения с его различными вариациями, является, в свою очередь, вариацией двух методов, своеобразно только комбинируемых: метода процентного прироста и метода распределения состава; сюда вводится лишь несколько новый фактор (движение населения), основа же остается старая: фиксированная скала, нерельефность, неопределенность выводов, неясность общей картины, крайне сомнительный характер получаемых заключений.

IX

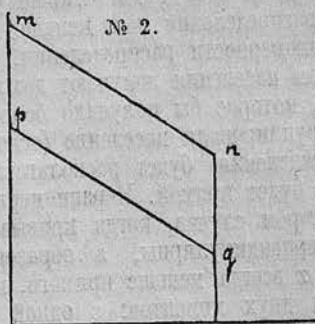
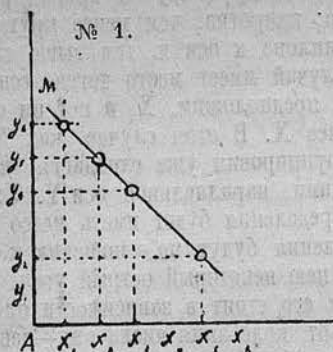
Своеобразный метод предлагает лозаннский проф. *Вильфредо Парето* в своем «Cours d'économie politique», говоря о «кривой доходов»¹⁾. Кривую доходов и кривую состояний *Парето* подчиняет одному общему закону, не различая существенно одно от другого. В основу учета распределения состояний *Парето* кладет метод *Фовиля*, особенно имеющий значение для Франции, — метод, состоящий в учете поимущественного распределения в стране по двум производным: средней величине имущественных масс, переходящих в форме наследований и дарений в течение года, и средней продолжительности жизни; произведение, полученное от перемножения этих двух производных, по *Фовилю*, дает имущественную массу в стране в любой момент времени.

Парето берет метод *Фовиля* без всякой критики, принимая его на веру, не задумываясь над его надежностью для выведения тех или иных «законов». Тот же метод учета состояний принимает *Парето* и для Италии, пользуясь данными *Панталеони* и *Боджо*, принимая тот же интервал в 36 лет, как и для Франции. Для английских имуществ *Парето* берет данные *Роберта Гиффена* о росте капиталов в Англии.

Все эти данные, вместе со многими другими, *Парето* кладет в основу своего обследования для получения закона кривой распределения. Но этим он не ограничивается, обращаясь также и к подоходной статистике. Здесь материалом служит для *Парето* данные английского income-tax, учет доходов и распределения их в Пруссии, произведенный *Зетбером*, статистика подоходного налога Саксонии, некоторых швейцарских кантонов и городов и проч. Последнего ряда материалы *Парето* ставит в основу угла, находя их наиболее точными данными для учета распределения в стране. Исходя из всех этих данных, *Парето* приходит к неожиданным и крайне интересным результатам. Он берет две координатных оси X и Y и на ось X переносит логарифмы чисел, выражающих тот или иной доход, выше которого получает известная часть цензитов, а на оси Y он откладывает логарифмы чисел, выражающих то или иное количество лиц — цензитов, получающих выше взятого дохода, отложенного уже на оси X. Продолжая откладывать на оси X логарифмы доходов, а на оси Y логарифмы соответствующих им чисел цензитов, получаем ряд линий Ax_1, Ax_2, Ax_3 и т. д. и соответственный ряд линий $Ay_1,$

¹⁾ Vilfredo Pareto. Cours d'économie politique. T. I. Lausanne. 1896 г., книга III, стр. 299 и дальн.

Ay_2, Ay_3, Ay_4, Ay_5 , etc. Проводя прямые от точек $x_1, x_2, x_3...$ перпендикулярно к оси X и такие же прямые от точек $y_1, y_2, y_3...$ параллельно оси X , мы получаем ряд точек—пересечений этих линий, и замечаем, что все эти точки пересечений имеют тенденцию располагаться по одной прямой MN , как показывает следующий чертеж (№ 1):

Такую [более] или [менее определенно выраженную] тенденцию *Парето* находит на целом ряде примеров, взятых из самых различных данных. Другую поразительную особенность полученной линии MN , или, как *Парето* ее называет, «кривой распределения», он видит в том, что кривые распределения доходов, взятые для самых различных по своему экономическому характеру стран, напр., для Англии и Ирландии, представляют почти полный параллелизм, как видно из чертежа № 2, где pq —кривая распределения в Ирландии и mn —в Англии ¹⁾. «Если,—говорит *Парето*,—нарисовать на одном листе бумаги кривые распределения для различных стран, то получится представление такое, как будто мы видим пред собою изображение большого числа кристаллов одной и той же химической субстанции; перед нами будут большие кристаллы, мелкие, средние, но все они—одной формы» ²⁾. Ряд дальнейших эмпирических наблюдений над кривой распределения в различных странах и за различные периоды времени приводят *Парето* к выводу о своеобразном характере отношений между отдельными элементами образования кривой распределения; именно—если буквой N обозначить число цензитов, получающих выше X ежегодного дохода, буквой A —сумму всех цензитов, как субъектов, между которыми происходит распределение дохода, и, наконец буквой α (альфа) обозначить угол наклона, который делает кривая распределения с осью X , то получится следующее уравнение:

$$\log. N = \log. A - \alpha \log. x,$$

что может быть выражено более простой формулой, именно в виде уравнения:

$$N = \frac{A}{x^\alpha}.$$

¹⁾ Vilfredo Pareto. Cours d'économie... etc., стр. 305.

²⁾ Ibid., стр. 308.

Эту формулу *Парето* и считает «законом», которому подчиняется кривая распределения. Так как все элементы этой формулы могут быть даны в подоходной статистике, то является возможность, на эмпирической почве, определить угол α . Согласно *Парето*, этот угол далеко не одинаков для каждой отдельной страны, для каждого взятого момента. Чем меньше в стране неравенство, чем ниже степень неравномерности, тем круче падает кривая распределения на ось x , тем больше угол альфа; напротив, чем менее крута кривая распределения, чем меньше угол ее наклона к оси x , тем выше степень неравномерности распределения. Первый случай имеет место тогда, если все группы населения получают доход равный, предположим, X , и нет ни одного лица, которое бы получало более или менее X . В этом случае, как бы мы ни группировали население (основа для группировки уже отпадает), «кривая распределения» будет располагаться по линии, параллельной оси Y . Угол α здесь будет прямой. Неравномерность распределения будет иметь место лишь во втором случае, когда кривые распределения будут по отношению к оси X не перпендикулярны, а образуют с нею некоторый острый угол. Здесь угол α всегда меньше прямого, и величина его стоит в зависимости от изменения двух моментов: с одной стороны—от колебания числа лиц—цензитов с минимальным доходом, т.е. от размеров массы беднейшей части населения; с другой стороны—от колебания минимальных размеров среднего дохода самого богатого класса, самой верхней группы цензитов. По идее *Парето*, рост числа цензитов с минимальным доходом, какой только существует в стране, еще не означает роста неравномерности; последняя будет в зависимости еще от того, как изменяются средние доходы самой богатой группы: если последние резко падают, сокращаясь в размерах, степень неравномерности может уменьшаться, и кривая распределения будет ложиться более круто по отношению оси X . Наоборот, если масса цензитов беднейшей группы растет, а доходы богатейшей группы цензитов сокращаются, то — по мысли *Парето* — кривая распределения будет выражать несомненную тенденцию к неравномерности.

Таким образом у *Парето* измерителем степени неравномерности распределения является угол альфа. Последний варьирует в своих размерах как по месту, так и по времени. Эмпирические наблюдения приводят *Парето* к следующим результатам, показывающим размеры угла «альфа» в разных странах и в различные эпохи ¹⁾ (см. табл. на след. стр.).

Если оставить без внимания движение кривой распределения и изменение угла «альфа» в средневековье и ограничиться только периодом крупного капиталистического хозяйства и при этом взять лишь страны с наиболее надежной подоходной статистикой, т.е. Англию, Пруссию и Саксонию, то данные *Парето* обнаруживают тенденцию к увеличению степени неравномерности в распределении доходов в этих странах: показатель степени неравномерности (угол альфа) всюду почти с полной правильностью падает из года в год, что означает рост неравенства в распределении (в Англии с 1,50 до 1,35, в Саксонии с 1,58 до 1,51, в Пруссии с 1,89 до 1,60).

Самого *Парето*, впрочем, вопрос о направлении движения распределения интересовал меньше всего, и он не делает никаких определенных выводов на этот счет. Его же ближайшие последователи, объявлявшие закон *Парето* за величайшее изобретение человеческой мысли, разделяли его формулу-

¹⁾ Vilfredo Pareto. Cours d'économie... etc., стр. 312.

Страны.	Годы.	Размер угла α.
Англия	1843	1,50
	1879—1880	1,35
	1852	1,89
	1876	1,72
Пруссия	1881	1,73
	1886	1,68
	1890	1,60
	1894	1,60
Саксония	1880	1,58
	1886	1,51
Бавель	1887	1,24
Париж (по жилищной статистике)	—	1,57
	1471	1,43
Аугсбург	1498	1,47
	1512	1,26
	1526	1,43
Перу	Конец XVIII в.	1,79

закон, оставаясь самыми решительными оптимистами в определении тенденции распределения. Таков, напр., *Фовиль*, работы которого так превозносит *Парето* и данными которого так широко *Парето* пользуется ¹⁾. *Фовиль* соединяет и формулу *Парето* и утешительные выводы *Леруа-Болье* об основных тенденциях распределения богатств ²⁾.

К формуле *Парето* приходится, однако, отнестись весьма осторожно. Как метод определения кривой распределения, закон *Парето* не выдерживает строгой критики. Такой серьезный и авторитетный критик и специалист в области приложения математики к экономике, как профессор *В. И. Борткевич*, отнесся к закону *Парето*, этому «научному открытию первого ранга», с большой долей скептицизма ³⁾. На примере распределения доходов в вели-

¹⁾ Foville. Les fortunes en France et dans les pays voisins au commencement du XX-e siècle. (Revue politique et Parlementaire, 1903, T. XXXVII), стр. 443, 458 и др.

²⁾ См. P. Leroy-Beaulieu. «Essai sur la répartition des richesses et sur la tendance à une moindre inégalité des conditions». 4 изд. Paris 1897.

³⁾ Ladislaus v. Bortkewitsch. Die Grenznutzentheorie als Grundlage einer ultraliberalen Wirtschaftspolitik. (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volksw. im Deutsch. Reich; herausg. von G. Schmoller, 1898. 22. Jahrg., Viertes Heft; стр. 116—127).

ком герцогстве Ольденбург (1890 г.) проф. *Борткевич* показывает, что действительные цифры распределения доходов далеко не совпадают с данными, вычисленными по формуле *Парето*, как видно из следующей таблицы ¹⁾:

Д о х о д.	Соответствующ. числа цензитов.	
	Наблюдаемые.	Вычисленные.
300— 600 мар.	30.266	27.000
600— 900 »	7.383	10.300
900— 1.500 »	7.029	8.270
1.500— 3.000 »	6.129	5.560
3.000— 6.000 »	2.508	2.171
6.000— 9.000 »	549	534
9.000—15.300 »	305	313
15.300—30.000 »	115	130
Выше 30.000 »	25	22

Как видно, заключает проф. *Борткевич*, совпадение оставляет желать еще очень многого ²⁾.

Такое же несовпадение во многих случаях находит и известный английский статистик, проф. *Боули*, занимавшийся этим предметом по поручению финансовой парламентской комиссии ³⁾. Центральный пункт несостоятельности метода *Парето* лежит, однако, в другом. *Парето*, подобно представителям старых методов, строго придерживается фиксированной скалы доходов для разных периодов, игнорируя важный факт изменения этой скалы с изменением богатства общества per capita. У *Парето* остается скала доходов неизменной, что уже одно, как мы видели, необходимо ведет к искажению действительного движения распределения. На одном этом основании *Лоренц* считает метод *Парето* ошибочным. Особенно неприложим он, по мнению *Лоренца*, к таким данным, в которых указывается лишь минимальный размер доходов высшей группы цензитного населения. В самом деле, по формуле *Парето*, какая бы масса миллионов и миллиардов ни нарастала к массе доходов высшей группы цензитов, это нарастание ничуть не отразится на кривой распределения *Парето*: это нарастание не может быть никоим образом учтено схемой *Парето*, так как скала доходов остается прежней, и, следовательно, и высшая точка линий MN, т.е. кривой распределения, будет изменяться только в зависимости от колебания числа миллионеров и миллиардеров, а

¹⁾ L. v. Bortkewitsch. Die Grentznutzentheorie... etc., стр. 117.

²⁾ Ibid., стр. 11 8.

³⁾ См. Report from the Select Committee on Income Tax; together with the Proceedings the Committee, minutes of evidence and an Appendix. London 1906, № 365, стр. 227, 246 и др., вопросы 1166, 1167. Боули находит, что для крайних точек доходной скалы закон Парето не находит себе подтверждений

не от массы притекающих к ним богатств; и таким образом факт роста концентрации богатств, при остающемся неизменным числе высшей группы цензитов, останется неотмеченным, не найдя своего отражения на кривой *Парето*. Кривая *Парето* ничего нам об этом не скажет ¹⁾. Непригодность и ошибочность метода *Парето* констатирует *Лоренц* на своем гипотетическом примере, где заведомо известна оставшаяся без изменения степень концентрации при равномерном возрастании вдвое богатства всех. Применение к этому примеру формулы *Парето* показывает возросшую степень концентрации при равномерном увеличении доходов всех цензитов, чего в действительности быть не может.

X

Вообще, логарифмические кривые более или менее все вероломны. Так, по крайней мере, думает *Лоренц*. Забывая, что они логарифмы, говорит он, мы склонны думать о них, как об абсолютных числах, когда они представлены на диаграмме, и отсюда приходят к ошибочным заключениям ²⁾. *Лоренц* предлагает особый метод для определения кривой распределения графическим путем,—метод, благодаря которому основные ошибки метода *Парето* исчезают ³⁾. Попытка *Лоренца*, направленная на разрешение вопроса о правильном определении кривой распределения, заслуживает глубокого внимания. Она интересна тем, что *Лоренц* один из первых исходит из правильного представления о проблеме распределения, как *проблеме отношений*. С этой точки зрения *Лоренц* решительным образом отвергает старые методы с фиксированной скалой доходов и пытается поставить вопрос о статистическом учете кривой распределения на правильный, более научный путь. Метод *Лоренца* приветствует другой видный статистик и соотечественник *Лоренца*—*Уоткинс*, который попытку *Лоренца* считает «большим шагом вперед» ⁴⁾, видоизменяя несколько ее и предлагая — на той же почве понимания распределения, как проблемы отношений,—свой способ графического определения кривой распределения в его историческом развитии ⁵⁾. Весьма характерно, что эти две серьезных попытки поставить вопрос об учете на серьезную, строго научную почву, исходят от американских ученых. В научном отношении они оставляют далеко позади себя все, что сделано в данном вопросе у немцев.

В исследовании вопроса об измерении концентрации богатства *Уоткинс* видит коренной пункт в той идее, что «концентрация есть факт отношений»; количества, которые приходится в этом случае измерять, суть относительные количества (the quantities to be measured are relative) ⁶⁾. Главной ошибкой использования подходящей статистики, в целях определения тенденций распре-

¹⁾ M. O. Lorenz. Methods of Measuring the concentration of Wealth. Amer. St. Assoc. N. S. № 70. June 1905, стр. 216.

²⁾ Ibid., стр. 217.

³⁾ Ibid., стр. 217—219.

⁴⁾ G. P. Watkins. «Comment on the Method of Wealth». (American Statist. Association. New Series № 72. December 1905), стр. 353.

⁵⁾ G. P. Watkins. An interpretation of certain statistical evidence of concentration of Wealth. (American Stat. Ass. New Series, № 81. March 1908. Volume XI. Boston 1910).

⁶⁾ G. P. Watkins. Comment on the Method of measuring concentration... etc., стр. 349.

деления, Уоткинс считает то обстоятельство, что это использование совершается обыкновенно над фиксированными и абсолютными количествами. Отсюда, по мнению Уоткинса,—все недоразумения и заблуждения (misleading). При сравнении двух моментов времени, разделяемых, например, 50-летним расстоянием, «средний» класс, если его определять в абсолютных размерах, может во второй date быть относительно много ниже в скале доходов, чем в первой date. «Может легко поэтому случиться,—говорит Уоткинс,—что мы получим изменения в одном или другом классе в сторону роста или упадка даже и тогда, когда на самом деле не могло быть никакого изменения в относительных доходах этого класса или даже никакого изменения в кривой распределения, в степени концентрации»¹⁾. Уоткинс всюду отмечает относительную природу по существу проблемы концентрации и в игнорировании этого центрального пункта упрекает большинство существующих учений по этому предмету²⁾. «Неравенство распределения—говорит он—по своей действительной природе есть вопрос отношений между субъектами распределения»³⁾. Человеческие понятия о «среднем» и «высшем» экономическом классе—относительные понятия⁴⁾. Правильный метод определения движения распределения должен быть построен поэтому на предпосылке относительного характера распределения. Границы, отделяющие класс от класса, должны быть сами по себе относительными числами и изменяться вместе с изменением всей суммы богатства per capita. Скала доходов, группирующая население на классы различной степени состоятельности, в два различных момента, не должна остаться без изменения при росте доходов per capita и при наличности малейшей тенденции к неравномерности в распределении. Линия, разделяющая богатый класс от среднего, с изменением общего богатства должна быть мультиплицирована некоторым образом, в зависимости от изменения средней богатства⁵⁾.

Этот принцип относительности в проблеме учета кривой распределения впервые в американской литературе внес Лоренц, давший уничтожающую критику излюбленных, особенно у немцев, и господствующих в современной экономике способов определения кривой распределения. Как мы видели, Лоренц находит два существенных недостатка в методе Парето: закрепленность скалы доходов, остающейся без изменения для двух различных периодов времени, и употребление логарифмированных величин, неудобных, по его мнению, для получения точной картины распределения. В целях избежания этих важных с его точки зрения недостатков, Лоренц предлагает следующее: группы населения представлять в виде процентных отношений к общему числу населения, владеющего некоторым богатством или получающего некоторый доход, и, в свою очередь, количество дохода (или имущества) каждой процентной группы представлять в соответствующих процентных отношениях ко всей массе доходов (или имущества). Этим Лоренц ставит вопрос об учете и определении характера распределения сразу же на почву относительного сравнения всех происшедших от одного до другого периода изменений. Чтобы

¹⁾ G. P. Watkins. Comment of the... etc., стр. 349.

²⁾ Ibid., стр. 351.

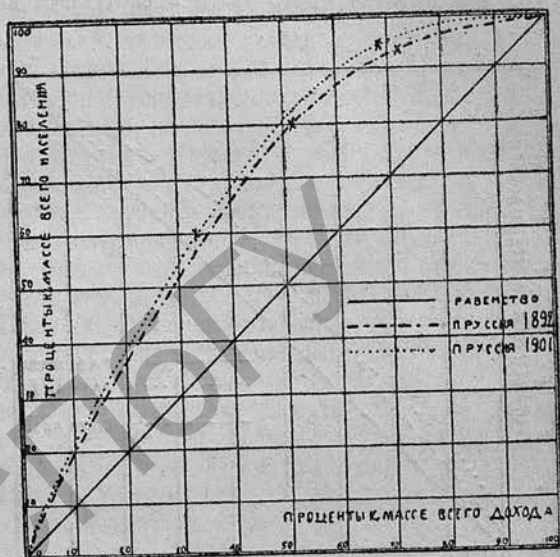
³⁾ Ibid., стр. 353. March 1908. Vol. XI, Boston 1910, стр. 28.

⁴⁾ G. P. Watkins. An interpretation of certain statistical evidence of concentration of Wealth. Amer. Stat. Association. New Series, № 81.

⁵⁾ Ibid., стр. 29.

уловить последние наиболее наглядным образом и получить кривую распределения, точно говорящую о тенденциях развития, *Лоренц* прибегает к следующему графическому приему¹⁾: берутся две координатных оси X и Y; на оси Y откладываются проценты населения, начиная от беднейшего и идя вверх вплоть до наиболее богатых; вдоль другой оси—X—откладываются проценты богатства, которым обладает соответствующее процентное число населения. Точки пересечения той и другой системы линий, проведенных от данных точек на двух осях, укажут направление кривой распределения. Если возьмем случай с населением, где богатство распределилось поровну, т.е., начиная с беднейшего населения, 1% населения обладает 1% богатства, 3% населения—3% богатства, и т.д., и т.д., то в таком случае линия, соединяющая точки пересечений на нашем чертеже (см. ниже), будет прямой, совершенно правильно соединяющей вершины двух противоположных углов, т.е. она будет диагональю, рассекающей на равные половины наш параллелограмм, как видно из следующего чертежа (черт. № 3).

№ 3

При неравномерном распределении кривые распределения будут начинаться и кончаться в тех же точках, где начинается и кончается кривая при равном распределении; но в первом случае кривые будут согнуты в середине; чем больше эта согнутость, тем больше будет приближаться к форме дуги эта кривая, тем выше степень неравномерности. Применяя свой метод к данным прусской подоходной статистики для 1892 и 1901 г.г., *Лоренц* получает две дугообразных кривых, представленных на нашем чертеже № 3. Менее согнутая кривая, лежащая ближе к линии равенства, представляет собою кривую распределения доходов Пруссии в 1892 г., а более вогнутая и более уходящая от линии равенства кривая изображает из себя кривую распределения в 1901 г. Ясно, что цифры 1901 г. указывают на большую концентрацию, чем цифры 1892 г.²⁾

Не всегда, однако, кривые распределения могут дать нам такой определенный ответ об общей тенденции в движении распределения, как в предыдущем случае с распределением доходов Пруссии 1892—1901 г.г. *Лоренц* приводит гипотетический пример, графическое изображение которого обнаруживает

¹⁾ М. О. Lorenz. Methods of measuring the concentration of Wealth. Americ. Stat. Association. New Series № 70. June 1905, стр. 217, 218.

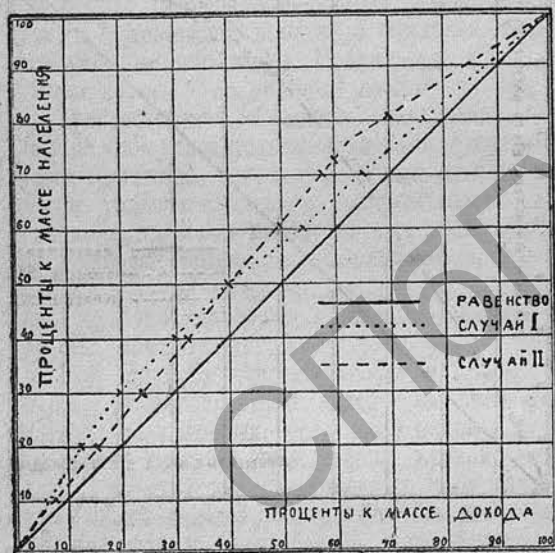
²⁾ Ibid., стр. 218.

различные тенденции в пределах одной и той же кривой,—пример, где кривая представляет два различных и противоположных направления в верхней своей половине (соответствующей богатой половине населения) и в нижней (соответствующей беднейшей части населения) ¹⁾. Согласно предположению Лоренца, дано 100 долларов, распределяемых между 10 лицами неодинаково в два разные момента времени. В I и II случаях эти 100 долларов распределяются в следующем порядке:

I.	6	7	8	9	10	12	12	12	12
II.	8	8	8	8	8	8	8	14	16

Кривая распределения в первом случае и во втором в графическом изображении Лоренца представится в следующем виде (чертеж № 4) ²⁾.

№ 4.

Рассматривая характер и направление кривых распределения в I и II случаях, мы замечаем во II случае тенденцию к равенству и равномерности распределения в первой половине населения (беднейшей), так как кривая, соответствующая 50% населения, легла ближе к линии равенства, обнаруживая стремление приблизиться к ней. Наоборот, кривая распределения, соответствующая верхней (богатой) половине населения, показывает, что в этой последней половине совершался процесс концентрации, проявляясь несомненная тенденция к неравномерности и значительно

большому, чем прежде, отклонению от равенства. Как в I, так и во II случае, беднейших 50% населения одинаково имеют 40% всей массы богатства. Но беднейшие 70% населения во II случае обладают уже значительно меньшим процентом богатства, чем раньше: вместо 65%—66%—в I случае—теперь всего лишь 55%—56%. Значительная доля богатств передвинулась от этой части населения вверх, к наиболее богатым группам.

Преимущества метода и графических приемов Лоренца заключаются в строгой выдержанности относительного характера явлений распределения и проблемы концентрации, или диффузии. У Лоренца исчезает применение фиксированной скалы доходов. Вместо того Лоренц сводит как группы населения, так и соответствующий доход, выпадающий на долю этих групп, к относительным величинам, выражая то и другое в процентных отношениях к целому. Вместе с этим Лоренц освобождается от основной ошибки обычных

¹⁾ M. O. Lorenz. Methods of measuring... etc., стр. 218.

²⁾ Ibid., стр. 219.

методов определения кривой распределения. С другой стороны, графический прием *Лоренца*, преследуя более рельефное представление основных тенденций распределения, вполне успешно достигает последней цели. Метод *Лоренца*, впрочем, не свободен от некоторых неудобств. Первый недостаток, который можно отметить у *Лоренца* и который он и сам сознает, это—возможность таких случаев, когда видны тенденции развития в каждой из двух половин общества, но нет возможности подвести общий вывод, чтобы указать общий характер и направление распределения вообще. Такой случай дает, например, гипотетический пример *Лоренца* (случай II), представленный на чертеже № 4. Второй немаловажный недостаток в приемах выведения кривой *Лоренца*, это—возможность таких случаев, когда относительный размер доходов, обладаемых той или иной группой населения, будет очень велик, но относительный размер самой группы будет настолько мал, что уложить ее величину в нашей системе и представить ее графически не будет никакой возможности. А такие случаи вполне возможны при распределении доходов современных обществ с резко выраженным характером крупно-капиталистического хозяйства.

Все эти недостатки метода *Лоренца*, не имеющие, как мы видели, принципиального значения, старается устранить *Уоткинс* в уже цитированной нами статье «An interpretation of certain statistical evidence of concentration of Wealth». По мнению *Уоткинса*, социальная пирамида состояний такова по своей природе, что не легко поддается диаграммированию по тому способу, который предлагает *Лоренц*. Колонна бедных вытягивается настолько вверх в виде заостренной линии и так тонка, что глаза не могут наблюдать картину действительных отношений. Такая диспропорциональность — результат неравномерного распределения. По своим общим характерным признакам, кривая распределения собственности, по мнению *Уоткинса*, гиперболична и потому не легко поддается обыкновенному графическому изображению ¹⁾. Но кривые, по своим свойствам близкие к гиперболе, без особого затруднения могут быть представлены графически, если на чертеже будем брать вместо самих чисел их логарифмы. Правда, замечает *Уоткинс*, степень различия между двумя сериями чисел в данном случае недостаточно наглядна, особенно для того, кто не знаком с математикой; но зато относительно направления (direction) происходящих изменений и передвижений не может возникнуть никаких сомнений, и в смысле установления общих тенденций в распределении богатства к диффузии или концентрации, такой метод, по мнению *Уоткинса*, безупречен и неуязвим для критики ²⁾.

Метод, предлагаемый *Уоткинсом*, состоит в следующем: устанавливается определенная скала доходов (или состояний), остающаяся неизменной для всех наблюдаемых периодов времени и располагаемая в восходящем порядке сверху вниз; соответственно этой скале устанавливаются и располагаются числа цензитов или вообще оценок всякого рода; абсолютные количества полученной скалы, а равным образом также и абсолютные числа цензитов или оценок выражаются в логарифмах; после этого переходят к графическому изображению, в целях получения наглядной кривой распределения за разные эпохи; для этого берется система двух координатных осей, и на одной из них — горизонтальной — откладываются логарифмы чисел цензитов или оце-

¹⁾ G. P. Watkins. American Statistical Association. New Series, № 81. March. 1908. Vol. XI. Boston 1910, стр. 33.

²⁾ Ibid., стр. 34.

нок, а на другой—соответствующие логарифмы скалы доходов; точки пересечения прямых, проведенных из точек того и другого вида, обозначат направление кривой распределения. Для большей наглядности Уоткинс располагает кривые таким образом, чтобы нижние точки их сходились все в одном пункте. Таким пунктом Уоткинс выбирает наибольший из полученных логарифмов, т.-е. обыкновенно логарифм для последней из наблюдаемых эпох ¹⁾. Масштаб остается, конечно, тот же, что и для измерения логарифмов всех данных эпох, но скала логарифмов каждой эпохи передвигается слева направо до тех пор, пока логарифм чисел цензитов или оценок каждой эпохи не упадет в точку, изображающую максимальный логарифм последней эпохи. Для иллюстрации приведем кривые Уоткинса, показывающие характер распределения наследственных имуществ, переходивших по завещанию в штате Массачусеттс за 1829—31, 1859—61, 1879—81, 1889—91 г.г., по данным Массачусеттского бюро труда (Twentieth Annual Report of the Bureau of Statistics of Labor, Massachusetts, 1894, 265—267 стр). Абсолютные количества и их логарифмы для чисел этих наследств выразятся в следующем виде ²⁾:

Размеры наследственных имуществ.	Логарифмы.	1830 г.		1860 г.		1880 г.		1891 г.	
		Число наследств.	Логар.	Число наследств.	Логар.	Число наследств.	Логар.	Число наследств.	Логар.
От 1.000 долл. •	3,000	1.804	3,256	4.477	3,651	7.869	3,896	10.653	4,027
» 5.000 » •	3,699	530	2,724	1.650	3,217	3.281	3,516	4.456	3,649
» 10.000 » •	4,000	235	2,371	853	2,931	1.860	3,270	2.487	3,396
» 25.000 » •	4,398	78	1,892	346	2,539	837	2,923	989	2,995
» 50.000 » •	4,699	36	1,556	178	2,250	427	2,630	509	2,707
» 100.000 » •	5,000	11	1,041	86	1,934	209	2,320	244	2,387
» 200.000 » •	5,301	5	0,699	34	1,531	98	1,991	110	2,041
» 300.000 » •	5,477	5	0,699	16	1,204	61	1,785	65	1,813
» 400.000 » •	5,602	2	0,477	9	0,954	39	1,591	43	1,633
» 500.000 » •	5,699	2	0,301	6	0,778	29	1,462	30	1,477

Если будем откладывать логарифмы скалы и логарифмы соответственных чисел наследуемых имуществ, получим следующую диаграмму ³⁾ (диагр. № 5).

Из представленных данных о распределении наследственных имуществ в Массачусеттс и диаграммы, построенной посредством логарифмов, Уот-

¹⁾ G. P. Watkins. American Statistical... etc., стр. 35 (в примечании).

²⁾ Ibid., стр. 35.

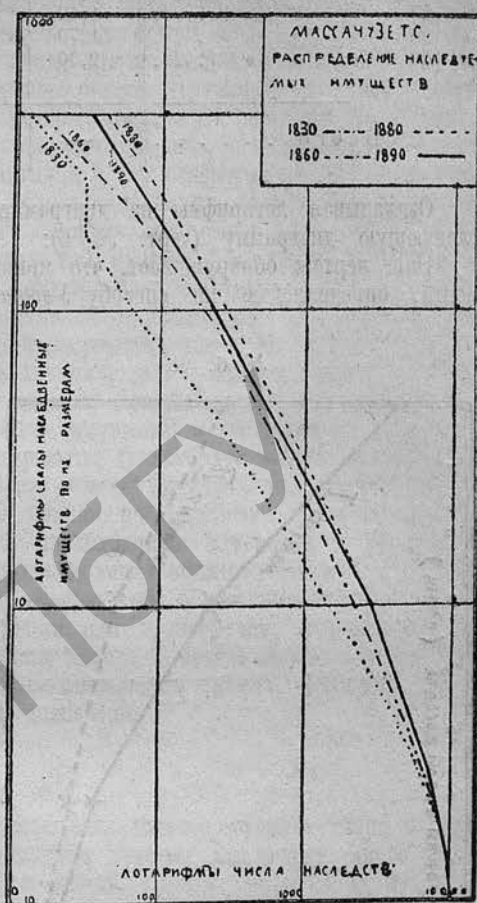
³⁾ Ibid., стр. 36.

Уоткинс приходит к выводу, что за рассматриваемый период времени выражена несомненная тенденция к концентрации богатства в Массачузеттсе. Лишь в 1880 г. проявилась несколько большая степень концентрации, чем в 1890 г. Кривая распределения из десятилетия в десятилетие идет по направлению к более крутому положению, чем раньше. Такую же тенденцию к концентрации устанавливает Уоткинс и для Англии, исходя из данных статистики пошлин на наследство, и для Франции, пользуясь французской статистикой наследств. Сравнивая характер распределения в Англии и Франции, Уоткинс находит, между прочим, в первой более сильную степень концентрации, нежели в последней ¹⁾.

Метод Уоткинса не настолько уже защищен от ударов критики, как это представляется самому автору его. Наиболее слабой стороной, делающей этот метод неприемлемым с нашей точки зрения, является возвращение к идее фиксированной скалы, остающейся без изменения для разных эпох, несмотря на общее изменение богатства. Казалось бы, после критики проф. Или и Лоренца, этот прием старой школы с оперированием неподвижной скалой окончательно потеряет кредит по крайней мере у американцев. И, тем не менее, Уоткинс, вводя логарифмирование и способ диаграммирования, напоминающий способ Парето, сохраняет в неприкосновенности идею старого метода.

Чтобы наглядно убедиться в том, что метод Уоткинса приводит к результатам, не отвечающим действительности и передающим эту действительность в искаженном и неправильном виде, применим метод Уоткинса на простом и ясном гипотетическом примере Лоренца, где, как нам известно, изменения в степени концентрации между распределением в I данном моменте и распределением во II моменте не произошло, несмотря на то, что доходы всех лиц удвоились. Располагая данные в примере Лоренца по системе Уоткинса и логарифмируя соответствующие числа, получаем следующую таблицу:

№ 5.

¹⁾ G. P. Watkins, American Statistical... etc., стр. 47—49.

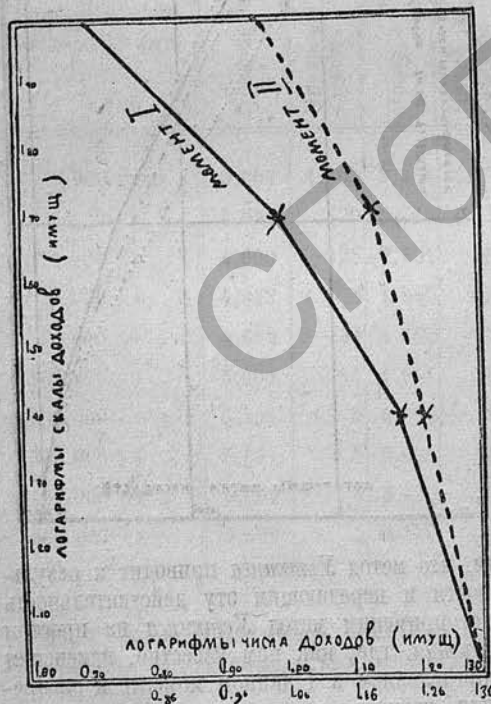
Размер доходов (имуществ.)	Логар.	Число доходов (имуществ.)			
		Абсол.		Логар.	
		I момент.		II момент.	
От 10 доллар. и выше . . .	1,00	20	1,30	23	1,36
» 25 » » » . . .	1,40	15	1,18	18	1,26
» 50 » » » . . .	1,70	10	1,00	15	1,18
» 100 » » » . . .	2,00	5	0,70	10	1,00
Всего	—	25	—	25	—

Откладывая логарифмы на диаграмме по способу *Уоткинса*, получаем следующую диаграмму (черт. № 6):

Наш чертеж обнаруживает, что кривые распределения I момента и II момента, определяемые по способу *Уоткинса*, не совпадают и что, следова-

тельно, степень концентрации богатства в двух рассматриваемых случаях различна, и именно — выше степень концентрации во второй момент, когда богатство каждого удвоилось. Отсюда мы с полной очевидностью заключаем о неправильности метода *Уоткинса*, так как гипотетический пример *Лоренца* построен на заведомо известной предпосылке неизменно остающейся одной и той же степени концентрации богатства как в I, так и во II моментах. Причина ошибочности метода *Уоткинса* — сохранение фиксированной скалы и базирование на ней. Дело, конечно, не изменяется от того, что *Уоткинс* располагает свою скалу имуществ (доходов) не по обычному порядку, а по системе, которой следует и *Парето*: числа имуществ (доходов, цензитов etc.) располагаются у него не по группам между 1.000 — 5.000 долл., 5.000 — 10.000 дол. и т. далее, а по группам от 1.000 долл. и выше, от 5.000 и выше, 10.000 и выше и т.д.

№ 6.

Делая общий вывод о различных способах определения основных тенденций распределения, мы приходим к следующему: а) всякий метод тесно связан как с целью исследования, так и с предметом исследования; и так как проблема распределения есть проблема отношений, то метод определения

характера распределения в различные эпохи не должен иметь дела с фиксированными абсолютными элементами; он должен быть так построен, чтобы легко улавливать малейшие изменения в движении распределения: гибкость и эластичность — необходимые свойства всякого правильного метода; отсюда b) рациональный метод измерения движения распределения не может иметь дело с такими скалами доходов или имуществ, которые неизменно остаются в фиксированных размерах для различных эпох; c) кривая распределения должна быть такова, чтобы освещать как общий характер распределения в его целом, так и детали распределения, происходящие в отдельных классах общества; недостаточно еще установить общую тенденцию к концентрации; необходимо, кроме того, указать, что происходит при передвижении доходов (имуществ) в пределах крупнейших классов общества в отдельности; d) кривая распределения должна быть наглядна и без особых специальных комментариев должна говорить нам об общих тенденциях развития в движении распределения; в этих целях может служить построение диаграмм, при чем последние должны обладать наивозможной простотой построения; e) способ, наиболее всего удовлетворяющий всем только что представленным требованиям, состоит в отсутствии раз навсегда закрепленной для всех времен скалы и в выражении как размеров доходов (имуществ), так и числа лиц, получающих последние, в относительных величинах; таков, напри., метод *Лоренца*, где числа цензитов или имуществ каждого класса выражаются в процентах к общему числу, а суммы их доходов (имуществ) в соответственных процентах к общей массе доходов или имуществ; f) наиболее рациональный метод измерения движения распределения, это — метод *Лоренца*; он нуждается, однако, в некотором дополнении, так как кривая распределения, получаемая этим методом, определенно характеризует происходящие изменения в распределении за различные эпохи в различных половинах общества (богатой и бедной), в то же время недостаточно ясно говорит об общем характере движения распределения вообще: к концентрации или к диффузии, к равенству или неравномерному распределению; g) этот дефект в методе *Лоренца* может быть пополнен применением, в качестве дополнительного приема, формулы *Боули*, служащей для измерения степени дисперсии.

XI

При оценке и характеристике различных методов, существующих в целях определения основных тенденций движения доходов, мы видели, какое разногласие царит в решении вопроса о действительном направлении исторического хода распределения доходов. Центральным пунктом здесь является вопрос, имеет ли место в развитии капиталистического распределения тенденция к концентрации или тенденция к диффузии доходов. При наличности диффузии, в двух различных по благосостоянию социальных половинах общества (бедной и богатой) происходит выравнивание; движение доходов совершается здесь так, что массы доходов разливаются среди населения более равномерно, не стягиваясь в немногих точках населения, а заполняя все рукава и притоки одного целого. При остающейся неизменной массе общей суммы доходов такое выравнивание распределения выражается в том, что доходы богатых классов населения сокращаются и передвигаются к низшим классам, способствуя таким образом постепенному сближению двух неравномерных половин (богатой и бедной) общества.

Установление такого показателя, который бы точно отражал изменения в степени концентрации и открывал тенденцию в развитии распределения, чрезвычайно важно для теории распределения. Пользуясь таким показателем и применяя его к данным статистики распределения, мы могли бы проверять теоретические положения, дедуктивно выведенные, на фактах действительности, могли бы вливать в абстрактные формулы и общие законы конкретное содержание, объединять в одном целом теорию и опыт жизни. Кроме того, индуктивно установленная тенденция в распределении доходов к концентрации являлась бы серьезным аргументом в подтверждение закона падения доли рабочих в общественном доходе. И обратно: наличие диффузии, происходящей в современных обществах при распределении их доходов, свидетельствовала бы о тенденции, обратной закону падения рабочей доли.

К сожалению, при современном состоянии статистики распределения доходов всякая кривая распределения может быть установлена только в самой общей форме. Группировать облагаемые доходы по социальным классам нет возможности ни в одной стране с системой подоходного облажения. Здесь возможно лишь общее деление на беднейших и богатых. Отсюда, кривая распределения будет говорить нам лишь об общем *направлении*, в каком передвигаются в обществе доходы из эпохи в эпоху. Это обстоятельство не ослабляет, однако, значения статистики распределения для устанавливаемого закона падения доли рабочих. В своей общей формулировке этот закон падения может быть представлен в смысле тенденции к движению в двух противоположных направлениях тех основных элементов, из которых складывается общественный доход: 1) трудовых или «заработанных» доходов и 2) «незаработанного» дохода. Кривая распределения, выражающая движение в сторону концентрации, несмотря на свой общий характер, будет точно выражать движение заработной и незаработанной частей общественного дохода, если закон падения доли рабочих имеет место в общественно-хозяйственном развитии. В сущности, беднейшая масса или беднейшая «половина» населения любой крупно-капиталистической страны представляет собою массу, живущую преимущественно «заработанным» доходом, т.-е. живущую собственным трудом, при чем характерной особенностью последнего обыкновенно является именно его *наемный* характер. Что последнее справедливо по отношению крупно-капиталистических стран, достаточно посмотреть данные состава населения Великобритании и Германии, где рабочее население составляет больше половины всего населения страны. Если взять только активное население, в целях сравнения с данными рабочего населения в Соединенном Королевстве, то отношение его ко всему населению выразится в Германии в следующих числах ¹⁾:

Г о д.	Все население Германии обоего пола.	Рабочее актив- ное население обоего пола.	% рабочего актив- ного населения ко всему населению.
1882	45.222.113	10.705.324	23,7
1895	51.770.284	12.816.552	24,7
1907	61.720.529	17.836.121	28,8

¹⁾ См. исследование проф. К. Г. В о б л о г о: «Третья профессионально-промышленная перепись в Германии», стр. 308 и 361. Том I. Киев 1911.

Как видим, во всех отношениях рабочее население растет, составляя все более и более заметную часть всего населения страны.

В Соединенном Королевстве данные цензов не дают для всего Королевства таких детальных сведений о социальном составе населения, как это мы находим в Германии. Мы приблизительно лишь можем получить здесь числа рабочего активного населения и отношение его к общей массе населения. По данным *Боули*, для 1860—1891 г.г.¹⁾, это отношение может быть представлено в следующей таблице:

Таблица 32.
Соединенное Королевство.

Г о д.	Население обоого пола.	Рабочее активное население.	% рабочего актив- ного населения ко всему населению.
	М и л л и о н ы.		
1860	28,7	10,2	35,5
1866	29,3	10,7	36,5
1870	30,0	11,2	37,3
1874	32,4	11,5	35,5
1877	33,4	11,7	35,1
1880	34,5	11,9	34,5
1883	35,3	12,2	34,6
1886	36,3	12,6	34,7
1891	37,8	13,0	34,4

Нас не может здесь занимать вопрос о заметной как будто тенденции к сокращению самостоятельного, активного населения рабочих по отношению к общей массе населения. Мы останавливаемся лишь на том, что процент рабочего активного населения в общей массе активного населения громаден. Насколько можно судить из сопоставления данных Германии и Соединенного Королевства, процент рабочего населения выше в последнем, чем в Германии, достигая, однако, и в Германии очень высоких относительно размеров.

Все вышеприведенные данные об отношении массы рабочего активного населения к общей массе населения или к активной его части приводят нас к следующего рода положению: если в статистике распределения доходов даны числа, охватывающие по возможности все активное население, получающее тот или иной доход, то беднейшая половина этого населения будет представлять собою главным образом класс, живущий доходом только от собственного труда, т.е. класс лиц с «заработанным» доходом, приближающимся в общем по своему существу к типу заработной платы. Положение это прило-

¹⁾ A. L. Bowley. Changes in Average Wages (nominal and real) in the United Kingdom between 1860 and 1891. (Journal of the R. Stat. Soc., June 1895, стр. 248).

жимо по крайней мере к высоко-развитым капиталистическим странам. В данном случае приходится считаться с тем лишь, что в официальную статистику попадают лишь лица с доходами, значительно превышающими обычный уровень среднего рабочего в стране. Это ведет к необходимости пополнения официальной статистики учетами, нередко имеющими только приблизительный характер точности. Но даже и при отсутствии этих дополнений, «беднейшая половина» населения (в вышеуказанном смысле) будет иметь лишь несколько больший уровень дохода, сравнительно с средним; кривая же распределения от этого все же не изменит своего относительного характера и будет точно передавать то *направление*, в котором совершается движение доходов и распределение их. Это приводит нас к выводу о важности пользования статистикой распределения для освещения действительных тенденций распределения доходов в стране. Необходим лишь правильный метод, применение которого не вело бы к искажению истинной картины действительности и давало бы точное представление о кривой распределения доходов в капиталистических странах. Правильно установленная кривая распределения будет служить в то же время и лучшей иллюстрацией для проверки дедуктивно устанавливаемого закона падения доли рабочих в общественном доходе с развитием капитализма, являясь, таким образом, дополнительным средством к непосредственным учетам социальных долей общественного дохода в той или иной стране.

Наиболее пригодным методом для определения основных тенденций распределения, как мы говорили, представляется метод *Лоренца*, отличающийся и простотой, и необходимой эластичностью, и достаточной наглядностью графического изображения. Лишь в некоторых случаях, когда доходы одной половины общества передвигаются в сторону концентрации, а другой половины—в обратную сторону—к диффузии или к линии равенства, может явиться затруднение в определении общей тенденции распределения всего общества, взятого в одном целом. В этом случае представляется необходимым прибегать к некоторому дополнению в методе *Лоренца*. Такого рода дополнением может служить формула *Боуми*, которая дает нам показатель для определения степени концентрации.

В нижеследующем мы делаем попытку определить кривую распределения в некоторых из передовых капиталистических стран, применяя метод *Лоренца* с дополнением *Боуми*, при чем в основу мы кладем наиболее авторитетные и наиболее общеизвестные данные, которые уже не раз служили материалом в руках экономистов, приходивших, однако, к самым различным выводам, начиная от самых пессимистических и кончая ультра-оптимистическими.

Наиболее годным в данном случае материалом являются для нас данные распределения дохода по подоходной статистике Пруссии, Саксонии, Баварии, Англии. Всюду почти мы увидим здесь несомненную тенденцию к росту неравномерности, к концентрации доходов, к все большему и большему расхождению богатой и бедной половин наций; даже там открывается эта тенденция современных капиталистических обществ, где большинством экономистов, исходящих из неправильных методов, рисовалась обратная картина—выравнивания доходов, рост средних классов, абсолютное и относительное возрастание низших классов населения.

Для Пруссии мы имеем уже цитированные выше данные *Зеттера* для 1872 и 1888 года и проф. *Вагнера*—для 1892 и 1902 г.г., т.-е. ровно за 30 лет. Эти данные таковы (см. табл. 33 на след. стр.):

Т а б л и ц а 33.
П р у с с и я.

Группы дохода.	Число лиц.	%	Доходы (в марках).	%	На 1 пенси- та в средн.
1872 год.					
А. До 525 мар.	3.150.000	39,10	1.260.000.000	18,08	400 м.
В. 526— 2.000 мар. . .	4 530.000	56,20	3.985.000.000	57,18	880 »
С. 2.001— 6.000 » . .	331.658	4,12	1.031.400.000	14,80	3.110 »
Д. 6.001— 20.000 » . .	40.091	0,50	385.600.000	5,53	9.616 »
Е. 20.001—100.000 » . .	6.077	0,08	226.260.000	3,25	37.232 »
Ф. Выше 100.000 » . .	357		81.125.000	1,16	227.241 »
А — Ф . .	8.058.183	100,00	6.969.385.000	100,00	365 м.
1888 год.					
А. До 525 мар.	4.101.550	41,36	1.650.454.250	17,68	402 м.
В. 526— 2.000 мар. . .	5.259.805	53,04	4.805.038.628	51,49	914 »
С. 2.001— 6.000 » . .	458.692	4,63	1.486.368.591	15,93	3.240 »
Д. 6.001— 20.000 » . .	83.823	0,85	806.162.125	8,64	9.617 »
Е. 20.001—100.000 » . .	11.029	0,11	417.131.250	4,47	37.821 »
Ф. Выше 100.000 » . .	840	0,01	166.933.800	1,79	198.731 »
А — Ф . .	9.915.739	100,00	9.332.088.644	100,00	941 м.

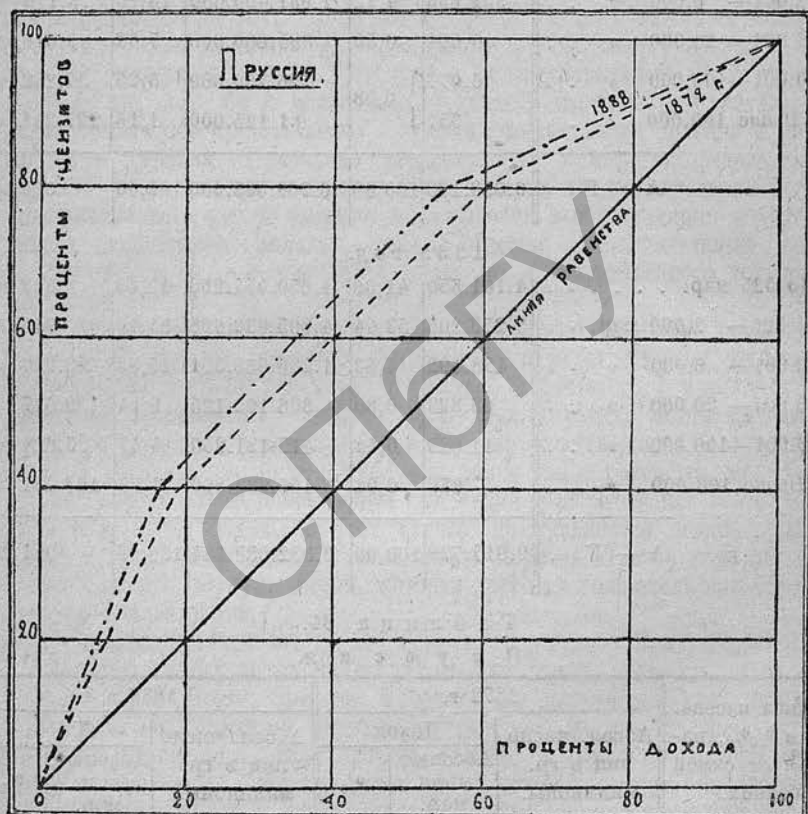
Т а б л и ц а 34.
П р у с с и я.

Группы насе- ления в ‰, на- чинаая от самой бедной.	1872 г.			1888 г.		
	Абсол. число лиц в гр. миллионы.	Доход.		Абсол. число лиц в гр. миллионы.	Д	
		Абсолют. милл. мар.	%		Абсолют. милл. мар.	%
I-е 20‰ . . .	1,6	640	9,2	1.983	797,2	8,5
II-е 20‰ . . .	1,6	675	9,7	1.983	797,2	8,5
III-е 20‰ . . .	1,6	1.408	20,2	1.983	1.742,3	18,7
IV-е 20‰ . . .	1,6	1.408	20,2	1.983	1.812,5	19,4
V-е 20‰ . . .	1,6	2.839	40,7	1.983	4.182,9	44,8
I—V . . .	8,0	6.970	100,0	9.915	9.332,1	100,0

Чтобы перевести эти данные в вид, годный для применения метода Лоренца, мы должны разбить население Пруссии каждого года на пять равных групп (по 20% в каждой) и вычислить соответственный процент дохода, получаемого каждой группой. Данные Зеттера примут тогда следующий вид (см. табл. 34 на стр. 263):

Графически эти данные выразятся в двух кривых распределения, из которых кривая 1888 года значительно удалена от линии равенства и обнаруживает во всех своих точках тенденцию доходов к неравномерности, концентрации. Для построения этих кривых предварительно мы должны найти, сколько процентов из общего дохода выпадает на долю первой группы, от-

№ 7.

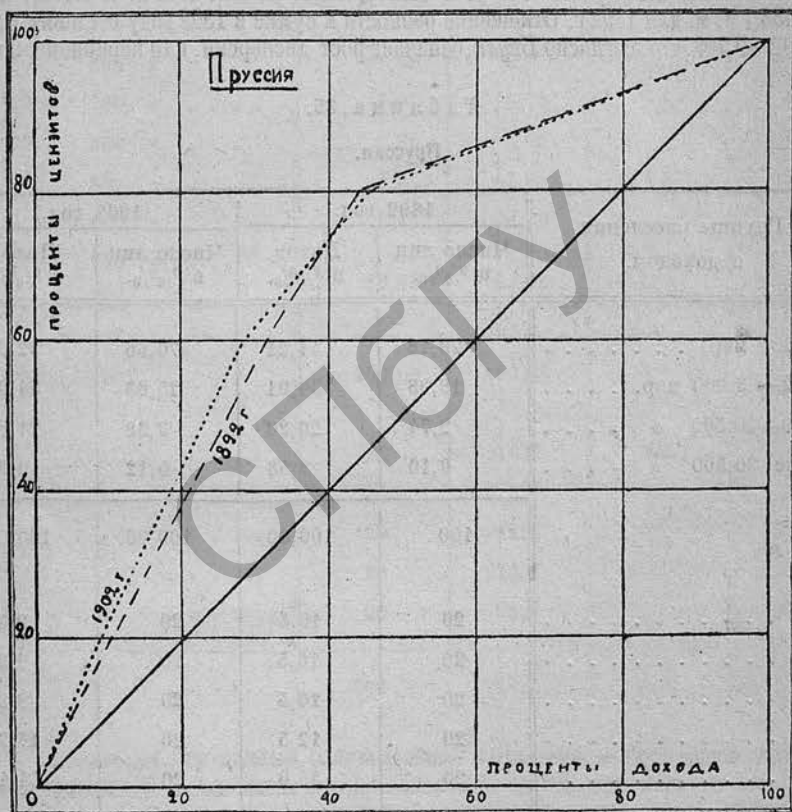

дельно взятой, сколько первой и второй вместе, сколько первых трех групп и т. д.; благодаря этому мы будем знать, сколько процентов мы должны откладывать на долю каждой группы, начиная из одной общей точки в нашей диаграмме, равной 0. Это количество процентов дохода выразится в следующем:

Группы.	Процент доходов.	
	1882	1888
I-ая (20%)	9,2%	8,8%
I—II (40%)	18,9%	17,0%
I—III (60%)	39,1%	35,7%
I—IV (80%)	59,3%	55,4%
I—V (100%)	100,0%	100,0%

На оси вертикальной откладываем от точки 0 процент размера каждой группы, направляясь снизу вверх, а на горизонтальной оси—соответствующие проценты доходов каждой группы слева направо. Точки пересечения линий, восстановленных из соответственных пунктов наших осей, обозначают собою направление кривой распределения в каждый данный момент. Согласно *Лоренцу*, чем дальше кривая будет удаляться от линии равенства (равномерного распределения), чем больше изгиб кривой распределения, тем больше степень концентрации или неравномерности распределения. Положение и направление наших кривых выразятся в следующей диаграмме (см. чертеж № 7 на стр. 264):

№ 8.

Как изменялась кривая распределения в Пруссии за позднейшие годы, мы узнаем из применения данных проф. *Вагнера* для 1892—1902 г.г.¹⁾ Последние выразятся в следующей таблице (см. табл. 35 на след. стр.).

Полученные данные, построенные графически, выразят точно так же тенденцию к неравномерности доходов, как это показывает направление кривых в следующей диаграмме (см. чертеж № 8)²⁾.

¹⁾ Zeitschrift des Kön. Preuss. Stat. Bureaus. 1904. 24. Jahrg., стр. 263, 255.

²⁾ К сожалению, данные проф. *Вагнера* не позволяют детальной классификации доходов населения первой группы (с доходами ниже 900 марок).

Как видно из приводимой диаграммы, кривая 1902 года обнаруживает ярко выраженную тенденцию к неравномерности лишь в первой половине главным образом; в верхней половине степень концентрации не увеличилась, скорее едва заметно уменьшилась. Чтобы решить вопрос, был ли рост к неравномерности в целом за рассматриваемый период времени, необходимо дополнительное применение формулы Боули: $\frac{Q_2 - Q_1}{Q_2 + Q_1}$. Для последней уже достаточно знать относительные числа цензитов и доходов. Здесь необходимы абсолютные числа. Обращаясь к абсолютным данным проф. Вагнера, находим, что сумма доходов, получаемых первой группой населения (Q_1) и последней (Q_2) была соответственно 1.187, милл. мар. и 6.947, милл. м. для 1902 г. и 1.018, милл. м. и 5.433, милл. м. для 1892 г. Отношение разности к сумме в 1892 году составит 0,684, в 1902—0,708, что, согласно Боули, означает рост дисперсии, или неравномерности.

Таблица 35.

Пруссия.

Группы населения с доходом.	1892 год.		1902 год.	
	Число лиц в ‰	Доход в ‰	Число лиц в ‰	Доход в ‰
До 900 мар.	78,18	41,21	70,66	32,97
900— 3.000 мар.	18,98	30,01	25,83	34,92
3.000—30.500 »	2,74	20,20	3,38	21,57
Выше 30.500 »	0,10	8,58	0,12	10,54
	100	100,00	100,00	100,00
I	20	10,5	20	9,3
II	20	10,5	20	9,3
III	20	10,5	20	9,3
IV	20	12,5	20	17,7
V	20	56,0	20	54,4
I—V	100	100,0	100	100,0

Для Саксонии мы обладаем данными ¹⁾ за десятилетие 1890—1900 г.г., в Zeitschrift des K. Sächsischen Stat. Bureaus. Эти данные представляются в следующем виде (см. табл. 36 на след. стр.):

¹⁾ См. Zeitschr. d. K. Sächs. St. Bureaus. 37. Jahrgang. 1891; 39. Jahrgang 1893, Heft I и II; 47. Jahrg. 1901, Heft 1 и 2.

Таблица 36.

Саксония.

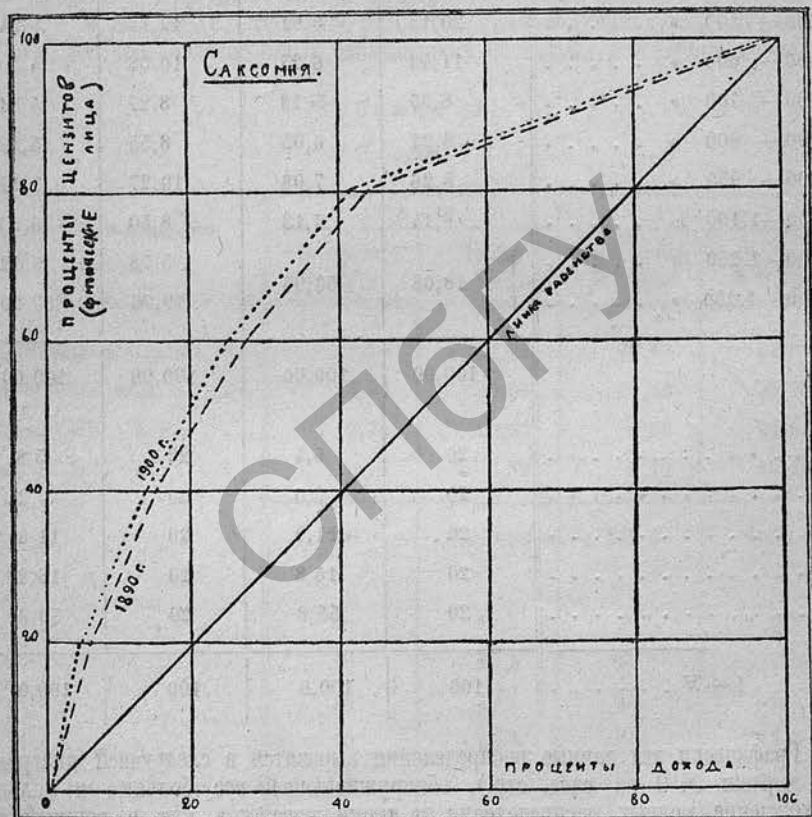
Группы населения с доходом.	1890 г.		1900 г.	
	Число лиц в ‰.	Доход в ‰.	Число лиц в ‰.	Доход в ‰.
До 300 марок	5,36	1,22	} 10,82	2,54
300— 400 мар.	13,32	4,65		
400— 500 »	20,18	8,91	17,47	6,24
500— 600 »	11,48	6,27	10,58	4,70
600— 700 »	8,97	5,73	8,27	4,31
700— 800 »	8,21	6,05	8,55	5,13
800— 950 »	8,26	7,08	10,27	7,17
950—1.100 »	6,14	6,13	8,50	6,90
1.100—1.250 »	} 18,08	53,96	5,78	5,42
Выше 1.250 »			19,76	57,59
	100,00	100,00	100,00	100,00
I	20	6,5	20	5,8
II	20	9,0	20	8,2
III	20	11,9	20	11,8
IV	20	16,8	20	16,2
V	20	55,8	20	58,0
I—V	100	100,0	100	100,0

Графически эти данные распределения выразятся в следующей диаграмме (см. чертеж № 9 на след. стр.), обнаруживающей все большее и большее расхождение кривых распределения от линии равенства как в верхней, так и в нижней половинах населения ¹⁾.

¹⁾ Вполне понятно, что десятилетний период развития не достаточен еще для того, чтобы установить общую тенденцию распределения доходов той или иной страны. Так, наприм., новейшие данные подоходной статистики Баварии за 1900—1903 и 1908—1911 г.г., при применении метода Лоренца, приводят не к концентрации, а обнаруживают за этот период тенденцию скорее к диффузии (См. Zeitschrift des Kön. Bayerischen Statist. Bureaus. 33 Jahrg. 1901. № 3—4, München; 40. Jahrgang, 1908, № 4. München, стр. 553). Известно, что движение любого социально-экономического явления представляет волнообразную кривую, и, чтобы судить об общем направлении ее, необходимо наблюдение за продолжительный период времени.

Что касается кривой распределения доходов в Англии, то определение ее является делом довольно сложным при состоянии английской подоходной статистики. Главнейшее затруднение здесь—установление числа лиц и их доходов в таких группах населения, доходы которых ниже 160 ф. ст. в год, т.-е. ниже Existenzminimum'a. Эти данные могут быть получены лишь путем специальных учетов, а, между тем, построение кривой распределения доходов в стране, освещающей общую картину распределения и общую тенденцию последнего, требует наличности доходов именно всех групп населения, в том числе и самой беднейшей группы. Специальные учеты доходов страны и их

№ 9.

распределения между всем населением производились, как мы видели, в Соединенном Королевстве с 60-х годов, со времен *Леги* и *Бакстера*. Недостатком кривой распределения в данном случае будет являться то обстоятельство, что цифры, на основании которых будут строиться кривые, получены не однородным методом и разными авторами.

Однородным и более равноценным материалом для распределения в Англии является статистика подоходного обложения и то лишь по одной шедуле Д, где есть возможность сравнения по размерам доходов разных групп населения. Получаемая здесь кривая будет иметь, однако, специальное значение. Она

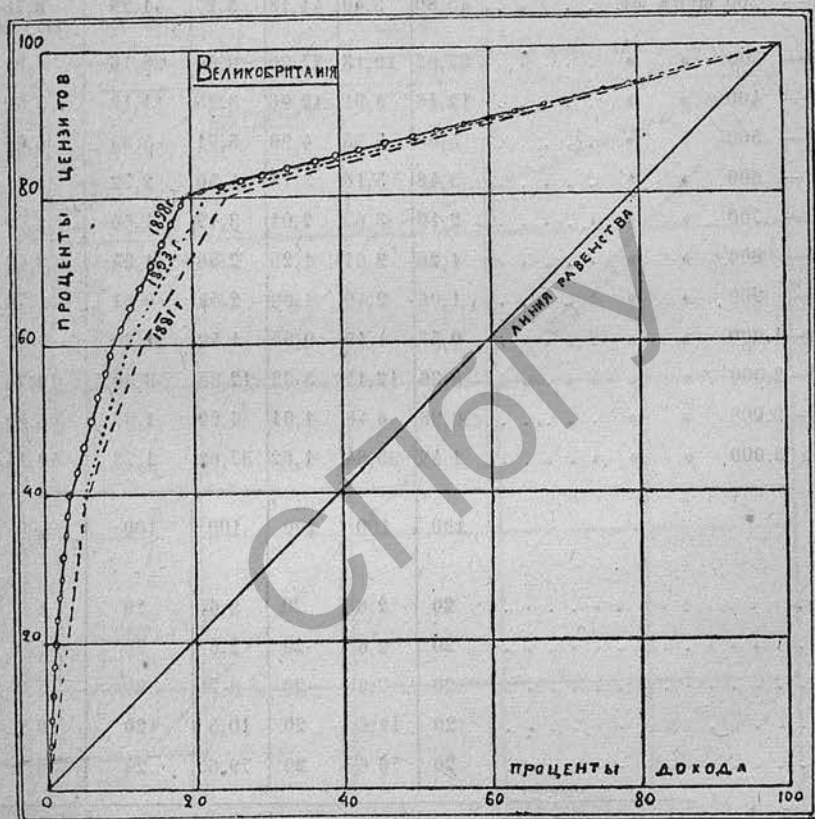
Таблица 37.

Группы населения с доходом.	Распределение доходов по пед. D в Великобритании.					
	1881 г.		1893 г.		1898 г.	
	Число лиц в ‰.	Доход в ‰.	Число лиц в ‰.	Доход в ‰.	Число лиц в ‰.	Доход в ‰.
150— 200 фунт. ст.	40,80	5,40	41,18	5,27	41,29 (160—200)	3,78 (160—200)
200— 300 » »	27,62	10,13	27,90	9,60	28,16	8,81
300— 400 » »	12,18	8,91	12,06	8,25	11,19	7,59
400— 500 » »	5,06	5,95	4,90	5,71	5,33	6,06
500— 600 » »	3,48	5,16	3,13	4,50	2,72	3,91
600— 700 » »	2,10	3,67	2,01	3,49	1,66	2,79
700— 800 » »	1,26	2,61	1,25	2,56	1,54	3,03
800— 900 » »	1,06	2,49	1,09	2,54	0,81	1,78
900—1.000 » »	0,57	1,19	0,55	1,42	1,20	3,03
1.000—2.000 » »	3,30	12,17	3,32	12,35	3,30	12,26
2.000—3.000 » »	0,98	6,48	1,01	6,69	1,07	6,82
Выше 3.000 » »	1,49	35,84	1,62	37,62	1,73	40,14
I	100	100	100	100	100	100
II	20	2,6	20	2,6	20	1,9
III	20	2,6	20	2,6	20	1,9
IV	20	7,2	20	6,7	20	5,9
V	20	11,6	20	10,5	20	10,1
I — V	20	76,6	20	79,6	20	80,2
I — V	100	100	100	100	100	100

не будет иметь характера общего, рисовать картину распределения доходов всего населения. Такая кривая может представлять нам движение распределения только среди имущих, только среди средних и богатых классов. Установление этой кривой в целях нашей проблемы имеет во всяком случае немаловажное значение, ибо если в стране совершается процесс концентрации доходов, то он отразится прежде всего и, может быть, даже главным образом в движении и перемещении доходов средних и высших групп: концентрация

неизбежно вызовет сгущение массы доходов в немногих пунктах среди богатых групп и некоторое, относительное, если не абсолютное сокращение доходов средних классов. На этом положении создавалась, как известно, проблема средних классов, неправильно понимаемая, однако, больше в смысле количественного сокращения, или «исчезновения» средних классов, или же, наоборот—возникновения и нарастания некоторых групп «нового среднего класса», и меньше—в смысле более точном по существу: именно, в смысле изменений в относительном распределении доходов между соответствующими группами населения. Мы уже видели попытки установить факт «диффузии» богатства

№ 10.

по данным шедулы Д английской подоходной статистики. Такие попытки делались, напр., Гошеном и Гиффеном; но приемы и методы последних не могли способствовать истинному выяснению действительности. С точки зрения метода Лоренца, является возможность проверки выводов Гошена о тенденциях в перемещении доходов, в пределах более обеспеченной части общества, т.е. между средними и богатыми классами, что будет служить нам иллюстрацией все для одного и того же нашего тезиса—закона растущей неравномерности в современных капиталистических обществах.

Для учета распределения английских доходов по шедуле Д и определения кривой движения этих доходов мы можем обратиться к специальному исследованию по этому предмету, сделанному Эрнстом Гунке в 1904 г.¹⁾ Гунке делает приблизительный, но тщательный подсчет числа цензитов и их доходов по размерам последних, начиная с беднейшей группы, подлежащей обложению, и кончая самыми крупными доходами. Свои данные Гунке разбивает на две отдельных группы: одна группа обнимает цензитов с доходами от 150 ф. ст. и относится к 1881 и 1893 годам, другая—с измененным Existenzminimum'ом (вместо 150 ф. ст.—160 ф. ст.) и относится к 1895 и 1898 г.г.

Располагая эти данные Гунке в порядке, годном для определения кривой распределения по системе Лоренца, и соответственно перерабатывая их, мы получаем следующую таблицу для Великобритании, показывающую изменение в распределении доходов по шедуле Д (торговля и промышленность), за 1881—1898 годы (см. табл. 37 на стр. 269).

Эти данные таблицы графически выразятся в следующего вида диаграмме (см. черт. № 10 на стр. 270):

Диаграмма показывает на все растущее и растущее удаление кривых распределения от линии равенства, т.е. на определенно выраженную тенденцию к неравномерности доходов по шедуле Д.

На приведенных примерах мы видим, что применение правильного метода определения кривых распределения доходов всюду обнаруживает присущую капиталистическому хозяйству тенденцию к росту неравномерности распределения, концентрации доходов. Последняя же тенденция, как мы уже говорили, раскрывает нам факт расхождения двух противоположных составных элементов общества: низших классов и богатых, или, иначе говоря, групп населения, живущих на заработанный и на незаработанный доход. Этот факт стоит в непосредственной связи с установленным выше законом падения доли рабочих в общественном доходе, или социальном дивиденде. Мы можем сказать поэтому, что последний закон находит себе подтверждение как в дедуктивно-теоретических положениях, так и в индуктивных данных непосредственного учета социальных долей и статистики распределения.

Подтверждаемый со всех сторон закон падения доли рабочих в общественном доходе является важнейшим элементом учения о доле рабочих. Социально-политическое значение этого закона громадно. Он раскрывает важнейшие стороны развития отношений между трудом и капиталом, составляя центральный пункт, основное ядро так. наз. «социального вопроса». Последний лежит, однако, уже вне сферы нашей ближайшей задачи, которая состояла лишь в том, чтобы вскрыть распределительную сторону проблемы заработной платы и с этой точки зрения осветить одну из важнейших теоретических проблем в современной политической экономии, родившуюся вместе с капитализмом и социализмом, но и до сих пор не окончательно сложившуюся: мы говорим о проблеме доли рабочих в социальном дивиденде.

¹⁾ Ernst Hüncke. Die Entwicklung von Einkommensteuer und Einkommen in England in den letzten zwanzig Jahren. Inaugural-Dissertation. Stuttgart. 1904, стр. 42, 43.

СПИСОК

цитируемых и упоминаемых в тексте авторов

(Числа обозначают страницы)

- Адлер — 68.
 Айрисон — 170, 171.
 Аммон О. — 173.
 Анфантен — 75—76, 78.
 Бакстер — 142—145, 148, 155, 160, 161, 163, 167, 173, 177, 182, 194, 268.
 Балю.
 Бальфур — 150.
 Бастиа — 117—119, 120, 121, 123, 127, 139.
 Бёмерт — 173, 179, 180, 183—184, 198, 224—225.
 Бём-Баверк — 32, 10, 118.
 Бернацкий — 117—118.
 Бернгард — 8, 3.
 Бернштейн Э. — 22.
 Бессон — 202.
 Бодио — 202, 246.
 Борегар — 24.
 Борткевич — 249—250.
 Боули — 148, 153, 155, 159—160—161, 162, 168, 172—173, 194, 234, 250, 259, 261—262, 266.
 Брешани — 218—220, 223.
 Бресси — 150.
 Брей Дж. Ф. — 73.
 Бала-Фельдес.
 Бюхлер — 86—87.
 Бюхлер — 173.
 Вагнер — 9, 10, 33, 34, 93, 179, 185, 196—198, 211, 224—225, 265, 266.
 Ваннак.
 Вебер Фр. Б. — 37, 110.
 Видаль — 76—78, 83—84.
 Винкельблех-Марло — 25.
 Воблий — 260.
 Вольф Ю. — 139—140, 173, 211, 215—223.
 Вуд — 159.
 Гейль — 173—224.
 Гельд — 116.
 Гельферих — 88—89.
 Герман — 10, 38.
 Гиффен — 134, 145, 150—159, 160, 161, 163, 168, 170, 173, 191, 194—195, 215, 270.
 Годвин — 59—60, 64.
 Гошен — 150, 156, 157—158, 210—211, 270.
 Грей Джон — 68—69, 70, 72, 3.
 Грей Чарльз — 64.
 Гут — 38.
 Гунке — 173, 208, 210, 220, 223, 226—227, 229—230, 234—238, 271.
 Гьюйо-Ив. — 138.
 Джонс — 150.
 Джордж Генри — 4, 96—98, 121—122.
 Дитерици — 176.
 Дитцель — 14, 91—92.
 Дмитриев В. — 22.
 Люпен — 191.
 Дюринг Е. — 17.
 Дэвенпорт — 39—40, 47.
 Жюгляр — 202.
 Зальц — 51.
 Замтер — 173.
 Зётбер — 173, 174, 177—180, 183—184, 191, 198, 224, 239—242, 246, 262, 264.
 Зингер — 218.
 Зомбарт — 218.
 Инама-Стэрнег — 202.
 Или, проф. — 211—214, 216, 257.
 Найльо.
 Карвер — 27, 118.
 Каутский — 22.
 Кауфман И. И. — 18—19.
 Менэ — 54—55.
 Кизер — 195, 239, 242—244.

Кинг — 140, 195.
 Кларк — 11, 15, 20, 29, 32, 35,
 48—49, 85, 88—89, 118.
 Колльман — 191.
 Кольюн — 70, 140—141.
 Коммонс — 12.
 Коморжинский — 35.
 Консидеран — 76.
 Кост — 194, 200—206.
 Корнелиссен — 55.
 Краус — 37.
 Круг Л. — 174—176.
 Курсейль Сенейль — 12.
 Кучинский — 182.
 Кэннан — 16, 27, 29, 32, 38, 58.
 Кэри — 117, 120, 121, 127, 139.
 Ласпейрес — 173.
 Лассаль — 3, 22, 26.
 Леви — 137, 141, 142—145, 147—148,
 155, 160—161, 163, 169, 173, 177,
 182, 194, 268.
 Лексис — 48.
 Леруа-Болье — 139, 201—202, 211, 249.
 Лер — 10.
 Леш Г. — 174.
 Ливерпуль — 141.
 Лойсон — 12.
 Локк — 55.
 Лорд Дж. — 134.
 Лоренц — 214, 220—223, 227, 229,
 233—234, 238, 251—255, 257, 259,
 262, 267, 270—271.
 Лотц — 25, 110.
 Ливернь и Анри — 199, 206.
 Май — 173, 179, 182—191, 197.
 Майо-Смит — 161.
 Маколей — 92.
 Мак-Келлох — 110.
 Мальтус — 91.
 Маркс — 3—4, 16—18, 20—22, 26, 29,
 31, 32, 35, 38, 44, 48—49, 52, 65,
 66, 76, 96, 98—106, 108—110, 114—
 115, 123—124, 125, 126—127, 171—
 172.
 Маршалл — 11, 15, 34, 40, 150.
 Мейер Роб. — 35, 38, 173, 218, 224,
 229.
 Мельхолл — 138, 168.
 Менгер А. — 10, 65, 73, 92.
 Мессанс — 55.
 Милль Д. С. — 11, 13, 115, 123.
 Митгоф — 10, 37.
 Михаэлис — 178.
 Мур Г. — 26.
 Мэллок — 170, 171, 172.
 Нейман-Спалларт — 202.
 Нейман Фр. — 50.
 Никольсон — 11, 137, 150.
 Ничке — 173, 179—180, 182—185, 191,
 198, 224, 234—237.

Норт — 125.
 Нэккер — 55.
 Суэн — 65.
 Панталеони — 202, 246.
 Парето — 246—252.
 Пекэр — 76, 78, 81, 83.
 Петражицкий — 38.
 Петти — 54.
 Питт — 64.
 Плеханов — 112.
 Портер — 151.
 Прудон — 4, 65, 75—76, 78—81, 91—92.
 Пьерсторф — 173.
 Рау — 38.
 Рёсслер — 35.
 Рикардо — 3, 20—22, 30, 35, 49, 58,
 65, 72, 76—77, 79, 85—86, 88, 91,
 92, 94, 100, 105, 110, 113, 114, 116,
 123.
 Родбертус — 4, 20, 22, 25, 35, 48, 52,
 65, 76—77, 84, 91—96, 110, 139.
 Роджерс — 53, 150.
 Рошер — 116—117.
 Рюмелин — 35, 173, 174, 191.
 Сен-Симон — 75, 78.
 Сиджвик — 11, 13.
 Симиан — 138.
 Симмонс — 151, 215—216.
 Симонди — 76—77, 78, 84.
 Смит А. — 3—4, 15, 22, 27, 30, 35,
 37, 53—55, 64, 65, 76, 80, 84, 86,
 88, 91.
 Смит Джемс — 30.
 Струве — 18, 23.
 Стафен — 153.
 Са — 11, 13, 95, 123.
 Тиссеран — 202.
 Томпсон Вильям — 3, 65—72, 76—77,
 Туган-Барановский — 3, 7, 8, 9, 22,
 112—113, 129.
 Тюнен — 85—91, 110.
 Тюрнан — 199, 202.
 Тюрго — 55.
 Уоллес — 59.
 Уоткинс — 26, 214, 234, 252, 255—258.
 Уэбб С. — 30.
 Фелльнер — 35.
 Филиппи — 173.
 Фишер — 34, 40—42, 46—47.
 Флершейм — 27.
 Фовиль — 200—202, 204, 246, 249.
 Фурнье де Флэ — 202.
 Фурье — 75.
 Фэттер — 13.
 Ходжскин — 4, 68, 70—72, 110, 113—
 114.

Холл — 49, 60—65, 68—69, 72, 85,
110, 113—114..
Холмс Дж. — 231—234.

Цвидинек фон-Зюденгорст — 9, 87.

Чернышевский — 112, 123.
Чиоза Мони — 162—163, 165—167,
168, 169, 170, 173, 194.

Шайльи — 173.
Шаль — 35.
Шапошников — 88.
Шатлэн — 207.
Швабе — 152.
Шербюлье. — 25
Шиппель — 151, 173, 229.

Шторх — 37.
Шульце-Геве́рниц — 114, 211.
Шумпетер — 10, 48.
Шмоллер — 10, 38, 173, 179, 186,
190—198.
Штольцман — 3.

Зверт — 173, 218, 220, 226, 234—236,
237.
Эдмондс — 73.
Эйленбург — 9.
Эллисон — 134.
Эллиот — 133—134, 136.
Энгельс — 18, 22, 65, 173.

Юнгст — 137.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие ко второму изданию.	3
Предисловие к первому изданию.	4

Глава первая. Заработная плата и распределение.

I. Неопределенность постановки проблемы заработной платы и распределения в современной экономике. Недостаточно резкое расчленение производственной, меновой и распределительной проблемы в учении о доходе. II. Неопределенность понятия распределения в традиционной экономике (Д. Коммонс, Лойсон, Курсейль, Сенейль, Франк Феттер, Генри Сиджвик). Индивидуальный и социальный моменты в проблеме распределения. Проф. Кэннан о псевдо-распределении. Отношение Маркса к вопросам распределения. III. Распределение, как социальная категория. Учение о долях общественного дохода, как проблема отношений. Определяющая роль доли рабочих и важное значение проблемы заработной платы в общей проблеме распределения. IV. Социальные предпосылки проблемы распределения. Общественно-хозяйственные и вне-хозяйственные моменты распределения. Проблема распределения и социальный вопрос богатства и бедности. Идея относительной бедности.	7—28
---	------

Глава вторая. Социальный дивиденд, как объект распределения.

I. Общественный ли продукт подлежит распределению или же общественный доход? Средства производства в процессе раздела. Социальный дивиденд и его характерные черты, как объекта распределения. II. Является ли составною частью социального дивиденда ценностный фонд, идущий на цели накопления? Дэвенпорт, Эдвин Кэннан, Ирвинг Фишер. Социальный дивиденд, как потенциально-потребительный фонд. Двухчленная формула раздела (Маркс и Кларк).	29—49
--	-------

Глава третья. Учение о заработной плате, как доле рабочих в общественном доходе. Ранние английские социалисты.

I. Социальные основы возникновения учения о заработной плате. Производственная, меновая и распределительная проблемы в учении о заработной плате. Проблема отношений в учении о заработной плате. Три момента в развитии учений о заработной плате. II. Два различных направления в развитии учений о заработной плате после промышленной революции; индивидуалистические и социальные теории. III. Учение о доле рабочих у английских социалистов первой четверти XIX века. Вильям Годвин, Чарльз Холл, Вильям Томпсон, Джон Грей, Томас Ходжкин.	50—73
--	-------

Глава четвертая. Учение о доле рабочих у французских и немецких социалистов.

I. Сисмонди, Анфантен. II. Прудон, Пекар и Видаль. III. Иоганн Генрих фон Тюнен. IV. Родбертус-Ягцов. V. Учение о доле рабочих у американских социалистов (Генри Джордж). VI. К. Маркс. Учение	
--	--

Маркса о взаимоотношении долей и о доле рабочих в общественном доходе. 74—106

Глава пятая. Закон обратной зависимости между долями общественного дохода.

I. Статика и динамика в учении о доле рабочих. Содержание статической и динамической проблемы заработной платы, как доли рабочих в общественном доходе. II. Закон обратной зависимости в формулировке ранних английских социалистов (Чарльз Холл и др.) и у Рикардо. Предпосылка двухчленного раздела. Недоразумения, связанные с идеей обратной зависимости. Доля в «доходе» и доля в «продукте». Возражения М. И. Туган-Барановского. Возражения, основанные на отрицании или игнорировании идеи отношений. III. Возражения «гармонистов» школы Сэ-Бастиа. «Великий закон» Бастиа-Кэри. Несостоятельность аргументаций «гармонистов». Н. Г. Чернышевский о законе обратной зависимости. IV. Изменение отношения между постоянным капиталом и переменным. Данные американских цензов и массачузетского бюро труда. Отношения между составными частями капитала и его изменения. Изменение органического строения капитала. V. Растет ли доля рабочих в общественном продукте? Данные Соединенных Штатов Америки и штата Массачузетс. Cost of production в Англии. Census of Production. Доля немецких угольных в ценности произведенного продукта. Симиан о доле французских угольных в ценности продукта. 107—138

Глава шестая. Закон падения доли рабочих в общественном доходе.

Основной путь к установлению изменения доли рабочих с общественным прогрессом: I. Учет национального дохода и его долей в Англии. Г. Кинг, Колькюн и др. Леон Леви и Р. Д. Бакстер. Гиффен и Гошен. Боули. Чиоза Монти. Айрисон и Мэллок. II. Учет национального дохода и распределение его в Германии и Франции. Леопольд Круг и Дитеричи; Зетбер и Вильгельм Вемерт; Курт Ничке и Рафаэль Май; Шмоллер и Вагнер. Доля масс германского населения в общем росте национального богатства. Фовиль и Кост о французском национальном доходе и его распределении. Лявернь и Анри. Шатлан. 139—207

Глава седьмая. Кривая распределения общественных доходов и методы ее определения.

I. Значение подоходной статистики в вопросе о развитии социальных долей. Необходимость научного метода при определении кривой распределения. II. Метод «процентного прироста классов» (Гошен, Вагнер и др.). Недостатки этого метода (проф. Или). III. Проф. Юлиус Вольф и его метод определения кривой доходов. Критики и сторонники метода Вольфа. Константин Брешани и Лоренц. IV. Метод «процентного распределения состава и прироста» и его недостатки. V. Метод сравнения двух половин. VI. Метод медианов Холмса. Формула дисперсии Боули. VII. Метод определения кривой распределения на основе движения населения. Ничке и Гунке. VIII. Метод учета среднего дохода на голову. Зетбер и Кизер. IX. Закон распределения Вильфредо Парето. X. Метод отношений Лоренца и Уоркина.—Общая оценка современных методов определения кривой распределения. XI. Основные тенденции в развитии распределения доходов современных обществ. Рост концентрации доходов и неравенства в распределении. Доля богатых классов и доля масс. Рост неравенства распределения в Пруссии, Саксонии и Соединенном Королевстве. 208—271

Список цитируемых и упоминаемых в тексте авторов. 272—274

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

- Солицев, С. И. Рабочие бюджеты в связи с теорией обеднения. Стр. 96. Ц. 85 к.
- Любимов, Лев. Курс политической экономии. Том I. Вып. I. Теория трудовой стоимости. Марксова теория прибавочной стоимости. Теория цены производства. Экскурсы. Изд. 3-е, значит. дополненное. Стр. 388. Ц. 1 р. 50 к.
- Маркс, К. Капитал. В общедоступной обработке Ю. Борхардта. Перев. с немецк. С. А. Алексеева. Стр. 432. Ц. 1 р. 50 к.
- Мендельсон, А. Материалы к изучению ценообразующих факторов. (Движение цен на ситец в 1914—1922 году). С приложением таблиц и диаграмм. Стр. 91. Ц. 1 р. 25 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 2-22-24.
ЛЕНИНГРАД, Моховая, 36.

Армавир, Первомайская, 54 (Фил. Ростовск. н-Д. отд.); Астрахань (Фил. Саратовск. отд.); Баку, пл. Карла Маркса, 10; Батум, ул. III Интернационала, 12; Винница, проспект Ленина, 44 (Фил. Киевского отд.); Владивосток, Ленинская, 37; Владикавказ, Пролетарский проспект, 38 (Фил. Ростовск. отд.); Вологда, площадь Свободы; Воронеж, проспект Революции, 1-й дом Совета; Вышний-Волочок, проспект Ленина (Фил. Тверск. отд.); Вязьма (Фил. Смоленск. отд.); Грозный, проспект Революции, 11 (Фил. Ростовск. отд.); Екатеринослав, просп. К. Маркса, 57 (Фил. Харьковск. отд.); Зиновьевск (б. Елизаветград), ул. Ленина, 34 (Фил. Одесск. отд.); Казань, Гостинодворская, Гостиный двор; Киев, улица Воровского, 38; Кисловодск, улица Карла Маркса, 7 (Фил. Ростовск. отд.); Кострома, Советская, 11. Краснодар, Красная, 35. Н.-Новгород, В. Покровка, 12; Новороссийск, ул. Советов, 35 (Фил. Краснодарск. отд.); Одесса, улица Лассаля, 27; Пермь, улица Карла Маркса, 17 (Фил. Свердловск. отд.); Пенза, Интернациональная, 39/43; Пятигорск, Советский проспект, 36 (Фил. Ростовск. отд.); Рославль (Фил. Смоленск. отд.); Ростов-на-Дону, ул. Советская, 38; Саратов, улица Республики, 30/42; Смоленск, В. Советская, 12; Сталинград, ул. Советская, 12; Таганрог, ул. Ленина, 56; Тбилиси, Интернациональная, 14; Тверь, Советская, 45; Уфа, Оптовый склад и контора—Сервиз, Розничный магазин, ул. 1 Мая, 6; Ярославль, ул. Советская, 1 (Фил. Ростовск. отд.); Ярославль, ул. Советская, 1 (Фил. Смоленск. отд.).

Во всех городах:—Росгосиздат.

00053398

ЮФ СПБГУ

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4) высылает любую книгу НЕМЕДЛЕННО по получении заказа наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатна. КАТАЛОГИ и БЮЛЛЕТЕНИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО по ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ.